

Виктор Троицкий

ТРОПА И ПУТЬ
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ

Вып. 3

Москва

«ПЕРО»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т70

Троицкий В.П.

Т 70 Тропа и Путь. Из жизни людей и идей. Вып. 3. – М.: «ПЕРО»,
2020. – 310 с.

ISBN 978-5-00171-395-1

Читателю предлагается попытка изложения в странном (или просто смешанном) жанре: отчасти это мемуары, отчасти научная публикация, отчасти философский дневник. Может быть, лучше было бы назвать так: в поисках утраченного времени. Стало быть, делается попытка представить время жизни военного инженера-программиста, его близких и друзей в период создания и эксплуатации сложных технических систем оборонного назначения.

Большая часть книги занята продолжением публикаций философических «Опытов» (1986–1988) и дневника чтения, «Чтиво» (1992–1998).

*На обложке воспроизведена одна из ипостасей Тропы
(октябрь 2018 года).*

Экз. №

ISBN 978-5-00171-395-1

© Троицкий В.П., 2020

ТРОПА И ПУТЬ. ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ

I. Наш хронотоп.....	Вып. 1
<i>Опот.1.</i> Точка на карте	Вып. 1
<i>Опот.2.</i> Тропа.....	Вып. 1
... <i>Опот.3.</i> Хронотоп.....	Вып. 1
II. Думать и делать.....	Вып. 1
<i>Опот.4.</i> Имена профессии.....	Вып. 1
<i>Опот.5.</i> Интенциональность	Вып. 1
<i>Опот.6.</i> Наша Ада	Вып. 1
III. Информация и время.....	Вып. 2
<i>Опот.7.</i> Количество информации	Вып. 2
<i>Опот.8.</i> Что такое время?.....	Вып. 2
<i>Опот.9.</i> Машина времени.....	Вып. 2
IV. Форма числа	Вып. 2
<i>Опот.10.</i> Китайская теорема и СОК.....	Вып. 2
<i>Опот.11.</i> Число как форма	Вып. 2
<i>Опот.12.</i> Великие НЕ математики	Вып. 2
Симфоническая личность	008
V. Символизм	013
<i>Опот.13.</i> Проблема символа	018
<i>Опот.14.</i> Символы бесконечности	027
<i>Опот.15.</i> Символариум	037
VI. Сложные системы	044
<i>Опот.16.</i> Множества и системы	049
<i>Опот.17.</i> Двойственные эвристики	056
<i>Опот.18.</i> Морфизмы и модели.....	063
VII. Русская философия	Вып. 4
<i>Опот.19.</i> Вопросование	Вып. 4
<i>Опот.20.</i> Имяславие	Вып. 4
<i>Опот.21.</i> Путь	Вып. 4

Приложение 1. Статьи и публикации	071
Письмо Н.Н. Лузина В.И. Вернадскому (1938)	071
Запись С.М. Половинкина на выступлении А.Ф. Лосева (1983)	073
Диалог со сложными техническими системами (отрывки) (1996)	077
Гипотеза о типах бесконечности (2002).....	082
К реконструкции одного философского диалога (2013)	092
Приложение 2. Рукописи, дневники, письма	100
Письма А.Ф. Лосева и А.А. Тахо-Годи (1977, 1983, 1996)	100
Письмо Ю.М. Лотману (1979)	105
Письмо Ю.М. Лотмана (1979)	107
Общее собрание (1997)	109
Письмо В.В. Емельянову (2009)	113
«И ты получишь желанную свободу...» (2019).....	117
Опыты: продолжение (1986–1988).....	120
Незримое имя	120
Филонов	123
Слова и дела	123
Необходимое противоречие	127
Слова-звёзды.....	128
Если поминать Лютера	129
Линия	130
Помыслы в скромных тонах	136
По следу Эфесца.....	139
Некто именем Афанасий	146
Мир сокрыт, или Еще вослед Гераклиту.....	148
Звезда Лобачевского	150
Сколько было Пифагоров?	155
Звезда-гора	159
«Река времечечения»	160
Откуда тревога и движенье («Котлован» Андрея Платонова).....	163
Натараджа	165
Перекресток двух прямых	166
Срок: Великий Октябрь.....	171
Восхождение на Иверскую	173
Только брызги Океана...	175
.....Думая о Валери (2016).....	179
Начало.....	180
Другая жизнь	183
Три вопроса (к Океану).....	184

«А вот то будет, что и нас не будет»	185
Когда Любичеву стало 98	186
Подлинный Дали.....	187
Горсть земли.....	188
Чтиво (апрель 1992 – декабрь 1998)	190
Месторождение бесконечности (2020).....	270
Архитектура ДВМ (2020).....	294
Комментарии к изображениям	303
Оглавление.....	309

... Нужно было очень спешить. Я не успевал, да так и не успел составить хотя бы малое предисловие-введение ко второму выпуску «Тропы». Прошло полгода. Вот уже настал черед третьего выпуска, и снова предисловие хотелось бы опустить. – Но уж нет! я все-таки *просто обязан* зафиксировать новые обстоятельства времени и места (очертить хронотоп), что ныне заставляют меня, пусть через силу, пусть даже вопреки этим самым обстоятельствам, – что подвигают на посильное продолжение «Тропы и пути». Итак, пробую осмотреться.

«Всё вокруг» здесь и теперь таково (*апрель 2020*). По той причине, что после смерти Тамары мои «функциональные системы» стали одна за другой шататься и ломаться, сижу у госпитального окна, то и дело поглядывая на колокольню Черниговского скита: чуть голову приподнять от листа бумаги. Вот и звоны донеслись. За колокольней, чуть дальше и по одной линии, точно знаю и вижу, золотится купол Троицкого храма, и рядом еще большая колокольня – там Обитель Преподобного. Теперь от моего окна (точка воображаемого центра) мысленно очерчиваю некие сферы сущего, несколько концентрических сфер или кругов. Ближний круг расположился в пределах хирургического отделения Сергиев-Посадского военного госпиталя, где приходится обитать со строгим запретом выходить не то чтобы на улицу, – за пределы отделения. Круг следующий – там соседushки дорогие, Леонтьев Константин да Розанов Василий, писатели откровенные и о сокровенном ведавшие, вместе и согласно почивают рядом с блаженным Филиппом (каждый год 5 февраля, в день памяти Василия Васильевича, мы с друзьями их навещаем; не был исключением и памятный день, плодотворно прожитый пару месяцев назад). Круг третий, как сказано, Преподобным Сергием очерчен, он и к моему конкретному роду, к моему большому племени нужное тепло подводит: Троицкие, русские... *Божие идет тихонько, незаметно, но прочно*, – святитель Феофан Затворник сказал (это Ирина Едошина то и дело присылает на мой смартфон всякие красивые «листочки», дабы болящего поддержать). Чуть далее круг – наше Пушкино, где родные дети и внуки обитают, сами в затворе чумном, обо мне ощутимо пекутся и тревожатся. Еще чуть далее – там Арбат, наша Библиотека и Музей (коллеги разошлись «на самоизоляцию»), и маленький ковчег, где «думают и помнят», где семья Тахо-Годи со всех сторон оборонилась от внешнего мира... А за Арбатом – Москва, Питер, Россия, мои Чернецкие и не только Чернецкие друзья, большой мир... вот Михаил Богатырев, из Парижа, только что прислал стихотворное обобщение текущего момента (на разгул covid-19), оно, в

оригинале, без знаков препинания и не без затрудненного дыхания (прочел на смартфоне только что):

*Выходы и входы запечатаны в реестры
Это – эшафот без похоронного оркестра
Где теперь рулады певчих птиц на пепелище
Попраны обряды и святое право нищих...*

Не хочу сказать, что вижу следующий круг всеобъемлющим – нет, скорее, ощущаю нечто висящее где-то у горизонта, или, может быть, над-, или, скорее, под-... словом, где-то там, вроде для нас, но не про нас, нависает пространство и время невидимой пандемии. Мировой страх.

А действительно над- и выше – поверх и прежде всего и вся – Страстная седмица идет. Ожидание Пасхи...

Я обещал Тамаре, что продолжу и завершу «Тропу» (был же момент, когда готов был всё – ко всем домовым! – забросить). И прошлой осенью она меня всячески на то подгоняла и понукала. Упомянутый II-ой выпуск привез к ней в клинику утром того именно дня, вечером которого она отошла ко Господу: тихо, по-христиански, всех простив и у всех прощения испросив. Теперь у меня нет такого важного стимула на творчество. Одно только обещание осталось. Вот и пишу, через силу, исполняя данное слово.

Стало быть, еще два выпуска «Тропы» надобно составить. Еще пора бы закончить перевод текстов из тетрадок в компьютер (пока больше внуки заняты этим, среди прочих и многих дел насущных), чтобы напечатать наш семейных цикл эссе «К 16-му-января-срочно». А также, думаю, подошло время чуточку разобраться с некоторыми (избранными) историко-символическими загадками мировой цивилизации – с полумесяцем под крестом на православных храмах, с бездонными «сосудами» культуры Триполье–Кукутень, с Кириковыми «поновлениями стихий». Все эти культурные феномены в разное время специально заказывались Тамарой:

– Раз не хочешь диссертации защищать, занялся бы этим...

Теперь уж точно (е.б.ж.) займусь.

Надо возвращаться, однако, на Тропу.

В январе, в пределах предыдущей ходки к эскулапам, всё никак не мог найти себе места – а дело неуклонно шло к 40 дням, – пока не написал первый куцый текст в память усопшей жены моей¹. В минималистском коде *Exempla*, мне пока еще доступном, сподобился.

Вот что получилось:

¹ Чуть ранее составила беглая запись «И ты получишь желанную свободу», о последних днях жизни Тамары, которую смогу воспроизвести здесь частично.

В Пушкинской больничке обретаясь и отходя от недавнего приступа безвоздушия (таки сломался) ровно посередине между днем кончины Тамары (4/XII) и всегда ожидаемым днем ее рождения (16/I), принялся извлекать и примерять плоды метафизики Льва Карсавина. Хотя поначалу просто хотел вспомнить его «Поэму о смерти», а заодно зачем-то оспорить (или забыть) всяческие «определения» и «хорошие слова» о жене моей, которым не было конца на недавнем поминальном вечере. Да и философский персонализм Карсавина всегда казался мне чутьчку избыточным. Вот и примерял и примерил его – как легло на сердце, – на себя и на мой «случай Тамары»:

*Я узнал тебя в дивной подробности,
И услышал. С той музыкой, с бременем
Ты ушла. Я обрёл тебя в дробности,
От меня отдаленною временем.*

*Так за что? Почему? Чьею волею?
– Одиному, владеть бы причиною
Или – паузой, такта два, долею
Меж рождением и кончиною.*

Тогда же сделал примерную прикидку того, что сейчас предстоит мне развернуть. Разворачиваться придется, вижу, как бы сразу в нескольких направлениях: во-первых и если быть последовательным, двигаясь в порядке прозаической «расшифровки» только что прозвучавшего стиха, во-вторых, обещая некоторое важное дополнение к образу Чернецкого хронотопа (как он был мне *дарован*), и, наконец, для завершения трудного дела введений и предварений, здесь и теперь, – пусть будет в-третьих.

СИМФОНИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ

Да, пока не исполню заданного от Тамары урока (и, получается, толчка от русской философии Серебряного века), не смогу двигаться дальше. Это выражение «симфоническая личность» – дефиниция из философского арсенала Л.П. Карсавина, – оно внедрилось в сознание как-то сразу и давно, но теперь принялось торчать занозою, как бы поперек моего повествования.

От Карсавинских идей попробую, в итоге, освободиться. Хотелось бы попросту забыть, прежде всего, основные интенции его жутко-деловой «Поэмы о смерти». Мол, «оттого и поётся, что тяжело»?! а мне не с руки ни петь, ни рифмовать, ни даже прозой (пусть и художественной) изъясняться. Пишу, как само ложится, как листья с дерев, по сроку, опадают. Абы как.

И только немного поразмышляю.

Еще больше хотелось – отталкиваясь от чуждой метафизической тверди – взять несколько иной тон, вспоминая тот знаменитый гимн любви (любви грешной) «*Noctes Petropolitanae*», потрясший меня когда-то. Питерский философ умудрился увидеть *как умершую* свою еще живую возлюбленную, вернее, любовницу; мне, в свой черед, достался труд возвращать к живым (увы, не воскрешать) только что умершую жену мою.

Наконец, то терминологическое новообразование, которое в широких рамках философской антропологии Карсавина было неплохо приспособлено для именования сверхличных, скорее даже общественных совокупностей (могу предположить, что Лев Платонович видел свою *симфоничность* где-то между *софийностью*, окрашенной женским началом, и *соборностью*, окрашенной началом церковным), сам термин хотелось бы прямо отдать для решающей характеристики отдельной и конкретной личности, мне на сорок пять лет совместной (воистину) жизни ниспосланной.

Дальше просятся к применению некоторые общекультурные и философские константы, но я вовсе не собираюсь затевать с их помощью обстоятельный трактат, дабы что-то кому-то доказывать и аргументировать. Константы только укажу и назову, и пусть они вместе, таким конспектом потрудятся для обрисовки естественного контекста моего размышления.

Диалектика целого и частей. Андрогинизм из Платонова «Пира». «Мы две две единого креста» Вяч. Иванова. Собор. Симфония.

Карсавин как историк-медиевист извлек ‘симфоническое’ из практики общественно-политической жизни Византии: вспоминается чаемая там симфония–согласие церковной и императорской властей, что провозглашена в новелле 6-й Юстиниана. А мне бы хотелось вернуться к исконному смыслу греческого слова, и оно *сугубо музыкальное*: именно, *συμφωνία* – созвучие, гармония, и только в переносном значении – согласие. Музыка ведь ближе к человеку и роднее, чем сила и власть. В музыке всегда есть целое, есть союз и система, потому *обобща* для всякого эллина равна музыкальному аккорду.

Ну, так вот: музыка – это человек. Следовательно, всякий наделенный индивидуальностью и несет, и бережет, и воплощает свою мелодию. Всякий, следовательно, есть *мелодическая* личность. Разумеется, немало людей многозвучных, о которых в подобной номинации можно было бы сказать: *полифоническая* личность. И есть, обязательно есть в нашей музыкально-антропологической «теории» еще и почетное место для *совершенных* полифонических личностей – личностей *симфонических*. Вот и вся теория.

Как раз проще и привычнее некуда сказать – и это высказывание, скорее в Карсавинском смысле, не раз прозвучало на недавних поминках, – что Тамара была «человеком общественным», личностью коллективистской,

коммунитарной (конечно, политическая партия здесь не при делах), была *общественной* личностью. С пионер-вожатской юности началась, даже раньше, с краеведческих походов школьных (вместе с незабвенным Алексеем Михайловичем Прокиным, которому всегда была верной помощницей) началась эта личность, потом, естественным образом, в преподавательской и музейно-экскурсионной деятельности продолжилась. И даже в конце, на самом доньшке этой обильной жизни, – после столь многочисленных концертов, театров, походов и странствий, организованных ею не только для собственной семьи (тут как бы само собой разумеется), но и для множества знакомых и коллег, – уже за полтора месяца до смерти своей, слабая, едва ноги переставляя: – Витя, проводи меня до автобуса...

она увлекла за собой в большую экскурсионную поездку знакомый «народ» из школ Пушкинского района и родного Музыкального колледжа – куда? зачем? К милой сердцу Лопасне, на свою родину, чтобы показать памятник дорогому Учителю, чтобы увидели друзья замечательную усадьбу Ланских, чтобы не спеша прошлись по дремлющим берегам Зачатья...

А ученики, а выпускники разных школ, а студенты, да за много лет взять? Все ж ее помнят и чтут. Вот сколько молодежи было на похоронах. Да, она была по настоящему ведущая за собой, была подлинный *παιδαγωγός*.

Но все-таки таковое «общественное», по большей части, есть сугубо профессиональное. Любой хороший педагог обязательно открыт к людям, обязательно «общественник». Сеять («разумное, доброе, вечное») и вести за собой («Кто любит меня – за мной!») – их общий лозунг и императив. И, конечно, жена моя умело (может быть, даже *инстинктивно* – натура была такая, природа души такая, *сердце такое*) следовала общему жизненному заданию, только чуточку ярче и непосредственной, без видимого напряжения, – ей это удавалось легче, чем многим коллегам и друзьям.

Однако широкоформатная, общественная сторона ‘симфонического’ не исчерпывает сущности существа по имени Тамара. Существа женского пола, у которого есть муж и дети. «Бог дал». И спрашивается, насколько она была симфонична в сокращенном, скажем, в малом формате, в обстоятельствах, предельно близких к семье, к себе, лично к личности?

– Это только я один знал и, со временем, оценил. Вернее, знали только мы двое. То было наше общее достояние. Выразиться еще конкретнее?

<...>² Тамара отнеслась философски или, дерзаю сказать, *симфонически* ко всем моим поискам и метаниям. Нет-нет, не пресловутая «житейская мудрость» была своевременно пушена в ход, или, по крайности, «полный пофигизм» сыграл какую-то роль, или интеллигентски-безразличное «мы обо всем договорились», – нет, это было выстраданное и заслуженное, длительным трудом души добытое чувство и отношение, именно симфоническое отношение.

Симфоническое как *понимание*.

Выражусь еще конкретнее, на образце наглядного символа. Здесь он, к примеру, будет скульптурный. Едва ли не в первые дни нашего знакомства я зачем-то рассказал Тамаре о своей мальчишеской любимице, великом творении Лоренцо Бартолини по имени *Смирение* (*Umiltà*). Да, пока учился в Царском Селе, частенько пропадал в Эрмитаже, там-то мы с нею и встретились. Сознаться надо, даже однажды попросил приятеля потихоньку сфотографировать нас двоих, и Рустам с готовностью и всерьез исполнил эту просьбу, потратив на поход в Эрмитаж драгоценное субботнее увольнение. Фотографию, к сожалению, не очень хорошего качества, я и рискнул предъявить при случае (и не без опаски) Тамаре. Она рассмеялась:

– Ну, в точности такую я тебе не обещаю, но попробовать можно...

² Здесь, по совету друзей, опускаю часть повествования: *Tempus curat omnia*.

Кто знает Тамару, тот и сам посмеется: это Томка-то и смирение?!

Да-да, оно, оно самое: *смирение*, которое предшествует *славе*.

Придет время, и в Питер, к тому беломраморному существу, бесценно ожидающему нас на площадке Парадной лестницы Эрмитажа, мы привезем наших девочек, а потом и детей их – по очереди представить друг другу.

Ей единственной, понявшей и принявшей мой, пусть архаичный и несвоевременный или даже, допустим, смешной идеализм и романтизм,

Тамаре, подлинно

симфонической личности,

посвящается этот труд.

впитанных еще в средней школе, – оставляла господ программистов где-то на поверхности простого ремесла, на уровне привычного жонглирования пусть и условными, но привычными обозначениями.

Суть символизации, смело могу сказать, никто по-настоящему не понимал. Толком не чувствовал ее и ваш покорный слуга (в.п.с.).

Правда, я еще не забыл своего удивления, оставшегося от недавних студенческих времен, после знакомства с операционным (операторным) исчислением *Хэвисайда*, столь полезным для решения задач электротехники и связи. Надо же: взять и просто обозначить сложную дифференциальную функцию одной буквой (оператором), и далее обращаться именно с этим значком как с алгебраической величиной. Или, еще хлеще: завести себе новую функцию, аргументом которой будет какой-нибудь оператор, а потом разлагать эту функцию в ряд по степеням оператора, – ну, и как, допустим, определить сходимость такого ряда, если здесь фигурируют не числа и не функции, а... *буквы*?! Или его ступенчатая функция, «функция включения», или нагло торчащая палка «импульсной функции» (позднее и совсем для другой области знания в ней признают δ -функцию Дирака) – сам себе решил, что они полезны для практических расчетов, сам как-то лихо обозначил и... пустил в оборот. Странная, какая-то волшебная сила вроде бы элементарного мыслительного акта (обозначения? именованья? переименования?) проглядывала в этих изобретениях великого инженера-мыслителя³.

К такому смутному и, отчасти, уже полузабытому настроению вскоре прибавилось новое удивление, тоже глубоко-искреннее. Оно произошло из хронологической точки в октябре 1974 года⁴, когда удалось приобрести

³ Между прочим, практически те же упражнения с математической символикой – причем раньше *О. Хэвисайда* – прodelьвались и в Отечестве нашем. Только *Н.В. Бугаев* использовал вместо операторов т.н. «скобки Бугаева», а вот *М.Е. Ващенко-Захарченко* так прямо и назвал свою магистерскую диссертацию 1862 года: «Символическое исчисление и приложение его к интегрированию линейных дифференциальных уравнений». Пофантазирую: прибавить бы к этой компании имен еще великого *Лейбница* (с его пионерскими именованиями для задач анализа) и написать бы веселую историю «Приключения символа d/dx ».

⁴ Можно указать даже точное время для «точки удивления»: 7.10.1974. Все 70-е годы имел привычку ставить на книгах владельческую подпись и дату покупки. С книгой же долго не расставался, даже брал ее с собой в отпуск, когда приезжал домой, на станцию Войбокало, дабы навестить матушку. Так однажды на свободной странице тома появилась моя карандашная запись с рецептом приготовления особого сдобного теста «от Елены Ивановны». С той поры в нашем

монографию С.К. Клини (Kleene) «Математическая логика» (М.: Мир, 1973). Недавно напечатанная, в переводе Юрия Гастева вышедшая (тогда еще не подозревал, сколь близким мне вскоре станет это имя), она прищлась ровно на тот момент, когда я интенсивно нащупывал свою дорогу в науке, см. запись «Из дневника» (13.12.1974) во втором выпуске «Тропы». Заодно припомним сформулированную там (согласуюсь, не очень удачно) триаду базовых смыслов *коды – информация – энтропия*, которая довольно быстро стала для меня триадой *знак – информация – время*, далее в конфигурации *пространство – информация – время* окончательно закрепившись. Как видим, «знаки» и «символы» тихо растворились в обширной области информатики, укрылись за пологом «информации».

А книга Клини удивила, собственно, не своим логико-математическим содержанием, – многое оттуда мне уже было, так или иначе, известно, – сколько, во-первых, каким-то благородным изяществом и первозданной, что ли, простотой и ясностью мысли, и, во-вторых, почти навязчивым методологическим лейтмотивом, где со скрытым, а где и с явным вдалбливанием в мозг читателя. То было предупреждение о немалых трудностях перевода «слов символами»⁵ и важнейшей роли именно «хорошей», *удобной* и *лаконичной* символики, необходимой для получения нового и достоверного знания.

Наконец, еще одно микро-событие следует тут назвать, ему даже особо посвящалась заметка в «Опытах», тоже, ввиду важности встречи, с точной фиксацией: 19.05.1974. Она получила заголовок «Знаки»⁶. Не скажу, что

домашнем обиходе (мерси Стефану Клини!) устойчиво циркулирует именование *пирог из логики*, – во многих отношениях точное и... логичное.

⁵ Целый параграф монографии, завершающий теорию доказательств с предикатами, назван здесь прехарактерно: «Применения к естественному языку; еще о переводе слов символами» (Клини С. Математическая логика. М.: Мир, 1973. С. 170). Заодно примечу еще, тоже про символы. Современный учебник по математической логике, выпущенный логиками петербургской школы (он несколько шире по содержанию, чем у Клини), назван очень справедливо: *Символическая логика* / Под ред. Я.А. Слинина, Э.Ф. Караваева, А.И. Мигунова. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2005. – 506 с. У меня, конечно, есть эта полезная книга.

⁶ Не откажу себе в удовольствии от полноценной ссылки: *Троицкий В.П.* Тропа и путь. Из жизни людей и идей. Вып. 2. М.: ПЕРО, 2019. С. 237–240. Замечу, что от размышлений о единичном графическом символе наш начинающий философ сразу же перешел к попытке построения некоторой системы, где этот знак

встреча с древнекитайским «диалектическим кружком», благодаря посредничеству популяризатора науки Мартина Гарднера, стала для меня судьбоносной. Но несколько оторопелое и подозрительно долгое созерцание «простого» значка – ведь всего-то круг, поделённый пополам S-образной линией, – будто заставило как-то очнуться и прозреть тайну. Нахлынувшие вскоре с разных сторон, все эти символы математические, символы словесно-художественные, символы графические (скажем, геометрические) так сложились в своем воздействии, столь синхронно зазвучали в общем хоре напоминаний о себе и о своём, что мне уже ничего не оставалось, как просто влюбиться в этот громадный и загадочный *мир символов*.

Кроме подобных, так скажем, эмпирических наблюдений и эмоций стала вскоре являться и серьезная наука. Важнейшую роль сыграли здесь статьи и книги, присылаемые мне Ю.А. Шрейдером, особенно его работы «Логика знаковых систем (элементы семиотики)» (1974) и «Семиотические основы информации» (1975). Прибавить надо и прямые указания Юлия Анатольевича на отечественные сборники «Семиотика и информатика», от ВИНТИ, и «Труды по знаковым системам», от Тартуского университета, вместе с ежегодниками «Symbolon», что издаются «за бугром» с 1960 года⁷. При очевидно безжалостном, но и, одновременно, жизнеутверждающем посыле от учителя: *за дальнейшим – идти туда!*

Еще две ценные книги вышли как раз в нужное время, сразу попав на мой письменный стол. Первой из них предстала совершенно неожиданная монография Вяч. Вс. Иванова «Очерки по истории семиотики в СССР»⁸

Ян&Инь вроде бы получал свое *естественное место*. К задаче построения *системы символов*, или Symbolarium'a мы в дальнейшем еще обратимся.

⁷ *Symbolon*'ы потихоньку просмотрел, томов шесть, но без особой пользы. Сейчас, к середине 2020 г., вышел Bd. 21. Между прочим, при Лотмане вышло 25 выпусков «Трудов» (почали с 1964 г.), и все – увлекательны! То же могу сказать и о «Семиотике и информатике» (изд. с 1971 г.), которая отметилась на сей час в 36 выпусках; первые 25 выпусков изучил тщательно, потом – эпизодом – разыскивал только вып. 33 (1993), ради одной публикации А.С. Есенина-Вольпина.

⁸ Очень вовремя (загодя) углядел эту книгу в темплане издательства «Наука» и, хорошо помню, буквально изнывал в ожидании, когда же придет заветная открытка. А когда извещение однажды появилось (ура!), не было совершенно никакой возможности выехать в Москву, дабы выкупить драгоценность в «Доме книги». Пришлось просить об услуге Лешу Иванченко, он был посвободнее, относительно чаще перемещаясь вовне нашего Чернецкого гарнизона. До сих пор благодарен: спасибо, дорогой коллега!

(1976). Она сразу обрушила на мою бедную голову буквально лавину неведомого... И не только русские имена исследователей символа и творцов символизма как-то прояснились и высветились – затеи Серебряного века плюс Пропп, Эйзенштейн, Бахтин, Флоренский⁹. Более ценной, пожалуй, представляла «древняя» составляющая «Очерков», где вещалось о ранних знаковых системах в культурах многих народов, и подчеркивалась важная роль «установителей имен» (*ономатетов*) у индо-европейцев. Феномен этих ономатетов меня особенно, помню, озадачил. А призраки или, допустим, извращения новомодного и в СССР, напомним, чуточку гонимого тогда структурализма не очень меня смущали. Что заметно удивило, правда, так это странное ощущение какого-то постоянного ускользания интересующего меня предмета – символа: без конца же говорится у Иванова о знаках, знаковых системах, знаковом искусстве и т.п., а символ если и появляется, то он тут же оборачивается «синонимом» знака, либо мимикрирует под всяческие «условные знаки-символы» (что в этом дефисе заложено, что за гибрид?!), да еще напоследок вдруг неожиданно сверкнет в чужой (для книги, для В.В. Иванова) речи П.А. Флоренского о всякой науке как «символическом описании»¹⁰. Всюду только знаки живут, и нет, вроде бы получается, нет у символа никакой полноценной реальности...

Вскоре пришла и другая нужная книга – Фердинанда де Соссюра «Труды по языкознанию» (М., 1977), а в ней знаменитый «Курс общей лингвистики» (1916), а в начале одного «Курса» – *языковой знак*, явно высоко поднятый на пьедестал науки, и ставшее уже классикой суждение о двух половинках целого, *означающем* и *означаемом* в знаке. Впрочем, тут же Соссюр и разочаровал (правда, немного): оказывается, лучше иметь дело именно со *знаком* и вовсе не приплетать *символ* к построению серьезной теории (а я-то, неуч и самоучка, столь почему-то разохотился до символов!). Иначе враз порушится главный принцип языкознания, создаваемого на (только что завоеванном) понимании знаковой природы языка – принцип *произвольности* знака. Пользоваться словом «символ», предупреждал де Соссюр, «не вполне удобно именно в силу нашего первого принципа. Символ

⁹ Кажется, о П.А. Флоренском я хоть что-то узнал именно из этой книги. Чуть позже заветное имя произнес для меня и Ю.А. Шрейдер. Полезно заметить, что о А.Ф. Лосеве как настоящем теоретике символа ни слова не сказали тогда ни Кома Иванов, ни Шрейдер. Историко-философская загадка? Или всё объясняется банально-просто: еще не настало тогда время «после перерыва» (С.С. Хоружий).

¹⁰ *Иванов В.В.* Очерки по истории семиотики в СССР. – М.: Наука, 1976. – С. 174 (и ранее), 271.

характеризуется тем, что он всегда не до конца произволен; он не вполне пуст, в нем есть рудимент естественной связи между означающим и означаемым. Символ справедливости, весы, нельзя заменить чем попало, например колесницей»¹¹. Только так, говорил великий лингвист, и надо строить интегральную «науку, изучающую жизнь знаков в рамках жизни общества; <...> мы назвали бы ее семиологией (от греч. *sēmeion* “знак”))»¹².

Итак, меня поманили, меня повлекло в семиологию (Ф. де Соссюр) или, вариация номинации, в семиотику (слово от Ч. Пирса), – неведомую, на моих глазах создаваемую (или только воображаемую?) науку, которая сознательно устремлена и хочет заняться знаками, знаками и знаками... Не случайно же на титулах первых выпусков «Трудов по знаковым системам» красовалось демонстративное: *Σημειωτική*.

– Отнюдь не *Συμβολική*.

Звали, но я не пошел. Образование получил не гуманитарное, – видимо, поэтому. Да и просвещался и образовывался, увы, больше «между дел».

Во всяком случае, так повелось с первого года Чернецкой жизни, что *проблему информации* я выбрал для науки, для ума, а изучение или, вернее, заинтересованное разглядывание *знаков и символов* (всех времен и у всех народов) стало больше занятием эстетическим, стало больше – для души, для сердца. Для культурного и духовного развития. Но довольно рано пришло и понимание, что не только я один маловато о символе знаю, что символ и символизм – это *действительно проблема*. Причем большая (и отнюдь не только терминологическая), причем широкая, причем, наконец, проблема историко-философская.

Итак, не миновать следующего поворота нашей «Тропы»:

Onomatodoxia – 13. Проблема символа. В Греции всё было и всё, конечно, есть. Потому из древней Эллады происходит и это понятие, вернее, слово... Нет, выражусь более цветасто: от великого океана древнегреческого языка занесло к нам (ветром истории попутным) драгоценную капельку логоса – слово *символ* (если кириллицей передавать), или *σύμβολον* (по-гречески), или *symbolum* (если латинской калькой). Слово, вещает ходовой словарь, живет в значениях «знак, примета, признак; знак, служивший доказательством союза гостеприимства, заключенного между двумя семействами, tessera hospitalitatis; марка, которую получали в Афинах

¹¹ Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1977. – С. 101.

¹² Там же. С. 54. Драгоценное место, где впервые вводится в оборот новая (в потенциале) наука, воспроизведу еще на языке оригинала: nous la pommerons *sémiologie* (du grec *sēmeion* “signe”), по парижскому изданию 1916 г.

заседавшие в суде и т.п.; знак отличия или сана; условный знак, пароль, сигнал; чувственный знак, символ; знамение, предзнаменование»¹³. Однако буквально вся античность или, по крайней мере, вся высокая классика фактически не признала за символом сколько-нибудь серьезного статуса, а само слово употреблялось крайне редко. Этот факт, заметим, прямо и аргументированно указан в работе А.А. Тахо-Годи, ученицы и наследницы Лосева¹⁴. Куда привольнее жилось в Греции слову σῆμα (или σημεῖον и производным от них) в том же значении «знак; признак; знамение; сигнал»¹⁵. Недаром у Гомера в шестой песне «Илиады», где явственно прописано использование распознавательных знаков, стоит σῆμα:

... В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки (σῆματα)

Много на дицице (τίνακα) складной начертав их, ему на погибель

(ΙΛΙΑΔΟΣ Ζ, 168–169, пер. Н.И. Гнедича).

Итак, выясняется, что «знак» от самых гомеровских времен захватил первенство, почти полностью вытеснив наш «символ». Он победил и, стало быть, вполне заслуженно внедрился повсюду, в том числе, проникнув в именованя наук о знаках и символах – семиотика и семиология.

А победил «знак» как слово (и термин), вероятно, потому, что греческий «символ» зародился в особых условиях, а в дальнейшем пребывал сугубо на птичьих правах, в качестве специфического, специально организованного «знака». Служил он, скажем так, в особом знаковом подразделении. Происхождение символа и даже его конструкция хорошо прослеживаются по облику соответствующего глагола действия: συμ-βάλλω – «сбрасывать в одно место; сливать, составлять, соединять; сшибать, сталкивать; сравнивать, сличать»¹⁶. Традиция и этимология *составления символов* – все, небось, ее знают! – в новое время многократно излагалась и толковалась. Но особо старательно она транслируется в каждом экземпляре современного периодического издания «Символ» (журнал христианской

¹³ Греческо-русский словарь, составленный А.Д. Вейсманом. Издание пятое. – СПб.: Издание автора, 1899 (репринт). – Стлб. 1176.

¹⁴ Тахо-Годи А.А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // Вопросы классической филологии. М., 1980. Вып. 7. Образ и слово. – С. 16–57. Эту важнейшую работу А.Ф. Лосев целиком включил в свою «Историю античной эстетики» (1994, том VIII, часть II), как главу «Семиотика. Термин “символ”», а затем А.А. Тахо-Годи поместила в совместный сборник: Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. – СПб.: Алетейя, 1999.

¹⁵ Удостоверяет тот же Вейсман: стлб. 1128.

¹⁶ Вейсман: стлб. 1175.

культуры при Славянской библиотеке в Париже, издается с 1979 года)¹⁷, на обороте которого всякий раз и на всякий случай напоминают: «В Древней Греции существовал обычай: друзья, расставаясь, брали какой-нибудь предмет (глиняную лампадку, статуэтку или навощенную дощечку с какой-либо надписью) и разламывали пополам. По прошествии многих лет эти они или же их потомки узнавали друг друга, убедившись, что обе части соединяются и образуют единое целое – *символ*» (поздняя редакция).

Итак, если *всякий знак* произволен и связь между означаемым и означающим устанавливается по конвенции, по договору, произвольно, условно (соглашаемся с Ф. де Соссюром), то *всякий символ* для древнего грека – это просто *сугубый знак*, это такой чрезвычайно конкретный, искусственно заготовленный знак, в котором требуемая условленность-произвольность максимальна: чтобы убедиться в этом, стоит только проследить за жестом договаривающихся сторон и оценить прихотливую линию разлома символа, второй раз – не воспроизводимую.

В символе изначально заложена *знаковость*. Таково было исходное его содержание, закрепленное материально, на бытовом уровне. Откуда же возьмется в символе – *символичность*¹⁸, с которой так свыкся современный человек? Или спросим словами А.А. Тахо-Годи: как же возникнет символ, «который лишен этой всем доступной наивности и связан в представлении каждого с чем-то загадочным, таинственным и даже мистическим»¹⁹?

Это произойдет в конце античности и случится скачком, революционно (кажется, можно даже говорить о *символической революции*), если угодно – как итог развития всей античной культуры и, одновременно, как ее прощальный привет. Этот скачок исполняют поздние (великие) неоплатоники Порфирий (ученик Плотина, основоположника неоплатонизма) и Прокл²⁰, занятые символическим толкованием «родимых мифов». Первое веское слово произнес Порфирий – в гипер-символическом комментарии «О пещере нимф», где толкуется гомеровское описание таинственного грота на Итаке, а Прокл завершил эту грандиозную философско-символическую работу, причем он не только «возвел символ на терминологическую высоту», но и

¹⁷ Доводилось дважды публиковаться в данном издании, в 1994 и 2008 гг.

¹⁸ Или чуть иначе: как же тогда появится содержание «чувственный знак, символ», в свое время обещанное Александром Давидовичем Вейсманом?

¹⁹ Тахо-Годи А.А. Термин «символ» в древнегреческой литературе // Тахо-Годи А.А., Лосев А.Ф. Греческая культура в мифах, символах и терминах. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 329.

²⁰ Там же. С. 342–361.

истолковал «символически буквально каждую строку платоновских сочинений»²¹. Как отмечал блестящий исследователь неоплатонизма Werner Beierwaltes, «символ» (σύμβολον) и «условленный знак» (σύνθημα)²² выступают у Прокла как указание на божественное и побуждают восходить к высшему началу²³.

Нам следует, пожалуй, прямо зафиксировать ту историческую точку, тот почти момент, в котором и состоялся *большой взрыв* символизма: таково примерно столетие, если считать от середины III в. (от DE ANTONINUM в Риме) до середины IV века (до ΠΡΟΚΛΟΣ ΔΙΔΑΧΟΣ ΕΙΣ ΤΟΝ ΤΙΜΑΙΟΝ ΠΛΑΤΩΝΟΣ в Афинах).

И что было потом, после этой – целое тысячелетие готовившейся и столь краткой – вспышки? Внезапно и действительно трудно родившись из лона умирающей античности, символ и далее существовал в европейской культуре с немалыми трудностями. Всё время где-то плутая и затериваясь в полутьме непонимания, он трудно входил в новую христианскую культуру. С самого начала – трудно и медленно.

Яркую иллюстрацию к тому несложно получить, если вспомнить известную формулу вероисповедания всех христиан, окончательно принятую на Четвертом Вселенском Соборе (451 г.), – тогда Прокл, певец символа, только закончил свой комментарий на «Тимей». Формулу мы привычно именуем «Символ веры». Именно символ! Казалось бы, иным словом и не обойтись, если нужно кратко выразить неизмеримые глубины сложнейших догматов, объединенных в этой формуле. Но вот читаем у пресвитера Руфина (ум. 410 г.), латинского писателя, как понималось это слово в ту именно пору (о. Руфин уверен, что первый «символ веры» составили еще апостолы): «... соединившись все вместе и исполнившись Духа Святаго, они сложили это краткое, говорю, указание себе своей будущей проповеди, *собрал* в нем все, что полагал каждый из них, и постановили сообщать его верующим, как правило (regulam). По многим и совершенно справедливым причинам, они решили также назвать его символом. В самом деле, греческое слово символ может означать и указание и сбор, то есть, то, что многими собрано в одно, а это именно и сделали апостолы, *собрал* в одно в изречениях символа то, что

²¹ Там же. С. 345, 352.

²² Вот прекрасный языковой аналог для «символа»! Только в «символе» части соединяются в пространстве, а в «синтеме» – больше, кажется, во времени. Синтема как термин скромно удерживается ныне в лингвистике и геохронологии.

²³ Beierwaltes W. Proklos. Grundzüge seiner Methaphysik. – Fr. am Main, 1965. – S. 328. В 2014 г. вышло третье издание этой монографии.

полагал каждый из них. Но его можно назвать и указанием или знаком, <...> посредством которого можно было бы узнать всякого, кто проповедует Христа истинно в пределах апостольского учения. Это бывает, говорят, и на войне, когда и вооружение, и язык, и нравы и воинские приемы воюющих сторон одинаковы; то в избежание коварного обмана каждый военачальник дает своим войскам определенные символы, по латыни называющиеся знаками, или указаниями, так что если бы случайно встретился в войске какой-нибудь сомнительный человек, то, спросив у него символ, сейчас можно было бы узнать, неприятель ли это, или свой»²⁴.

Как видим, «символ» предстает здесь вполне архаичным и наивным.

Профессор Н.И. Чельцов, правда, возразил по случаю: «... даже в четвертом столетии, ни вселенские соборы, ни все отцы и писатели греческой церкви, никогда не давали исповеданиям веры имени символов, обыкновенно называя символы *изложениями веры*, или *верою*, и только на западе, только у христиан, говоривших латинским языком, – например, уже у св. Амвросия Медиоланского, – в первый раз начинает теперь входить в употребление это греческое название»²⁵.

Осталось прибавить, что *изложение* или *исповедание* (веры) по-гречески звучит как *ὁμολογία*, гомология (еще один родственник «символа»), и остается снова констатировать: трудно и сложно являлся символ!

А Средние («темные») века и («высокое») Возрождение со всей их культурной мощью и духовными исканиями? Европа благополучно поживала под сенью отнюдь не символа, но метафор, эмблем и аллегорий (т.е. едва усложненного знака), а философы-теоретики так и вовсе были заняты знаком и только знаком²⁶. Символ в затуманенном и даже сознательно сокрываемом содержании культивировался преимущественно у ранних гностиков, потом у алхимиков, потом у масонов и прочих избранных мыслителей, для которых *μυστικός* символа пришлось ко двору. Символ в чистом своем виде стал ясныть только в Новое время, наверное, от Лейбница, немецкой классической философии и Канта начиная, да и то – у того же Лейбница (его принято считать едва ли не предтечей семиотики) не ощущается особого желания

²⁴ Чельцов Н. Древние формы символа веры православной церкви, или так называемые апостольские символы. – СПб.: В типографии Департамента Уделов, 1869. – С. 11–13. Здесь и далее курсивом слова выделял Н.И. Чельцов.

²⁵ Там же. С. 20.

²⁶ Нет времени и места входить здесь в подробности, см.: *Эко Умберто. От древа к лабиринту. Исторические исследования знака и интерпретации.* – М.: Академический проект, 2007. – 559 с. Показателен очерк «Об истории денотации».

строго различать знак и символ. И только почти вчера, едва ли не в наши дни вдруг выясняется, по мысли одного выдающегося немецкого неокантианца, что вообще всем лучшим в науке и культуре мы обязаны символу, и что само человек есть, именно, *animus symbolicus*. А еще новейшие поэты и писатели Европы и России рубежа XIX – XX веков (это время принято называть Серебряным веком) – они, оказывается, суть символисты, на что другой выдающийся мыслитель, русский неоплатоник, мог недовольно проворчать: «... лишь в порядке какого-то небывалого исторического затмения символизм приписывается только так называемым символистам конца XIX и начала XX века»²⁷.

– Кто возразит или скажет теперь, что символ – не проблема? #

Загвоздка символа, проблема символа (каковую, лишь отчасти, я попробовал живописать, заглядывая из нынешнего хронотопа в далекие времена античности) фактически и биографически стала толчком к той первой научной публикации, первой – в открытой печати, к статье «Семиотическое существование» (рукопись 1977–78)²⁸. Конечно, более правильное и точное название у нее должно бы быть другое: «Символическое существование», ибо я рассуждал здесь как раз о специфике, об онтологии именно символа. Придется сознаться: так подчинился (принял правила игры и – последовал) научной моде близоруко не различать *σημα* от *συμβολον*. И дело вовсе не в названии сборника «Семиотика и информатика», куда в итоге эта статья «подошла», – составлял текст, не ведая, где он будет печатан.

Да и в самом деле, попробуй только о реальности скажи *символическая*, и все сразу подумают и «вспомнят» об одном: да, это самое условное, эфемерное бытие²⁹. Подобно тому, как лишь одну рюмку водки или половину

²⁷ Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1976. – С. 169. В изд. 2014 г. (в «моём» издании) это место на стр. 172.

²⁸ Опубликовано в сб.: Семиотика и информатика. Вып. 11, 1979. – С. 52–65. Работа перепечатана в первом выпуске «Тропы» (там на стр. 53–63; удивительно – почти те же номера страничек оказались!).

²⁹ Снова скажу: теоретически, условны и произвольны – знаки, наполнены содержанием и скорее безусловны – символы. Но обыденное словоупотребление (за ним покорно плетутся многие ученые) всё ставит набекрень: скажи «знаковое событие» и все понимают – да, что-то очень важное и высокое... но только изречешь «чисто символическое», и сразу каждому понятен уничижительный и сужающий пафос высказывания. За источником этого глобального «перевертыша», который до сих пор нам аукается, милости прошу еще раз обратиться к рассуждению в *Onom. 13*.

оной выпить в хорошей компании – значит поступить чисто символически... Опять и опять: символическое ведь почти что не существует.

Как раз главное мне удалось и понять и зафиксировать печатно: символ есть самостоятельный (пусть и специфический) тип реальности.

А еще проблема символа привела меня тогдашнего – почти 45 лет назад – к *Алексею Федоровичу Лосеву* (10.09.1893–24.05.1988). Привела довольно быстро, но путём извилистым. Эту историю мне уже довелось однажды излагать в частном послании, довольно обстоятельном, к одному знакомому шумерологу из Питера. Проще всего воспроизвести то послание еще раз, см. в Приложении 2 «Письмо В.В. Емельянову».

На принятом уже (см. чуть выше) языке припоминания хороших книг, дружно приходящих в руки удачливому книгочею, мой «путь к Лосеву» описывается в два шага, т.е. за пару прочтенных и пережитых книг.

Для начала, надлежало раскрыть фантастику, чтиво для молодежи. Желательно – интеллектуальную или, как тогда хорошо называлось, научную (метаю камешки в сторону сегодняшних «фэнтези»). Взял почитать этакую книжицу в библиотеке ГОКа летом 1975 года. Автор – питерский писатель Геннадий Гор, сборник «Геометрический лес» (Л., 1975). Красивая книжка – что непрерывный гимн творчеству и символической (да-да!) реальности. Славословие человеческому гению, призванному управлять символами. И, среди прочего, прямое указание имен тех, кто больше всех преуспел в понимании *загадки символа*: именно, «в России – Флоренский и Лосев»³⁰.

О первом что-то слышал уже и раньше, потому сразу (когда нашлись оказии) ринулся в «Ленинку» изыскивать что-либо «флоренское». И не прогадал, много чего обрёл. А вот «лосевское» – до поры дожидалось.

Но не очень, правда, долго. Прошел примерно год постепенного моего поумнения. Осень 1976-го настала и принесла в мои руки работу А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство», только что вышедшую. Её-то я и ждал, как говорится, всю сознательную жизнь, эту книжицу в мягкой обложке и мудростью в каждой из 367 страниц... Спасибо, Геннадий Самуилович, за любовь неподдельную к проблеме символа и мудро (прозорливо) составленный перечень нужных имён!

Что ж, к «флоренским» исканиям надо прибавлять «лосевские». Еще год поумнения позади, и я решаюсь... да, написать Алексею Федоровичу

³⁰ Гор Г. Деревянная квитанция // Г. Гор. Геометрический лес. – Л., 1975. – С. 206. И тут же прибавлено: «в Германии – Кассирер, во Франции – Поль Валери». Довольно скоро мне стало понятно, что нужно еще, и по справедливости, причислять к тому: в Штатах – Чарльз Пирс, в Италии – Умберто Эко.

письмо (см. часть эпистолярия в Приложении 2). И всё получилось. И небольшая переписка с великим мыслителем шла почти десять лет.

Так ваш покорный слуга становился не просто доморощенным философом, но много конкретнее – «лосевцем». Несколько раз получал приглашения на выступления³¹ и публичные чествования Алексея Федоровича. Слушал и видел его, но подойти и очно представиться – не смог. Верно, товарищ Гор виноват... да, но я его только что поблагодарил...

– Диалектика!

Образцом житейской диалектики предлагаю засчитать мне обладание членским билетом Культурно-просветительского общества «Лосевские беседы». Он существует за номером 13. День его получения (среди прочих микро-событий, плотно в том отрезке жизни уложенных) был описан когда-то в дневнике, заметку «Общее собрание» теперь помещаю в Приложении 2. Стало быть, картонная четвертушка с маленькой фотографией и лаконичной надписью от руки, и это всё. Сей билет ни разу и нигде, конечно, не понадобился. Он существовал и существует *чисто символически*, да еще чуть было не утерял и своего материального статуса – почти сразу исчез среди моря бумаг и реликвий, посвященных Лосевским делам. Лишь недавно, вернее, намедни билет сей как-то сам (решив, небось, что нынче особо мне нужен?) взял и вынырнул – «ниоткуда с любовью, надцатого мартабря»...

[Пишу это 31 июля 2020; сейчас переключусь на скорый перекус, затем грядут неспешные нарезания кругов в ближайшем Пушкинском дендропарке,

³¹ Для примера, см. в Приложении 1 «Запись С.М. Половинкина на выступлении А.Ф. Лосева (1983)». В моих «Опытах» тоже остался след, в виде эссе «Факты и принципы», оно есть в первом выпуске «Тропы», с. 139–141, с довольно забавным рисунком вроде триггера, призванным выразить трудности гносеологии.

и с ними, традиционно, предстоит очередной отрезок «Тропы» мысленно проговаривать, т.е. оттаптыгивать]. Нет, «несчастливое число» принесло мне немало радостей и даже, чего уж стесняться, счастья – в деяниях научных и публикаторских ли, в «дарах и встречах жизненного пути»³² ли, за многие годы вокруг имени Лосева выстроенных, в новых идеях и вопросах ли неподъемных, которые на этом пути возникали и продолжают волновать... Число – хорошее. Нет у меня никакой *трискайдекафобии*³³.

Под сенью этого числа своеобразно закружилась (изящную траекторию очертила) и моя история с символом, вернее, с публикацией А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство». Полагаю, нужно было хорошо потрудиться над лосевскими книгами (ох, многими!), нужно было совершить немало архивных «подвигов» (Аза Алибековна всегда в шутку называла и называет мои деяния именно так, весело намекая на известные *двенадцать* подвигов Геракла³⁴ на службе у Еврисфея; тогда, по совокупности, мои «активности» не сойдут ли – за *тринадцатый?*), нужно было, одним словом, много чего усвоить и претерпеть, чтобы жизнь и судьба подарили эту редкостную возможность – участвовать в подготовке нового издания «Проблемы символа» (М.: Русский мир, 2014. – 736 с.). Поработать, с соблюдением авторской воли, по многочисленным архивным материалам и, конечно, с тщательной правкой и уточнениями архи-большой библиографии «вокруг символа». И спустя страшно посчитать сколько лет после первого чтения книги, совсем еще мальчишкой тогда.

– Разве это не счастье?

Для меня, конечно, философ Лосев много чего разъяснил относительно самой проблемы символа. Его логическая теория знака и символа, выраженная аксиоматически в книге 1976 (и 2014) года, представляется и сейчас безупречной. Из нее, вполне очевидно, вытекает вот такая картина

³² С благодарностью использую название книги очерков *Н.С. Арсеньева* (16.05.1888–18.12.1977), хорошего русского писателя, богослова и философа. Не без удовольствия и очень, думаю, впопад взял бы эту строчку в качестве подзаголовка к моей «Тропе и пути». Увы, место там уже занято.

³³ Добавляю, поскольку эта глава о символизме как-то сама выходит грекофильской, и строю шутейное «уравнение» моей планиды (в форме Бекуса):

$\Phi\text{I}\Lambda\text{I}\text{A} ::= \langle \text{TPEI}\Sigma \rangle \text{I} \langle \text{KA}\text{I} \rangle \text{I} \langle \text{DEKA} \rangle \text{I} \langle \text{FOBO}\Sigma \rangle.$

³⁴ Други мои, учившиеся в Царском Селе! Помните ли вы о давней коллективной обязанности, что тесно увязана с *нашим Гераклом*, Камероновой галереи стражем? Его недавно (16.06.2020) вернули на место после долгой научной реставрации. Небось, опять непорядок, снова он зеленый, где не надо...

расстановки главных, основных выразительных сил и средств человечества (буду очень краток, как и Лосев любил «сжимать» свои высказывания, нас тому научая), такой, думается, идейный арсенал всего символизма:

*знак – символ – миф*³⁵, или, точнее,

символ – как развернутый знак, миф – как развернутый символ, или, если понимать и раскрывать «развертывание»³⁶ как наращивание бесконечного количества смыслов и интерпретаций,

символ – как бесконечный знак, миф – как бесконечный символ.

Получаем двукратное, вложенное друг в друга бесконечное.

Уверенно, не дрогнув произношу слово «бесконечный», потому как в самых дорогих припасах памяти надежно удерживаю фразу из письма А.Ф. Лосева: «Ты правильно оценил выдвигаемый мною принцип разложения символа в бесконечный ряд как угодно больших или малых членов ряда...» (см. текст от 25 сентября 1977 года, в Приложении 2). Более того, как раз теперь, в пределах данного отрезка одолеваемой нами «Тропы», наступило время говорить о бесконечности специально³⁷, интимнее и прямее. Вернее, сообразно гранд-теме нашего повествования – говорить о символах бесконечности, как еще об одной проблеме.

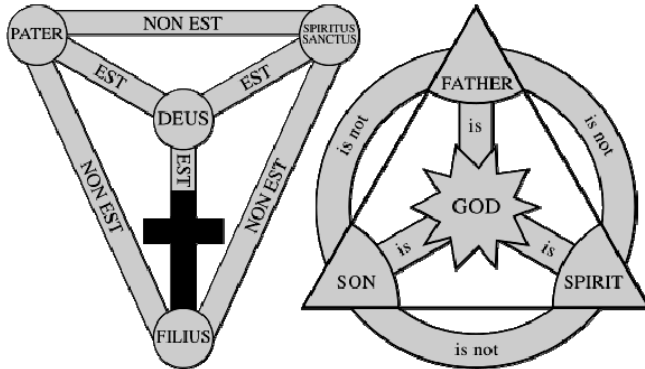
Onomatodoxia – 14. Символы бесконечности. а) Сам по себе символ, как романтическое «воплощение в конечном бесконечного» (дефиниция братьев Шлегелей), позволяет не только прикоснуться к бесконечности, но так или иначе работать (взаимодействовать, общаться) с нею. Первыми это хорошо ощутили философы-богословы, а позже и некоторые математики. Хотя, конечно, даже прикосновение давалось и дается им архи-трудно. Приведем для иллюстрации один пример из христианской теологии XII – XIV веков, а затем математический пример вместе с контр-примером, взятые из философии математики конца XIX – начала XX века.

³⁵ «Знак. Символ. Миф» – так исчерпывающе широко и точно называется сборник языковедческих работ А.Ф. Лосева, отпечатанный в МГУ в 1982 году. Для полезного сравнения: известное международное издание, которое придумал Manfred Lurker (1928–1990) и которое реферирует исследования по символу, было названо им «Bibliographie zur Symbolik, Ikonographie und Mythologie» (1968– ...).

³⁶ Думаю, в лосевской формуле «миф – *развернутое* магическое имя» (в «Диалектике мифа») незримо присутствует учение Николая Кузанского о «свёртывании и развертывании» (complicatio et explicatio): наш мир есть некое развертывание, explicatio Бога, в Котором изначально «свёрнуто всё».

³⁷ Если же говорить о бесконечности специально – предлагаю попытку, т.е. «Гипотезу о типах бесконечности», она воспроизведена здесь в Приложении 1.

α1) Мыслители Средневековья довольно долго шли к мысли о том, что традиционное и, кажется, довольно примитивное изображение Св. Троицы посредством знака треугольника требует основательной переработки. Ведь, по существу, фигура передавала только самое простое, что можно было помыслить о главном догмате христианства – наличии у Бога трех ипостасей, или Лиц. А где же выразить всё тончайшее богословие о нераздельности и, одновременно, неслиянности этих Лиц, или как передать принципиальное Filioque, уже разделившее множество христиан на западных и восточных?

И вот в Англии, а затем и во Франции появился – смело могу говорить, уже – *символ*, получивший название «Щит веры» или «Щит Михаила Архангела». Привожу (схематически) как самую первую версию его (1210), с латинскими надписями, так и более позднюю вариацию, с английскими надписями, которая по сей день популярна в англиканской церкви. Тонкие, бесконечно переливчатые отношения нераздельности и неслиянности Лиц Троицы дерзнули здесь передать через модификацию отношений *есть* и *не-есть* (est и non est), а Filioque попытались заложить в размещении вершин треугольника, – вроде как если в верхней части представлены два Лица, то это больше устраивает протестантов и католиков, а если вершина вверху единственная (Pater), то это устроит восточную церковь... Не возьмусь обсуждать достоинства и недостатки такой «геометризации» нашего общего Символа веры³⁸. Православному человеку более любезен образ «Троицы Ветхозаветной» или просто «Троицы» – Андрея Рублева. И, конечно, образ этот уже не символ, это иконописный и живописный *миф* Св. Троицы. О

³⁸ Только об отрицании (не / non) и его роли, кратко: о «НЕ в математике», напомню, был повод говорить в Вып. 2; в теологии – методика НЕ со «Щита веры» перешла в имяславскую формулу Флоренского–Лосева: «Имя Божие есть Бог, но Сам Бог не есть ни Имя Божие, ни имя вообще». Но об имяславии – речь позднее.

богословии Св. Троицы всё главное сказали отцы-каппадокийцы, всё главное – об энергиях – прибавил святитель Григорий Палама, а всё светское, общекультурное и семиотическое выразил недавно С.М. Эйзентштейн, говоривший о «пластической лирике “тихого перезвона”»³⁹ в этой иконе.

α₂) Великий немецкий математик (русского происхождения) Георг Кантор смело ввел в современный обиход представление об актуальной бесконечности. При этом он очень трезво разграничил различные модусы отношения к бесконечному (знаменитое *in Deo – in concreto – in abstracto*), и не уставал всякий раз подчеркивать, что вводит / использует именно *символические* обозначения для той или иной бесконечной области. Поэтому не случайно чуткий, всё понимающий Павел Флоренский дал в свое время безукоризненно-точное название своей юной работе-введению в теорию множеств: «О символах бесконечности (Очерк идей Г. Кантора)» (1904). Как мы знаем, о. Павел отводил символизму в мировоззрении очень высокое место, а сам символ, заодно припомним, определял (изыщным поклоном в сторону бесконечности) как «то, что больше самого себя». А вот его университетский товарищ и выдающийся математик Николай Лузин не поверил в бесконечность, он положил полжизни и свой незаурядный талант истранил на борьбу с актуальной бесконечностью в математике. А всё почему? Во многом, думаю, потому, что и мощь символа и место символизма в науке остались для него, увы, не до конца понятными⁴⁰.

β) В самой математике символы (для) бесконечности давно уже в работе, и она, работа эта, неостановима. Не берясь здесь описывать все устоявшиеся мотивы и сюжеты (в Приложении 2 некоторым из них отведено эссе «Месторождение бесконечности», которое показывает, надеюсь, что даже и в этом «устойчивом» и «устоявшемся» есть своё движение *ad infinitum*), приведу только две новации явно «авторского» характера, еще мало известные как в науке, так и в широком культурном сообществе. Они из области русской философии, из той области, где философия и математика (и богословие) мыслятся неразрывными. Поэтому, заметим, о математике нужно говорить условно, в кавычках – там брезжит «другая математика». Первая новация, β₁) происходит из творческого наследия о. *Серпиона Машикина* (29.03.1854–20.02.1905), которое только недавно стало вводиться в

³⁹ *Эйзентштейн С.М.* Чет – Нечет // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. [Вып. 3]. – М.: Наука, 1988. – С. 251.

⁴⁰ Развитие этой трудной темы приходится вынести в Приложение 1: здесь важна публикация отрывка из письма Н.Н. Лузина к В.И. Вернадскому (о большой загадке символа), и статья «К реконструкции одного философского диалога».

научный оборот. Со страниц философской диссертации о. Серапиона буквально хлынули настоящие потоки символики (форменный язык символов!) для передачи разного рода бесконечностей (прежде всего, архимандрита-философа волновала задача адекватного выражения Св. Троицы) и их аспектов. В моем списке-каталоге, составленном по его «Системе философии», около 70 позиций для разного рода нотации, воспроизвести которую здесь просто немислимо⁴¹. Скажу только, что при всей экстравагантности выражения о. Серапион вполне традиционно для математиков манипулирует цифрами и буквами из различных алфавитов и навешивает на них специфические «индексы» и «степени» (точно так поступал и Г. Кантор, создавая свою теорию). Эти-то «индексации» и позволяли ему охватить всё, что угодно, от «немислимости» и «абсолютного нуля» двигаясь к «микронам времени» или «бесконечным интегралам» и так можно было вплоть до «всечелости», «реального континуума» и, наконец, «Триипостасного Бога». Бесстрашно символизировано – всё⁴². Другую новацию (β_2) попробуем воспринять от *Каллистрата Фалалеевича Жакова* (18.09.1866–20.01.1926), известного коми-зырянского национального гения Палалея Кале, для чего обратимся к его книге «Лимитизм». «Бодуэн-де-Куртенэ умолял меня не читать лекций по философии и не писать книг. “Это

⁴¹ *Архим. Серапион (Машкин)*. Система философии. Опыт научного синтеза // Символ, № 67, 2016. – 672 с. Гигантскую рукопись героически подготовил к изданию и оснастил сдержанно-деловым научным аппаратом *Николай Павлюченков* из ПСТГУ (не раз за годы археологической этой эпопеи слышал от него: системы здесь – никакой, математика – безумна, богословие – еретическое... но хотя бы в одном есть польза от публикации этих «галлюцинаций» – иначе не похоронить надуманный вопрос о якобы плагиате Флоренского), потом долго промучился с нею мой давний друг *Николай Мухелишвили* (не один раз, бывало, жаловался он: столь громоздкого и сверх-запутанного текста, за многие годы работы в «Символе», ему встречать не приходилось). В кои-то веки о. Андроник демонстрировал мне эту устрашающую кипу гигантских листов бумаги, нещадно усеянных ни на что не похожими значками и густо исчерканных правкой, – и отшатнуло меня: *ни за что бы не взялся* такое «готовить». Здесь и сейчас вспомнилось давнее, уже подзабытое чувство почтения и оторопи, с которым когда-то впервые держал в руках томики «*Principia Mathematica*» (1910–13). Заметим по случаю, что Рассел и Уайтхед совершали свои коллективные подвиги приблизительно в то же время, что и наш о. Серапион – в одиночку.

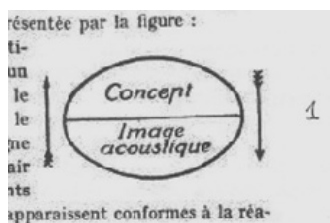
⁴² Отец Серапион гордился своим символизмом: «Не знаю: ясна ли для читателя польза, извлекаемая из привычки отвлеченные понятия символизировать буквами, но для меня польза эта вне всякого сомнения... что слово для понятия, то символический знак для группы их. Слово и знак это – плоть и кровь понятия и группы понятий. Они – их крепость и сила, – их устойчивость» (ук. соч., с. 323).

всё раздражает философов” <...> А я им говорил: знание идёт к сущности вещей, как к своему пределу. Сущность вещей – Первовозможный, и выражается он в семи гранях мира, и грани мира построены из тенденций. А что такое тенденция? – Бесконечно малый импульс силы»⁴³ – так начинает Жаков. И разворачивает далее фантастическую программу построения совершенно нового знания, которое призвано охватить уже не три аспекта бесконечности, как у Кантора (напомним, Кантор скромно ограничивал свои притязания областью *in abstracto*), но целых семь, – семь мировых «потенциалов». И для каждой из выдвигаемых «отраслей бесконечности» требуется, по Жакову, создавать свою особую математику. Эту программу можно конспективно изложить в следующей табличке, которую мы составили по стр. 31–93 рижского «Лимитизма»:

Грани-реальности	Отрасли математики	Потенциалы-тенденции
пространство	математика количеств	Бесконечность
время		Вечность
материя		Первоматерия
душа	математика качеств	Мировая душа
разум	математика значений	Космический разум
прекрасное	математика целесообразностей	Космическая жажда творчества
доброе	математика жертвы	Мировая любовь

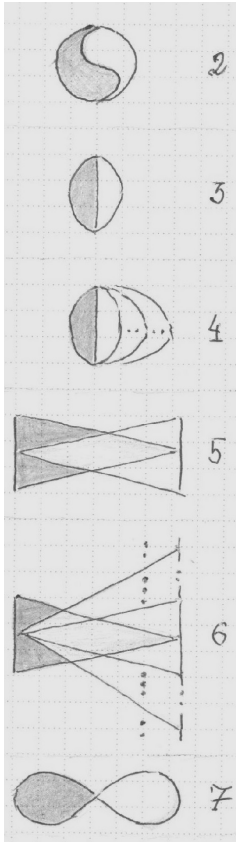
И хотя дальнейшее повествование у Жакова густо усыпано символами интеграла и дифференциала, вполне с виду традиционными, сразу становится ясно – перед нами отнюдь не символы (для) бесконечности, автор презентует скорее *мифологию* бесконечного. Видимо, мифология эта еще дожидается своих исследователей и продолжателей. Станет ли она новой наукой?

γ) Невольно встает еще один вопрос: как максимально просто и, в то же время, символично изобразить эту бесконечную (либо сколь угодно приращиваемую) содержательность символа? Символа как такового. Да так, чтобы ничего лишнего не придумывать, из пальца не высасывать, но следовать только самой логике бытования символов. – Далее излагаю мою попытку, конспективно, но еще и – поэтапно, попытку изобразить *символ любого символа*, или *бесконечное в конечном*. Отправляемся (γ₁) от исторически первого схематичного изображения *языкового знака*, от де Соссюра: это поделённый

⁴³ Жаков К.Ф. Лимитизм. Единство наук, философий и религий. – Рига: Limitiskās filosofijas biedrības Latvijā izdevums, 1929. – С. 31.

пополам овал, изображает тесно связанные означающее и означаемое, и две встречно направленные стрелки по бокам, призванные подчеркивать их взаимосвязь. Стрелки тут не лишни и по-своему содержательны, некоторым

образом «оживляя» статичную фигуру овала. Сразу же припоминается, конечно, китайский «диалектический кружок» (γ_2), в котором встреча двух сопряженных начал изображена без всяких стрелок, но динамика при этом есть: она воплощается в прихотливом изгибе линии раздела. Но, поскольку знак этот уже «занят», да к тому же и ничего не обещает в смысле отображения бесконечного, мы его оставляем. Но не забываем: о передаче движения (смыслов) нам надо бы озаботиться. Итак, следуя далее, берем Соссюров знак, причем без стрелок, поворачиваем (γ_3) на 90° и насильно «превращаем» его в подобие символа. Для этого левая половина овала (примем, что перед нами означающее) остается неизменной, а вот правая половина как область означаемого, – поскольку мы хотим перейти к символу, – должна стать переменной, наращиваемой сколь угодно далеко (γ_4). Тем самым «бесконечное содержание» мы вполне (пусть и скупой) наметили. Чего не скажешь о «встречном движении» смыслов, ибо и стрелок нет, и ничто их не заместило. Выходит, надо подыскать иную, нежели овал, фигуру, чтобы в ней и два сопряженных начала, и таковое «движение» были заложены изначально, в самой его структуре. И такая новая основа легко отыскивается в арсенале философии: (γ_5) «пирамида света и тьмы»,

или парадигма Николая Кузанского⁴⁴. Над парадигмой Кузанца снова проделываем ту же операцию, что претерпел у нас овал де Соссюра (γ_6), и здесь можно, вроде бы, остановиться в наших поисках. Но «картинка» получилась, что и говорить, довольно громоздкая и корявая. Не будем отчаиваться! С переходом к форме парадигмы (ее прошедши только что) мы уже получили образец того, что нам действительно нужно. Нам нужно лишь ухватить само *встречное движение* частей парадигмы и, для красоты, «скруглить» ее очертания. Получаем в итоге (γ_7), – да, лемнискату, «лежачую

⁴⁴ Однажды мы уже затрагивали богатые потенции и смысловые глубины этой конструкции, см. статью об «энантиодромии» во втором выпуске «Тропы».

восьмерку», которая давно уже обозначает бесконечность. Получаем тривиальный и простой результат: символ символа есть бесконечность.

δ) Итог этого экскурса тоже очевиден. Он выражается в две строки и тремя краткими фразами. – Символ есть бесконечный знак. Всякий символ бесконечен. Символом символа является бесконечность #

Однажды вместе с темой знака и символа пришло в мой «ближний круг» еще одно имя – *Юрий Михайлович Лотман* (28.02.1922–28.10.1993). Вернее, надо бы выразиться: туда уверенно вошли «Труды по знаковым системам», Лотманово детище, а вот сама личность его – не пришла, но только... промелькнула. Дело было так.

С «Трудами» в 70-е годы, да и в начале 80-х получалось как-то трудно: читать их можно только в Ленинке, а в моих обстоятельствах в Москву не наездишься, вот и еще досада – притащишься, но нужный том занят, и народ в отдельную очередь (изысканная модификация *советских очередей*) активно пишется... Словом, попробовал заказать «Труды по знаковым системам» и еще какую-то книгу «тартуско-московской школы» через межбиблиотечный абонемент. Какой наивный! Вскоре пришел ожидаемый отказ: «на абонемент не выдается». Правда, библиотекари решили утешить страждущего, и «взамен» прислали книгу «Структура художественного текста» (изд. 1970) того же Ю.М. Лотмана. – Прочитал, утешился и... очень удивился, каким странным духом позитивизма и наивного «кибернетизма» веет буквально с каждой страницы оной. Особенно расстроил махровый *шеннонизм* (вот сколько их, как же эти -измы надоели!) уважаемого автора, ведь себя-то я уже считал некоторого рода борцом с классикой теории информации. Составил письмо, послал в Тарту (где и как изыскал домашний адрес ученого, не помню; загадка), вскоре получил ответ. (Тексты письма туда и письма обратно теперь можно найти в Приложении 2). Наше общение на короткое мгновение состоялось тогда, но продолжений – не последовало.

И сотрудничества не получилось. Всё дело, думаю, не только в моей молодости и неопытности. Все-таки *проект Лотмана* был изначально «для немногих», т.е. чрезвычайно герметичным и почти эзотеричным (принимаю авто-оценку Б.М. Гаспарова, активного участника «Трудов»). Тому же Юлиу Шрейдеру удалось «отметиться в Тарту» лишь однажды. А, спросим еще, великому Лосеву? Философу, который о знаках и символах, едва ли не первый в России теоретик, хлопотал еще в 20-х годах? – А ему и вовсе *только по губам помазали*, и об этом стало известно совсем недавно, см. в новом издании лосевской «Проблемы символа», упомянутом ранее,

публикацию⁴⁵ переписки Лотмана и Лосева, в интервале июнь 1969 – май 1971 [наш будущий «семиотик» в это время был еще военным студюзусом]. Публикацию документов сделала Елена Тахо-Годи. Ее комментарий назван характерно: «История одного разочарования». Тогда А.Ф. Лосев предложил для издания в Тарту целый веер работ различного объема и содержания (указаны, для ориентира, письмом от 4 августа 1969): «О понятии числа», вероятно, это была работа «Логическая теория числа», краткий конспект «Диалектических основ математики»; «Диалектика геометрических фигур», возможно, это тоже раздел из упомянутого математического трактата, где он носил название «О форме бесконечности»; «Проблема символа в связи с основной задачей реалистического искусства» (8 п. л.), будущая книга 1976 года. – Увы, ничего из этого не взяли!

Зато и «взамен» всё явственнее для меня становилось имя (слово и дело) *Павла Александровича Флоренского* (09.01.1882–08.12.1937). Вместе с Лосевым, – *счастливо так вышло*, – являлось это новое имя. Один – давно сгинувший, другой – еще живой. И оба для меня – живые и жизненно необходимые. Очень и очень «мои»... Снова не устану благодарить интеллектуала и фантаста Геннадия Гора, произнесшего эти два имени вместе и впопад! Конечно, поначалу, в основном в первой половине 80-х, извлекал всё «флоренское», что можно было выудить, из недр Ленинки; так образовалась большая тетрадь конспектов. А тут стали выходить в свет, со второй половины 80-х, своим чередом, – публикации из семейного архива, каковые с упорством принялись делать наследники. Вскоре с наследниками-издателями познакомился. Конечно, могу теперь гордиться общением с внуками о. Павла, – Павлом Васильевичем Флоренским и игуменом Андроником (Трубачевым). Так же, как и подлинно братской дружбой с замечательными «флоренсковедами» и настоящими, самобытными философами *Аликом Казаряном* (30.08.1944–16.10.2019) и *Сергеем Михайловичем Половинкиным* (16.04.1935–17.07.2018). Как радуют и многие *фильсы*, рожденные на «флоренских» научных конференциях... но это я сильно забежал вперед, уже в Софринский хронотоп. Возвращаюсь во Чернецкий, и напоследок констатирую: параллельно со становлением «лосевца» в.п.с. радостно переживал и становление «флоренковца»⁴⁶...

⁴⁵ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Русский миръ, 2014. – С. 361–373 (пять текстов от Лосева и четыре – от Лотмана).

⁴⁶ Это соединение имен очень символично удостоверила *Аза Алибековна Тахо-Годи*. Однажды она подарила мне книгу 1922 года «Мнимости в геометрии», сопроводив словами: «Алексей Федорович очень ценил эту работу о. Павла».

Большое впечатление произвело появление на свет неизвестной работы П.А. Флоренского (сколь полезно соблюдать правило, приходя в Ленинку, «впрок» просматривать массив «новых поступлений»!), которая была опубликована в 1984 году в очередном выпуске «Памятники культуры: новые открытия. Ежегодник 1982». Прочитал предисловие к проекту под названием «Symbolarium (Словарь символов)», а также первую статью из словаря – «Точка». Соавторы П.А. Флоренский и А.И. Ларионов, на титуле предполагаемой книги – 1923 год. Так получил двойное удовольствие.

Во-первых, с большим весьма, что называется, *удовлетворением* обнаружил деловой упрек этих авторов в адрес творцов Серебряного века: «несмотря на изысканно-углубленную разработку теорий символического творчества, данную идеологами школы (Брюсов, Бальмонт, В. Иванов, Эллис, Белый и др.), должно сказать, что работа по анализу символов как идеографических знаков <...> не была произведена вовсе»⁴⁷. – Прямо бальзам на душу. Сам же не так давно с усердием проштудировал громадный томище Андрея Белого «Символизм»⁴⁸, – как принялся «открывать» для себя русских символистов, так всё выискивал у них, что же они такого надумали о семиотическом (символическом) существовании, столь мне любезном, – и никак не мог взять в толк: о чем говорят и к чему?! Выясняется, что ничего такого они не думали, всё про какого-то Риккерта твердят. А если и рисуют великие формулы, то вроде такой: «весь мир – это лес, полный символов» (и снова со ссылкой, допустим, на Бодлера)... Теперь оказывается, что я не одинок и не столь уж наивен, что правильно понимал или догадывался: символисты не создали ни науки, ни философии символа. Яснее ясного же сказано: «Мы должны признать, что, кроме заманчивых теорий и очень хороших литературных образов (не имеющих, однако, никакого отношения к симвонологии⁴⁹), символисты нам ничего не оставили»⁵⁰.

⁴⁷ Цитир. по: Symbolarium (Словарь символов). Под редакцией проф. П.А. Флоренского и проф. А.И. Ларионова // *Священник Павел Флоренский*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 568.

⁴⁸ *Белый Андрей*. Символизм. – М.: Мусарет, 1910. – VI + 636 с.

⁴⁹ Какое важное слово проскочило у Флоренского и Ларионова – это вам не «семиология» или «семиотика»! Между прочим, только много позже 1923 года господа А.М. Пятигорский и М.К. Мамардашвили (ставя тривиальный вопрос: *Символ – Что? Символ – Чего?* и стремясь уместить рядом Будду и Сократа) заговорили о симвонологии, см. «Символ и сознание» (1982, 1996, 2009).

⁵⁰ Указ. соч.: Symbolarium, с. 569. Они оставили нам не «символологию», но явную мифологию! Кто не верит, тот пусть изучит «Сон Мелампа» Вяч. Иванова.

Onomatodoxia – 15. **Симболариум**⁵³. Проект Флоренского–Ларионова предполагал аккумуляцию «символического наследия» человечества в чётко оформленной зоне выражения: здесь объекты собирания – хорошо геометризованные «пространственно-символические» образы, а метод описания их – цитатный, т.е. максимально объективный, дабы передача смысла образа целиком исходила от его создателя или пользователя. Зона эта еще более точно определялась усвоением «определенной графической схемы», в которой строго проводился «формальный принцип умножения геометрических элементов графических образов»⁵⁴. В итоге вся область презентации графических символов предполагалась в 19-ти Отделах (Отдел I – Точка, Отдел VII – Треугольник, Отдел XIX – Спираль), а в каждом Отделе подразумевались семантически-значимые подотделы (к примеру, в Отделе I – 1. точка, 2. две точки, 3. три точки, 4. многоточие; в Отделе XIX – 1. волюта, 2. меандр, 3. лабиринт)⁵⁵. Вводимый «графический алфавит», как были уверены авторы проекта, должен составлять «органическую основу большинства зрительных образов», поскольку легко показывается, что «в эти геометрические линии укладывается всё разнообразие конкретных явлений, носящих на себе отпечаток символического значения: так, значение вертикали человеческого тела, вертикали колонны или дерева, вертикали меча, копья – разве не обусловлено смыслом вертикальной линии вообще и разве не являются эти зрительные образы как бы отображением “вертикального” и “вертикальности” вообще?»⁵⁶.

Авторы исторически первого Symbolarium'a не смогли, как мы понимаем, продвинуться дальше предисловия и статьи о конкретном символе из первого подотдела первого Отдела. (Не смогли... вернее, им не позволили смочь). Но я специально остановился на этой попытке достаточно подробно, поскольку здесь хорошо распознается универсальная методология. С нею можно замахиваться даже на построение глобального Symbolarium'a,

⁵³ СимВолариум (как транскрибировали Флоренский и Ларионов в своей статье 1923 года) или симБолариум? Поскольку σύμβολον – грек, то читать надо «как греки». А как именно? Известная история: рейхлиново чтение требует $\beta = \text{в}$ (чему и следуют Ф. и Л.), но чтение зразмово велит $\beta = \text{б}$. Нисколько не намекая на известный сюжет об авторитетном бляении баранов ($\beta\eta$ - $\beta\eta$), вкладываю здесь простую «системологическую» мысль: пусть будет «симБолариум» как система «симВолов», ибо всякая система не есть простая сумма своих частей (см. далее).

⁵⁴ Symbolarium, с. 571.

⁵⁵ Там же, с. 571–572.

⁵⁶ Там же, с. 572–573.

охватывающего, по возможности широко и глубоко, всю область нашего «символического наследия», в графической (визуальной) форме.

Для освоения таковой единой области «визуально-символического» следовало бы (порассуждаем) действовать в два этапа. Сначала нужно α) поделить эту область на качественно различные таксоны, β) установить в каждом таксоне свой элементарный «графический алфавит» вместе с γ) перечнем операций для композиции и преобразования элементов. Далее, после расстановки символов в порядке β) – γ) в каждом таксоне, т.е. по завершении составления частных «словарей» (разделов Символариума) – на это уйдет, конечно, немало сил и времени, – можно переходить ко второму этапу, а именно, составить для всех таксонов δ) объединенный «графический алфавит» и ε) объединенный перечень операций и, наконец, завершить расстановку таксонов в порядке δ) – ε), – засим полный Символариум готов.

Несколько комментариев к содержанию этапов и соотв. эпизодов.

Задача выбора таксонов на символическом поле (α) представляется очевидной и не очень трудной. Мировая культура уже со многим здесь сама определилась, и всякому ясно, что «графические языки» в областях ответственности античных гемм, геральдики, нумизматики, средневековых bestiaries, алхимической знаковости (et cetera) *существенно различны*. Стоит только особо похлопотать о некоторых «малозаметных» таксонах, в которых богатое (и для анализа – перспективное) содержание: это, из более общего – крито-минойские и шумерские печати, античные тессеры⁵⁷ и знаки тахиграфии⁵⁸, тамги-знаки собственности, водяные знаки на бумаге, музыкальная и математическая нотация, а специально из христианской культуры – формы крестов (даже «ставрография» образовалась как наука)⁵⁹, не меньшее многообразие атрибутики в литургии⁶⁰ и, наконец, изысканная символическая область пробелов (бликов) в иконописи⁶¹.

⁵⁷ Образцовая работа: *Ростовцев М.И.* Римские свинцовые тессеры. – СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1903. – VIII + 332 с. Важные сюжеты о символах – *hic*.

⁵⁸ Столь же образцова работа: *Церетели Г.* Сокращения в греческих рукописях. – СПб.: Типография Импер. Академии наук, 1896. – XLIII + 403 с.

⁵⁹ Один *Людогощенский крест* (1353) из Вел. Новгорода чего стоит – это же энциклопедия (или почти символариум, только древний) для ставрографа!

⁶⁰ К примеру, назову впечатляюще богатые по разнообразию оформления (и, конечно, по символическому устройству) рипиды-опახала в храме.

⁶¹ Пионером в обследовании этого таксона именно как «формул-символов» является граф *Юрий Александрович Олсуфьев* (28.10.1878–14.03.1938), который вместе с П.А. Флоренским спасал сокровища ризницы Троице-Сергиевой Лавры.

Для характеристики принципиальной важности (а потому и трудности) правильного выбора адекватных данному таксону «букв» в соответствующем «графическом» алфавите (β) я бы привел свидетельство из области точных наук, а именно, из кристаллографии. Здесь отечественная наука может гордиться всемирно известным достижением *Евграфа Степановича Фёдорова* (10.12.1853–21.05.1919) по полной классификации симметрий кристаллических структур, – созданием «Фёдоровских групп». А ведь это достижение могло бы и не состояться (нас снова опередила бы Европа, тот же А. Шёнфлис, к примеру), если бы выпускник и профессор Михайловской артиллерийской академии *Аксель Вильгельмович Гадолин* (12.06.1828–15.12.1892) не написал революционную работу с говорящим (очень) названием «Вывод всех кристаллографических систем и их подразделений из одного общего начала» (1869), а само «начало» не зафиксировал бы в тонкой игре «осей совмещения с законами симметрии» в кристалле⁶². Эту элементарную «букву» довольно трудно изобразить графически, но она легко описывается алгебраически, на языке теории групп.

Касаясь вопроса о возможных операциях на таксоне (γ), можно было бы покритиковать авторов проекта 1923 года за слишком бедное описание, скорее, только указание данной темы, – они лишь бегло упомянули «формальное умножение графических элементов»⁶³. Конечно, здесь надобен весь арсенал теоретико-множественных операций. Не обойтись и без геометрической «алгоритмики», поскольку требуется, например, различать прямые, вогнутые и выпуклые линии в указанном базовом «алфавите». И тогда, с переходом на заключительный этап построения Симболариума, следует ожидать более серьезной смены языка описания на δ – ϵ , и тут уже, думаю, никак не обойтись, как минимум, без выразительных возможностей теории категорий и функторов, а также симплектической геометрии.

Согласен, такой проект – дело будущего (интересно, далекого ли?). Он сложен и трудоемок. Даже в зачине у Флоренского и Ларионова вовсе не излишней видится оговорка: «окончательное разрешение поставленной темы возможно лишь в порядке длительных изысканий, в процессе только

⁶² *Гадолин А.В.* Вывод всех кристаллографических систем и их подразделений из одного общего начала. – М.: Изд. АН СССР, 1954. – С. 34.

⁶³ Думаю, П.А. Флоренский как хороший математик не допустил бы такого обеднения. Изучив стиль и содержание этих текстов в публикации 1984 г., в.п.с. делает теперь вывод, что «Предисловие» составлялось Ларионовым, а «Точка» – Флоренским; разумеется, это не мешало им координировать общие смыслы.

коллегиальной работы и, может быть, при условии огосударствления самого предприятия»⁶⁴. (Напомню, ГАХН была государственной организацией).

Проект Symbolarium'a Флоренского – Ларионова заставляет обратиться и в наше культурное прошлое. Он, сам по себе, выдвигает увлекательные поисковые и историко-философские задачи. Прежде всего, есть некоторые шансы еще отыскать, возможно, уцелевшие части «Словаря символов». По сведениям игумена Андроника, в архиве священника Павла Флоренского, достоверно, сохранились некоторые рабочие материалы, относящиеся к разделам «Сфера», «Кольцо» и «Венок»⁶⁵. Кроме того, остается вероятность что-либо найти в бумагах, оставшихся от А.И. Ларионова; правда, где находится его личный архив, и уцелел ли он, неизвестно. Наконец, заметим, что через имя этого интересного человека⁶⁶ прокладывается цепочка связей и преемств к точке своеобразной идейной развилки в начале 1920-х годов, –

туда, где перед нами является другое имя, великое – *Василия Кандинского* (04.12.1866–13.12.1944). Подпись на его картинах, можно сказать, наглядно отобразила данную развилку. Он окончательно уехал (в декабре 1921) за рубеж, но успел оставить программу

⁶⁴ Symbolarium, с. 573–574.

⁶⁵ Биобиблиографический справочник. Личность, жизнь и творчество священника Павла Флоренского. – Сергиев Посад, 2015. – С. 277. В той же хронике указано, что статья «Точка» написана о Павлом 20–24 ноября 1922 г. (С. 271).

⁶⁶ Соберу здесь краткие сведения о нем, в основном по публикациям: N. Misler, 1997, 2011, 2017; А.Л. Никитин, 2005; И. Сироткина, 2017. – *Александр Илларионович Ларионов (1889–1954) в 1910–1914 входил в ритмический кружок А. Белого, стал действительным членом Академии с мая 1922. Математик, знаток языков и профессиональный фотограф, он интересовался самыми разными вопросами, от начертания различных алфавитов до репрезентации движения в кинематографе. В Академию РАХН–ГАХН пришел с намерением изучать графическое представление жестов и поз и найти для них математическую формализацию («алфавит тела»). Вместе с Алексеем Алексеевичем Сидоровым (1891–1978) основал Хореологическую лабораторию, занимался проблемой «искусства движения», создавал новую научную дисциплину кинемологию. Входил в тайное масонское общество, причислялся также к антропософам. В следственном деле В.В. Белюстина (1940) назван «инженером-химиком, мистиком и специалистом в области символизма», указаны его дружественные (читать «масонские») связи с А.А. Сидоровым, М.Д. Асикритовым и Д.С. Недовичем. В конце 1930-х начальник бюро рационализации треста Химпром, далее (1943–1954) научный сотрудник Музея Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.*

для создаваемой Академии. По мысли Кандинского, должна быть создана «наука, исследующая аналитически и синтетически основные элементы как отдельных искусств, так и искусства в целом», и далее, в области живописи (в спецификации рисунка) должны быть охвачены как «группа линий и плоскостей характера схематического или математического: линия прямая, круглая, параболическая (зигзагообразная), плоскость — треугольник, квадрат, круг, параллелограмм и т. д.» [не правда ли, здесь узнаются многие элементы «Symbolariuma»?], так и «группа линий и плоскостей характера свободного, не поддающегося геометрической терминологии» [на что проект Флоренского–Ларионова, кажется, и не посягал], а также следовало теоретически изучать *само движение* и потому, наряду со словарями разных «отвлеченных форм», создавать словарь «отвлеченных движений»⁶⁷. В ГАХНе этим как раз и занялись, мы знаем, кто – А.А. Сидоров, А.И. Ларионов и их Хореологическая⁶⁸ лаборатория. А для себя как теоретика и художника создатель «беспредметного» (или абстрактного) направления в живописи определил исследовательскую задачу: «в целом и принципиально обозначить “графические” первоэлементы» живописи⁶⁹. Задачу он выполнил, через пять лет в Мюнхене увидела свет книга⁷⁰.

Думается, увлекательное занятие предстоит теперь заинтересованным исследователям, если, к примеру, сопоставить основные предметы интереса В.В. Кандинского (точка, линия, плоскость) и набор базовых символов в

⁶⁷ Схематическая программа Института художественной культуры по плану В.В. Кандинского [1920] // *Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства*. – М.: Гилея, 2008. Т. 2. – <http://kandinsky-art.ru/library/isbrannie-trudy-po-teorii-iskusstva68.html>.

⁶⁸ Разумеется, без греков не обошлось: следовало изучать *χορεία* – пляску, (хоровой, в круге) танец. Скандально известная, в свое время, танцовщица Ольга Десмонд (1890–1964) называла свои фигуры для записи движений «*Personanote*». Соответственно, ее брошюра *Desmond O. Rhythmographik: Tanznotenschrift als Grundlage zum Selbststudium des Tanzes* (Lpz., 1919) едва ли не первым делом и заинтересованно обсуждалась в Хореологической лаборатории.

⁶⁹ *Кандинский В.В. Точка и линия на плоскости*. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – С. 73. Перевод с нем. яз. Елены Козиной. Видимо, первый заход Кандинского в тему таков: Маленькие статейки по большим вопросам: I. О точке. II. О линии // *Искусство: Вести отдела изобразительных искусств Народного комиссариата по просвещению*. 1919. № 3. 1 февраля; № 4. 22 февраля.

⁷⁰ *Kandinsky W. Punkt und Linie zu Fläche. Beitrag zur Analyse der malerischen Elemente*. – München, 1926. Кстати сказать, этого издания нет ни в РГБ, ни в РНБ.

проекте Флоренского–Ларионова. И почему бы не обнаружить при этом глубокие связи «абстракционизма» и, пардон, «семиотизма» #

И еще одно впечатление, признаюсь, не замедлило после того чтения «*Symbolarium'a*» Флоренского–Ларионова. И оно было отрицательным. Мне стала, кажется, очевидна тщетность или, сказать аккуратнее, большая проблематичность подобного строго-формального подхода к символу. Составляя потихоньку собственную коллекцию «символических казусов», я ведь воображал примерно так: допустим, несколько лет пособираю образцы и свидетельства, скоплю их в достаточном количестве, на примерах разных культур и народов, и приступлю к их обобщениям, чтоб в конце концов выстроить, – о, да, – *общую систему символов*.

Даже (если уж признаваться, так признаваться!) был уверен, что у такой системы обязательно будет красивое название, которое даже храбро увековечил в *Ideenwelt* – своем списке обещаний и упований:

периодическая система символических элементов имярек...

Вот. А тут тебе предъявляют старинную попытку создания подобной системы, да еще на явно ограниченном по масштабу, даже смехотворно-малом материале, да еще такие серьезные мыслители брались за дело... Вот и впечатление: выходит, что даже здесь, уже в самом начале пути к «системе символических элементов» возникает масса вопросов и трудностей.

Но – мало сказано. Ослепительность сего впечатления чрезвычайно умножилась (если угодно, была возведена в квадрат) по причине еще одного замечательного имени, уже вполне проясненного для меня как раз к середине 80-х. Это имя – *Александр Александрович Любищев* (24.03.1890–31.08.1972), философ, биолог и математик зараз. О нём столько нового и важного поведал дорогой Старший Друг, и даже подарил мне солидную книгу – хорошую научную биографию Любищева, к которой (книге) он был деятельно причастен⁷¹. А сам я уже изыскал и с жаром прочитал повесть *Даниила Гранина* «Эта странная жизнь»⁷², именно о Любищеве, и уже знал о той поучительной истории, что приключилась «по жизни» с Александром Александровичем, и в повести сей увековечена. Человек еще в юности поставил перед собой громадную научную задачу – единолично построить систематику всех биологических форм, человек сосредоточил весь свой недюжинный талант на этой задаче, для чего буквально отказывал себе во

⁷¹ К моменту составления письма к Ю.М. Лотману (ноябрь 1979) я уже мог признаваться, что мои «кумиры» – П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, А.А. Любищев.

⁷² Заметка после знаменательной встречи именно с этой повестью открывает старый дневник «Чтиво» (10.04.1979), воспроизведена в первом вып. «Тропы».

всем и, например, употребил абсолютно безжалостный метод учета потраченного времени (всю свою сознательную жизнь – калькулировал поминутно), и что же? – он в итоге построил, действительно, систему, и очень хорошую, даже очень *естественную*⁷³, но... она охватывала только один небольшой (правда, довольно сложно устроенный – такие разные там усики, рожки да ножки) род *Altica* из семейства *Chrysomelidae* листоедов-земляных блошек. «Всё живое» скукожилось до крошечного «халтика»...

Так «флоренское» непосредственно соединилось с «любищевским». Так приключился один из самых ярких для меня *уроков познания*, полученных в Чернецком хронотопе. Урока мне хватает до сих пор.

Символы, конечно, я не забросил. Только стал к ним относиться бережнее, как к чему-то живому или, во всяком случае, живым организмам *подобному*. Потому и тексты о символах, будто сами собой, стали сочиняться не шибко научные, но скорее художественные, эссеистичные. Их довольно много собралось в моих «Опытах», приглашаю в закоулки Приложения 2. Иногда получались и журнальные публикации, где некоторые исторически прославленные символы подавались, буквально, как живые существа, со своей особой биографией и судьбой. Назову некоторые:

- «Возвращение двуглавого орла» (1996, как жил в веках он самый),
- «Воитель, ездец, предстоящий» (1997, о св. Георгии Победоносце, сразу и символе и мифе),
- «Остров вечности» (2001, о беломорских лабиринтах),
- «Как Евпомп прославил искусство числами» (2011, повесть о том, как символы сводят с ума своих творцов).

Кстати сказать, и о первом экспонате из *Symbolarium*'а Флоренского–Ларионова, о точке, тоже в свой черед составил текст. Это эссе «Точка»⁷⁴, к 16-му января года 1997-го. Чуть добавил своего к наблюдениям года 23-го.

⁷³ А.А. Любищев много сделал для системологии и – в биологии – для общей систематики. *Естественной* следует считать такую *систему* (это он придумал дефиницию), где все свойства и признаки объекта определяются его положением в системе. Такова, к примеру, система химических элементов Д.И. Менделеева.

⁷⁴ Точка как *настоящий символ* – конечно же, бесконечна. И размышлять о ней тоже можно и нужно, без конца и перерыва. Тому, кто еще не поверил этому, предлагаю без особых трудностей изыскать трактаты Жана Буридана «*Quaestio de puncto*» (~1335), в переводе и с комментариями В.П. Зубова (~1960) о «точках» в философии XIV в., В.В. Бибикина «Точка» (2002) и А.В. Ахутина «Апории точки» (2003), и где они все опубликованы? – правильно, в журнале «Точки / Puncta», который с 2001 г. издает Институт св. Фомы в Москве.

Символы – нет, не забросил, и даже готов строить планы (е.б.ж.) и продолжать подобное «живописание». Вон же их сколько...

А раз уж глава о символизме подходит к концу, да будет позволено завершить ее на шутейной ноте – потому как возиться с символами мне почему-то всегда было занятно и весело. Для этого воспроизведу здесь подлинное изображение символа наших «Дней программиста», фирменное. Это то самое inferнальное существо, которое гуляет само по себе среди творений рук человеческих, и подчас (или чаще всего) равнодушно к людским страстям. *Чернецкий кот*. Он – символ или уже миф? – Точно не могу сказать, надо подумать. Возможно, он вхож в *большой миф*.

Однажды на одной неформальной (но дискуссионной) части нашего московского семинара «Русская философия» – помнится, в сентябре 2006-го было дело, – кому-то из друзей пришла в голову ценная мысль: пора бы исследовать роль и место кошачьих в философии, в том числе русской. Тут же все принялись «генерировать» возможные научные темы, я едва успевал записывать варианты. Хорошо смеялись... Но так пока и не собрались.

А разговор о *системах* символов (плавно уходящий в прошлое) и поминание великого *системолога* XX века позволяют мне столь же последовательно шагнуть на следующий участок «Тропы». Он посвящается особому виду систем – системам «сложным».

VI. СЛОЖНЫЕ СИСТЕМЫ

Это крупная идея, да еще и двойная. Уже по отдельности и *сложность* и *системность* выступали в 70-е годы (откуда мы начинаем описание нашего хронотопа) как большие проблемы, сразу и научные, и технические, и философские. Обе именно тогда находились в «горячей стадии»

формирования, да еще – переходя к нашему по-своему уникальному случаю, – реально объединялись и синтезировались прямо у нас на глазах:

*система*⁷⁵ + *сложное*⁷⁶ = *сложная система*.

Мы оказались свидетелями и участниками создания сложных технических систем оборонного назначения. Жили мы, и эти системы тоже жили: рождались, становились, развивались и... не хочу говорить о закате.

Лучше скажу схематично: начало –1960-е, расцвет – 70-е и 80-е, ровное функционирование и угасание – уже для других наблюдателей. Сложные технические системы как *хорошо организованные совокупности* большого количества разнородных элементов, многие из которых, в свою очередь, тоже являются сложными системами (подсистемами), в случае моего и моих друзей *присутствия*, в философическом смысле слова⁷⁷, именуются:

- система противоракетной обороны, ПРО (здесь жили мы),
- система контроля космического пространства, СККП,
- система предупреждения о ракетном нападении, СПРН.

Последние две системы мы больше, конечно, *засвидетельствовали*. Осталось заметить, что заглавная «С» в общепринятом обозначении этих систем почему-то вовсе не приклеилась к именованию *нашей* системы (т.е. варианта СПРО – нет). Для меня это маленькая загадка русского языка.

Не собираюсь рассказывать ничего существенно военного, да и технического о встречах с подлинно-настоящими сложными системами⁷⁸. Моя задача – успеть и уложиться здесь хотя бы с некоторыми научными и философскими наблюдениями. И, конечно, рядом и вместе с большими идеями припомнить дорогие имена, с ними тесно связанные.

Поэтому ‘техническое’ и ‘военное’ пусть, пожалуй, останутся для иллюстраций и вынужденного пояснения «на пальцах».

⁷⁵ С удовольствием констатирую, что этот термин – *тоже эллинский*: «σύνθετος – составленное из многих частей, соединенное в одно целое: 1) состав, соединение, стройное целое (напр. государства). 2) аккорд в музыке. 3) позд. союз; корпорация, коллегия (о Римском сенате); отряд (войска)» – Вейсман: стлб. 1215.

⁷⁶ А это чисто славянское слово вроде прямо произведено, допустим, от *сложения*. Но вскоре и далее по тексту будет показано, что плодотворнее понимать ‘сложное’ в особой цепочке логического включения.

⁷⁷ Дружески отсылаю к книге: *Грякалов А.А. Топос и субъективность*. – СПб.: Наука, 2019. – 568 с. Алексей Алексеевич, владелец логоса эстезиса и эстезиса логоса, подарил оную «с пожеланием радующего творчества», 17.06.2019.

⁷⁸ Приучен соблюдать «режим». Некоторая малая часть подобных материй вошла в заметку «Несколько эпизодов службы...», первый вып. «Тропы».

Сначала, первым делом осваивалось само по себе «сложное». Мне довольно быстро стала ясна (ну, или казаться ясной) бесперспективность или даже бесполезность чисто количественных и формальных критериев сложности, допустим, по числу составляющих систему элементов (известные критерии А.Н. Колмогорова или Г.Н. Поварова)⁷⁹. Надо было разобраться с проблемой сложности в принципе, т.е. на уровне ключевых понятий. Для себя, для внутреннего употребления (для понимания, что вокруг происходит) довольно быстро построил примерно такую классификационную схему, или спектр родственных и «перекликающихся» представлений:

громоздкое \supset *сложенное* \supset *элементарное* // *quantitas* / количество
сложное \supset *слаженное* \supset *простое* // *qualitas* / качество.

Здесь родственные (взятые в аспекте количества либо качества) понятия выстроены по горизонтали, а коррелируют или «перекликаются» они в пространстве смыслов – по вертикали. Просто и, думаю, удобно.

Схемка сразу позволила различить «сложное» от «сложенного»: вроде бы они звучат почти одинаково, но располагаются в разных гомологических рядах. И с тем же успехом далее: *сложенное* коррелирует со *слаженным*, а в количественной сфере оно подготавливает *громоздкое*, но не *сложное*; в свою очередь, *сложное* готовится, внутри качественной сферы, в *слаженном*, а коррелятом для *сложного* в количественной сфере является отнюдь не *сложенное*, но *громоздкое*. Никакой игры слов, только лишь работают строго категориальные связи и соотношения.

Она же, схемка-диаграмма эта, сразу позволила расшифровать (или переформулировать) сам *эффект сложности*. Сложное возникает тогда, когда оно получает новые свойства, не сводимые к свойствам ее составляющих частей⁸⁰. Сиречь: сложное возникает не из простого *сложения*, а в результате взаимодействия, т.е. *слаживания* таких частей (элементов).

С опорой на эвристические возможности диаграммы, когда пришла пора, в.п.с. принялся составлять некоторого рода итоги работы со сложным.

⁷⁹ Сразу оставим в стороне большую тему «вычислительной сложности», актуализированную как раз в 70-е годы и вызванную необходимостью сравнивать быстродействие вычислимых алгоритмов (известные P- и NP-классы). Теперь этому учат студентов инженерных специальностей, будущих хороших «вычислителей».

⁸⁰ Такова великая мудрость на уровне современных знаний: «*Сложная система* — система, состоящая из множества взаимодействующих составляющих (подсистем), вследствие чего она приобретает новые свойства, которые отсутствуют на подсистемном уровне и не могут быть сведены к свойствам подсистемного уровня» – <https://ru.wikipedia.org/wiki/...>

В книге «Диалог со сложными техническими системами» (1996) пришлось неблизкий путь к выводам начинать от соотношения *громоздкое / сложное*. Книгу эту воспроизвести здесь не получится (см. только эксерпты-выжимки из нее в Приложении 1), а для упомянутого соотношения приведу подходящую иллюстрацию, самую что ни есть прямо-показывающую, из Чернецкого обихода взятую. Самую *железную* картинку.

На фотографии господин-товарищ программист, позирует на фоне отдельного элемента большого Объекта. Многоэтажное здание, в котором располагалось основное место нашей работы «по специальности» – машинный зал с парком вычислительных машин КЗ40А, – в кадр не попало,

оно располагается по правую руку от стоящего. А другой образец техники возвышается или, говоря иначе, *громоздится* у него за спиной. Это громадное полотно приемной антенны нашей СРЛС.

Современная система противоракетной обороны, казалось бы – это апофеоз больших чисел и торжество «голового» количества. Ведь для решения задач ПРО в равной степени необходимы огромное быстродействие и память вычислительных машин, сверхвысокие скорости противоракет, многоканальность обслуживания целей, большие апертуры антенн локаторов (вот одна из них перед нами) и т.д. Однако за подобной «гигантоманией» всякий раз открывается внутреннее *качество* и глубинная, именно, *сложность*. Вот и про эту гигантскую антенну можно было бы долго повествовать, как по особой технологии в ней монтированы (*сложились*) многие тысячи деталей, как они подогнаны (*прилажены*) друг к другу с микронной точностью, как сверхслабые радиоимпульсы, пришедшие издалека (из космоса), здесь бережно *прилаживаются* (тоже) к замедляющим структурам, расставленным внутри многочисленных волноводов⁸¹, как такими уже *сложными* картинками электромагнитных полей вся эта машина бережно и, я бы даже сказал, нежно *управляет* и как она, оставаясь сама неподвижной, тщательно *сканирует* весь заданный сектор ответственности на расстояниях во многие тысячи километров от той точки, где стоит наш господин-товарищ программист, и как у него над головой (сокрыты металлическим коробом) безмолвно трудятся циклопические линзы, – не только *собирают рассеянное*, но и тихим делом своим красиво воплощают великий *принцип дополнительности*⁸²... Однако рассказ в деталях занял бы

⁸¹ Одна подробность для тех, кто знаком с радиотехникой и когда-либо бился над ее чаще всего непростыми задачками. Ключевое понятие «волнового сопротивления» и сама методика представления неоднородных волноводов как «длинных электрических цепей» принадлежит Г.В. Кисунько, см. его монографию «Электродинамика полых систем» (Л., 1949). То был первый и очень крупный научный успех будущего Генерального конструктора систем ПРО. Имел честь слышать рассказ о всяких тонкостях численного решения уравнений Максвелла, здесь надобного, от самого Григория Васильевича.

⁸² Об этом принципе еще будет повод поговорить, см. далее *Оном.* 17: «Двойственные эвристики». А помнишь ли, Друзе, нашу бесконечную возню с этой «двухканальной системой сопровождения» и сколько она дала для ловли наших «лебедей»?! – Вот вспомнил о линзах (а ведь я их так и не увидел своими глазами, только на схемах – жаль, не собрался сходить на антенну), и понеслись сладостные видения, и накрыла счастливая тоска по нашей Чернецкой жизни...

слишком много места. Надеюсь, мне и без того удалось немного показать, что на фотографии отображена отнюдь не громоздкая, но именно *сложная* система. Красивая сложная система, что по сей день высится над лесами Подмосковья и украшает их.

Будем двигаться дальше. Много сложнее и затратнее получалось у меня с теоретическим представлением о «системах». Точнее, с философским представлением. И немного также – с математическим. Тут надо бы впадать заметить, что на наш Чернецкий хронотоп пришелся не только пик развития *семиотики* в Отечестве нашем (о том сказано выше), но и такой же пик отечественной *системологии* – и еще надо присовокупить ее родственника, – пик теоретической *системотехники*. Ну, а мне, грешному, посчастливилось прикоснуться и к той и к другой благодаря *двойной* жизненной удаче: оказаться в нужном месте в нужное время, это раз, и тогда же удачно найти на Тропе дорогого Юлия Шрейдера, философа и математика, это два.

О некоторых системных идеях, воспринятых непосредственно от Юлия Анатольевича, об идеях, которые и теперь кажутся мне актуальными и требующими продолжения, пойдет речь в дальнейшем, до конца этой части «Тропы». Необходимо возникнут и некоторые имена, из памятных.

Onomatodoxia – 16. Множества и системы. Системные исследования в СССР к середине 70-х годов находились в самом разгаре⁸³. В разгар вышла и работа Ю.А. Шрейдера «Теория множеств и теория систем», прямо под нашу сегодняшнюю тему. Автор сразу предупреждал: «не следует думать, что системный подход претендует на вытеснение теоретико-множественного. Эти подходы не столько антагонистичны, сколько находятся в диалектическом или, быть может, дополнительном отношении»⁸⁴. Следом давались два (и тоже двойственных) квази-определения⁸⁵ для *множества* («многое, мыслимое как целое») и *системы* («целое, мыслимое как многое»),

⁸³ Точнее, они испытывали явно экспоненциальный рост и потому четко укладывались в известный закон Лотки, что констатировано после прямой оценки продуктивности «системологов» за 1957–1974 гг. в работе: *Дорошенко С.И.* Научометрические показатели массива советской литературы по системным исследованиям // Системные исследования. Ежег. 1978. – М.: Наука, 1978. – С. 128.

⁸⁴ *Шрейдер Ю.А.* Теория множеств и теория систем // Системные исследования. Ежег. 1978. – М.: Наука, 1978. – С. 71–72. В дальнейшем эта работа целиком и без изменений войдет (как первая глава) в книгу: *Шрейдер Ю.А., Шаров А.А.* Системы и модели. – М.: Радио и связь, 1982. – с. 5–20.

⁸⁵ Впервые введены в работе: *Виленкин Н.Я., Шрейдер Ю.А.* Понятия математики и объекты науки // Вопросы философии. 1974, № 2. – С. 116–126.

а сами подходы были все-таки противопоставлены, причем сразу по нескольким принципиальным позициям:

- первичность элемента / первичность целого,
- принцип неразборчивости / естественная (по Любищеву) система,
- априорная индивидуация / абстракция отождествления,
- внешняя организация / внутренняя организация,
- вероятность / ранговое распределение⁸⁶.

Опершись на такое пятикратное противопоставление, Шрейдер занялся далее вопросом, «что есть *сложная система* и чем она отличается просто от системы с большим количеством элементов (такие системы можно было бы назвать громоздкими)», и вводил шестое противопоставление (простого – сложному, но также и множеств – системам), как оппозицию в некотором смысле суммарную, и полезную специально для задач кибернетики:

- управление только синтаксично / управление еще и семантически,
- или, в иных терминах сказать примерно то же,
- управление исходит от целей / управление – от ценностей⁸⁷.

Наконец, Шрейдер прямо ставил вопрос об использовании нового математического аппарата для описания именно систем, точнее, аппарата, альтернативного классической теории множеств. Для примера он указывал две подходящих, на его взгляд, области математики: это, прежде всего, *теория категорий* (не путать с «теорией категорий» как отрасли теории меры, добавлю), а также *модели Крипке* (они позволяют работать с «возможными мирами» в неклассической логике)⁸⁸. Сам Юлий Анатольевич сделал несколько принципиальных публикаций, где строил варианты «языка описания систем» из своеобразной смеси теории моделей (по Мальцеву) и теории категорий и функторов⁸⁹ (прибавим далее, в *Оном.* 18).

Как и чем эти построения обернулись для меня? Многое, конечно, взял на вооружение и, как смог, попробовал применить на задачах, что жизнь

⁸⁶ Там же. С. 72–79.

⁸⁷ Там же. С. 79–82. Противопоставление сформулировано мною, у Ю.А. оно развернуто на трех страницах текста и не столь категорично.

⁸⁸ Там же. С. 83–84.

⁸⁹ *Шрейдер Ю.А.* Язык описания систем // Системные исследования. Ежег. 1973. – М.: Наука, 1973 (система как класс каркасов); *Панова Н.С., Шрейдер Ю.А.* Принцип двойственности в теории классификации. – НТИ, сер. 2, 1975, № 10 (функтор, отображающий категорию таксонов в категорию меронов); *Шрейдер Ю.А.* Системы с голосованием и их представление мажоритарными структурами // Кибернетика, 1979, № 4 (теория моделей как обобщение моделей Крипке).

подкидывала своим чередом. Но кое в чем рискнул Шрейдера оппонировать, вернее, сам для себя озадачился определенными сомнениями и надеждами. Изложу по порядку, начиная от «взятого на вооружение» и расставляя тезисы по порядку нарастания их проблематичности.

Прежде всего, а) сразу пригодилось мимоходом указанное у Шрейдера сопоставление *сложное / громоздкое*: именно отсюда исходит первый толчок к появлению классификационной диаграммы, «диаграммы сложности», о которой уже было сказано ранее как о достаточно полезной и даже где-то эффективной на подступах к проблеме сложности.

Далее, весьма важной для меня стала б) своеобразная словесная форма дефиниции системы (и, параллельно, множества) с помощью сочетания двух антитетичных понятий – *целого* (единого) и *многого* (множественного), над которыми применяется некоторое «смысловое ударение», некий смысловой акцент. Эта форма не только как-то очень просто и наглядно высветила суть отношения *множество / система* (может быть, даже излишне просто, – ибо это отношение никак не исчерпывается приматом «элемента» или «целого», и потому у того же Шрейдера базовых противопоставлений выходило не одно, а шесть), но также и своевременно подготовила меня к встрече с категориальной системой «раннего» Лосева. В диалектической системе категорий Лосева-платоника работает, правда, уже не одна, а две пары антитетичных понятий – «подвижной покой» (сокр. **пп** – движение и покой) вместе с «самотождественным различием» (сокр. **ср** – тождество и различие), плюс специально выделяется аспект единства (сокр. **е** – целостность, единичность), и вот из этой «пентады» вырастает далее действительно сложная система важнейших для философии понятий. Скажем, в приведенной нотации, *смысл* – это **еппср** («единство подвижного покоя самотождественного различия»), интересующее нас *множество* – это **еПШср** («смысл, взятый как подвижной покой»), фигурность или *топос* – это **еппСР** («смысл, взятый как самотождественное различие»), и т.д.⁹⁰ Кроме того, Шрейдера «целое как многое» в дальнейшем пригодилось при попытке дать некоторую *типологию бесконечностей*, и с нею можно более детально ознакомиться по довольно давней работе «Гипотеза о типах бесконечности» (2002), см. в Приложении 1.

Большое впечатление произвел на меня Шрейдера вывод γ) о теории категорий, более подходящей для адекватного описания систем. – Правда,

⁹⁰ Последующие расширения и подробности указанной системы см. в работе: *Троицкий В.П.* Введение в периодическую систему начал А.Ф. Лосева // НТИ, сер. 2, 2000. № 1. – С. 1–11.

я ринулся изучать плохо знакомую мне математическую науку (она вошла в профессиональный обиход совсем недавно для той поры, в конце 60-х годов) вовсе не для того, чтобы присоединиться к создателям новых «языков описания систем», к стати сказать, к немногочисленным тогда. У меня родился... большой прожект. *Индивидуальный*. Рассудил примерно так, прямолинейно до смешного: современная вычислительная техника (и почти вся математика, по Бурбаки) базирована на теории множеств ==> показано, что теория множеств не подходит для сложных систем ==> назван более подходящий для их описания аппарат теории категорий ==> следует строить вычислительную технику будущего на базе теории категорий. Иначе говоря: формальный аппарат надо превратить в *аппаратную реализацию*. Словами же записи в дневничке идей и замыслов (Ideenwelt) это выглядело так: «От ЦВМ к ДВМ через теорию категорий?!» (21.11.1978).

Или еще так спросить (в этом и состоял собственно прожект): *какова архитектура вычислительных систем, базированных на теории категорий?* С таким вопросом, почти сразу уловив, что «быстренько и простенько» ничего не получится, с перерывами надолго и забрасываниями темы куда подальше, я возился много лет⁹¹, – до тех самых пор, пока не понял однажды, что двигался, в абсолютном одиночестве, именно туда, куда и направился очевидный технический и научный прогресс. Выношу подробности в конспективное изложение «Архитектура ДВМ», что в Приложении 2.

Наконец, еще одну тему или задачу подарила мне статья Ю.А. Шрейдера о множествах и системах, а именно, δ задачу своего рода защиты или реабилитации теории множеств перед лицом нового вызова нового века – сложных систем. Это тоже проект (или прожект), доньше, как мне кажется, стоящий на повестке дня. О нем чуть подробнее.

Здесь надо напомнить, что главное достоинство теории множеств – максимальное отвлечение (абстрагирование) от любых свойств и качеств изучаемых объектов, кроме лишь двух, *количества* (мощности) и *порядка*, – с самого начала ставилось Кантору в упрек, начиная, кажется, с Кронекера. Мол, на свете столько куда более интересных структур, богатых на свойства

⁹¹ А начал с консультации у Шрейдера: стоит ли брать за основу книгу М.Ш. Цаленко и М.Г. Шульгейфера «Основы теории категорий» (М., 1974), и получил одобрение («Только теоремы о существовании пропусайте, без ущерба для понимания»). Однако так и не поделился с ним своим замыслом о «прожекте», уж больно он был «сырой» на то время. Теперь жалею: Ю.А., успевший деятельно «постоять» у истоков отечественных ЦВМ, вполне бы мог вдохновить на многое и для отечественной Думающей Вычислительной Машины (ДВМ).

и красивые отношения... Или иначе, с философским оттенком выражаясь: зачем *так всё упрощать*, явно в урон цветущей сложности математического мира? – А то, что именно благодаря такому упрощению и «обеднению» Кантору дано было найти самый первоосновный язык для всей математики, да еще и убедительно показать невероятную, головокружительную сложность мира бесконечности, это что, уже и не в счет?!

Но дело не только в этом. Кантор многого не успел и не доделал. Он собирался и приступал к реализации большой программы – историкам науки ведомо о ней, – собирался развивать свою *теорию множеств* далее, в сторону *теории порядковых типов*. И давно нашелся в России человек, который всё яснее ясного увидел, недвусмысленно выразив саму перспективу такого движения «далее». Это о. Павел Флоренский, в 1922 году, в работе «Пифагоровы числа»⁹², сказавший: «Если бы теория кратно-протяженных типов порядка была достаточно разработана, то одним числом выражалось бы сложнейшее строение объектов природы, и познанию действительности, как царству форм, было бы выковано могущественное орудие»⁹³.

Знакомый призыв Флоренского: *выразить форму – числом*. Так вот же он – искомый критерий, «число сложности»! – готов было воскликнуть в.п.с., но тут же смутился и споткнулся на полуслове – как это, говорите, «одним числом»? Неужто снова, как у Г.Н. Поварова, выходит на первый план «цифирь»: мол, малые системы – это от 10 до 10^3 элементов, сложные – от 10^4 до 10^6 , и т.д. *Ничего* о системах не сообщает «голое» количество!

Всё встало на свои места, когда немного вчитался в одну из работ Г. Кантора⁹⁴, где достаточно подробно и ясно рассматривались *n-кратные порядковые типы* и давались им очень неожиданные изображения: посредством группы точек на поле квадрата. Вчитался и понял главное, – Кантор пользуется не «одним числом», но всякий раз для порядковых типов указывает *числовую систему*⁹⁵, и подаёт ее, поскольку это ему удобно,

⁹² Ксерокопию статьи, в 1971 г. впервые опубликованной в «Трудах по знаковым системам», специально сделал и прислал мне Юлий Анатольевич. Так что имел удовольствие вчитываться в эту замечательную работу задолго до ее перепечатки (1996) в белом многотомнике, см. след. сноску.

⁹³ Флоренский П.А. Пифагоровы числа // Священник Павел Флоренский. Сочинения в четырех томах. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 639. Подчерк. мною.

⁹⁴ Кантор Г. К учению о трансфинитном // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 268–324.

⁹⁵Прошу не путать с *системой счисления*! Числовые системы: натуральный(е) ряд(ы) чисел, кватернионы, числа Кэли, октавы, p-адические числа, адели.

«геометрически». Вчитался, по-своему понял и оценил, и с благодарной тщательностью воспроизвел Канторову нотацию в своем эссе «Линия» (1987), см. здесь в составе «Опытов» #

Так имя создателя теории множеств надежно и надолго вошло в мою научную жизнь, да и в биографию тож. В дальнейшем к темам «из Кантора»

довелось обращаться не раз и по разным поводам: и когда пришлось осваивать и, соотв., проинтерпретировать творческое наследие А.Ф. Лосева, П.А. Флоренского и Н.Н. Лузина (все трое обязаны Кантору рядом идей), и когда нужно было прямо «заступаться» за Кантора по ходу различных научных дискуссий (к примеру, на выступлениях А.А. Зенкина против «диагональной процедуры», или на обсуждении книги В.Н. Катасонова «Боровшийся с бесконечным»), и когда прямо ставил себе задачу отыскать документальные следы пребывания Георга Георгиевича в Санкт-Петербурге (но поиски далеко не зашли, поскольку вскоре прознал о плодотворной деятельности историка математики

Г.И. Синкевич, и с Галиной Ивановной благополучно познакомился), и когда, наконец, решился проследить, насколько «далеко» могли бы, действительно, пойти Канторовы изыскания (замысел недавний). Конечно, разрабатывать ту же теорию многократных порядковых типов я бы не взялся (кишка тонка), зато поискать работы последователей Г. Кантора по данной теме – задачу такую ставил. Довольно долго, ибо «между дел», искал.

И вот недавно (*март 2020*) пришла весть от моего друга из Германии, доктора *В. Янцена*, проживающего как раз в граде Галле-ам-Зее, где Кантор многие годы жил, творил и где (в специализированной психиатрической клинике) умер 6 января 1918 года⁹⁶. Он выкупил, по моей просьбе, оттиск

⁹⁶ Однажды (семь лет назад, в марте 2013) мы с Тamarой побывали в гостях у Володи Янцена в Галле. Затянувшийся (очень памятный) дружеский вечер серьезно порушил наш изначальный замысел почтительно навестить могилу Г. Кантора. Хорошо помню и отдаю себе отчет, что таковое посещение по-прежнему входит в мои «творческие планы».

диссертации Генриха Шварца «К теории порядковых типов»⁹⁷ в одном из букинистических магазинов Кёльна. В России этой работы, скорее всего, нет, и никто о ней, надо думать, не озаботился. Заодно В. Янцен любезно взялся, уже по собственной инициативе и попутно своим «заходам» в архивы, извлечь для меня тексты нескольких писем Г. Кантора к некоторым ученым и теологам Германии, из тех, что отложились в Библиотеке университета Галле–Виттенберг. Так что Кантор – никуда не ушёл и не отпускает...

Следующая порция системологических идей пришла из работы Ю.А. Шрейдера «Сложные системы и космологические принципы» (1976). Здесь также сопоставлялись теоретико-множественный и системный подходы (мы обсуждали это выше, см. *Оном.* 16), большой раздел отводился фундаментальной роли категории информации в теории систем (для понимания проблем информации и времени мне это тоже очень пригодилось, см. *Оном.* 7, *Оном.* 8). Но самое, пожалуй, интригующее в данной статье из «Системных исследований», и разворачивающее широкий философский горизонт – это исходный посыл ее: феномен сложных систем заставляет, ни много ни мало, *пересматривать общую картину мира*. Прежняя картина еще слишком физична (т.е. механистична), и в нее до сих пор плохо вписывается биологический, живой космос, – космос, буквально требующий системного подхода. Это хорошо видно по отношению к редукционизму, пишет Шрейдер: «Почти вся физика построена на редукции явлений к простейшим механизмам и субстанциям. В то же время основные идеи теории систем группируются вокруг изучения специфики целостных свойств системы, не редуцируемых к свойствам ее составляющих»⁹⁸.

Но и та и другая установки по-своему истинны и действенны, – «в своих сферах применимости обе установки плодотворны». Они необходимо нужны в своем очевидном отношении «взаимной дополнителности» или «двойственности». Следовательно, последовательная реализация системного подхода требует а) четко осознать эту принципиальную двойственность и б) прямо использовать принцип двойственности для указания тех «критических точек» познания, которые просто необходимо учитывать для пересмотра картины мира.

⁹⁷ Schwarz H. Ein Beitrag zur Theorie der Ordnungstypen. – Halle a/S., 1888. – 46 S. Генрих Шварц (22.12.1864–12.12.1951) довольно быстро отошел от математики и стал известен как крупный философ-метафизик. Когда настали трудные времена Германии, он занялся, увы, «философским обоснованием национал-социализма».

⁹⁸ Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежег. 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 152.

Так закономерно появляется «перечень Шрейдера».

Onomatodoxia – 17. Двойственные эвристики. Свой длинный список пар познавательных установок Ю.А. Шрейдер оформлял в виде энергичных утверждений – *эвристик*, будто бы по наши дни хранящих древнюю энергию первооткрывателей⁹⁹. Новая мысль о мире сообщалась явно незастьюшей, буквально в движении, – да и как иначе поспеть, ежели мир-то сам вечно подвижен? Да и извлекалась она, эта мысль, не со скрижалей энциклопедий или из недр толстых монографий, но по следам тихого разговора, из мало кому известной и частной переписки двух ученых: «Идея рассмотрения двойственных эвристик заимствована автором у С.Ю. Маслова (из его письма к А.А. Любищеву от 3 мая 1971 г.). Там же описаны первые семь пар из приводимых далее эвристик в несколько отличной от даваемой ниже формулировке». Следом Шрейдер давал *девятнадцать пар* эвристик, предпочитая величать их как «Н-эвристики и Р-эвристики (условно различая их по тяготению к номинализму и реализму¹⁰⁰):

1Н) индивидуальная вещь важнее идеи (подлинное существование имеют только индивидуальные объекты), следовательно, ищи конкретные свойства индивидуума;

1Р) идея важнее своего воплощения, следовательно, изучая конкретный предмет, нужно искать воплощенную в нем идею;

2Н) исследовать целое нужно путем сведения его к элементарным частям, которые определяют свойства целого;

2Р) нужно изучать специфику целостного объекта, а в его частях искать проявления целого; <...>

⁹⁹ Парадигмальную историю о том, как Архимед решил трудную задачу царя Гиерона, сохранил для нас Витрувий: «Случилось так, что в то время как Архимед над этим думал, он пошел в баню и, садясь в ванну, заметил, что чем глубже он погружается в нее своим телом, тем больше через край вытекает воды. И как только это указало ему способ разрешения его вопроса, он, не медля, вне себя от радости, выскочил из ванны и голый бросился к себе домой, громко крича, что нашел то, что искал; ибо на бегу он то и дело восклицал по-гречески: **εὕρηκα, εὕρηκα**» (*De architectura libri decem*, кн. IX, перевод с лат. Ф.А. Петровского). Осталось прибавить, что в 1970-е годы «эврика» была на слуху: эвристика как наука (почти) об интуиции и творчестве, эвристическое программирование и проч.

¹⁰⁰ Однако, как отважен Юлий Анатольевич: легко апеллирует к переписке мыслителей, будто на дворе не «расцвет застоя», а XVII-й, золотой век науки и писем, спешит напомнить о старинном споре средневековых схоластов и с первой же пары познавательных установок сталкивает лбами материализм с идеализмом.

8Н) искать причинно-следственные связи между явлениями;

8Р) искать смысл явлений, проявляющийся в целях; <...>

13Н) не вводить новых сущностей («бритва Оккама»);

13Р) вводить новые сущности (вообще неизвестные факторы) там, где они могут быть охарактеризованы и обладают объяснительной силой¹⁰¹;

<...>

17Н) истина, добро и красота историчны и конвенциальны; критерии истинности, эстетичности и нравственности следует рассматривать в исторической парадигме;

17Р) существуют абсолютные истина, добро и красота, относительно которых следует оценивать все сущее; <...>

19Н) объект не зависит от факта существования теории, описывающей этот объект;

19Р) объект может претерпевать внутренние изменения под влиянием теории, описывающей этот объект»¹⁰².

Прокомментировав каждую из пар (читатель, к примеру, легко находит во второй паре присутствие принципа системности), Шрейдер не упустил случая лишний раз продемонстрировать динамику любезного ему (а нам так и радостного!) «приключения идей», и прибавил еще три пары эвристик («наш список заведомо не завершен»), из которых здесь приведем, для краткости, только последнюю:

«22Н) ищи хорошо воспроизводимые в эксперименте явления;

22Р) ищи редкие явления»¹⁰³.

Имел честь несколько раз обсуждать составляющие этого перечня и принципы его устройства с Ю.А. Шрейдером. Конечно, Юлий Анатольевич соглашался с тем, о чем он в статье своей уже говорил – что «приведенные эвристики частично коррелированы», что список их «открыт для дальнейшего пополнения»¹⁰⁴, и что главное – утверждать как факт принципиальный саму эту дополнительную: о ней нужно кричать на всех

¹⁰¹ Не удержусь от комментирующего примера: строго по эвристике (13Р) действуют физики-космологи, вводя спорное представление о «темной материи» и «темной энергии». Шрейдер в 1975 г. еще не мог бы привести этот пример.

¹⁰² Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы. С. 153–4.

¹⁰³ Там же. С. 158. Ох уж поупражнялись в.п.с. и коллеги (во Чернецком периоде жизни) с этой «простенькой» номинацией (22Р): столько положено труда и получено интеллектуальных радостей на поприще «борьбы с ЛБЦ»! А наша «циклическая запись» ведь прямо собирала «редкие события», не так ли?

¹⁰⁴ Там же. С. 154.

углах, где собираются ученые. Его особенно занимал вопрос, как можно использовать подобный набор эвристик для сравнения и классификации научных и философских теорий, как современных, так и прошлых. Моя небольшая критика в основном касалась характера типологий: так ли уж очевидно и плодотворно разведение эвристик по областям главенства номинализма и реализма (в чём видна некоторая искусственность всей конструкции)¹⁰⁵. Куда очевиднее разводить две группы эвристик по полюсам *простые системы / сложные системы*, ибо ради них, систем, и затеян был «весь сыр-бор». Критерий группирования эвристик более внятен.

Взяв в пример Шрейдера, список рекомендаций-эвристик я все-таки попытался модернизировать и составить новый, прямо ориентируясь на «сложные системы» и потребности скорее системотехники, нежели системологии. Он был опубликован в соответствующем месте книги «Диалог со сложными техническими системами» (1996). Изложение этого списка эвристик («списка после Шрейдера») можно найти в статье «Несколько эпизодов службы...», см. первый вып. «Тропы».

Прибавлю на обширной картине «списка» еще несколько штрихов. Принцип двойственности или, вернее сказать, дополнительности давно работает в математике (и в физике, конечно, тоже – имею в виду хотя бы Н. Бора и его известный трюк с непрерывностью и дискретностью в квантовой механике), но об этом всематематическом ко-, лат. *co-* (бывшем *sim-*) надо бы составлять целую книгу. В мои планы это никак не входит. Сошлюсь только на целый ряд работ математика Ю.Т. Лисицы (р. 19.05.1947), «по совместительству» он – главный издатель и комментатор трудов Ивана Ильина, публициста и философа¹⁰⁶. Твердая опора на принцип дополнительности позволяет ему строить теорию множеств, в известном смысле дополнительную (или двойственную) к канторовской теории: если в теории Г. Кантора возникает бесконечная иерархия актуальных бесконечностей, то у Ю.Т. Лисицы подобная же иерархия выстраивается из бесконечностей потенциальных¹⁰⁷. На данном примере «из жизни» мы вправде

¹⁰⁵ Анекдотичная «дополнительность» присутствует, однако, на клавиатуре компьютера: кириллическая букваца Р заменяется на Н в раскладке латиницей.

¹⁰⁶ Любопытно заметить, что для И.А. Ильина, как мне представляется, принцип дополнительности является абсолютно чуждым.

¹⁰⁷ Доклад Юрия Трофимовича Лисицы «Об очевидности. Сканды как обобщения Миримановских экстраординарных множеств» состоялся на нашем Семинаре «Русская философия» 28 февраля 2012 года. Должно прибавить, что публикации об экстраординарных множествах у Ю.Т. «проходят» трудно.

в продолжение начатого у Шрейдера перечня познавательных эвристик прибавить по меньшей мере еще одну пару:

№ Н) если и есть в мире бесконечность, то она потенциальна;

№ Р) всякая «хорошая» бесконечность актуальна.

А чтобы при этом не возникало иллюзий, что список наш наконец-то «завершен», что он, напротив, по-прежнему «открыт для дальнейшего пополнения», придется от себя предложить пару эвристик, жизнью тоже проверенных (прошу только взять для сравнения из 17Н–17Р родственную, но по условиям времени слегка завуалированную идею):

№+1 Н) однако, миром правит Молния¹⁰⁸, потому всё относительно;

№+1 Р) миром правит Св. Троица, потому следует искать абсолюты.

Принцип двойственности¹⁰⁹ действительно вездесущ. Он пронизывал в прошлом и пронизывает донныне различные мировоззрения. Не так давно это *вездесущее* оригинально выразил профессор МГУ Г.Г. Майоров (р. 03.03.1941), известный историк западноевропейской философии. Он предложил универсальное деление *всех* философских школ на два дополняющих друг друга типа – *акустиков*, доверяющих «гласу бытия», и *оптиков*, которые «созерцают» и «видят». Или, что то же – «философская акустика» и «философская оптика»¹¹⁰. По необходимости опуская многие историко-философские оговорки и уточнения со стороны богатейшей греческой семантики, можно примерно так расширить (после Геннадия Георгиевича) наш познавательно-эвристический список:

№ +2 Н) доверяй очевидному (как «видит» Платон);

№ +2 Р) доверяй «голосу бытия» («слышат» Гераклит и Хайдеггер).

А завершить тему двойственных эвристик мне бы хотелось *единой эвристикой*. Ее мы найдём у Николая Кузанского, великого диалектика.

¹⁰⁸ *Гераклит*, фр. 64 DK; Г. Дильс переводит: Das Weltall aber steuert der Blitz.

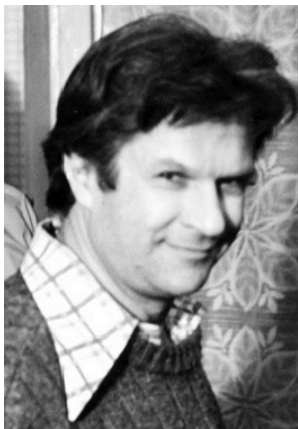
¹⁰⁹ В этом термине, конечно, сокрыты некрасивые коннотации. Упомянутый Ю.Т. Лисица предпочитает говорить не о *двойственности*, но о *двойстве*. Я бы согласился с этим старинным (верным традиции) выражением.

¹¹⁰ Доклад «Философская оптика и философская акустика» Г.Г. Майоров прочитал на нашем Семинаре «Русская философия» 09.02.2006. Спустя некоторое время на очередных «Прописях» в Костроме мы попробовали примерить эту типологию (разумеется, веселясь) для наиболее значительных фигур в русской философии. Все дружно согласились, что Флоренский – это Большой Глаз, Лосев – Большое Ухо, а дорогой Василий Васильевич, разумеется – Большой Нос. Не вспоминали тогда о русских феноменологах; я бы теперь прибавил в эту шутливую классификацию, что Шпет – это Большое Наощупь.

Он, мастер игры с графическими символами, в трактате *De coniecturis* (ок. 1442) изобразил интересующую нас двойственность («двойство») Вселенной в виде двух встречно направленных треугольников, назвал такую фигуру по-гречески *paradigmatica* и повелел с должной категоричностью:

№ +НК) используй эту фигуру во всех исследованиях¹¹¹ #

А теперь наступил кайрос и нашлось место для рассказа еще об одном замечательном лице, ставшем реальным (олицетворившимся) в моей Чернецкой жизни. Это *Юрий Алексеевич Гастев* (22.03.1928–12.10.1993), который в моменте, когда я его увидел, в первый и в последний (сразу) раз, работал в отделе Ю.А. Шрейдера в ВИНТИ. Ничего «этого» я о нем не подозревал. В дальнейшем же, когда мои отношения с Юлием Анатольевичем уже были вполне дружескими и, кажется, доверительными, о

Гастеве он со мной не заговаривал. А когда уже мне как-то по случаю спросилось, каково же его мнение о гастевской книге «Гомоморфизмы и модели» (эта книга доставит нам материал для *Опм.* 18), он отделался беглым замечанием «ну что, хорошая работа» (хотя был, между прочим, ответственным редактором книги, совместно с Б.В. Бирюковым) и, как-то странно улыбаясь, постарался перевести разговор на другую тему... А когда вдруг выяснилось, что из моей статьи, поданной для публикации в сборниках ВИНТИ, категорически следует убрать упоминания имени Гастева – иначе «зарезут»

статью, – Юлий Анатольевич скупно объяснил мне, что автор книги «Гомоморфизмы и модели» позволил себе ссылки и благодарности в адрес «изгоя» А.С. Есенина-Вольпина, а потому теперь сам «гоним». Объяснил, но как выяснилось позже, далеко не всё. Шрейдер меня попросту оберегал.

Я видел и слышал Юрия Гастева, как было сказано, единственный раз, и вполне случайно, – вот таким именно, ироничным и насмешливым, как на этой фотографии. Не вспомню точно, на каком «кибернетическом» семинарии и где это было (вроде бы в МГУ). Меня покорили, можно сказать,

¹¹¹ *Николай Кузанский. О предположениях // Николай Кузанский. Сочинения в двух томах. Т. 1.– М.: Мысль, 1979. – с. 207, пер. З.А. Тажуризиной. Таков призыв в конце гл. 9 (De unitate et alteritate): «Noc retento utere figura hac in omnibus inquirendis». Латинский текст см. на сайте у-та в Аугсбурге, Bibliotheka Augustana.*

его чрезвычайно остроумные и живые реплики, которые он выдал по поводу очередного доклада и скучнейшей темы оного (а это помню – речь шла о перспективах исчисления предикатов, и всюю спрягали имена Генцена и Эрбрана). Спрашиваю соседа: – Кто сейчас выступал? – а в ответ получаю круглые глаза и возмущенное удивление: – Это же Гастев, переводчик MATHEMATICAL LOGIC...

Поскольку трактат Клини уже «подержал в руках», мне всё стало понятно. Поэтому, когда в конце 1975 года увидел в продаже книжку с бордовой обложкой и торжественно-строгим названием «Гомоморфизмы и модели. Логико-алгебраические аспекты моделирования», я тут же ею завладел. А книжка тут же овладела мною.

В моей библиотеке она – самая ветхая, ибо зачитанная, ибо изучалась вдоль и поперек, и довольно, пожалуй, долго. Только книгу Лосева «Проблема символа» (1976) могу предъявить примерно в том же качестве. Некоторые *философско-алгебраические* (можно так сказать?) идеи Гастева так меня задели, что я принялся составлять некое переложение – или приложение – этих идей для наших (весьма конкретных) задач в сложных технических системах. Принялся, уже зная, что Ю.А. Гастев «не на хорошем счету». Но ведь такие красивые и прозрачные идеи! – Так, в итоге, по служебной надобности появился отчет «Логико-алгебраические аспекты моделирования и повышение достоверности радиолокационной информации» (1980), ему был присвоен серьезный «гриф»¹¹², и отправился оный «наверх» по инстанциям. Через какое-то время из нашего Главкомата приехали офицеры, и от одного полковника довелось услышать: «Ты хоть понимаешь, что прислал? Там же, как минимум, две докторские диссертации. И целая программа больших исследований»¹¹³. А я, конечно, скромничал и

¹¹² Кроме положенного грифа секретности, на этом сугубом документе стояло еще неположенное посвящение: *Светлой памяти В.Т. Радченко*. Накануне скоропостижно (и нелепо) скончался наш коллега по делам программистским Владимир Тимофеевич Радченко, главный баллистик НИИДАРА, это он кликал меня «звездочётом». Пришлось долго уговаривать начальника штаба п-ка Трутнева, чтобы ту дружескую строчку все-таки «допустили».

¹¹³ Здесь «один полковник» – Саша Игнатов, которого мы застали еще в первом составе отдела боевых алгоритмов и программ Чернецкой части, при подполковнике Сыроватском который. Талантливый Саша был человек, всех превзошёл «по специальности». Ему тогда очень светила солидная штабная должность; а много ли нашего брата ходит в генералах... Вскоре, увы, погиб. Несчастный случай. Спасибо, Саша, за слова добрые и за дела. Земля тебе пухом...

отнекивался: дык только всего и сделал, что переложил, мол, одну серьезную книжку «на шелест родных осин»...

И все-таки наш изобретатель не совсем точно представлял, на какую литературу он так старательно ссылался, и откуда извлекал, допустим, операцию *расширенной факторизации* для улучшения работы «средств» по сложным и групповым целям, а мечты Гастева о *метаморфизмах* и *параморфизмах* внедрял в самое нутро проблемы борьбы с ложняками-лебедями (ЛБЦ). И не знал, сколь много *анекдотов*, как выразились бы в старину, связано с именем автора этой ценной книги.

Ю.А. Гастев, оказывается, давно числился в диссидентах. Как водится, все 1970-е годы подписывал всяческие «письма протеста», активно сотрудничал с «Хроникой текущих событий». А диссидентом его сделала еще в юности искалеченная жизнь, и его неукротимое острословие, когда студентом получил срок «за разговоры», вернее, за впаад (но не к месту) сказанное *bon mot*¹¹⁴. А жизнь не отучила его острить – причем тонко.

Вот и в этой книге, Гастев весьма порезвился на ниве ономотомахии. Перечисляя во введении имена тех, кто «оказал наибольшее влияние на автора», он наряду с известными математиками и кибернетиками уместил каких-то явно сторонних У. Стокса и Дж. Чейн. Так мало того, в п. 55

¹¹⁴ «Это случилось в зимнюю экзаменационную сессию в феврале 1945 года. Надо сказать, что в те времена факультеты механико-математический и исторический находились в так называемом “новом” здании (Моховая, 11), причем математики занимали верхний этаж. Представьте себе картину: только что успешно сдавший экзамен Юра винтом скатывается по перилам лестницы, держа под мышкой руководство, по которому он сдавал аналитическую геометрию. Внизу стоит кучка историков, тоже сдавших свои экзамены. Один из них хватает спустившегося по лестнице Юру, с корпоративным презрением выхватывает у него учебник и, издевательски читая его заголовок, произносит:

– Подумаешь, Мухелишвили!

И тогда Юра совершенно таким же движением выхватывает у историка его учебник, смотрит на его заглавие и в тон говорит:

– Подумаешь, Джугашвили! (это был “Краткий курс”)

Что и говорить, Юра за словом в карман не полезет... Однако в этом случае остроумие обошлось ему дорого: кто-то из кучки историков “настучал”, Юру арестовали и дали 4 года лагерей. Возможно, ему припомнили и другие грехи, но первопричиной ареста была коллизия “Мухелишвили – Джугашвили”» (*Шкловский И.С.* Эшелон: Невыдуманные рассказы. – М.: Новости, 1991. – 221 с.).

«Литературы» привел и «основной труд» данных товарищей: *J. Cheyne and W. Stokes. The breath of the death marks the rebirth of spirit.* – «Mind», March 1953. И ведь никто (!) из гонителей и цензоров не заметил, что сей клоунский «научный аппарат» карикатурно-точно указывал на кончину Сталина. Смерть Лучшего друга математиков (и евреев), как тогда сообщали, сопровождалась предсмертным дыханием Чейн-Стокса...

Добавим, что решающее событие марта 1953 года позволило студенту мехмата МГУ выйти из лагеря, вернуться (далеко не сразу) в Москву и дополучить математическое образование, но уже в МГПИ им. Ленина. Для него жуткое «дыхание смерти» знаменовало, точно, возрождение духа¹¹⁵. А жизнь, во всяком случае, научную ему все-таки поломали, в 1981 году вынудив уехать «за бугор». Там, во Франции и потом в Штатах, ничего стоящего он уже не сделал. Единственная книга о морфизмах и моделях (расширенный вариант кандидатской диссертации, защищенной 07.01.1971) так и осталась высшим достижением Ю.А. Гастева, человека точного и острого, как эллинское ударение, слова¹¹⁶. Она диктует следующие имена:

Onomatodoxyia – 18. Морфизмы и модели. Начнем с дефиниций *модели*. В свое время, изучая и обобщая употребления термина «модель» в лингвистике, в том числе математической, А.Ф. Лосев констатировал наличие не менее 27 значений этого термина (он опирался при этом на доклад Чжао Юань-жень на Международном конгрессе в Стэнфорде в 1960 году), а затем, привлекая примеры понимания моделей в других науках, довел это количество до 34 и пообещал, что и дальше можно «умножать»¹¹⁷. Сам философ предпочел поставить «структурный» акцент в искомом определении, делая его достаточно универсальным: «модель есть *структура, перенесенная с одного субстрата на другой и воплощенная в нем реально-жизненно и технически-точно*»¹¹⁸. Далее на базе такого понимания модели строилось учение о фонеме как основной образующей языка.

Несколько иначе подошел к вопросу о многообразии моделирования Ю.А. Шрейдер. Он сознательно «развёл» понимания модели по трем почти

¹¹⁵ Эту часть «анекдота Гастева» я узнал только в ноябре 2005 г. и, как смог, описал в своих Exempla, см.: «Поводы и случаи». – М.: Перо, 2016. – С. 19–20.

¹¹⁶ «Из свежего» о Гастеве: *Бирюков Б.В.* Трудные времена философии. Юрий Алексеевич Гастев: философско-логические работы и «диссидентская» деятельность. – М.: URSS, 2010. – 160 с. Это последний том в серии «Времени».

¹¹⁷ *Лосев А.Ф.* Введение в общую теорию языковых моделей. – М.: Изд. МГПИ им. В.И. Ленина, 1968. – С. 13–19.

¹¹⁸ Там же. С. 28.

не пересекающимся смысловым сферам, установив кибернетическую модель (модель κ), математическую (модель μ) и лингвистическую (модель λ), и введя между ними очевидную связку¹¹⁹:

модель κ = модель μ для модели λ .

Шрейдеру эта связка понадобилась для указания сугубой вторичности кибернетических моделей и указания, вопреки тогдашней моде, их *принципиальной слабости*, а сам он сосредоточился, в основном, на изучении моделей μ с философской и математической сторон¹²⁰.

Эти размышления базировались на теории *алгебраических систем* А.И. Мальцева (иногда Ю.А. Шрейдер ссылался также на работу П. Кона «Универсальные алгебры») и, далее, на результатах *теории категорий*. Здесь нам понадобится небольшая повествовательная развилка, или короткое около-системное отступление, ведущее в сторону от московских коллективов и интеллектуальных тусовок, по нашему сюжету, «за Урал».

Академик *Анатолий Иванович Мальцев* (14.11.1909–07.07.1967) прожил до обидного мало, но успел создать мощную сибирскую математическую школу (настолько мощную, что многие *философские* работы, приходящие из-за Урала, до сих пор пестрят математической символикой и полны переключками с точными науками), а также наметил пути развития *теории множеств* как большого синтетического направления в математике. Говоря коротко, это союз алгебры и математической логики, очень пригодившийся для укрощения возникших вскоре, как «обвал» или «вспышка», всевозможных алгоритмических языков¹²¹. А основным предметом исследования в этом союзе стал объект по имени «алгебраическая система».

Поразительна прозрачная ясность такого предмета! Следует, по Мальцеву, изучать *алгебраическую систему* (или просто *систему*)¹²²

$\tilde{U} = \langle A, \Omega_F, \Omega_P \rangle$, где A – непустое множество, Ω_F – множество операций, определенных на A , Ω_P – множество предикатов, заданных на A , причем арности рассматриваемых операций и предикатов согласованы.

¹¹⁹ Шрейдер Ю.А., Шаров А.А. Системы и модели. – С. 37.

¹²⁰ Не удержусь от комментария! Шрейдеру многогранность и умение видеть «спектры смыслов» четко схватила очередная острота Юрия Гастева о своем начальнике: «Юлики это наш праведный многогранник» (сообщ. В.К. Финна).

¹²¹ Линию подхватили «два ерша» из большой реки сибирской науки – теоретик *Юрий Леонидович Ершов* (р. 01.05.1940), прямой ученик А.И. Мальцева и создатель «теории нумераций», и, на практике, *Андрей Петрович Ершов* (1931–1988), первый академик из числа «чистых программистов» (друзья – NB!).

¹²² Мальцев А.И. Алгебраические системы. – М.: Наука, 1970. – С. 46–47.

Далее, именованные множества Ω_F и Ω_P образуют *сигнатуру*¹²³ системы и составляют основу ее *языка описания*. Наконец, алгебраическую систему \tilde{U} принято называть *алгеброй*, если $\Omega_P = \emptyset$, и *моделью* (или *реляционной системой*), если $\Omega_F = \emptyset$ ¹²⁴. Системы могут отображаться одна в другую, и фундаментальную роль при этом получают два важнейших понятия – *изоморфизм* (при взаимно однозначном отображении систем, сохраняющем их главные операции и главные предикаты) и *гомоморфизм* (при одностороннем отображении)¹²⁵. Так появляются стрелки, т.е. *морфизмы*. На вводимом таким образом языке, – но далее прошу читать монографию А.И. Мальцева, эпически строгую – можно описывать как классические объекты алгебры (группы, кольца, тела, решетки, булевы алгебры), так и более изощренные структуры (фильтрованные произведения, свободные и амальгамированные композиции, многообразия групп и колец и т.д.). – Словом, торжество систем и *самой* сложности.

Москвичи-философы (и, по счастью, математики) Шрейдер и Гастев внесли в эту математику широту содержательных интерпретаций, а также философскую точность, и всё ради нужд системологии. Опишу их вклад вкратце, в восьми пунктах (а–9), как я его понял и увидел, и как хотелось бы, что называется, «передать дальше».

Прежде всего, а) устраняется одна важная недомолвка (математику-то всё ясно, а вот философу – нет¹²⁶), ибо в «определении модели m несколько обескураживает отсутствие обязательного зависимого родительного падежа (модель m чего?)». Выясняется, что «следует ввести понятие “теории”»¹²⁷ и прямо использовать его: да, в рассматриваемой отрасли мысли модель $_m$ должна быть *моделью формальной теории*. Но для такого введения нужен тонкий переход от предикатов (отношений) к сигнатурам, т.е. вступает в игру могущественный акт именованья: в модель входят предикаты p , а в сигнатуру – *имена* предикатов P , и только в таком смысле можно и нужно говорить – модель m в сигнатуре Ω . Выделение самостоятельной области имен-сигнатур позволяет вести речь о «родственных» (соименных) моделях, допускающих объединение в классы и подпадающих под общую теорию.

¹²³ Красивый термин, взятый из средневековой схоластики, удачно отображает специфический-символический характер языка алгебраических систем.

¹²⁴ Заметим, как изящно в «триаде» системы ставится логическое ударение!

¹²⁵ *Мальцев А.И.* Алгебраические системы. – С. 48–50.

¹²⁶ Конечно, особенно нужна ясность философу, который привык различать вещь и понятие (имя) вещи, или тому, кто достаточно слышан об имяславии.

¹²⁷ *Шрейдер Ю.А., Шаров А.А.* Системы и модели. – С. 23.

Теория, таким образом, должна предстать как описание логического языка, приложимого к моделям. Или, точнее: *теория* $T = \langle \Omega, \{\Phi\}, \{\rho\} \rangle$, где Ω есть множество имен предикатов $\{P\}$, $\{\Phi\}$ есть множество формул в сигнатуре Ω , а $\{\rho\}$ – множество правил вывода в данной аксиоматике. В модели теории всякое формальное утверждение становится истинным высказыванием о модели¹²⁸. *Хорошая* модель получается только при совпадении сигнатуры модели с сигнатурой теории.

Чрезвычайно интересен содержательный комментарий Шрейдера β) о *природе* теории. «Главная особенность понятия формальной теории в том, что здесь нет никакого базового множества. Это некоторые аксиомы, заданные “ни на чем”. Фактически это экспликация *платоновской идеи* (выд. мною – *В.Т.*). Формальная теория описывает некоторые свойства объектов, но не указывает эти объекты. Это можно сравнить с ситуацией, описанных Ст. Лемом в “Звездных дневниках Иона Тихого”: Ион Тихий прилетает на некоторую планету. Он хочет попасть на некоторое торжество, но ему говорят, что надо достать сепульки. Как их достать? Их надо купить. Он приходит в магазин и спрашивает: “У вас есть сепульки?” – “Есть, но только со свистом”. – “Ну, дайте мне”. – “Простите, а вы – женаты?” – “Нет, а какое это имеет значение?” – “Нет, женатым не продаем”. И дальше идет долгий сюрреалистический разговор, из которого можно узнать про сепульки массу интересных вещей, кроме того, что это такое. Здесь в некотором смысле рассказывается формальная теория без реализации»¹²⁹.

Соотношение модели и теории вполне подходит для многих объектов науки. Однако оно нуждается в существенном развитии, если мы хотим описывать объекты «с помощью классов моделей, представляющих различные аспекты этих объектов», т.е. склоняемся к системному подходу¹³⁰. Если мы, действительно, хотим описывать системы.

В этих целях, для начала, создается γ) промежуточная логическая конструкция, называемая *каркасом*. Она явно лежит между моделью и

¹²⁸ Там же. С. 23–27. Множество $\{\rho\}$ можно не указывать, если правила вывода одинаковы во всех теориях (это обычная ситуация).

¹²⁹ Там же. С. 27. Мне посчастливилось дважды, но в разных контекстах обсуждать с Ю.А. «анекдот» *Ijona Tichego*. История эта так покорила и запомнилась, что однажды, обретаясь в Кракове, я специально приобрел польское издание «Dzienniki gwiazdowe» (Kraków, 2008) и с наслаждением (и со словарем) перечёл в «Путешествии четырнадцатом» место о сепульках и *modnych sepulkarów*:

– I ran chce sepulkę...? Bez żony...?

¹³⁰ Там же. С. 42.

теорией: $K = \langle \langle M, p \rangle, \Omega_2, A \rangle$, где $\langle M, p \rangle$ – модель в сигнатуре Ω_1 , Ω_2 – сигнатура, не имеющая общих имен с сигнатурой Ω_1 , A – аксиоматика, где используются имена как из Ω_1 , так и из Ω_2 . Как видим, «каркас отличается от формальной теории тем, что в нем уже зафиксировано базовое множество M и даже некоторые отношения на нем. Модель $\langle M, p \rangle$ является как бы тканью, на которую наносится “рисунок” – отношения из сигнатуры Ω_2 ». «Понятие каркаса оказывается очень удобным в ситуациях, когда надо установить соответствие между моделями в существенно различных сигнатурах»¹³¹.

Другой конструкцией, важной для системных построений, оказывается далее δ) *категория*, опять-таки удобно передающая соотношения и трансформации (морфизмы) моделей и каркасов. Определения и азы теории категорий я здесь пересказывать не буду, подчеркну только, что в теории категорий великолепно развит язык практического манипулирования с морфизмами-стрелками. Можно сказать, *исчисление стрелок*. Но нельзя, пожалуй, не привести аргументы Шрейдера в пользу категориальных «удобств» с точки зрения системологии. «Категории, по всей видимости, являются одним из наиболее удобных способов описания систем. Во-первых, потому что теория систем должна быть инвариантна относительно способа описания внутренней структуры объекта $\langle \dots \rangle$. Во-вторых, в категориях объект принципиально целостен, поскольку не рассматривается его внутренняя структура. Это свойство также существенно для теории систем. В-третьих, свойства объекта раскрываются в сравнении с другими объектами. Объект обретает свойства лишь в определенной категории. Аналогично свойства системы определяются лишь в ее отношениях с другими системами. В-четвертых, объектами категории могут быть не только математические конструкции, но и предметы реального мира»¹³².

Теперь, наконец, можно построить строгую математическую конструкцию, или ε) дефиницию системы: «Системой Σ будем называть класс каркасов, между состояниями которых определены морфизмы». При этом приходится решать трудную, по логическому содержанию, задачу – изображать морфизмы состояний каркасов. «Трудность здесь состоит в том, что эти состояния могут быть весьма разнообразными моделями, а обычные определения изоморфизма и гомоморфизма имеют смысл только для моделей

¹³¹ Там же. С. 42–43.

¹³² Там же. С. 58–59. Прибавлю, возвращаясь к монографии А.И. Мальцева, что техника *теории категорий* у него, пусть и в зачатке, намечена: «категорийные понятия» (с. 75), «реплики» алгебраических систем (с. 289–299) в указ. соч.

с одинаковой сигнатурой»¹³³. За строгим изложением соответствующего *триока Шрейдера* отсылаю к его работе в «Системных исследованиях»¹³⁴, а о существовании «триока» можно сказать вкратце: удастся изображать целое (систему) набором каркасов, если нивелировать «разносортницу» моделей через попарные морфизмы («переименования») состояний каркасов.

Если теперь обратиться к вкладу в системологию (вернее, в философию систем) со стороны Ю.А. Гастева, то мне бы особенно хотелось выделить (ξ) его, как всегда, остроумные комментарии и разъяснения по поводу ключевых в алгебре представлений о *факторизации* и *гомоморфизме*; мне, например, очень симпатична его веселая «дефиниция» для гомоморфизма – это «изоморфизм в сумерках», т.е. – «чего-то не заметил – очень может быть... но ничего не придумал»¹³⁵. Большой теоретический интерес представляют, далее, выдвинутый им (η) оригинальный подход к более общему представлению моделей через *обобщенные* гомоморфизмы, – именно, посредством *метаморфизмов* (когда между сигнатурами алгебр тоже устанавливается отношение гомоморфизма) и *параморфизмов* (когда в сигнатурах учиняется «последний» гомоморфизм – снимается требование взаимной однозначности между арностями в сигнатурах)¹³⁶. Наконец, наш автор, с очень важными оговорками и философскими предостережениями¹³⁷, указывает (θ) перспективы развития только едва намеченной здесь «структурной эпистемологии» в сторону некоторой отрасли семиотики, может быть, даже «формальной семиотики»¹³⁸.

Так замыкается траектория недавней логико-философской мысли, возвращая нас к началу этого экскурса, к определению модели у Лосева, и вступая в переключку с темой символа в рамках наших *Оп. 13, 14 и 15 #*

Здесь можно было бы завершить как саму тему о сложных системах, как и рассказ о встречах с выдающимися мыслителями, на эту тему «завязанных» (в рамках Чернецкого хронотопа очерчивая). Однако не могу не сказать об одной *невстрече* и еще об одном *имени*, без которого любое изложение о системах и сложном будет, в точном смысле слова, *существенно неполным*. Это – выдающийся лингвист и системолог, да еще и специалист по

¹³³ Там же. С. 73.

¹³⁴ *Шрейдер Ю.А.* Язык описания систем // Системные исследования. Ежег. 1973. – М.: Наука, 1973. – С. 226–238.

¹³⁵ *Гастев Ю.А.* Гомоморфизмы и модели. – С. 32.

¹³⁶ Там же. С. 81–84 и 90 (определение), 84–88 и 91 (определение).

¹³⁷ Там же. С. 118–129.

¹³⁸ Там же. С. 129–136.

ядерной физике, *Геннадий Прокопьевич Мельников* (22.08.1928–21.02.2000), работавший в МГУ и РУДН¹³⁹.

Прискорбный, сознаюсь, факт: я ничего не слышал и не знал о нем в ту пору, так сказать, «бурь и натисков». И Шрейдер о нем не обмолвился ни разу. Да и позже, когда в круг моих близких друзей вошла Л.А. Гоготишвили – а ведь Мила знала всех и вся по философии языка, – это имя не всплыло в наших многочисленных разговорах ни разу. Объяснение только одно: Г.П. Мельников был вне большинства научных тусовок («невидимых творческих коллективов»), каковых было полно тогда в Отечестве нашем. Вне тартуских, вне московских... *Феномен*. У Мельникова в ближайших (соприродных) собеседниках были Лейбниц, фон Гумбольдт и Потенбня.

Мельникова я открыл «себе и сам» в начале 2000-х, когда принялся выступать (в разных аудиториях, на разных научных конференциях) по поводу ценностей и завоеваний *отечественной системологии*¹⁴⁰. По поводу мысли, пронизывающей все известные науки, от химии (Менделеев с его периодической системой) и кристаллографии (группы Федорова) до... Тут и выяснилось, что есть (увы, был) у нас ученый, который создал *системную лингвистику*, или основы систем естественных языков. Создал – большим дополнением к трудам князя *Николая Сергеевича Трубецкого* (04.04.1890–25.06.1938) с его великой морфонологией.

Оказалось также, что как раз в 70-е годы Г.П. Мельников выполнил интереснейшую работу, которой тогда было бы самое место на моем рабочем столе¹⁴¹. Как же небрежно распорядился случай, как же жалко!.. Столько ценных для меня тогдашнего тем и сюжетов! Сколько ярких и ясных мыслей, которые явно избавили бы от плутания в одиночку (ну, или под легкими и бережными тычками со стороны Ю.А.), сколько!.. Пожалуй, перечислю некоторые, почти наугад, но из самых «родных»: рассмотрение систем как адаптивных объектов (1.3); антиципация и опережающее отражение (2.2); символика для обозначения объектов и их свойств (2.4) и изящная запись классификации знаков по Пирсу (3.1); «синсемический куб» как система лексикологических категорий (3.3); методология подходов к созданию «искусственного интеллекта» (3.5); структурность как специфическая знаковая система (3.5). Эх, позавчера бы...

¹³⁹ О нем см. хороший сайт: <http://philologos.narod.ru/melnikov/melnikov.htm>.

¹⁴⁰ Из недавних выступлений: «О системологической традиции в русской мысли» (Дом гуманитарных наук Аквитании, г. Бордо, декабрь 2015).

¹⁴¹ *Мельников Г.П.* Системология и языковые аспекты кибернетики. – М.: Сов. радио, 1978. – 368 с. Далее пойдут ссылки (цифрой в скобках) на номера глав.

Отдавая (сколько по силам) дань уважения творческому наследию Г.П. Мельникова, попробую теперь хотя бы бегло оформить, в виде гипотез, две интересные и перспективные, на мой взгляд, параллели или аналогии. Конечно, не выходя при этом за пределы данной главы, т.е. для сравнения беря уже сказанное и намеченное ранее о системах и морфизмах.

Параллель, стало быть, первая. Г.П. Мельников вводит представление о «внутренней форме языка» (не внутренней форме *слова*, как у Потебни и Шпета, а языка в целом, языка как *системы*), называет ее *детерминантой* языка и демонстрирует наличие детерминант в различных языках мира, для чего многие из таковых специально изучаются им. Теперь берем ранний (1936) замечательный результат А.И. Мальцева – «локальную теорему языка» или «теорему компактности» (она называется еще теоремой Мальцева–Гёделя), доказанную для произвольных сигнатур алгебраических систем – и кладем эти два обобщения рядом и в переключку.

Параллель вторая. Будучи последовательным, Г.П. Мельников находит главное во внутренней форме флективного индоевропейского строя – его *событийность*, а во внутренней форме русского языка, как достойного представителя языковой семьи, различает картину смыслов по схеме *развивающегося события*. Конечно же, рядом следует положить всю изощренную панораму переплетенных и согласованных морфизмов, без которых невозможна, как мы выяснили, передача подлинной системности.

Знаю, что ассоциации, параллели и аналогии еще не составляют науки, но они умеют «издали» или «сверху» показывать ее величие. Остается напомнить небезызвестный афоризм польского мыслителя *Стефана Банаха*: «Хорошие математики видят аналогии между теоремами или теориями, а лучшие математики видят аналогии между аналогиями»¹⁴².

Продолжение, надеюсь, последует.

*Ниже читатель найдет два «Приложения»,
где воспроизводятся некоторые опубликованные ранее работы,
имеющие отношение к затронутым здесь темам,
и даются новые рукописные материалы.*

¹⁴² В авторитетной передаче С. Улама (из «Приключений математика», 1976): «Банах как-то сказал мне: ...». Отмечу также по месту: недавний сборник работ явно междисциплинарного характера (здесь в смеси представлены теоретическая биология, математическая физика, проблема сложности) назван верно и точно, – Улам С. Аналогии между аналогиями: математические доклады С.М. Улама и его коллег по Лос-Аламосской лаборатории. – М., Ижевск: ИКИ, 2013. – 576 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ПИСЬМО Н.Н. ЛУЗИНА В.И. ВЕРНАДСКОМУ¹⁴³

[22 об]<...> Мы с Надеждой Михайловной¹⁴⁴ много ходим. В остальное время я работаю над уравнениями с частными производными и пришел к результату поставленному еще в 1918 году к получению, но не достигнутому вследствие крайней сложности вычислений¹⁴⁵. Когда я начал рассматривать вопрос этот, мне сразу же бросилась в глаза возможность применения символического метода, оказавшаяся, в самом деле, проводимой фактически.

Вообще – философски, символ вещь мало-понятная. На первый взгляд кажется, что символ, знак не имеет никакой действительности, вне интеллекта его создавшего. Но на самом деле, символы, будучи вызваны к жизни силою интеллекта, далее, оторвавшись от создавшего их ума, начинают жить своею собственной жизнью; и комбинируясь между собою, являют истины, удивляющие живой интеллект, который комбинирует эти символы. Для меня не совсем ясна причина этой творческой жизни символов.

[23] Мне неизвестно, как давно была понята великая сила символа, и по какому поводу. Было-ли это ранее изобретения письменности или совпало с ее началом. Из новых Лейбниц с большою глубиною проник в силу символа

¹⁴³ Публикуется по материалам Архива РАН, Московское отд., ф. 518 (В.И. Вернадский), оп. 3, д. 995 (письма Н.Н. Лузина), лл. 22–23об, письмо от 20 сентября 1938 года, направлено из дома отдыха «Поречье» в Звенигороде. Сохраняю пунктуацию и орфографию оригинала. Читал (на микрофише) и конспектировал 8 ноября 1994 года. Надеюсь, все сохранившиеся письма Лузина к Вернадскому теперь уже будут изданы, так что это – скорее публикация себе в утешение. И еще ради драгоценных наблюдений и свидетельств о символе.

¹⁴⁴ Н.М. Лузина-Малыгина, жена Н.Н. Лузина. Из рассказа о его студенческих годах: «Коля со своим другом В.А. Костициным поселился в комнате на Арбате в квартире вдовы умершего врача М. Малыгина. Через год или два В.А. Костицин (в связи со своей революционной деятельностью) должен был скрыться. Н.Н. Лузин в комнате остался один. Он женился на Надежде Михайловне, дочке Малыгиных, с которой прожил до своей смерти в 1950 г.» (М.А. Лаврентьев). Дом и квартиру, где жили Лузины до 1933 года (Арбат, д. 25, кв. 8), я всякий раз указываю на своих экскурсиях, когда приходится рассказывать о Лузитании и «деле Лузина».

¹⁴⁵ Вероятно, имеется в виду работа: *Лузин Н.Н.* Об одной теореме теории уравнений с частными производными // Доклады Академии наук СССР. 1938. Т.18. № 8. С.529–532.

и сохранилось его письмо к маркизу Лопиталю, где Лейбниц пишет, что «все искусство творить в математике проистекает от выбора символа, и чем символ удачнее, тем он сильнее». Кстати, Лейбниц держал открытие Дифференциального и Интегрального Ичисления под спудом в течении 6 лет, в продолжении которых он искал наиболее удачной символики для этих исчислений. Зато дело его жизни было вполне выиграно и его символика без труда победила ньютоновскую. Но символы имеют, с другой стороны, слабую сторону: *ничего не выражают*. Такой, напр., многим кажется символика в физике эйнштейнцев, которые утопили в символах весь физический смысл явлений. Так что модели Н. Бора, благодаря конкретности, кажутся единственным отпадным явлением в физике, как и здравый смысл английских физиков.

Мне ярко памяты беседы с Вами, дорогой Владимир Иванович, и те проблемы, о которых Вы говорили, проблемы *нового естествознания*.

<...> Кстати, еще о символах. В последнее время Hilbert захотел обосновать на символах всю математику. Целью его было освобождение математики от парадоксов и *circulus vitiosus*¹⁴⁶. Для этого он все процессы математической мысли облек в символы и начал учить о том, что вся математика есть лишь соединение в цепи его символов и что этим избегаются *circulus vitiosus*'ы.

[23 об] Но вскоре же начались парадоксы в самой системе Hilbert'a и появились *circulus vitiosus*'ы.

Первый, кто усумнился в действительности системы Hilbert'a был Lebesgue. Он мне в Париже, в 1930 году с возмущением говорил о попытке Hilbert'a и говорил, что предсказывает крушение этой «новой вавилонской башни» ибо, по его словам: «Символы Hilbert'a, сами по себе, не имеют ни противоречия, ни *circulus vitiosus*'а, и мы их можем с полной безопасностью комбинировать в сколь угодно длинные цепи; но под условием, чтобы символы эти не имели бы конкретного смысла. Едва же настает момент, когда его символы хотят приложить к конкретности, как смысл входящий в

¹⁴⁶ Порочный круг (*лат.*). Ту же логическую ошибку, в связи с Гильбертом, Н.Н. Лузин (см. след. прим.) обозначал также *petitio principii* (предвосхищение основания). Возможны и другие варианты латинской номинации для той же коллизии: *circulus in demonstrando*, *circulus in probando* (круг в доказательстве). Любопытно, что ни говори, – избавляться от «порочного круга» в рассуждениях учились издавна (хоть с Аристотеля начни отсчет, хоть со средневековых схоластов), но трудность так и осталась большой трудностью, и только список художественно выраженных оценок на ее счет расширился и, кажется, пополним.

символы Hilbert'a заставляет оживать эти мертвые окаменелости, и тогда точка пересечения различных цепей символов Hilbert'a прекрасно может являть [? – здесь чернильная клякса] и противоречие, и *circulus vitiosus*».

Это предсказание оправдалось через несколько лет¹⁴⁷.

В *новом естествознании* для меня нет ничего более привлекательного, как идея космического времени и взаимоотношение жизни и пространства.

Важное [или – верное? нрзб.] учение о силе символов тоже получит со временем место в нем. Я надеюсь на это [конец документа].

Как видим, в пределах одного текста великий мыслитель успел и славословить символу («творческая жизнь», «великая сила»), и лишний раз напомнить о крахе проекта символической логики у Гильберта, который, видимо, как раз уповал на эту великую силу. *Сила-слабость* символа, да, есть вещь «малопонятная» (уму недиалектическому, например), но она – есть. И Н.Н. Лузин, конечно, не одинок в подобной «амбивалентности».

¹⁴⁷ Имеется в виду доказательство теорем Гёделя о неполноте формальной арифметики (1931). Почти в тех же словах Лузин судил о программе Гильберта и несколько ранее, чем в письме 1938 года:

«Относительно же самого существа теории Гильберта какие-либо суждения еще затруднительны, ввиду отсутствия полных о ней сведений. Наиболее деликатным моментом является, без сомнения, вопрос о *petitio principii*: избегнута ли это? Без сомнения, некоторые движения нашей мысли могут быть “формализованы”, т.е. отмечены символом. Гильберт говорит о превращении в символы всякой математической мысли. Без сомнения, мы имеем возможность оперировать живой мыслью, непосредственным (не символизированным) рассуждением над этими символами, как бы над некоторыми окаменелыми остатками некогда также живой мысли. Нет сомнения, далее, что мы, как это делается в теории инвариантов, можем приходить, принимая во внимание форму и вид этих символов, к определенным заключениям о возможности или невозможности иметь “правильное” сочетание этих символов, оканчивающееся фигурой $1 = 0$. Нет сомнения, что все это можно проделать без *petition principii*. Но когда мы хотим вывести отсюда определенные заключения об отсутствии противоречия в живой мысли внутри ее самой, мы должны оживить эти окаменелости, превратив их в процессы живой мысли. Имеется ли гарантия, что на некотором месте ожившего узора мы не встретим конфликта живой мысли с самою собой?» (Лузин Н.Н. Современное состояние теории функций действительного переменного. М.-Л., 1933. С. 30–31).

Могу прибавить к этой своеобразной картинке два штрика-эпизода из жизни известной Львовской математической школы. Эпизод первый: великий Стефан Банах в своем классическом учебнике по теории функций специально рассматривает «всем известные» сочетания символов

$$^0/0, \infty / \infty, 0 \cdot \infty, \infty - \infty, 1^\infty, \infty^0, 0^0$$

и двусмысленно называет их *symbole nieoznaczone*¹⁴⁸, что в равной степени можно перевести, с польского, и как «символы неоднозначности», вполне стандартно (но так ли уж это верно для той части замечательного ряда символов, где соседствуют 1, 0 и ∞ ?), и как «незначающие символы» (что явно тогда относимо автором ко всему ряду).

Эпизод второй ярко описан в мемуарах Станислава Улама, где он показывал саму «внутреннюю кухню» их знаменитых посиделок в львовских кафе: «... Именно Мазур (наряду с Куратовским и Банахом) познакомил меня с некоторыми наиболее значительными этапами развития математических подходов и мышления. Я многое узнал от него о психологии исследования и различных отношениях к нему. Иногда мы часами сидели в кафе. На клочке бумаги или мраморной поверхности стола он писал один символ или строчку типа $y = f(x)$, и, подавая или обсуждая различные идеи, мы оба тарасились на эту надпись. Словно хрустальный шар, эти символы, которые стояли у нас перед глазами, должны были помочь нам сконцентрироваться»¹⁴⁹.

Забавно, не правда ли?

Возвращаясь к последним строкам письма Лузина к Вернадскому, не без удовольствия вспомню о смысловом треугольнике «пространство – время – информация» из нашей научной «программы» (см. подробности во втором выпуске «Тропы»). Для Лузина, получается, такая конфигурация тоже значима, и рисовалась она ему как «пространство – время – символ». Мне это близко и очень даже понятно!

Заметка от *апреля 2020*.

¹⁴⁸ *Banach St.: Rachunek różniczkowy i całkowity*. – Lwów: wyd. Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1929. Tom I. – Rozdział VII.

¹⁴⁹ Из гл. 2 «Студенческие годы (1927–1933)» книги С. Улама «Приключения математика». Улам здесь – еще студент Львовского политехнического института, Станислав Мазур – молодой преподаватель Львовского университета, оба тогда бредили задачами из функционального анализа, детища Банаха.

ЗАПИСЬ С.М. ПОЛОВИНКИНА НА ВЫСТУПЛЕНИИ А.Ф. ЛОСЕВА

Всесоюзная конференция «Проблемы античной культуры».
Посвящается 90-летию со дня рождения А.Ф. Лосева и 70-
летию его научной деятельности.

21 ноября 1983 г., понедельник, 13.00.

Дом ученых на Кропоткинской.

Вводят А.Ф. Лосева, усаживают в центре стола президиума. Л.: «Дует!» Тахо-Годи: «Дует!» Все задвигалось, зашелестело: «Дует! Закройте!» Что-то стали закрывать. В конце концов, на Л. накинули принесенное с вешалки пальто. Народу набилось пропасть, сидели и стояли и в зале, и в коридоре. Жара и духота.

Вступительное слово А. Гулыги: Труды Л. – вежа в развитии науки о культуре. 70 лет одаривает он нас... Работы 20-х годов воспитали поколения ученых... Л. – энциклопедист... Готов к печати 7-й том [«Истории античной эстетики»]. Задуман 8-й, где будет подведен итог всей работе, указатели... Л. – величина мирового масштаба... Лосева приветствовал Марбургский университет... Много приветствий из ГДР... Живите и творите...

А.Ф. Лосев: Тема моего доклада [«Философия культуры и античность»] обозначена слишком широко, но я хотел бы обратить внимание на направление исследований. Мы не выносим оголтелого позитивизма. Нам говорят: «Изучайте факты!» Но жизнь сложна, и ориентироваться в ней можно лишь при помощи принципов, теории. Факт можно установить только при помощи теории. Физик может есть и пить, но это еще не факт. Для каждой теории нужно установить принцип. Культура определяется своим структурным принципом, моделью. Если я ее не установил, то о чем я буду говорить? Я буду говорить об античной культуре, рабовладельческой культуре. О ней нельзя говорить так, как говорил о ней Дынник, который писал, что Платон помогал рабовладельцам угнетать рабов. Что же такое рабовладельческая исходная модель? Кто такие раб и рабовладелец? И как они между собою меняются? Раб – вещь, а не человек и не личность. Раб – вещь живая, одушевленная, самодвижущаяся, способная производить целенаправленную работу, в меру своих способностей. Рабовладелец – лишь момент человека, момент личности. Если бы он был личностью, то он не потерпел бы около себя раба. У него есть интеллект, чтобы управлять рабом. Этот интеллект дает цель и смысл работе раба, оформляет ее. Этот интеллект богат. Энгельс говорил о разделении труда как об источнике развития античной культуры. Интеллект рабовладельца довлеет себе. Почему греки

такие спорщики? Потому что они не работают. (*Смех в зале*). Самодовлеющее мышление не выходит из себя, откуда идея круговращения.

Не позитивный, но принципиально обобщающий взгляд. Что получается из объединения раба и рабовладельца? – Чувственный, вещественный космос. Что следует из того, что раб одушевлен? – Космос есть живое, одушевленное существо. Что следует из того, что рабу никто не помогает? – Космос – самодовлеющ. Что соответствует рабовладельцу? – Космос – интеллектуален. Что соответствует тождеству раба и рабовладельца? – Тождество космоса и интеллекта. Космос, который есть тождество вещественного, телесного и интеллекта, тождествен мифологии и пантеизму. Хочу сделать марксистско-ленинский вывод: рабовладельческая формация порождает пантеизм. Боги есть обожествление сил природы. В богах нет никакого абсолютного духа. Марксизм-ленинизм выводит из базиса надстройку, так и я из рабства вывожу пантеизм.

Мне говорят, что я снижаю античность, говоря, что в античности все телесно. Все такие обвинения идут от христианизации или от новоевропейского субъективизма. Не было теории абсолютного духа в античности, не было ее у Платона. Особенно это видно в «Тимее». Абсолютный дух приписывают античности идеалисты. Маркс говорил, что греки были детьми. Но слишком развитые дети производят неприятное впечатление. Я люблю нормальных детей. Нормальный ребенок полагает сначала, что мир есть комната, затем – две, потом – улица и т.д. Аналогично и греки считали, что мир есть осязаемый, осязаемый космос. Я люблю нормальных детей, я люблю детство человечества. Считать, что в античности не было абсолютного духа, абсолютной личности, не значит унижать греков, мы не можем упрекнуть ребенка в том, что он не знает интегрального исчисления. В Греции было много наивного, которое следует любить. Я люблю его таким, какое оно есть. Мне нравятся Гомеровы боги – глупые, порочные. Вся привлекательная античная культура имеет под собой отвратительную рабовладельческую базу. Петя Трофимов [герой чеховского «Вишневого сада»] говорит о вишневом саде: он впитал в себя пот и кровь крепостных. Все понять помогает нам марксистско-ленинская теория, которая говорит о страшной трагической диалектике. Розы растут на уваженной почве.

Комментарий (*апрель 2020*). Распечатку этой записки С.М. Половинкин передал мне еще лет 10 назад, вместе с запиской о юбилейном вечере в МГПИ (12 декабря 1983 г.; не воспроизвожу). Известен другой конспект того же выступления Алексея Федоровича в «Доме ученых», он издан среди

- Пример 7. Лингвистическая переменная СЛОЖНЫЙ
- Пример 8. Нечеткое множество МНОГО
- 1.5. «Сложная» система не имеет единственной структуры
- Пример 9. «Янус-космология» Лефевра
- Пример 10. Об иллюзии модульного конструирования
- 1.6. «Сложная» система до конца не описывается
- Пример 11. Нарастание громоздкости технической документации
- Пример 12. Алгоритмическая сложность объекта
- 1.7. «Сложная» система есть не механизм, но организм
- Пример 13. Тест Тьюринга «сойти за умного»
- Пример 14. «Механическое» и «органическое» описания человека
- 1.8. «Сложная» система есть и объект и субъект
- Пример 15. «Любовь к электричеству»
- Пример 16. О симбиозе человек – машина
- 1.9. Первый вывод: видеть – трудно
- Пример 17. Средневековая притча о слоне и слепцах
- II. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСКАЗАНИЯ «СЛОЖНОЙ» СИСТЕМЫ
- 2.1. «Сложная» система плохо прогнозируема
- Пример 18. Ожидаемые трудности сопровождения МКК «Шаттл»
- Пример 19. Неожиданные трудности сопровождения «Першинг-2»
- 2.2. Линейная система и нелинейная система
- Пример 20. Еще один казус с парными целями
- Пример 21. Принцип «хрупкости хорошего»
- 2.3. Порядок из хаоса, хаос из порядка
- Пример 22. Хаос из порядка: катастрофы 9.11.1965 и 26.04.1986
- 2.4. Альтернатива между массовым и уникальным
- Пример 23. Алгоритмы классификации целей по типу БР или ИСЗ
- Пример 24. Неудача испытаний по пункту «Унификация»
- 2.5. Прогнозирование как глобальная проблема
- Пример 25. Несколько уточнений понятия «прогноз»
- Пример 26. Прогноз в естественном и искусственном интеллектах
- 2.6. Информация и прогноз
- Пример 27. Контроль посредством системы неравенств
- Пример 28. Экстраполяция, сглаживание и информация
- 2.7. Два подхода к определению понятия информации
- Пример 29. Информация по Шеннону и прогноз
- Пример 30. Экстраполяционный подход к понятию информации
- 2.8. Феномен времени в «сложных» системах
- Пример 31. Информация и собственное время системы

Пример 32. Парадокс «систем реального времени»

2.9. Второй вывод: предвидеть – трудно

Пример 33. Прометей против Эпиметея

III. ПРОБЛЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ «СЛОЖНОЙ» СИСТЕМЫ

3.1. Двойственные эвристики

Пример 34. Двойственные познавательные эвристики

3.2. Необходимость разных логик

Пример 35. «Третье – дано» и «прыжок времени»

Пример 36. Некоторые неклассические логики

3.3. Моделирование с «возмущениями»

Пример 37. Скрытая диктатура имитаторов входной обстановки

Пример 38. Моделирование с «возмущениями»

3.4. Чудо в порядке вещей

Пример 39. Пасха и уровень ложных тревог

Пример 40. «Эстетика тождества» и «эстетика различия»

3.5. Необходимость геометризации

Пример 41. Отличие «сгорающего ИСЗ» от баллистической ракеты

Пример 42. Парад геометрий

3.6. Неединственность числовых представлений

Пример 43. «Дважды два – четыре» с добавкой

Пример 44. Негомогенные числовые системы

3.7. Необходимость наглядности

Пример 45. Относительные координаты и «разлёт»

Пример 46. ПЭВМ и фрактальный мир

3.8. Необходимость разнообразия

Пример 47. Гибриды и симбиозы в технике

Пример 48. Схема многомерного агрегатирования

3.9. Итог: действовать – тоже трудно.

Мы показали, насколько это удалось и сколь позволяло отводимое место текста, что феномен «сложной» системы чрезвычайно непрост, он везде и всюду заставляет пересматривать привычные догмы и стереотипы. Прекрасные образцы новой ситуации, ситуации именно «сложной» системы дают современные системы вооружения и, не в последнюю очередь, системы стратегической ПРО.

Был дан перечень *характерных свойств*, по которым различие простых систем от систем «сложных» выглядит наиболее разительно. Методика систематического отрицания, которая применялась при этом, сконцентрировалась в основном тезисе о *непрогнозируемости* поведения «сложных» систем. Это главное (или интегральное) их свойство составляет и

основную трудность в практической деятельности, будь то проектирование и отладка «сложных» систем, либо последующие доработки и эксплуатация.

Были приведены рекомендации, как следовало бы строить свои отношения со «сложной» системой. Они, видимо, могут иметь серьезное значение даже тогда, когда системология и системотехника продвинутся далеко вперед, в том числе в направлениях, намечаемых у нас. Формулировка рекомендаций давалась максимально общей, чтобы сохранялся запас на будущее и не приходилось делать корректив на специфику конкретных «сложных» систем. Если при описании свойств «сложных» систем мы пользовались методологией систематического отрицания, то при составлении списка *рекомендаций-эвристик* столь же систематически проводилась идея двойственности: нужно уметь работать и в простых ситуациях и в сложных, т.е. уметь переключаться от одних стереотипов действия (скажем, больше соответствующих тезису «сложной простоты») к другим стереотипам (в рамках тезиса «простой сложности»).

Ясно, что конкретный выбор того или иного образа поведения уже зависит от частных обстоятельств и профессиональных качеств вполне определенных лиц, работающих со «сложными» системами. Нам остается только пожелать им успехов и удач.

Была описана, наконец, гипотетическая абстрактная структура «сложных» систем, где идея переключения от одного образа поведения к другому или, можно даже сказать, от одной «картины мира» к другой получила некоторое системотехническое воплощение. Реализация принципа *многомерного агрегатирования* обещает некоторые надежды на то, что в будущем человек и «сложная» техническая система окажутся более близкими друг для друга.

И еще один результат, о котором до сих пор напрямую не говорилось, но который теперь становится очевидным. Создавая «сложные» системы, окружая себя ими, сам человек не может не расти, он должен постоянно наращивать необходимую долю «разнообразия», подобно тому, как такая доля должна наращиваться в недрах «сложной» системы. Только поэтому в нашей книге наряду с какими-то техническими подробностями и экскурсами в области точных наук фигурировали и сведения из философии и вообще областей гуманитарных. Призывом к *необходимому разнообразию* и хочется закончить этот труд.

1996

Прибавление (июнь 2020). Планировал присовокупить к этой части книжки три дорогих для меня отзыва на «Диалог», тексты, которые получил в качестве ответного дара в 1996-97 годах. То были совершенно разные и по содержанию, и по стилю размышления о «сложном» и «сложных» системах: мудрого и остроумного Николая Кирилловича Свечкопала, заместителя Генерального конструктора НИИРП, строго-вдумчивого Леши Краснова, блестящего математика-прикладника из НИИДАРа, и столь же вдумчивого, но также и весело-изобретательного (прислал мне «в ответ» диалог между платоником и лейбницианцем) Александра Жукова из 45-го ЦНИИ МО. Все трое уже умерли, к сожалению, и мне очень хотелось воздать им должное. Увы, где-то затерялись бумаги, бережно уложил в отдельную папочку и... Похоже, наш переезд Софрино => Пушкино дурно сказался.

Как паллиатив, тоже «для истории» поступлю: на моем экземпляре «Диалога» (единственный у меня оставшийся) отложились две записи о памятных событиях того же года. Их и воспроизведу, в пересказе.

На форзаце передней стороны обложки конспект двух пленарных докладов на Декартовской конференции в ИФ РАН (2.04.1996). Красный зал переполнен. Еще бы – выступает живой классик Поль Рикёр («картезианский круг», «второе и четвертое возражения Суарэса» и пр.), шелестящий голос,

седые волосы зачесаны назад, величественно изящен. Мотрошилова бережно переводит. Потом перерыв, и осталось только четверть зала, и звучала речь «настоящего академика» (представила та же Мотрошилова) А.Т. Фоменко, вполне деловая и четкая – о проблеме алгоритмического распознавания, от Декарта до Пуанкаре и Гёделя. С картинками мелом на школьной доске.

Далее по тексту: «Когда примерно через час сидел за овальным столом в Доме Лосева, Аза Алибековна – при упоминании, что “слушал Фоменко” – поморщилась и с ноткой неприязни в голосе спросила: “Что, теперь он доказывает, что и Декарта не было?!”. Тема тут же была исчерпана. Экземпляр этой книги (“от повара”, что-то о том, как “над этим варевом пришлось изрядно потрясти, сдабривая, пузырьком с драгоценной лосевкой”) подарил А.А. “Экий затейник” – рассмеялась».

На форзаце задней стороны обложки имеем запись о презентации книги Г.В. Кисунько «Секретная зона», шла в Институте стандартизации (6.05.1996). После выступлений от восьми душ, в том числе Г.В. («испытал хоть и положительный, но стресс; посвящение отцу обязывало меня не лгать; а всякие там летописцы врут и будут врать; знаю, друзей у меня больше, чем недругов»), с помощью Николая Кирилловича и сквозь строй академиков и генералов добрался до Г.В., был представлен и получил автограф...

ГИПОТЕЗА О ТИПАХ БЕСКОНЕЧНОСТИ¹⁵⁰

Прежде чем говорить о возможных типах бесконечности, уточним, какая вообще точка зрения на бесконечность и ее место в мире нами используется и отчасти будет развиваться в дальнейшем. Этот важный вопрос – точное указание исходной позиции исследователя, – в свое время немало занимал как Г. Кантора, создателя математического учения о бесконечности, так и П.А. Флоренского, автора едва ли не первого в России популярного изложения канторовской теории множеств. Ниже мы воспользуемся некоторыми материалами одной из давних работ последнего.

С бесконечностью, как вслед за Кантором утверждал Флоренский, всюду имея в виду именно *актуальную* бесконечность, «мы сталкиваемся или, по крайней мере, можем надеяться на столкновение в трех различных областях»:

¹⁵⁰ Впервые опубликовано в сб.: Два Града. Диалог науки и религии: Восточно- и Западноевропейская традиции. М., 2002. С. 277–289.

это Absolutum «в высшем совершенстве, во вполне независимом, вне-мировом бытии», in Deo;

это Transfinitum в природе, «в зависимом мире, в твари», in concreto;

это, наконец, *символы бесконечности* «в духе», in abstracto, поскольку дух «имеет возможность познавать Transfinitum в природе и, до известной степени, Absolutum в Боге» [1, 181–182].

В области Transfinitum'a эти символы выступают под названием «трансфинитных чисел» или «трансфинитных (порядковых) типов» и составляют предмет теории множеств. В каждой из трех указанных областей актуальная бесконечность может либо приниматься, либо отвергаться исследователем. Отсюда возникают различные комбинации утверждений и отрицаний. Общее распределение всех мыслимых систем в их отношении к бесконечности Флоренский изображал с помощью окружности с вписанным в нее правильным шестиугольником, на вершинах которого схематически отображены утверждения (знак +) и отрицания (знак –) факта бесконечности в каждом из трех отношений:

in Deo (у Флоренского обозначено буквой D, от слова Deus),

in abstracto (обозначено буквой S, от слова Spiritus),

in concreto (обозначено буквой N, от слова Natura) [1, 183, прим.]¹⁵¹.

Каждая из вершин соединена со всеми другими вершинами прямыми линиями, и полученные таким образом разнообразные треугольники схематически представляют все элементы из набора систем воззрений на бесконечность (при этом сам набор в целом символизирован окружностью).

Конечно, сразу следует изъять из рассмотрения те комбинации, в которых утверждения совмещаются с отрицаниями при одном и том же отношении к бесконечности. В условном изображении это означает, что диаметрально противоположные вершины не соединяются прямыми.

На построенной таким образом диаграмме Флоренского позиция самого Кантора, его «безусловно утвердительная точка зрения, признающая существование всех трех видов актуально-бесконечного» [1, 182], получает изображение посредством треугольника D+

¹⁵¹ Схема Флоренского родственна известной в истории логики круговой фигуре из средневекового трактата «Великое искусство» Р. Луллия (XIV в.), с помощью которой чисто комбинаторным путем можно наглядно демонстрировать (тем самым доказывать) различные утверждения силлогистического типа.

S+ N+. Впрочем, хорошо известно, что почти все свои усилия он отдал развитию знаний в области S+, обращаясь к заповедной области D+ никак не для прямого исследования, но только для получения общефилософских и богословских аргументов в пользу своих математических новшеств. Весьма кратковременными были его посещения области N+, во всяком случае, нам известна только одна публикация, в которой с целью «безупречного объяснения природы» Г. Кантор выдвигал предположение о непосредственных связях между выведенным в его теории формальным (в частности, пятичленным) разложением точечных множеств и принципиальным различием «телесных» и «эфирных» атомов [2, 168–169, курсив Кантора].

Диаграмма Флоренского предоставляет много места для плюрализма и разнообразия. Так, крайняя позиция теолога, тщательно изгоняющего даже малейшую тень пантеизма из своих построений, ближе всего к комбинации D+ S– N–, а взгляды натурфилософа Спинозианского толка могут быть представлены в комбинации D– S– N+. Треугольник вида D– S+ N– призван описывать мироощущение специалиста по основаниям математики, который привычно оперирует в своих построениях с какими угодно индексами при «калефах» (невольно вспоминается «семнадцатый алеф» из любимой шутки «лузитанцев») и не испытывает ни малейшей потребности знать, поминается ли бесконечность за пределами многотомного «Справочника по математической логике». Впрочем, эту же «тройку» можно привлечь, чтобы наглядно представить то состояние дискомфорта современного физика-теоретика, который вынужден работать с континуальными интегралами Фейнмана или вычитать «вакуумные средние», но мечтает о теории вида S–, т.е. (в полной форме) D– S– N–, каковая сможет-таки обходиться без услуг бесконечностей в описании физического мира. Дальнейшие подробности, как и содержательный анализ прочих, не затронутых у нас схем треугольника – а общее число соответствующих комбинаций равно восьми, – мы оставим заинтересованным историкам науки.

Теперь можно точнее определить занимаемую нами позицию в отношении бесконечности. Именно, мы априорно придерживаемся полной, по Кантору, схемы D+ S+ N+, но в рамках данной работы будем заняты вопросом о типах бесконечности в аспекте S+, преимущественно в логическом плане, с намеренным уклонением от непосредственного использования языка математики, однако с опорой, в иллюстрациях, на ее материалы. Вместо суждений о природе и Боге (в аспекте N+ и D+) здесь твердо полагаются, но далеко не всегда непосредственно указываются некоторые вполне напрашивающиеся аналогии и ассоциации – они-то,

прежде всего, и санкционируются связями по сторонам принятого к использованию символа треугольника. Прямые же суждения о бесконечности в области теологии и естествознания мы также оставляем соответствующим специалистам.

Еще одно замечание нужно зафиксировать касательно систематизма вообще и, в частности, комбинаторной систематики. Комбинаторика – не просто логическая игра и не дань научному педантизму. Вернее, таковой она может показаться или даже действительно стать, когда перед исследователем уже обозримо простерся полный универсум возможностей и нужно только, что называется, «задним числом» суметь без пропусков рассмотреть и проанализировать те или иные сочетания. Тогда на помощь приходит великое многообразие технических средств – от простейших по идеологии и устройству, подобно диаграмме Флоренского и прочим того же уровня «логическим таблицам», до сложнейших вроде методов «морфологического ящика» и моделирования на современных компьютерах. Но совсем иная ситуация возникает там, где такой универсум возможностей еще нужно вообразить и затем построить, когда исходно дана едва ли не одна «единственно верная» точка зрения, так что и комбинировать и координировать ее попросту не с чем. В данном случае уже одно лишь памятование о разнообразии является важнейшим методологическим оружием, а попытка очертить универсум определенного вида и дать опять-таки обозримое и удобное его описание становится задачей творческой, требующей существенных усилий и обещающей новые результаты. Такого рода комбинаторика и систематика (относительно представлений о бесконечности) и составляют, на наш взгляд, одну из насущных проблем и задач современной мысли.

В основу предлагаемой типологии положена идея *множества*, восходящая к Г. Кантору, но уточненная и расширенная усилиями ряда его критиков. Очевидна связь между самой этой идеей и тем обстоятельством, что для автора теории множеств существование актуальной бесконечности не вызывало сомнений. В самом деле, если *всякую* совокупность элементов можно рассмотреть как целое, т.е. как множество, то *и бесконечная* совокупность, являясь множеством, предстает цельным, актуально данным объединением. Однако Кантор не всегда, видимо, отчетливо представлял, что множество – это объект, прежде всего, *антиномичный*, и потому к нему естественно было бы подступаться, находясь лишь на позициях диалектики. Потому-то он так удивился, а следом и так отчаялся, когда в теории множеств обнаружались «неразрешимые» парадоксы.

У Кантора было много противников и оппонентов, доставалось ему с разных сторон, но мы особенно выделим ту группу мыслителей, что сосредоточились преимущественно в России. Основной их упрек состоял именно в недопонимании Кантором (что верно) диалектики множеств, в односторонности его подхода. Перекос, который укоренился уже в базовом термине канторовской теории, можно исправить, утверждалось представителями этой критической традиции, если вместо недиалектичного *множества как многого* научиться представлять комплекс *единое-многое* (П.А. Флоренский) или *единство единства и множественности* (С.Л. Франк), или сказать то же в более развернутой форме – *единичность подвижного покоя самотождественного различия* (дефиниция А.Ф. Лосева в 20-е годы) или *единораздельную цельность* (его же дефиниция начиная с 60-х годов). Сравнительно недавно было выдвинуто также следующее обобщение, формально – во всяком случае, на уровне отсылок к предшественникам, – не связанное с указанной традицией, но объективно к ней примыкающее: теория множеств, как утверждается, рассматривает *многое, мыслимое как целое*, тогда как современный системный подход склонен обнаруживать *целое, мыслимое как многое* (Ю.А. Шрейдер) [3, 158–161]. Правда, мы здесь не будем придерживаться подобного противопоставления множеств и систем, поскольку оно представляется нам достаточно искусственным. Но, с другой стороны, как раз последние формулировки доставляют весьма наглядный пример и образец удобного языка, заново (на новом материале) открытого современным исследователем спустя примерно полвека после того, как тот же А.Ф. Лосев без устали жонглировал своими «подвижными покоями» и «самотождественными различиями», среди прочего, занимаясь диалектическим переосмыслением идеи множества.

Выразительные возможности такого языка – для большей определенности назовем его языком *бинарных форм*, и название станет ясно из дальнейшего, – мы и попробуем по-своему использовать для сжатого описания диалектики множеств (начиная, следуя традиции, с аспектов *многое как целое* и *целое как многое*) с тем, чтобы одновременно и без особого промедления получить типологию бесконечности. На этом пути уже сама наша тема властно потребует также рассмотреть аспекты *малое как целое* и *целое как малое*.

Перечислим сначала подходы к бесконечности (целому) как многому, т.е. рассмотрим их на базе бинарной формы *целое многое* (для краткости и без ущерба для смысла уберем *как* в наших формах), а именно:

а) *целое многое* – бесконечность, в которой представлена только сторона неограниченного роста, умножения, увеличения, известная в истории

мысли под названием *потенциальной бесконечности*; подчеркнем (для примера и потому только в этом эпизоде повествования) момент технического порядка в разъяснение принятой здесь и далее системы нотации – говоря о данном типе бесконечности, мы делаем упор («логическое ударение», по выражению А.Ф. Лосева) на втором члене нашей бинарной формы;

б) *целое многое* – бесконечность, при всей ее неограниченности в смысле (а) рассмотренная именно как нечто цельное, как определенно данное, т.е. *актуальная бесконечность*; заметим, что в принятых у нас обозначениях наглядно зафиксировано известное наблюдение К. Гутберлета о тесной связи потенциальной и актуальной бесконечности¹⁵² – два вида бесконечности предстают здесь как разные аспекты одного и того же объекта мысли;

с) попеременная комбинация представлений о бесконечности в понимании (а) и понимании (б) – именно этим приемом воспользовался Г. Кантор в своем учении о бесконечной (точнее, потенциально бесконечной) иерархии \aleph_i актуальных бесконечностей; из нашей системы обозначений данная комбинация «выпадает», поскольку она не является логически последовательной (А.Ф. Лосев сказал бы, наверное, что она не имеет диалектически законченного вида), ибо ниоткуда не следует, например, что вся иерархия бесконечностей не может быть актуальна, завершена, финальна;

д) *целое многое* – тип бесконечности при диалектическом объединении понимания (а) и понимания (б), когда в отличие от предыдущего случая (с), иерархия актуальных бесконечностей здесь замыкается (ограничивается сверху) *абсолютом* Ω ; к утверждению такой возможности в пору кризиса теории множеств пришел и Г. Кантор, явно через силу и с пересмотром своих прежних убеждений – но вполне в духе диалектической антиномики, – тогда же заговоривший в переписке с Дедекиндом о т.н. «неконсистентных системах», т.е. множествах, не являющихся единствами [5, 368; письмо от 31 августа 1899 г.]¹⁵³.

Рассмотрение аспекта *многое* логически исчерпано. Однако бесконечность встречается, как известно, не только на пути количественного роста и увеличения, но и в противоположном направлении. Следовательно, для нас настал черед нового аспекта: перечислим теперь подходы к

¹⁵² Как на союзника в борьбе за признание актуальной бесконечности ссылается на Гутберлета автор теории множеств; см. [4, 282–283, примечание 9].

¹⁵³ Переписка Кантора с Дедекиндом // Кантор Г. Труды по теории множеств. М., 1982. С. 369 ().

бесконечности (целому) как *малому*, т.е. рассмотрим их на базе бинарной формы *малое целое*. При этом необходимо продолжить сквозное перечисление возможных типов бесконечности, начатое выше под рубрикой *многое*. И еще сразу же оговорим, что в используемой далее бинарной форме мы сознательно поменяли порядок образующих ее членов, что совершенно безразлично для ближайших типологий, но понадобится нам в дальнейшем. Итак, *малое целое* в развертывании по типам бесконечности представимо, на наш взгляд, следующим образом:

е) *малое целое* – бесконечность, в которой представлена только сторона неограниченного умаления, сокращения, уменьшения и которая известна в истории мысли под названием *нуля* как *предела*; после О. Коши в виде *бесконечно-малого* данный тип бесконечности вошел в основания (стандартного) математического анализа;

ф) *малое целое* – такое бесконечно-малое, т.е. такая бесконечность, которая при всем своем неограниченном уменьшении предстает именно как нечто фиксированное, как определенно данное, т.е. *актуальное бесконечно-малое*; данный тип бесконечности составляет основу с недавних пор (работы Абрахама Робинсона в 60-х гг. XX века) развитого нестандартного, или неархимедова анализа;

г) комбинация представлений о бесконечно-малом в понимании (е) и понимании (ф) – бесконечная, точнее, потенциально бесконечная иерархия актуально бесконечно-малых; введена здесь по аналогии с типом бесконечности (с) и, насколько нам известно, в математике специально не рассматривалась;

h) *малое целое* – построенное по аналогии с типом (d) представление бесконечности при диалектическом объединении понимания (е) и понимания (ф), когда всякие бесконечно-малые не только образуют иерархию, но и замыкаются (ограничиваются снизу) величиной 0_i – *нулем данного i -ого числового класса*¹⁵⁴; завершенные иерархии актуально бесконечно-малых, кажется, также еще не явились предметом специальных исследований¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Здесь числовые классы понимаются не по Расселу, но в духе Кантора, как иерархия трансфинитов.

¹⁵⁵ Спустя много лет после выдвигания данной типологической гипотезы могу указать теперь новую математическую теорию, полностью соответствующую конструкции (h): Ревуженко А.Ф. Математический анализ функций неархимедовой переменной. Специализированный математический аппарат для описания структурных уровней геосреды. – Новосибирск: Наука, 2012. – 327 с. Автор строит здесь неархимедову динамику материальной точки, когда «видимые» смещения

Отметим, бросая общий взгляд на полученный перечень, следующие важные обстоятельства. Прежде всего, нетрудно обнаружить, что кратко рассмотренные у нас точки зрения на бесконечность отнюдь не равноправны между собой. Так, из восьми возможных подходов шесть носят явно промежуточный, подготовительный характер, выступая в качестве того или иного этапа на пути к зрелому – во всяком случае, логически более зрелому представлению о бесконечности. Интегральными же и итоговыми (каждая в «своей» области) являются представления вида (d) и (h). С другой стороны, приходится констатировать, что к настоящему времени получили развитие далеко не все точки зрения, причем менее разработанными, в частности, в математике оказываются как раз синтетические, итоговые подходы, особенно и прежде всего в позициях (h) и в значительной мере (d).

Далее. Если не выходить, напомним нашу исходную посылку, за пределы сферы S+, а в последней ограничиваться лишь описательной стороной дела и не претендовать на развернутые формальные построения, наша классификация, в некоторой мере, по-новому проясняет и детализирует представления о бесконечности. Вместе с тем в данном пункте она – и это важно зафиксировать специально, – выступает в тесном союзе с подходом, который уже достаточно давно был развит в «Диалектических основах математики» А.Ф. Лосева. Конструкция бесконечного как диалектического синтеза *целого* и *дробного*, данная на страницах этой книги [6, 504–505], в наших терминах, лишь несколько уточняется по двум направлениям классификации: *дробного как малого* (присутствует в бинарной форме *малое целое*), если специально выделять аспект убывающей величины дробимой части, и *дробного как многого* (в бинарной форме *целое многое*), если специально выделять аспект возрастающего количества дробимых частей.

Еще раз обратившись к нашему перечню, мы можем выделить *три типа* бесконечности как таковой, т.е. бесконечности *актуальной*, и этим типам присвоить наименования определенно унифицирующего характера, прибегнув еще к услугам некоторого рода оксюморона, ибо для характеристик необычного мира бесконечности будет применена соотносительная терминология, почерпнутая из мира конечных величин и потому в определенной мере привычная для обыденного сознания. Итак, типы бесконечности следующие:

Ω – *абсолют*, или *актуально бесконечное большое*;

ее складываются из последовательных неподвижных состояний и скачков, а сами пространство и время («в малом») перестают быть линейно упорядоченными и становятся многомерными. Примечание в *апреле 2020*.

\aleph_i – иерархия *алефов*, или *актуально бесконечных средних*;

0_i – иерархия *нулей*, или *актуально бесконечных малых*.

Актуально бесконечное большое предстает здесь единственным, актуально бесконечных средних и малых – бесконечно много, в соответствии с результатами теории трансфинитных чисел (в рамках теории множеств) и нестандартного анализа, соответственно. Попробуем, однако, задаться вопросом, возможна ли теория, в которой иерархии средних и малых актуальных бесконечностей (вместе или порознь) являются ограниченными, т.е. индекс i принимает конечное значение¹⁵⁶. В этом смысле интересной видится гипотетическая возможность, когда вместо *убывающего* ряда

$$0_i = \aleph_i^{-1},$$

как обобщения известного соотношения $0 = \infty^{-1}$, может строиться *возрастающий* ряд

$$0_i = \aleph_i \times \Omega^{-1}$$

такой, что некоторый 0_i становится *достаточно большим*. Пока такой теории нет, а потому встреча в одном уравнении всех трех типов актуальной бесконечности носит еще, может быть, сугубо символический характер. Да и сами элементы уравнения (за исключением разве что \aleph_i – относительно алефов Кантором построена достаточно убедительная теория¹⁵⁷) вернее было бы считать только *символами бесконечности*, в духе ранней терминологии Г. Кантора и работ П.А. Флоренского. Конечно, за всяким символом обязательно стоит та или иная реальность, уже проявленная либо покамест сокрытая.

Однако наша типология бесконечностей, выраженная на языке бинарных форм, еще не завершена. В ее рамках естественно возникает описание еще одного типа бесконечности, который также приходится признать синтетическим. А именно, представляется возможным объединение

¹⁵⁶ В этом случае между *абсолютом* Ω и сферой *конечных* чисел будет пролегать конечное же количество *типов* бесконечных чисел; ср. представление о девяти чинах небесных в трактате «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита (гл.6 и 14).

¹⁵⁷ Слово «достаточно» применено из осторожности и может оказаться... недостаточным: с недавних пор канторовская теория снова подвергается серьезным сомнениям и критике, в том числе в узловом пункте доказательства существования несчетных множеств. Например, см.: *Петросян В.К.* Основные положения концепции оснований гармонической арифметики // Бесконечность в математике: философские и исторические аспекты. М.,1997. С. 49–53; *Зенкин А.А.* Ошибка Георга Кантора // Вопросы философии. 2000. № 2. С. 165–168.

интегральных типов *малое целое* (h) и *целое многое* (d) в единой триадной композиции – *малое целое многое* или, с переводом составляющей *целое* в разряд подразумеваемых, в единой бинарной форме

(i) *малое многое*.

С формальной точки зрения наша сокращенная запись для *трех* типов (они перечислены выше) и *двух* «состояний» бесконечности (в аспекте *малое* и *многое*) определенно находит себе аналоги в математической области. Например, вспоминаются особенности техники записи скалярного произведения состояний квантовых объектов с помощью «скобок Дирака». Но много интереснее обнаружить, далее, что и математике и даже обыденному сознанию давно известен сам объект, описанный у нас в качестве типа (i). Это – *конечное* число. Как синтез двух целостностей, а именно, синтез *мало* *целого* и *целого* *многого* всякое конечное число A выступает уже в т.н. неопределенном уравнении $A = 0 \times \infty$. Можно указать и содержательно развитое философское учение о синтезе нуля и бесконечности в конечном числе, представленное, как нетрудно догадаться, теми же «Диалектическими основами математики» [6, 520–522]. В логическом отношении нуль и бесконечное предшествуют конечному, конечное предстает как развернутый нуль или свернутое бесконечное. Потому в построении типологии на языке бинарных форм мы и имели право продолжить нумерацию возможных подходов к бесконечности до пункта (i), и здесь осталось только придать полученному типу соответствующее наименование – *актуально бесконечное конечное*. Это будет завершающий наш перечень *четвертый* тип бесконечности, бесконечность в несобственном смысле слова, т.е. конечное как отрицание (точнее, диалектическое снятие) бесконечности.

В заключение осталось отметить следующее. Конечно же, полученная типология непривычна, она носит во многом гипотетический характер и потому может показаться излишней либо избыточной. Но прислушаемся здесь к мнению великого Гёте и вслед за ним не будем «жаловаться на изобилие теорий и гипотез; напротив, чем больше их создается, тем лучше», ибо гипотезы – это «ступени, на которых надо давать публике лишь самый короткий отдых, чтобы вести ее затем все выше и дальше», это как раз те «удобные образы, облегчающие представление целого» [7, 304, 305]. Выше, дальше и к целому зовет и намеченная гипотеза о типах бесконечности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоренский П.* О символах бесконечности: (Очерк идей Г. Кантора) // Новый путь. 1904, № 9. – С. 173–235.

2. Кантор Г. О различных теоремах из теории точечных множеств в n -кратно протяженном непрерывном пространстве G_n . Сообщение второе // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 154–169.

3. Шрейдер Ю.А. Сложные системы и космологические принципы // Системные исследования. Ежегодник 1975. – М.: Наука, 1976. – С. 149–171.

4. Кантор Г. К учению о трансфинитном // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1982. – С. 268–324.

5. Переписка Кантора с Дедекиндом // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1982. – С. 327–372.

6. Лосев А.Ф. Диалектические основы математики // Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. – С. 5–608.

7. Гёте И.-В. Гипотеза // Лихтенштадт В.О. Гёте. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания. – Пб.: Государственное издательство, 1920. – С. 304–305. [Книга подарена мне А.А. Тахо-Гоци].

2002, 2007

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОДНОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА

(о взглядах Н.Н. Лузина и А.Ф. Лосева на проблему континуума)¹⁵⁸

Недавнее событие – выход в свет книги А.Ф. Лосева «Диалектические основы математики» (создавалась в 1930-е годы, впервые публиковалась, частями, в 1997 и 1999 гг. и в полном объеме – в 2013 г.), несомненно, задаст и уже задает философам немало работы, прежде всего, по осмыслению самой философской системы, заложенной в этом исследовании, самого метода, который однажды был «применен для конструирования математики в целом» [2, 10]. Наверняка что-то поучительное смогут найти в «Диалектических основах математики» современные математики и историки математики, особенно те из них, кто склонен задумываться об истоках математического творчества и узнавать (или искать) за математическим объектом ту или иную реальность, видеть ту или иную онтологию. Но еще материалы этой книги дают интересные возможности для изучения самой истории некоторых фундаментальных идей и, соответственно, драматической истории людей, к рождению и развитию таких идей волею судьбы причастных.

¹⁵⁸ Опубликовано: Сборник трудов Всероссийской конференции по истории математики и математического образования, посвященной 130-летию со дня рождения Н.Н. Лузина. 9–10 декабря 2013 г. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2013. – С. 54–59.

Одну из подобных историй, связанных с *проблемой континуума* (эта проблема, как известно, волновала и волнует многих философов и математиков уже на протяжении примерно века), мы вкратце и обрисуем – точнее, попытаемся в гипотетическом виде наметить, – в настоящей статье. Будем при этом сопоставлять взгляды двух замечательных современников и собеседников – Н.Н. Лузина, как известно, самого «философствующего» из русских математиков XX века, и А.Ф. Лосева, предстоящего – особенно после создания «Диалектических основ математики» – действительно, самым «математизирующим» из русских философов. Достоверно известно, что они напрямую общались в 1920-е годы (и каждый, что немаловажно, по-настоящему дружил с Д.Ф. Егоровым, выдающимся математиком, их соседом по Арбату, который их, надо полагать, и «свел») и при этом, конечно, спорили о природе бесконечности, о границах возможности ее постижения и описания. Спорили – ибо встретились точки зрения убежденного «конструктивиста» и не менее убежденного «идеалиста».

К сожалению, прямой фиксации результатов упомянутого общения не было и – по условиям времени – вряд ли такая фиксация могла состояться. Поэтому можно только пытаться реконструировать их трудный диалог, используя, с одной стороны, некоторые сохранившиеся следы философской рефлексии в творческом наследии Н.Н. Лузина, и, с другой стороны, те или иные положения из программы «Диалектических основ математики» А.Ф. Лосева, которые выступают как прямой ответ в оппонировании Лузину.

Ключевой в нашей теме вопрос, занимавший в начале века и математиков и философов – вопрос о самом статусе *актуальной бесконечности*. Он стал чрезвычайно острым в связи с созданием Г. Кантором теории трансфинитных множеств и выявлением в ней знаменитых парадоксов. Вот как отношение к актуальной бесконечности выражалось у Н.Н. Лузина, пожалуй, яснее и откровеннее всего – не в его теоретических публикациях, но в кругу близких друзей; приводим ярко-экспрессивное признание его из переписки с П.А. Флоренским:

«... Вы ищете бестрепетного сердца непреложной Истины, оснований всему, смело шагаете через все, сметая теории, как карточные домики, а я... я не жду последних “как” и “почему”, и, боясь бесконечного, я сторонюсь его, не верю в него.

Нет актуальной бесконечности! А когда мы усиливаемся говорить о ней, мы *фактически* всегда говорим о конечном и о том, что за n всегда есть $n+1...$ вот и все!» [8, 178]. Вся последующая деятельность Лузина-математика во многом состояла в попытках расширения «эффективизма» теории множеств и «в усилиях как-то уничтожить эту идею», идею

актуальной бесконечности [9, 244]. «Уничтожить» – не удалось, как признавал потом и сам Лузин.

Для А.Ф. Лосева выбор – априорный и для него неизбежный выбор – был в пользу актуальной бесконечности. Полемизируя с Лузиным, он строил в «Диалектических основах математики» философское обоснование самой необходимости актуальной бесконечности в мире чисел [2, 479–507]. Более того, в диалектической системе Лосева эта бесконечность была в некотором смысле первоосновой для всей числовой системы – здесь, к примеру, конечное число представляло производным от числа бесконечного: конечная величина, как показывает философ в частности, есть «относительное (т.е. некоторое, то или иное) тождество бесконечности и нуля» [2, 506].

Столь же принципиальное столкновение позиций мыслителей намечено по вопросу о природе *натурального ряда чисел*. Отказываясь принимать идею завершенной (актуальной) бесконечности, Н.Н. Лузин вынужден был констатировать, что было бы противоречиво и нелепо трактовать «вполне понятный» натуральный ряд чисел как некое целое и «объективное». Он даже заявлял, шокируя многих своими крайними выражениями, что натуральный ряд как таковой не существует, ибо всякий раз он – лишь некая «функция головы» конкретного математика, который в данный момент думает и говорит о числах. Здесь Лузин явно присоединялся к высказыванию Адамара по поводу его принципиального расхождения с Лебегом, – когда «в соприкосновение вошли по-иному устроенные умы» и даже указывалось, по какому именно физиологическому параметру эти «головы» существенно «иные» [5, 28].

Позиция А.Ф. Лосева выражается невозмутимо классически, она, можно сказать, классически-платоническая: он берется логически непротиворечиво дедуцировать натуральный ряд чисел как законченный математический объект: см. в «Диалектических основах математики» раздел с развернутой «формулой натурального ряда» [2, 438–453].

Далее, занимаясь выяснением вопроса о *строении континуума* (вопрос неизбежно возникал при восходящей к Г. Кантору попытке получить сплошное, непрерывное многообразие из изолированных точек), Н.Н. Лузин много лет своего математического творчества потратил на конструирование своеобразных «заместителей» для континуума – обозримых и поддающихся конечным преобразованиям множеств-примеров, для которых не понадобилось бы представление об актуальной бесконечности и неизмеримости («я вовсе не верю в существование неизмеримых множеств» [6, 695]). В рамках развиваемой Лузиным и его учениками дескриптивной теории множеств был предложен новый класс т.н. проективных множеств,

свойства которых должны были максимально далеко «расширить пределы “эффективизма” множеств» [5, 53]. Но это все-таки был не континуум. Попутно Н.Н. Лузин открыл фундаментальный факт существования в математике алгоритмически неразрешимых проблем, поскольку среди проективных множеств оказались «объекты, которые никогда никем не будут реализованы» [7, 708].

В «Диалектических основах математики» А.Ф. Лосев предложил логически безупречную (с позиций исповедуемой им диалектической логики) конструкцию континуума: см. раздел «Аксиома выражения в теории множеств» [2, 342–383]. Континуум у Лосева выступил как максимально синтетичное и естественно выраженное¹⁵⁹ обобщение «числового развития».

Здесь же автор воспользовался одной характерной «проговоркой», которую он почерпнул именно у Н.Н. Лузина, давшего любопытное описание вкусовых предпочтений и «разброда» среди математиков, приступающих к проблеме континуума.

«Для характеристики этого разброда», отмечал Лосев, Н.Н. Лузин использовал образ, схожий с известным в истории науки «демоном» Максвелла, который «владеет каждым математиком и внушает ему одни вкусы, исключая другие» [2, 376]. Вот эти «демоны»:

«1. “Демон” Брауэра. Его область есть область целого *конечного*, и притом *ограниченного* путем указания верхнего конечного предела. За этой областью все лежит “вне математики”».

¹⁵⁹ Выражение – один из главных принципов в философском языке А.Ф. Лосева. Между прочим, реконструируемую полемику вокруг проблемы континуума очень интересно было бы рассмотреть еще по одному аспекту, достаточно широкому: речь идет о содержании самого акта номинации (называния) в математике. Оппозиция, в кратком описании, такова. А.Ф. Лосев, платоник и «имяславец», строил свою теорию языка (например, в «Философии имени», 1927) и конструировал максимально «выразительные» области математического знания (в «Диалектических основах математики») с позиций философского **реализма**. Н.Н. Лузин в построениях дескриптивной теории множеств уделял особое внимание «называемым» и «хорошо определенным» объектам и формулировал проблему континуума в следующем уточнении (переименовывая ее в «проблему Лебега»): можно ли *назвать* совокупность точек континуума, имеющую мощность ровно \aleph_1 ? [4, 173]. Здесь ярко выражена позиция философского **номинализма**. Намеченная интересная тема заслуживает специального и подробного рассмотрения, а в настоящем примечании лишь резервируется для будущего исследования.

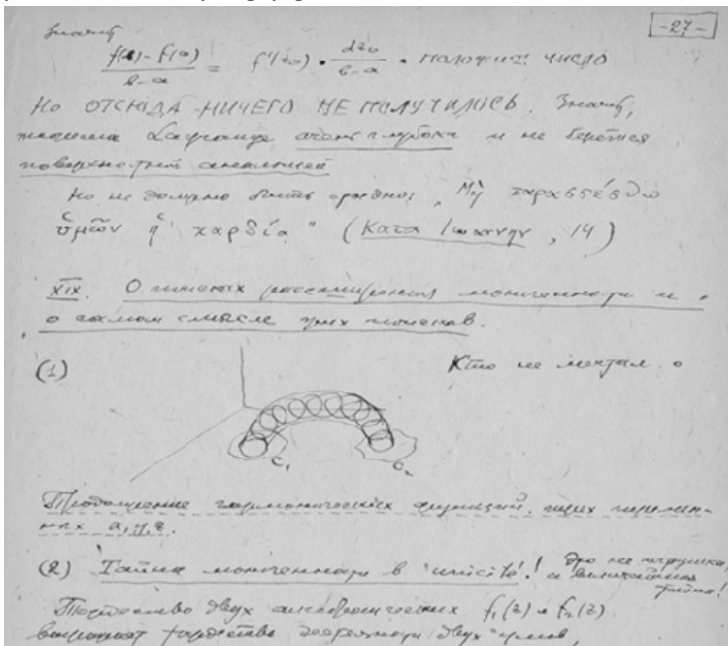
2. “Демон” Бэра. Его область есть просто область целого *конечного* без указания верхней конечной границы. Бесконечное – это лишь *façon de parler* и находится “вне математики”.

3. “Демон” Бореля. Его область есть область счетной бесконечности. Всякое несчетное множество – “вне математики”.

4. “Демон” Лебега. Его область есть область мощности континуума. Всякая операция, требующая континуум простых шагов, доступна этому “демону”; поэтому определение верхней меры еще лежит в области математики. Но мощность 2^c , мощность совокупности всех функций, уже отрицается Лебегом и не по силам его “демону”.

5. “Демон” Цермело. Его поле операций – всякие мощности, в частности, всякое множество “демон” Цермело может “сделать” вполне упорядоченным» [5, 52].

Лузин заметил: «в указанной классификации нет места соображениям умеренности, и интересны лишь ее фланги» [5, 53] и, выбирая между «демонами» Брауэра и Цермело (и, разумеется, Кантора), предпочел прислушаться к «демону» Брауэра.

«Можно только улыбнуться наивности этих философских рассуждений, – констатировал Лосев, – и похвалить за откровенное признание математиками субъективизма своей философии. Сказать, что

существует только конечное и нет ничего бесконечного, или сказать, что существует только бесконечное и нет никаких подразделений в сфере бесконечного, – это значит слишком откровенно раскрывать свои ни на чем не основанные, но весьма интимные потребности и симпатии» [2, 377].

Здесь, собственно, мы окончательно видим и убеждаемся, что в истории с проблемой континуума, как она разворачивалась при участии Н.Н. Лузина и А.Ф. Лосева (двух мыслителей, максимально открыто выразивших свою философскую позицию), наш «математизирующий» философ во многих отношениях выступал как антипод к «философствующему» математику.

Вернее же будет сказать: история распорядилась так, что эти две фигуры будто специально были созданы в дополнение и помощь друг другу. Жаль, что «Диалектических основ математики», по всей видимости, Н.Н. Лузин не знал. Может быть, в противном случае многие проблемы континуума были бы решены? Только, разумеется, для этого еще пришлось бы перейти с «почвы чисто словесных логических дедукций» [6, 695], столь тщательно разработанных в лосевских «Диалектических основах математики», на «почву математической реальности», и переход этот или, точнее, перевод с философского языка на язык математический был под силу только философу и математику Н.Н. Лузину.

Да будет нам позволено в заключение одно свидетельство, так сказать, личного свойства. Когда в 1997 году в издательстве «Мысль» вышло первое, еще неполное издание работы А.Ф. Лосева [2], которое мне довелось готовить к публикации, то первым делом эта книга была преподнесена Ю.А. Шрейдеру (1927–1998)¹⁶⁰. Для меня было очень важно знать мнение этого крупного математика и философа о новооткрытой работе А.Ф. Лосева. Юлий Анатольевич с большим энтузиазмом отнесся к ее изучению («она у меня теперь – прямо, настольная книга»), а на мое сетование, что в 1930-е годы у Лосева с его трактатом об основаниях математики просто не

¹⁶⁰ Известная на то время часть «Диалектических основ математики» была включена в издание: *Лосев А.Ф. Хаос и структура*. – М.: Мысль, 1997. Название тома придумала А.А. Тахо-Годи. На книге, которую я вручил Шрейдеру при встрече 19.03.1998, мы оба расписались, а рукой Азы Алибековны было начертано: «Дорогому Юлию Анатольевичу – труд философа, задуманный и напечатанный в подлинно хаотические времена. Надеемся на структуру и целое». Возле моей «закорючки» (почему-то ее всегда забавлял вид моей подписи) добавила: «P.S.: Загадочная подпись – скромный В.Троицкий. 14.03.98». Прошедшая вскоре, в октябре 1998-го международная научная конференция (Лосевские чтения) получила название «Образ мира – структура и целое»; примеч. – *апрель 2020*.

оказалось достойного читателя, он ответил быстро и убежденно: «Лосева мог понять и оценить только Николай Николаевич Лузин!» А потом неожиданно прибавил, заговорив о волновавшей его в юности «труднейшей математической задаче», которую он, тогдашний математический вундеркинд, попытался «наскоком» взять: «Будь эта книга у меня на столе примерно пятьдесят лет назад, я бы совсем по-другому взялся за ту знаменитую проблему...» К сожалению, у меня не хватило настойчивости или, точнее, храбрости сразу расспросить, что это была за задача и как бы ее следовало «после Лосева» разрешать (по тону рассказа Шрейдера чувствовалось, что он припоминал важный, чем-то до сих пор задевавший и тревожащий его эпизод жизни), и мы дружно согласились вернуться к этой теме «в более спокойной обстановке». Увы, больше счастливый случай не представился – примерно через месяц после нашего разговора Ю.А. Шрейдер скоропостижно скончался. Только потом удалось узнать, что он, принятый на мехмат МГУ, в виде исключения, еще 16-летним юношей, и успешно прошедший университетский курс за три года, он действительно однажды принес своему научному руководителю академику И.М. Гельфанду... решение проблемы континуума (имеет ли континуум мощность \aleph_1 ?). «Гельфанд, правда, нашел ошибку, но конструкция, предложенная Шрейдером, была интересна сама по себе и стала потом основой его кандидатской диссертации» [1, 38].

Диссертацию Ю.А. Шрейдер защитил [10], но с тех пор потерял вкус к «чистой» математике. Чем-то эта история схожа с теми, что когда-то случались в «Лузитании»: напомним известные педагогические эксперименты Н.Н. Лузина, который «задавал задачку» перспективным студентам П.С. Александрову и Л.Г. Шнирельману, и какими драматическими последствиями сопровождалась естественная неудача при попытках ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борцев Б.В.* Что помнится // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 1999. № 8. – С. 37–41.
2. *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики. – М.: Academia, 2013. – 800 с.
3. *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики / Лосев А.Ф. Хаос и структура. – М.: Мысль, 1997. – С. 5–608.
4. *Лузин Н.Н.* Лекции об аналитических множествах и их приложениях / Лузин Н.Н. Собр. соч. Т. 2. Дескриптивная теория множеств. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 9–269.

5. Лузин Н.Н. Современное состояние теории функций действительного переменного. – М.; Л.: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933. – 58 с.

6. Лузин Н.Н. Об одном вопросе, касающемся свойства Бэра / Лузин Н.Н. Собр. соч. Т. 2. Дескриптивная теория множеств. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 744 с.

7. Лузин Н.Н. О множествах всегда первой категории / Лузин Н.Н. Собр. соч. Т. 2. Дескриптивная теория множеств. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – 744 с.

8. Переписка Н.Н. Лузина с П.А. Флоренским // Историко-математические исследования. Вып. XXXI. 1989. – Письмо от 4.08.1915.

9. Переписка Н.Н. Лузина с А.Н. Крыловым // Историко-математические исследования. Вып. XXXI. 1989. – Письмо от 7.12.1934.

10. Шрейдер Ю.А. Строение максимальных идеалов в кольцах мер со сверткой // Математический сборник. – 1950. Т. 27. Вып. 2. – С. 297–318.

2013

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПИСЬМА А.Ф. ЛОСЕВА и А.А. ТАХО-ГОДИ

Наша переписка началась в сентябре 1977 года, развернувшись вслед за двумя последовательными «случаями» 1976 года, выше уже изложенными – после прочтения а) сборника научной фантастики Г. Гора «Геометрический лес» и б) монографии А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство». Дубликатов своих писем, увы, я практически не оставлял (а ведь зря! теперь было бы интересно снова заглянуть в ту благословенную пору), поэтому о них мало что могу здесь сказать. А из писем, пришедших с Арбата, приведу только некоторые. И начну с первого письма, того самого. Ответного. Первозванного. Когда душа душе – отозвалась сразу. (Публикую с любезного согласия А.А. Тахо-Годи).

«25 / IX –77

Виктор!

Алексей Федорович был рад получить от Вас глубоко содержательное письмо, но ответить на него А<лексею> Ф<едоровичу> не так просто. Он ведь очень занят, печатает сейчас V том своей “Истории античной эстетики”, да совсем недавно сдал еще один том. А ведь ему 23/IX исполнилось 84 года. Пишут ему много и посылают свои труды, но отвечать всем он физически не в состоянии. В данном случае – Вы редкое исключение.

Сообщите, какие книги Ал<ексея> Ф<едоровича> Вы знаете? Его библиография была напечатана в III т. “Ист<ории> ант<ичной> эстетики” (1974 г.) вместе с краткой биографией и портретом. Теперь собираются издать посвященный ему том, где будет дополнительная библиография. Но когда это произойдет – не знаем.

Далее диктует Ал<ексей> Фед<орович>.

Его жена Аза Алибековна Тахо-Годи (у меня с А<лексеем> Ф<едоровичем> одна специальность – классическая филология).

Виктор!

Что касается твоего письма по его существу, то ты поднимаешь слишком много разных вопросов, которые трудно обсуждать в коротких письмах. Скажу только, что я почти согласен со всеми твоими утверждениями. Например, относительно аксиоматики необходимо сказать, что ее можно строить по-разному. Те математические способы аксиоматизирования, о которых ты говоришь, вполне приемлемы также и для меня. Но я избрал другой ход мысли и шел не в порядке перечисления

одинаково общих и необходимых аксиом, но в порядке нарастания их смыслового содержания, от абстрактнейшего к конкретнейшему.

Ты правильно оценил выдвигаемый мною принцип разложения символа в бесконечный ряд как угодно больших или малых членов ряда. О многомерности понятия истины я тоже с тобой согласен. Твой совет мне писать свои мемуары тоже соответствует моим желаниям и потребностям. Однако это, по-видимому, не осуществится ввиду моей постоянной перегрузки тяжелыми и сложными проблемами печатания моих толстых томов.

Очень благодарен тебе за выраженные тобою чувства.

Может быть, когда-нибудь и встретимся.

А. Лосев»

Наша дальнейшая (не скажу, что – регулярная, и не скажу – большая) переписка продолжалась ровно 10 лет, до конца жизни Алексея Федоровича. Далее (и уже страшно сказать, сколько лет) мы обменивались посланиями с Азой Алибековной. Эти письма были достаточно редки, поскольку все эти годы была постоянная возможность прямого общения. Заботили, в основном, два трудных дела – *издавать всего Лосева* и *создавать «Дом Лосева»*.

Горжусь, что мне посчастливилось участвовать и в том и в этом.

Специально для дней рождения Алексея Федоровича (и Азы Алибековны, конечно) я старался что-нибудь сочинять, то бишь, «самовыразиться». Два образчика этой интеллектуальной (и немного художественной) продукции опубликованы в первом выпуске «Тропы» –opus «В мировом масштабе» (сентябрь 1978) и эссе «Вещи» (сентябрь 1983).

Сохранилась записка, которую я послал на Арбат вместе с только что указанными «Вещами», в начале сентября 1983 года:

«Дорогой Алексей Федорович!

Помня о приближающемся 90-летию Вашем, я задумался как-то о подоплеке ритуала поздравлений “к случаю”. Собственно, речь идет о способе выразить свое отношение к юбиляру, для чего привычно использование вещи – желателен поувесистее, поматериальнее. Однако не правильнее ли будет выражаться без онтологических трансформаций (выражать отношение – отношением!), креня стихийную философию общения из области наивного номинализма в сторону настоящего реализма?

Короче. Я попробовал подарить Вам фрагмент своих отношений с Мiром. Дороже, кажется, ничего не имею.

Будьте здоровы и счастливы!

Мой поклон Азе Алибековне.

Ваш Виктор.

P.S. Окололитературная часть – моя, иконография исполнена моим товарищем. Возможно, мы были наивны, но – искренни».

Так, в самый разгар моей военно-философско-испытательской жизни, и сочинилось это небольшое эссеишко. С десяток коротких заметок переписал шариковой ручкой, начисто, в тонкую школьную тетрадку, дорогой дружбе Саша Липовенко для каждой миниатюры сотворил цветными карандашами изящный рисуночек-иллюстрацию¹⁶¹, и я оперативно доставил наш подарок в столичный град, засунув послание в почтовый ящик квартиры 20 в подъезде дома 33, что по улице Арбат. В итоге, лосевские помощники эту тетрадку отвезли на дачу в «Отдых», Лосеву прочитали, и ответно своим чередом пришло с Арбата благодарственное письмо:

«27 / X – 83

Дорогой Виктор!

С большим опозданием отвечаю на Ваше поздравление Ал<ексея> Фёд<оровича>. Спасибо, Виктор, за столь оригинальный дар, который среди других – сборников стихов и прозы – занял особое место по исключительности замысла и исполнения. Вот, оказывается, где талант зарыт! Нам привезли на дачу Вашу тетрадь, которую Вы подбросили в Москве.

Официальный юбилей с вручением ордена будет 12 декабря. Билет мы пришлем (в Ленинском пединституте, в 9 ауд<итории>, в 14 ч<асов>, где было прежде). Пока посылаю «Меридиан» № 9 с докладом А<лексея> Ф<едоровича> и со статьей о нем (№ 10 скоро будет). Сейчас появляются кое-где статьи о нашем юбиляре (в «Лит<ературной> России» 21 октября на всю полосу с портретом), вышел интересный сборник в Тбилиси (у меня есть) и др. Если будете в Москве на нашей античной конференции, подойдите (21, 22, 23 ноября). 21-го А<лексея> Ф<едорович> делает доклад (Дом ученых, Белый зал, 13 ч<асов>). Я для Вас дома оставлю книжку.

Ал<ексей> Фед<орович> шлет свою сердечную благодарность.

Всего доброго А.А.»

Послания с Арбата составлялись (видимо, уже с середины 50-х годов – всегда) рукой Азы Алибековны. Если они шли от ее имени, обязательно

¹⁶¹ Спрашивал при случае у Александра Григорьевича, не сохранилось ли у него каких эскизов той живописи. Увы. По-моему, Сашины рисунки были куда интереснее и, уж, во всяком случае, художественнее, чем мои тексты. В октябре у того юноши свой юбилей – 70 лет. Доброго тебе здоровья, Саша! (май 2020).

следовало обращение на Вы (оно неизменно – между нами – по сей день, спустя уже целую жизнь). Когда текст диктовался Алексеем Федоровичем, и Аза Алибековна записывала его слова, всегда было неизменное «ты».

Из переписки с Азой Алибековной приведу одно (очень дорогое для меня) письмо, в котором она весьма заинтересованно поддержала мою гипотезу о возможной связи черной шапочки, неизменной в облике Алексея Федоровича, и соответствующего атрибута на голове одного литературного героя у М.А. Булгакова. (Своеобразным «мостом» между фигурами Лосева и Булгакова выступал при этом П.С. Попов). Здесь же прослеживались следы явного внимания писателя к имяславской проблематике, отразившиеся в знаменитом романе «Мастер и Маргарита».

«Дорогой Виктор!

Я прочитала статью. Ничего не имею против ее напечатания. Очень содержательная и аргументированная. Связь с имяславием – большая новость. Она очень важна.

У меня есть несколько уточнений.

1) На стр. 8 можете сказать, что постриг совершился 3 июня 1929 г.

2) На стр. 8 о параманах лучше сказать: “два т.н. парамана – принадлежности монашеского одеяния”. Описывать их не надо, они могут быть разного вида, в зависимости от обстоятельств, тем более, когда тайный постриг и надо, чтобы параман тоже был спрятан.

3) Шапочку А.Ф., как я теперь понимаю, надел до канала и форма ее особая – наподобие скуфьи, совсем не похожа на академическую. Посмотрите на фото в журнале “Москва”, где напечатаны его письма к Юдиной, 1993, № 8. Это фото перед арестом. Значит, он надел шапочку после 1929 г. Он уже в Консерватории не преподавал с этого года, ГАХН тоже в этом году закрывали. Никого удивлять своим видом публично он не мог. А после лагеря уже всё было понятно, и в дальнейшем шапочка не стала столь глубокой. Шила шапочки сначала Валентина Михайловна, на руках. Это замечание к стр. 9.

4) К стр. 11. Можно подчеркнуть, что Попов и Лосев были друзьями, учились вместе в Университете. А.Ф. знал всю семью хорошо и Любовь, известную художницу, сестру П.С. (умерла в 1924 г.). У них были размолвки, но потом сходились.

5) К стр. 13. Что касается № Дела. Н–7377 это номер архивный уголовного дела в отношении А.Ф. и др.¹⁶². Но “Дело по обвинению гр. Лосева А.Ф. и др.” имеет № 100256 (у меня есть ксерокопия обложки), начато 18 апреля 1930, окончено 3 сентября 1931 (тогда был оглашен приговор).

Попов узнал от Лосева в 1929 г. об аресте М.А. Новоселова – значит, еще общались (это свидетельство Попова в Деле).

К стр. 14. Книга “На горах Кавказа” (1907 г.) не аноним. Она имеет автора. Это схимонах Иларион. (Писать имя с одним “л”)¹⁶³.

К стр. 16. К словам мастера “... я прожил свою жизнь в заключении. Я слеп и нищ” можно добавить слова Лосева из повести “Жизнь”: “Я многие годы провел в заточении, гонении, удушении, и, быть может, так и умру, никем не признанный и никому не нужный”.

Булгаков несомненно слышал о Лосеве. Травля была очень громкой. Сам Горький выступал, а за этим следили. Потом статьи в газетах, напр., та же “Правда” от 14 мая 1930 г. “Против поповско-идеалистической реакции” А. Сараджева, где прокляты 7 книг А.Ф., “памфлеты против советской власти”.

В общем – печатайте. Чудаковой можно показать и на меня сослаться. В журнале “Москва” есть Селиванова Светлана Даниловна, зав. отд. публицистики, которую я знаю. Тел. 291-83-86 (р.). Даю ее дом. телефон, передайте привет, мы хорошо знакомы, <...>.

Сердечный Вам привет. Действуйте!

Ваша А.А.
29 / VII – 96”.

Статья «О безымянном мастере и его шапочке» успела выйти в журнале «Москва» в № 11, за ноябрь 1996 года, точно к 30-летию первой публикации романа М.А. Булгакова. Надо сказать, что булгаковеды эту мою гипотезу встретили спокойно, не опровергая, но особо и не восхищаясь.

¹⁶² Как раз по этому номеру, который уже сам по себе не так просто «добывался», я и принимался однажды (летом 1994-го) искать «Дело» в Центральном архиве ФСБ РФ. Еще не подозревал тогда, насколько оно огромно и сколь многие достойные имена оно самым жутким образом задевало.

¹⁶³ Речь идет о книге, с которой началось «Афонское дело». На титуле первого издания «На горах Кавказа» (1907) автор обозначен так: «Составил пустынный Кавказских гор, лесов и ущелий». Во втором издании (1910) автор получил имя: «Составил пустынножитель Кавказских гор схимонах Иларион».

ПИСЬМО Ю.М. ЛОТМАНУ

Уважаемый Юрий Михайлович, здравствуйте!

<...> Как-то так получилось, что Ваше имя я долго слышал из уст Ваших ругателей, а до Ваших книг столь же долго не мог добраться. С избытком хватало общения (благодаря книгопечатанию) с «подлинными диалектиками» и блюстителями чистоты «московской школы». Совсем вывели меня из равновесия две книги, попавшие в руки почти одновременно: «Философские проблемы семиотики» И.А. Хабарова, М., 1978, и сборник от издательства МГУ «Предмет семиотики», М., 1975. Новой гранью открылась банальная истина, что при науке, увы, живут смертные люди, которым *тоже нужно есть*. А ученые степени почему-то позволяют им забывать элементарные нормы вежливости (стр. 83 у тов. Хабарова, к примеру). И чего стоят декларации претендующих на серьезность ученых, кои клянутся не поддаваться на *происки западного структурализма*, а в «создании» семиотики ориентироваться только на *отечественные* (то бишь – на свои личные) разработки – восхитительное самозаточение!

Только что прочел Вашу «Структуру художественного текста», – ее мне прислали по межбиблиотечному абонементу взамен отсутствующей в фонде книги «Культура как коллективный интеллект». Я все равно оказался в выигрыше. Спасибо за доставленное удовольствие. Теперь я охотник за любыми листочками с Вашим именем...

Дабы в этом месте не скатиться на лесть неприкрытую (да и что она Вам *из моих* уст?), позвольте перейти к нелицеприятной критике. Речь пойдет о статусе *понятия информации*, на которое Вы существенно опираетесь в исследованиях структур художественных текстов.

Дело в том, что статистическая мера информации (функция от числа возможных альтернатив) хороша только на своем месте, а именно, в *математической теории связи*, – и Шеннон никогда не претендовал на большее. Вот ныне потоком хлынули всяческие «улучшения» – семантические и прагматические концепции информации, сама она провозглашена одной из ключевых ипостасей бытия, а от Шеннона не сделано и полшага. Сохранено главное, сохранен *панаприоризм* его подхода. Весь мир поделен на клеточки-события, на каждой клеточке возлежит фишка с надписью «вероятность такая-то», и это – мир Элочки-людоедки, или тыняновского министра финансов Вронченко с его знаменитым «то бе – то не бе». *Бедный мир...* А сама информация оценивается уже *после того*, как мир оцифрован или поставлен во фронт: попали на такой-то квадратик, окинули привычным оком разлинованные поля и получили «награду» – цифру с фишки данного квадратика. Т.е., получили меру информации.

Вся загвоздка, думаю, в том, что действительность нельзя описать перечислением альтернатив. Пан-априоризм следует заменить априоризмом *тенденциозным*: тогда на каждый акт информирования должна строиться своя модель соответствующего фрагмента мира. И от характера модели существенно зависит потенциальная информация. В сущности, акт информационного *предвосхищения* (построение модели) есть составная, если не ключевая часть любого акта информирования.

В № 12 журнала «Научно-техническая информация. Серия 2» за этот год вроде выходит моя статья «Экстраполяционный подход к понятию информации», где дается, как мне кажется, более серьезная и обстоятельная, чем здесь, критика «шеннонизма». Главный акцент там *гносеологический* – подчеркивается активная роль субъекта восприятия (вожделенного «приемника информации»), о котором давно воздыхают специалисты по теории информации: «Эх, надо бы его тоже анализировать...») именно на стадии настройки, конструирования внешнего мира.

Подобное смещение акцентов позволяет обращать больше внимания (к примеру, при понимании текста) на выпавшие пока из цельного анализа категории «ожидания», «предвосхищения» и проч. Если угодно, в пределах художественного текста как источника информации, кроме активно изучаемой ныне *синхронии*, повышаются и ставки *диахронии*. Экстраполяция, предвосхищение результатов коммуникации – слишком глобальное человеческое свойство, чтобы им пренебречь. Залогом тому хотя бы обостренное внимание к вопросу со стороны современных психологов: «модели потребного будущего» Н.А. Бернштейна, «опережающее отражение действительности» по П.К. Анохину, «установки» Д. Узнадзе, исследования «прогностических функций» мышления А.В. Брушлинским, – перечислять можно еще и еще.

Филологическая и литературоведческая сторона упомянутой статьи, видимо, самая слабая из всего прочего. Однако я бы рискнул изложить всё в некой более подходящей и обдуманной форме специально для Вас, – если, конечно, вышеизложенное смогло Вас заинтересовать.

<Далее следует абзац рассказа о себе и плодотворном общении с Ю.А. Шрейдером. С признаниями: «Нездоровая моя страсть: семиотика. Кумиры: П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, А.А. Любищев»>.

Юрий Михайлович, никак нельзя подписаться на Ваши «Труды»? Заранее согласен на любые условия.

И еще. Нельзя ли адресовать Вам кое-что из моих опусов? Имею «продукцию» на следующие темы:

- <строка зачеркнута:> к определению сюжета художественного текста (на базе экстраполяционной парадигмы),
- заголовки в общей структуре текста,
- информация и время в тексте,
- к определению знаковой ситуации.

Думается мне, что изучение семиотических систем – не только полигон для научно-технического проекта искусственного интеллекта, но еще и удивительная по своей доступности возможность философского анализа категорий знака (значения), информации и времени: рискну подчеркнуть это специально¹⁶⁴.

Будьте здоровы!

Ваш Виктор.

9.11.1979

ПИСЬМО Ю.М. ЛОТМАНА

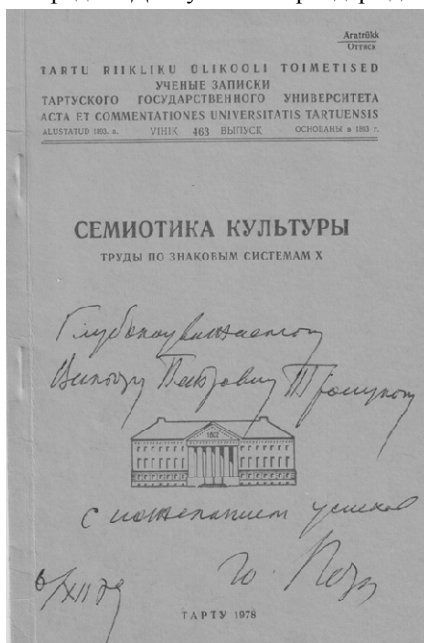
Уважаемый Виктор Петрович!

Спасибо за Ваше интересное письмо. Книги Хабарова я не читал и никакого представления о ней не имею. А вот по поводу Ваших соображений мне хотелось бы обменяться мнениями. Вы совершенно правы в своей критике Шеннона и «шеннонизма». Оправданность Ваших возражений явствует из того, что Вы самостоятельно идете по тем путям, по которым и идет сейчас наука. Вы взяли в руки мою «Структуру художественного текста», но ведь книга эта была написана в 1966 г. и в условиях, когда надо было закрепить возможность самого подхода такого типа к искусству. Сейчас вокруг этого уже копья не ломаются. Кто мог что-либо понять, тот понял, а кто не может или не хочет, того Бог простит.

Сейчас мы уже значительно ушли вперед. И основное направление движения, как мне кажется, – именно то, о котором Вы пишете: трудности понимания, активность адресата в диалоге (следовательно, трансформация сообщения в процессе коммуникации), роль индивидуальных кодовых структур, изучение прагматики текста, – все это составляет «горячие точки» современной семиотики культуры, особенно «тартуско-московского» ее направления.

¹⁶⁴ С удивлением обнаруживаю, что этот молодой человек в 1979 году формулирует перед Ю.М. Лотманом (и его школой) вопрос о нехватке именно *философского* подхода в проблемах знака и символа, – именно то, что ставил им в упрек и Алексей Федорович Лосев в своих публикациях.

Для того, чтобы Вы могли ближе познакомиться с тем, как мне рисуется ряд этих проблем в настоящее время, посылаю Вам оттиски двух моих более новых, чем «Структура...», статей. Больше прислать не могу – у самого нет. Я не могу предоставить Вам вышедших томов «Трудов по знаковым системам» и даже не могу обещать присылки в будущем: издание исключительно малотиражное (1000 экз.), и к распространению его я не имею *никакого* отношения – этим полностью ведает Издательская группа Тартусского университета, с которой у меня отношения не самые лучшие. Но все эти книги имеются в Ленинской библиотеке в Москве, а ведь Москва у Вас рядом. Да и у Ю.А. Шрейдера должен быть, кажется, полный комплект.

предоставите мне возможность с ней ознакомиться.

Относительно возможности публикации Ваших работ, к сожалению, ничего утешительного сообщить Вам не могу: в силу существующих ныне ограничений на объем сборника (не более 10 п.л.) и медленности работы типографии мы не принимаем новых работ, пока не разгрузим издательский портфель от уже принятых и подготовленных, скопившихся в нем в значительном количестве.

С искренним уважением и пожеланием успехов

Ваш Ю. Лотман

P.S. Я не получил № 11 «Семиотики и информатики» и, следовательно, не знаком с Вашей статьей. Буду рад, если Вы

6 / XII 79

Юрий Михайлович приложил к данному письму два оттиска, оба из тома X «Трудов по знаковым системам» – это были его статьи «Феномен культуры» и «Динамическая модель семиотической системы». Мне они, конечно,годились. Но в культурологии как-то не потянуло. «Тему» предпочел изучать как системотехник и немного системолог, и чуточку – математик, см. выше в гл. VI «Сложные системы» (добавление *апрель 2020*).

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Из дневника

Писанина моя выходит, определенно, *электрическая*. В очередной раз отстал от быстротекущей жизни и наверстываю упущенное, еду на «День программиста» наш (12.12.1997) и описываючи день уже позавчерашний (10 декабря). Он был столь плотен и богат событийно, что ему впору отвести солидный многостраничный том. Многостраничности позволить себе не могу, а вот многоглавность, вернее, многоглавковость – это пожалуйста...

Гл. 1, о роде Армандов. Поутру случайно встретил в электричке Сергея Должкова. Он с недавних пор редакторствует в районной газете «Маяк» и дерзает издавать краеведческий сборник о нашенских окрестных деревнях. Авторств хватает, денег маловато. Приходится обхаживать туземных бонз. Помянул, между прочим, прямого потомка одного из Армандов-фабрикантов, тот живет в Алёшино в доме бывшего управляющего именем своего предка... Рассказ высек во мне очередную искру замыслов (как чаще всего бывает, зряшних), а именно: 1) не прибавить ли в сей сборник заметку о пребывании четы Лосевых в доме Армандов, кажется, в Братовщине, и 2) пообщаться бы с этим потомком, вдруг он чего вспомнит, скажет или покажет. Но о плане-искре почему-то промолчал.

Гл. 2, с протоколами. Явился в Архив АН с наивной надеждой и едва ли не уверенностью, что вот сейчас свершится подвиг (по расписанию, подвиги запланированы на первую половину дня, до обеда), вот раскроются ветхие страницы и... и получить извольте самые что ни есть документальные подтверждения легенде «Пусть у нас будет одын идеальст». Прожектёр! Мюнхаузено-подобный фантаст! Изволь на деле – без всяких архивных находок и подарков – в очередной раз и мордой окунуться в затхлые помои старых распрь и разборок. О, да, о, да, для истории бесчестия (компартии) и обесчещения (России) в этих протоколах партийных собраний Института Красной Профессуры материала предостаточно. Но к делу (Лосева) они отношения не имеют. Видно, не миновать мне вскорости тащиться в другой архив, на Старую площадь¹⁶⁵, и эксгумировать прошлое уже там. И ничего, что уже слегка подташнивает...

¹⁶⁵ На Старой площади старых архивов партии, конечно, не оказалось. Следы знаменитой фразы Сталина об «одном идеалисте» я потом искал в РГАСПИ, вполне безуспешно. А завершились изыскания благодаря одной подсказке сотрудницы все того же Архива АН, что описано в моей заметке «Об имени»: *Тахо-Годи А.А., Тахо-Годи Е.А., Троицкий В.П.* А.Ф. Лосев – философ и писатель. М.: Наука, 2003. – С. 303–305. Тогда более-менее удалось восстановить всю цепочку, прямо ведущую от

Гл. 3, проходная. – Потому проходная, что сильно спешил, да и ничего особенного не происходило, когда пришлось заглянуть в редакцию издательства «Мысль», дабы забрать приготовленные для меня тома сочинений Алексея Федоровича (можно купить по знакомству, т.е. подешевле). Светлана Ивановна поведала печальную повесть, как Лариса Владимировна все-таки уходит, как Александра не хочет ее замещать, как всё, похоже, рушится и денег нет, и хорошо, что «Хаос и структуру» все-таки печатают... Догнала она меня на троллейбусной остановке, в сотне с гаком метров от издательства – растрепанная и без пальто, задыхается после непривычного бега. Догнала, чтобы вернуть успешно забытую мною газетку, в коей был завернут листок с текстом будущего Обращения:

– Это ж Вам очень нужно, да?!

Серенькая, тихая, незаметная (?) женщина (несправедливо подозревал одно время, что и недалекая) вот так просто совершила добрый и красивый поступок. Ее румянец мне еще долго, думаю, будет вспоминаться.

Гл. 4, о безымянности. Притащился в МГУ за час до объявленного срока. Коротая время, наткнулся в магазинчике на лосевскую книжку «Мне было 19 лет». Уже продается, уже могу рассмотреть подробнее, чем давеча. А плоховато, знаете ли, выходит! Текст послесловия Г. Зверева (изгнанного) сохранен, но имя его исчезло и из «Содержания», и с титула в основной части блока. Остался лишь смешной рудимент в одной из скобок возле цитаты, с инициалом «Г.З.». Что-то много чести выпало этому господину, объявленный мошенником предстает едва ли не мучеником. Невольно вспомнился факт из драматичной биографии Алексея Федоровича, когда ему, гонимому лагернику, «тоже» оставили минимальное право на авторство – убрали фамилию переводчика и комментатора трактатов Николая Кузанского, оставив инициал петитом на задворках издания 1937 года.

Гл. 5, в печальном одиночестве. Так расстроился, что не стал больше рыться в книгах и побрел себе на 10-й этаж. Но в объявленном для сбора помещении № 1060 всю бурлил какой-то капустаник (резвились студенты, кажется, испанского отделения), и пришлось высидывать срок в первом попавшемся маленьком кабинете, каких тут множество. Кабинетик в четыре стола и с трогательной сентенцией во всю стену, об этих самых столах и предметах изучения: «Стоят столы дубовые / Всякую идут занятия / Сидят дубы здоровые / Без всякого понятия». Листал свои архивные тетради и всё больше и больше печалился. Не в грамм добыча же – в слезинку... Вообще,

рассказа Л.В. Литвиновой через свидетельство А.В. Гулыги к Марку Митину («Мраку Митингу») и его встречам с товарищем Сталиным.

видимо, вредно и опасно вот так менять темп жизни, на всем скаку вдруг останавливаться, задумываться и по сторонам оглядываться...

Гл. 6, заседательская. Капустник продолжился своим чередом, собрание КПО «Лосевские беседы» прошло своим – в помещении кафедры классической филологии. Бывал здесь мимоходом в 1993 году. Народу пришло человек 35–40, а всего нас, как подытожила Аза Алибековна, 108 членов, из них около 60 иногородних и иностранных, включая Грецию, США, Германию, Италию, Японию. Конечно же, нет ни Лазарева, ни Ростовцева, почему-то не явлены Постоваловы. Из явившихся «грандов» надо бы назвать: В. Соколов, Л. Голованов, И. Нахов, Ю. Холопов, П. Флоренский. Отметил про себя, что из присутствующих знаю (поименно) примерно половину. Говорения шли по схеме: вступительное слово В. Завьяловой (главное, что отстояли Дом) – получасовой отчет Азы Алибековны – сообщение И. Маханькова об изменениях в уставе Общества – довыборы правления (приплюсованы Джохадзе, Голованов и Лена) – прием новых членов (представлено 13 фигур) – разное (в т.ч. пришлось высунуться мне). Меньшая часть народа сидела вокруг стола, большая – вдоль стен. Как-то так само собой вышло, что мы, «издатели», уселись в один монолитный ряд вдоль окон: Литвинова, Алик, я, Мила, Маханьков.

Гл. 7, почтовая. На фоне речей и говорений Алик Казарян передал мне, как и договаривались накануне, весьма толстый и увесистый пакет от совершенно незнакомого мне Сергея Зайцева. Он – отец опальной Кати Федоровой, незадачливой предшественницы еще более незадачливого Гены Зверева. Что-то я становлюсь неопозволительно «знаменит»: недавно из Смоленска прислали кучу текстов, отзывов хотят, а теперь еще извольте вникнуть, что думает некто о триадологии и Св. Троице. Но как он почувствовал, что мне эта тема чрезвычайно близка?! Или рыбак рыбака видит издалека? Или триадологией мне уже можно не заниматься, коли столько народу нахлынуло? Или, наоборот, это судьба подталкивает под спину – мол, хватит тебе рассиживаться и отмалчиваться?

Гл. 8, о несчастливом числе. На том же фоне Лена оформляла членские билеты, так что по залу бодро циркулировали, в одну сторону, записки с директивными указаниями, а в другую – заполняемые анкеты, символические суммы (по 5 тыс. с носа) и фотографии действительных членов. Как раз в тот момент, когда Аза Алибековна представляла новых вступающих в «Лосевские беседы» и прокомментировала их количество (– Но вообще-то для нас 13 – число счастливое!), мне в руки приплыл членский билет... за номером тем самым. Расстраиваться или утешиться?! Что здесь – закон прикидывается случаем или случай – законом? Лена, словом, удружила.

Гл. 9, публичная. Уже близился финиш, а никаких обращений и ни к кому заявлено не было. По уже обкатанному пути направляю клочок бумаги Лене (– Сказали ли Вы Азе Алибековне о предложении обратиться к общественности МПГУ?), та стремительно переправила записку к А.А., и та, без всякой паузы, предоставила мне слово. Изложил и зачитал. Почти овации¹⁶⁶. Потом, конечно, пошли дебаты о стратегиях и тактиках. В итоге проголосовали решение о группе, которая должна донести петицию до ректора и, желательно, довести дело до присвоения Моспеду имени Лосева¹⁶⁷. С тем и стали подписываться (под обращением) и собираться (по домам). Мнение И.М. Нахова – начать с «Литературки» – собрание дружно не поддержало.

Гл. 10, изыскательская. В суматохе сборов подошел к Семену Гальперину с вопросом, откуда ему известна легенда о Лосеве и Сталине. – А от Ларисы Владимировны – был ответ, – она слышала рассказ об этом в студенческие годы... Благо, что упомянутая еще не ушла, адресовал вопрос и к ней. – Да-да, я рассказывала; кажется, в публикации Гальперина что-то искажено; но от кого исходила легенда, уже не помню; слышал ли эту историю Василь Василич (Соколов – но он уже ушел), не знаю; не исходит ли сама легенда от академика Митина – а что, очень даже возможно...

Гл. 11, почти гальперинская. Шли до «Университетской» и долго ехали в метро с С.В. Гальпериным. Он горячо толковал о своем проекте «цельного знания» (третьим, что ли, после Владимира Соловьева и Алексея Лосева хочет стать?), потом о какой-то загадочной рационализации, да, таблицы умножения, с нею он, вполне безуспешно, хотел выступать на телевидении... О, сколько же нас, хороших и разных, собрал вокруг себя Алексей Федорович – подумал я тогда (или сейчас, спустя два дня, обобщил) и поехал к Паше Турыгину ночевать и пяточки обмывать внучке Катеньке.

Декабрь 1997

¹⁶⁶ *Приписка на полях:* Аплодисменты аплодисментами, а мнения весьма разделились. Хорошо знающие атмосферу МПГУ (Светлана Полковникова, Миша Нисенбаум – коллеги теперь по исполнительной группе) сильно сомневаются в успехе. А Юрий Панасенко так и просто считает, что это застойно – давать имена учреждениям. Тот же Нахов, кажется, стремится к оппозиции по любому поводу.

¹⁶⁷ В России нужно жить долго. Через 20 с гаком лет был создан Центр русского языка и культуры им. А.Ф. Лосева (в структуре Института литературы МПГУ, приказ Ректора 31.10.2018). Есть теперь Лосевский кабинет, студенчество собирает свои исследовательские семинары. Чуют в этом процессе поучаствовал.

ПИСЬМО В.В. ЕМЕЛЬЯНОВУ

Здравствуйтесь, дорогой Владимир Владимирович!

Намедни натолкнулся в сети на Ваш «Сон с Лосевым» (и заодно с удовольствием прочел некоторые иные тексты из припасов *banshur69*, – признаться, не ожидал встретить Вас среди ЖЖ-истов) и, не скрою, испытал всяческие теплые чувства. Самое очевидное и простое из них – благодарность. Самое неожиданное – кажется, чувство родства.

Такие истории не придумываются, они – небом даруются. Мне захотелось, в знак той же благодарности, рассказать Вам свою «историю с Лосевым». Или «мой сон». Излагаю здесь-и-сейчас, только для Вас.

Обрисую общий абрис обстановки. Время – середина 1970-х, возраст мой примерно тот же, что и Ваш к моменту первого узнавания о Лосеве. Я совсем недавно закончил обучение в своей Милитерхохшудле и активно втягиваюсь в дела программистские и испытательские: создается сложная техническая система сугубо оборонного назначения, в которую вкладываются громадные усилия большого коллектива, и мой ручеек тоже должен влиться в сей поток по имени ДУНАЙ (помянутая «гидрография» разворачивается в Подмоскowie, – увы, родной Питер по делам службы пришлось оставить). Возводится некий небывалый рукотворный космос, и потому темп жизни задан бешеный, эта большая задача требует практически ненормированного рабочего дня, постоянно и во множестве вылезают обязательно-трудные вопросы, навязанные правилами большой игры большой науки (крутая смесь математики, физики, сугубой инженерии *usv.*).

И на этом фоне все отчетливее приходит понимание важности (необходимости) для себя какой-то остановки и созерцания, потребности задуматься над общими вопросами. Или это я «просто» так взрослел и умнел? В особенности таковых два вопроса обрисовались: *что такое сложное* (то, что мы строим – это *сложная* система? и как тогда со сложностью иметь практические дела?), и о роли и месте *знаков и символов* в науке (в науке – и даже, поначалу, специально *в логике*: меня, к примеру, прямо-таки покорили красота и эффектность математической символики в изящной книге С. Клини «Математическая логика», – она в 1973 году как раз и вышла, перевод Ю.А. Гастева), и о великой миссии символов в культуре и обществе.

Уже, кажется, понятно было, что без явного уклонения в область гуманитарную, что без философии тут не разобраться – с той поры и сохраняю, кстати сказать, общую тенденцию глобального того крена. За всяким текстом, в котором встречалось слово «символ», я устраивал азартную охоту и, настигнув, буквально набрасывался на добычу. [О, как

просто и – одновременно – скучно стало жить нынешним умникам да умницам, у которых для поиска и вылова информации в полном распоряжении необъятная Сеть и скорые ответы профессора Яндекс[а!].

– Да, о Лосеве еще, конечно, слыхом не слыхивал.

Контекст описал, теперь бегло расскажу об одном важнейшем тексте той благословенной поры. Он явился неожиданно. Как-то взялся почитать, «в перерыве между боями», книгу ленинградского писателя-фантаста Геннадия Гора «Геометрический лес» (знаете ли Вы этого автора? известна ли Вам книга?). Вещь явно перенасыщена идеями и образами, экспериментальная форма радует и т.д. Но, главное, герои повествования всерьез обсуждают, среди прочего, именно *проблему символа*. По ходу дела немного излагается работа Павла Флоренского «Мнимости в геометрии», чуть позже называются имена тех, кто особенно потрудился на ниве глубокого постижения символа и символизма – Платон, Лейбниц, Поль Валери, Кассирер, а в России – уже названный Флоренский и... некий Лосев. Ряд великих мыслителей прошлого вполне наглядно вырисовался¹⁶⁸...

Горова фантастическая проза меня потрясла, многим задела именно за живое. Впрочем, на имя Лосева почему-то не сразу отреагировал (уж не сказались ли смешные внешне-вкусовые предпочтения – одна фамилия звучала слишком просторечно, что ли?), а вот Флоренским тотчас, как появилась оказия, занялся. Нашлись в Ленинке и «Мнимости», и громадный «Столп» (конечно, чтение подряд по несколько месяцев на толстом

¹⁶⁸ Прибавлю особо об этой замечательной книге (тогда она чудом оказалась в нашей гарнизонной библиотеке, а пару лет назад я ее специально – *для себя, да и на память* – прикупил в букинисте): *Гор Геннадий. Геометрический лес. Повести и рассказы.* – Л.: Советский писатель, 1976. – 424 с. Желтая-прежелтая обложка, зеленым обозначен силуэт мужчины, он то ли вглядывается вдаль, то ли уже входит за раму вглубь картины, висящей перед ним – намек на базовый сюжет всего повествования: сны-путешествия, как сейчас бы сказали, в нездешней виртуальной реальности.

Немного раньше встречи с книгой, а точнее, весной 1975 года в журнале «Нева» уже попадались некоторые отрывки из повести «Геометрический лес» (№№ 7, 8 за 1973 год), в том числе, где упоминаются «Мнимости в геометрии», и тем самым вполне был подготовлен к радостной встрече – выходу в свет сборника Г. Гора. Именно в эссе «Деревянная квитанция», вошедшем в книгу 1976 года, и обнаруживается пассаж о Флоренском и Лосеве, – одними «из первых, кто понял, что означает символ, знак и какие грандиозные функции он выполняет в человеческом обществе» (с. 206). Прибавление в *апреле 2020*.

рулоне микрофильма – уже чисто физиологическое событие, или прямо потрясение), и прочее. То был для меня – теперь-то хорошо понимаю – решающий шаг в философию и культуру Серебряного века. Но это уже другая история...

И вот подходит к концу год 1976-й. На прилавке в «Доме книги», на Новом Арбате глаз вдруг цепляет заголовок недавно вышедшего издания: «Проблема символа и реалистическое искусство». О, как интересно! Листаю, врываюсь, вчитываюсь – действительно, столько важного и захватывающего! А кто написал? (да, да, надолго погрузился в книгу, пока меня продавщица не одернула бесцеремонно, и только тогда удосужился разглядеть фамилию автора на обложке) – ага, А.Ф. Лосев... какой Лосев?

Догадка жаром обдала: неужто *тот самый*, из того г-г-г-горова «Геометрического леса» – явился?! Странно, судя по выходным данным книги, *автор еще жив*... – Тот? Не тот!?

«Проблему символа», конечно, приобрел, прочел ее жадным залпом (потом несколько раз перечитывал, и в моей библиотеке она самая замученная – в смысле потертости обложки и едва ли не каждой страницы ее), несколько дней бродил в задумчивости, приходил в себя (или к себе). Потом кинулся с еще большим рвением искать и читать: что пишут о символе? кто пишет и как? Довольно быстро открыл для себя лотмановские «Труды по знаковым системам», успел познакомиться с математиком Юлием Шрейдером, автором обзорной книги «Логика знаковых систем. Элементы семиотики», написал свое *первое приближение* к заветной теме – статью «Семиотическое существование», которую благополучно приняли к публикации в авторитетное академическое издание, сборник-ежегодник «Семиотика и информатика». Но всё никак не мог успокоиться, пока не решился на странный поступок: нашел через адресный стол домашний адрес А.Ф. Лосева, накатал восторженное письмо и... отослал его без всякой надежды на ответ. Без надежды, ибо уже сообразил, сколько ему лет (любезная дама в адресном столе помогла, дав справку: «Ваш Лосев – 1893 года рождения») и что вряд ли нужна ему переписка с каким-то мальчишкой. А ведь тот, балбес, еще умудрился в первом же письме вступить в полемику, мол, слишком много у Вас, Алексей Федорович, аксиом выдвигается для символа, и не все они представляются независимыми...

Ответ пришел примерно через две недели – теплое письмо (где сразу было указано, что составлено оно под диктовку, что записывала его Аза Алибековна), с разъяснениями на некоторые мои вопросы, да еще и с явно выказанным желанием «когда-нибудь встретиться». Фантастика!

Наш «эпистолярный роман» поддерживался десять лет, и с ним я, конечно, рос и возрастал – и «всего Лосева» постепенно прочел, и много чего еще пришлось усвоить и понять в философии. Кроме редких писем, регулярно получал с Арбата бандероли с книгами и журналами. Получал приглашения на выступления и публичные лекции Лосева. Слушал, видел его. Но подойти и представиться – сил и храбрости не нашлось. (Теперь-то понимаю, отчего: *Геннадий Гор виноват*. Как можно вообще вот так запросто подойти к человеку, который стоит в одном ряду с Платоном и Флоренским?!). Был, конечно, на похоронах Лосева в мае 1988 года, прислали мне телеграмму. Как раз в то время находился в трудной командировке, и пришлось, чтобы вырваться в столицу, рубить все якоря и рисковать служебным положением. На телеграмме первый и последний, видимо, раз Аза Алибековна подписалась «А.А. Лосева». Тогда на Ваганьковском кладбище и прикоснулся к нему в последний раз – прощальным взглядом.

А окончательно вошел в круг «лосевцев» по другой телеграмме: ее снова прислала Аза Алибековна, призвала быть на панихиде в день рождения Алексея Федоровича, 23 сентября того же памятного года. И добавку строгую присовокупила – “просьба подойти ко мне”. Куда тут денешься, пришлось «подойти» и, наконец, явиться или материализоваться...

Конечно, дорогого стоит, что Аза Алибековна доверила мне работу с лосевскими рукописями и, кажется, только мне одному. Потом еще десять лет довелось жить двумя жизнями – и «Лосева публиковать», и сложные технические системы строить и испытывать. Теперь еще одна десятилетка минула, где все больше Лосевым и его эпохой пришлось заниматься.

А сейчас готовлю к переизданию ту самую «Проблему символа», с исправлениями по рукописям, теперь уже в полном составе, без прежних изъятий и деформаций. Мог ли думать тот мальчишка 33 года назад, что время (или судьба) уготовит ему именно такой жизненный круг?

Такова моя история. Извините, пожалуйста, за эту мемуаристику, во многом навеянную светлой интонацией Вашего «поста». С поклоном и благодарностью¹⁶⁹...

14 марта 2009

¹⁶⁹ Ту же историю вкратце, минут за десять–пятнадцать, впервые довелось изложить публично (очень даже публично, – в Большом Манеже, при впечатляющем собрании слушателей) на культур-акции «Наш Лосев» в рамках Московского культурного форума, 18 марта 2018 года. Вместе со мною выступали также «лосевцы» К.А. Кедров, Ю.А. Ростовцев, Е.А. Тахо-Годи, П.В. Флоренский.

«... И ТЫ ПОЛУЧИШЬ ЖЕЛАННУЮ СВОБОДУ»

Из дневника

Боялся оставлять здесь особые записи о болезни Тамары, и даже когда всё стало ясно – *к середине ноября*, – всё еще боялся: а вдруг проскочим, вдруг выкарабкаемся... вдруг есть еще на свете справедливость, прости Господи... Но увы!

[Пишу через силу, по обязанности, утром 9 декабря – перед тем, как пойти со справкой о смерти по всяческим конторам, зная, что нужно еще посадить себя за стол, чтобы завершить подготовку переиздания лосевской «Диалектики мифа» + «Дополнения» для ЯСК, заявка в РФФИ «горит»].

Боролись, конечно. Прошло почти два года войны с рецидивом рака. <Опускаю часть текста с медицинскими подробностями>... В начале ноября печень заметно припухла. – *Живот как у лягушки-путешественницы*, – еще и хохмили, чудачки, отсылая на давнее домашнее присловье. Мы частенько вспоминали о Гаршинском персонаже, который будто для нас и затей наших сформулировал эпитафию: *Это я придумала!!!* ... Тут еще «до кучи» мои болячки навалились, весь ноябрь досаждали, и вот на этом фоне пришлось лихорадочно заканчивать многострадальную «Тропу», вторым выпуском, сдал в издательство в конце ноября.

После 19-го Тамара всё больше лежала, вставала и ходила только до туалета и обратно, да еще по утрам, чтобы постоять у окна и помахать мне с нашего десятого этажа, когда я открывал калитку, идучи на электричку. Ритуал сложился еще с весны прошлого года, когда Тамара ушла со всех своих служб, по инвалидности, и большую часть времени проводила дома. Ритуал немного усложнялся. К примеру, однажды, когда она заметила, глядя сверху: *Как мило светится твоя лысинка*, я специально стал всякий раз снимать кепку, подходя к калитке, – как же Другу не посветить!

– *Ну почему, только когда я лежу, я человек?!* – всё повторяла и повторяла она. Чуть позже стала задавать другой вопрос, страшный и простой: *Ну почему так скоро?..* И страшная слабость. И ничего ведь особо не болело, только волнами набегала боль в ногах.

С 30-го уже ничего не ела, только немного молочка с любимой чабатой. (*Отщипни мне краешек...*). Тут и весть пришла от друзей – умер Саша Бойков, инсульт догнал беднягу. Наш, Чернецкий соратник и сомысленник, полковником Генерального штаба был когда-то, хороший программист, конструктор. Поехать на похороны уже никак не мог...

Три дня (2, 3 и 4 декабря) провела в терапии в ЦРБ, тихим голосом еще толково отвечала врачу о ходе болезни, просила: *Я понимаю, что умираю, но*

может быть, поможете встретить Новый год... Все три дня лейтмотивом было, то и дело к нам обращаясь или просто куда-то в пространство говоря:

– Простите меня...

Дежурили и вместе, и по очереди с Леной и Машей. Была неспокойна, всё время вертелась с боку на бок, стараясь как-то пристроить непослушное, мешающее жить тело. То и дело просила посадить ее в кровати:

– Хочу отдохнуть.

И уже не плакала. Призвали знакомого батюшку из соседнего Троицкого храма (3 декабря), причастил и отпустил. Тамара внятно крестилась и повторяла Символ веры. *Слава Богу за всё!*

Утром 4-го декабря привез томик «Тропы», свежее-печатный. Увидела, погладила рукой. На мой вопрос (она что-то невнятно пробормотала) – *Что, обложка не нравится?* – неожиданно четко потребовала: *Водички...*

В тот же день часам к 18-ти (я дежурил, к вечеру должна была приехать Маша, на смену) как-то успокоилась, улеглась на спину, ручки уютно сложила на груди, дыхание стало тихим... иногда вроде как с трудом, с едва заметной остановкой... а я всё наклонялся, всё прислушивался и подгонял: *Дыши, родная, дыши...* Потом пришла сестричка, чтобы сделать очередной укол с обезболивающим, а мы ей: *Давайте попозже, она так хорошо уснула.* И я поехал домой, сменившись и с какими-то надеждами хотя бы на завтра.

Медсестра зашла снова, где-то через полчаса: *Она умерла...*

Вот и всё: 4 декабря 2019, 20¹⁰.

Такого великого множества людей на отпевании никогда не видел, хотя столько уж похоронил. Наш большой Троицкий храм был переполнен. Чернецкие и Софринские друзья, учителя района, Мурановские коллеги, прежние воспитанники и студенчество, все родственники. Неожиданно много молодых лиц. Лёша Козырев приехал, уважил (потом на поминках будет красочно описывать наш, на троих, поход-вылазку к Башне Монтеня).

Боялся, что в гробу будет некрасивая и чужая. Нет, узнаваема, почти родная, только исхудалая и более строгая. Мой платочек из Ельца очень ей к лицу пришелся. И груда цветочков во весь гроб, больше метра кверху взгромоздили – тоже к лицу. *Эх, звезда ты наша...* Слёз было не стыдно.

Глина Новой Деревни. В сухое легла. Теперь мы будем в соседях с батюшкой о. Александром Менем. Прости меня, Тамара!

Наша звезда. Лягушка-путешественница. Настоящий педагог. Подлинный историк. И незабываемое: Кто любит меня – за мной...

Еще храбрился. На следующий день после похорон, 8-го собрался ехать в Москву, чтобы участвовать в вечере памяти о. Павла Флоренского и представлять публике дорогую Эвелину Пилярич, гостью из Кракова. Но

одолеет путь только до привокзальной площади града нашего Пушкино, и стал задыхаться. Еле добрал домой, всем отзвонился, как смог, и покорно стал собираться в больницу...

Днем позвонила Аза Алибековна. Сочувствовала, печалилась и утешала. Мудрая, две латинских поговорки к месту привела. – *Все мы умрем, только думать об этом не хочется. Одно нам остается – помнить и работать. У вас есть дети, внуки. И работа. Они помогут...*

... Да, вот еще слова, которые вспоминались в эти дни:

– *И ты получишь желанную свободу.*

Бывало, Тамара говаривала мне такое, в минуты досады и случайных трений, – давно, в прошлой жизни всё осталось.

Так что, вот она и пришла, эта самая «свобода»?

А свобода, оказывается, есть просто: *п у с т о т а*.

Декабрь 2019

*Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенью пошли,
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.*

На задней стороне намогильного памятника мы поместили «Молитву» Евгения Боратынского. Хотели дать еще угловатый контур «дома поэтов» в Мураново, но он оказался, так скажем, не для камня (не *lapidarius*). Зато прекрасно лёг легкий очерк храма Покрова на Нерли. Сколько народу Тамара буквально привела к этой Красоте!

Сентябрь 2020

ОПЫТЫ: продолжение (1986–1988)

Незримое имя

Среди нелингвистических работ великого лингвиста *F. de Saussure* долгое время оставался неразобранным (ныне – частично издали уже) целый ворох заметок в 99-ти тетрадах вместе с громадьем сводных рабочих таблиц. Всё – об *анаграммах* в поэтических текстах древности. Соссюр выпотрошил великое множество древне-греческих, латинских, ведийских произведений, во многих из них отыскал столь поразившее его «повторение слогов, принадлежащих тому священному имени, которому посвящается» данный текст, отыскал... и был потрясен *многовековым молчанием* и поэтов и комментаторов по поводу этого «шифровального» приема. Даже в Древней Индии, где была столь изоцирена филологическая рефлексия, даже в необъятных ведангах и обширнейших санскритских грамматиках (одно только «Восьмикнижие» Панини содержит, говорят, четыре тысячи правил-сутр) об анаграммах не находится ни полслова.

Видимо, открыватель «повторения слогов одного имени» понимал рискованность своего шага уже потому, что, как он же и писал, всегда есть тривиальная «вероятность найти в среднем в трех строках, взятых наугад, слоги, из которых можно сделать любую анаграмму (подлинную или мнимую)». Случай он справедливо опасался превратить в закономерность. А возможные причины *подлинных* анаграмм Соссюр предлагал, на выбор, две: либо это (все подчеркивания принадлежат автору) «*могло быть* религиозное представление, согласно которому обращение к богу, молитва, гимн не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени бога», либо основание для анаграмм «*могло бы быть* и не религиозным, а чисто поэтическим: в этом случае оно было того же рода, что и причины, определяющие появление рифм, ассонансов и т.д.».

А если швейцарский мыслитель не ошибался, так сказать, по своей специальности, и его зоркий глаз великого лингвиста нашел рассеянные по текстам «шифры» совершенно правильно? А если Соссюр оказался только плохим *нелингвистом*, когда представлял возможные причины анаграмм лежащими на поверхности (либо намеком «помянуть богов», либо «исполнить поэтический закон»), и ему не хватило взгляда в более глубоком плане, взгляда чисто философского?

Знаю, что один, по меньшей мере, человек, уж точно, заинтересовался бы загадкой (проблемой от) Соссюра. Это *Павел Флоренский*. Но поскольку умер он, увы, задолго до публикации заметок об анаграммах, за него

попробую высказаться я. Буду сочетать цитаты только из тех текстов, которые сам давно одолел, прочитав целиком. Ибо хорошо знаю, как опасно выдергивать слова и мысли из их окружения (или контекста – но не люблю это ученое слово), – они быстро вянут, подобно капризным полевым цветам. «Поле мысли» Флоренского есть, именно, «духовная самостоятельность», откуда тщательно изгоняются сорняки «схем научного мышления», любые ростки «хищнически-механического типа культуры» (беру в оборот ботаническую семантику из «Обратной перспективы», 1919).

Полоть умственные сорняки можно, к примеру, по такой методе.

1. Нужно научиться ценить «неудовлетворенность каким угодно промежуточным *мнением* об объекте, которое застит объект и норовит само стать *вместо* него»; следовательно, задача «увидеть подлинник есть стихия самостоятельного мышления», есть первейшая задача. Нужно помнить при этом, что «подлинная мысль, подлинный факт – терпки и, порою, кислы, как и неподдельное вино», и не нужно удивляться, что «пред *бесконечностью* вторгающейся отовсюду иррациональности всякая *конечная* рациональность оказывается чистым нулем» («Первые шаги философии», 1917).

2. Нужно взять на вооружение «один из основных фактов», а именно, «противоположение *должного* и *недолжного* в воспринимаемом сознанием». Противоположению соответствует религиозное и суеверное мировоззрение, и между ними – «в неустойчивом равновесии» – располагается наука, т.е. «отношение к воспринимаемому сознанием» «как к *данному*, как к *безразличному данному*» («О суеверии», 1903).

3. Вообще, «есть только два отношения к жизни – *внутреннее* и *внешнее*», когда приходишь или «к самой вещи», или только «к коже вещей». Потому и подлинное познание есть «реальное *выхождение* познающего из себя или – что то же, – реальное *вхождение* познаваемого в познающего», потому «познание не есть захват мертвого объекта хищным гносеологическим субъектом, а живое нравственное общение личностей, из которых каждая для каждой служит и объектом и субъектом». Короче: «познаваема только личность и только личностью» («Столп и утверждение Истины», 1914).

4. Жизнь потому нельзя «придушить системою схем», что для нее определяющим является *быть*, а не *казаться*, не *хотеться*, будто «утверждается патент на действительность – только в канцелярии Г. Когена [либо другого подобного «эвклидово-кантовского иллюзиониста»] и без его подписи и печати недействителен» («Обратная перспектива», 1919).

5. Итак, следует искать не «частной и дробящейся истины человеческой, мятущейся и развеваемой, как прах», но «Истины все-

целостной и веко-вечной». Следует помнить, что есть «нечто превосмогающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое», – «Великий Корень целокупной твари». Да, «существовать – это и значит быть *мыслимым*, быть *памятуемым* Богом» (тоже из «Столпа».

... А как же насчет анаграмм? Например, так. Вышеизложенная методология позволяла самому Флоренскому вполне *целокупно* увязывать самые разнообразные факты и явления, – солнечный свет и цвет («Небесные знамения», 1922), числовые последовательности («О типах возрастания», 1906) и числа-формы в системе остаточных классов («Приведение чисел», 1916), совокупности из точек, кривых и поверхностей («Мнимости в геометрии», 1922) или, наконец, слова естественного языка («Строение слова», 1921). Этому ряду реальностей не чужды и «шифры» из древних гимнов, но для них, пожалуй, в особенности необходимы эти эпитеты и определения, трудную методологию Флоренского разъясняющие: перед нами не слепая *вещь*, а «струя самого творчества», «живая пульсирующая деятельность Творца», «образ Божий для твари», «явление Бога на земле», наконец, именно та *розовая тень*, «которой молился Вл. Соловьёв».

Почему до Соссюра анаграмм не почуяли? Ну, так и саму «розовую тень», которую буквально на пальцах *объясняют и показывают* в «Небесных знамениях» (1922), можно видеть только при вполне определенном – и редкостном – направлении «духовного зрения»¹⁷⁰.

Декабрь 1986

¹⁷⁰ Об анаграммах, по Соссюру, узнал еще в конце 1976 года, штудирюя – для меня крайне полезную и поучительную! – монографию «Очерки по истории семиотики в СССР» *Вяч. Вс. Иванова*. При этом весь ивановский «структурализм» просвистел мимо ушей, и где-то в подкорке застрял только знаменательный вывод о том, что сия «теория анаграмм» по-своему «предвосхитила понимание целого текста как знака» (с. 267). Но мало было просто дожидаться выхода в свет тома «Трудов по языкознанию» Ф. де Соссюра (М., 1977), где тетради с анаграммами впервые публиковались по-русски, в переводе и с комментариями всё того же В.В. Иванова. Еще следовало пройти долгую школу у *П.А. Флоренского* и *А.Ф. Лосева*, к концу 1986-го как раз перейдя, кажется, в средние классы. И еще, надо прибавить: как раз в декабре 1986 года была (с немалым удивлением) обнаружена книга *Н.С. Семенкина* «Философия богоискательства» (М., 1986), из которой я впервые узнал об имяславцах и Афонском деле. С этого момента grand-вывод по теме анаграмм представлял для меня существенно иным, и даже вполне «имяславским»: стало быть, именно и прежде всего именование, имён-положение суть главный, наипервейший акт семиозиса (пометка *февраль 2020*).

Филонов

Крутые глубокие складки, рот – резцовой чертой на изработанном лице рукодела с вредного производства. А полушарие лба заставляет помянуть Сократа, Ивана Ильина или Ленина (разумеется, в андреевской подаче). Глаза... Глаза – сварным швом между верхней и нижней частью. В них еще мерцает раскаленный металл: там работающая мысль, мыслящий труд. Когда-то сограждане опасались Данте, страшились его взгляда, мол, этот человек первым увидел Ад... Что видели глаза Павла Филонова?!

Он – самобытный? Может быть, лучше – всеми-... Всеми-бытный! И везде. И далеко. И в глубинах. Заглянувший в адовы глубины бытия?

Плохонькая фотография 1931 года. До смерти от голода в блокадном Ленинграде остается десять лет. Он не торгует лирой. Неизвестно как питается. Точно известно одно – рисовал. Был художником.

Декабрь 1986

Слова и дела

Твердо решил отложить все дела (окромя служебных, конечно) и безотлагательно прочесть «Философию общего дела». Прочел. Теперь черед каламбуру: так слово оказалось впереди дела, слово о том, что дело должно быть впереди...

Премудрость человеческая сочетает эту пару весьма разнообразно: «слово – тень дела» (Демокрит), «в начале было Слово» (из библейского канона) и «в начале было Дело» (из попытки перевода Фаустом), «слово – тайный смысл дела» (апокриф по Пришвину), «слово – тоже дело!» (кто-то из нынешних-пишущих), и т.п. и т.д. Но каждое такое сочетание крылатых слов – частность, как всегда частна и конкретна сама истина.

По законам литературной логики далее, наверно, должны следовать иллюстрации, примеры «из жизни». Помянуть бы «Слово и дело Государев!» – грозный всероссийский клич, от коего лет 200–300 назад все должны были покрываться гусиной кожей, от страха; нельзя забыть и слова, что скопились в многочисленных «делах» самого «холмистого» времени социализма – как раз на моем столе лежит текст речи А.Я. Вышинского на процессе «отравителей» (когда слова становятся площадной бранью, *дела* попахивают порохом отнюдь не охотничьего применения); моему поколению также памятны времена, когда вера в магию слов едва ли не стала государственной политикой, когда посредством газетных заклинаний мечталось повысить качество выплавки чугуна и урожайность зерна, а дела малые становились великими – проще простого! – на словах...

Картинок никаких не будет. Сегодня меня интересуют слова и дела Николая Федоровича Федорова. Нижеследующие очерки суть первые впечатления после прочтения тома 85 из «Философского наследия», недавно пришедшего ко мне прямо в руки. Страницы (цифрами в скобках) при цитатах указываю по данному изданию 1982 года.

Имя дела. Федоров многократно пытается сжато сформулировать свое учение. Мне по душе вот это, довольно длинное: «Проект объединения всех живущих, чтобы воскресить всех умерших и армию, набранную из всех воскресенных поколений <...>, завоевать всю вселенную» (632). Кратки, но и менее полны следующие дефиниции (упорядочу по степени сжатости): «Объединение живущих сынов для воскрешения умерших» (632), «О причинах небратства и средствах восстановления его» (632), «Супраморализм, или Всеобщий синтез» (473), «Объединение для воскрешения» (472), «Всеобщий проект» (398), «Новая Пасха» (632), «Патрофикация» (64). Именованное «Философия общего дела», данное первым публикатором (В.А. Кожевников), не слишком удачно хотя бы потому, что «воскресение есть самое нефилософское понятие» (317).

Рай без Бога? Да не смутит атеиста богословская терминология «великого библиотекаря», – Федоров говорит языком своей эпохи. А клерикалу есть от чего наострить уши, потом осерчать, потом вовсе разъяриться, читая, к примеру: «в человеке движение получает сознание, соединенное с понятием бесконечности», и потому «задача человека есть безграничное перемещение» (429) – это когда всем ведомо, что подлинное актуальное бесконечное есть Бог! – но продолжим, – «воскрешение будет делом не чуда, а знания и общего труда» (529), воскресить же значит «морализовать все естественное» (433) и «рационализировать... все миры» (все – именно!) (487), «чтобы генеалогическое древо человечества было не древом только знания, но и древом жизни» (143). Итого: «люди созданы быть небесными силами» (496), и «рай может быть создан только самими людьми» (500).

Мир проективен. Его жизнь едва ли не целиком ушла на переосмысление явлений и фактов культуры и цивилизации, увиденных в свете «всеобщей и необходимой» «проектики» (544). История ли это (553) либо искусство (467), отношение ли субъекта и объекта (204) или таинства церкви (436), сельское ли хозяйство (319) вместе с астрономией (528) и военным делом (55), музей ли (587), сельский храм (437), Кремль, пусть Московский (214) или торгово-промышленная выставка (462), любое кладбище (106) и горные вершины Памира (339), творчество ли это Декарта (205), Гёте (432), Микеланджело (624), Ницше (552), Канта (533), Льва

Толстого (641) или Владимира Соловьёва (644), – всему и всем находит Федоров место в своей «системе». Даже двуногость человека (507), или наличие у него... лица и затылка (316), даже сама манера начертания букв (82) и наивная этимология вроде «немые–немцы» и «словесные–славяне» идут в дело. Для Дела!

Реальность бессмертия. Когда же восторжествует супраморализм, каковой «требует от разумных существ полного раскрытия бытия, т.е. всего, что в нем есть, было и может быть», причем раскрытие «не мысленное только, не духовное лишь, но и видимое, осязаемое, всеощущаемое органами» (500), когда «время, состоявшее из ряда поколений, станет доступно ощущению во всех мирах, т.е. когда все время явится в пространстве осязательно» (545), когда «пространство и время» будут «обуславливаться» человеческим «движением и действием» (508), тогда, утверждает Федоров, и свершится «переход от смерти к жизни» и «торжество над временем» (572), совершится человеческое бессмертие, которое «превращает умирающее Прошлое и рождающееся Будущее в непрерывно живущее, неумирающее Настоящее» (538).

Воскрешение: атомистика... По Федорову, наипервейшая задача «космотеллурической науки и искусства» (419) одна – собирать «рассеянные частицы отцовского праха» (333). Задача самая естественная и трезвая, ибо рассеяние это восполнимо и преодолимо: поскольку а) оно, в принципе, «не может выступить за пределы конечного пространства», б) сам-то «организм – машина» (всего лишь!), и «сознание относится к нему, как желчь к печени; соберите машину – и сознание возвратится к ней!» (366); наконец, в) любая частица праха, состоящая из еще более мелких частиц, «представляет нечто вроде слоев, сохраняющих, быть может, отпечатки всех влияний, которым подвергалась частица, проходя разные среды, разные организмы» (420). Единственное, что одно насущно необходимо воскресителю – «чтобы всё, доступное мысли, стало доступно и чувствам», «чтобы все вибрации стали доступны нашему восприятию» (629).

... и новая космология. «Настоящая земная жизнь будет расширяться до границ самой природы» (168), уверен Федоров, она «не ограничивается даже пределами земной планеты» (215 и 360) и «не земля только, но и весь мир требует внесения в него целесообразности», мир «должен стать поприщем деятельности человека» (310). Люди – братья, люди – истинные сыны сумеют-таки «объединить миры вселенной в художественное целое», «многоединым художником коего будет весь род человеческий, в совокупности всех воскрешенных и воссозданных поколений» (495). Люди «должны быть небесными механиками, небесными физиками и проч.» (372),

«должны искать средств к жизни в иных мирах» (371). Только тогда «для всех откроется ширь, высь и глубь необъятная», «жизнь вечно новая» и «воскресение без смерти» (528)!

Грядущий человек. Но для человека окажутся доступны «все небесные миры только тогда, когда он сам будет создавать себя из самых первоначальных веществ, атомов», и только тогда «он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы и быть в гостях у всех поколений» (501). Человеческая техника летания (в воздухе и космосе) – лишь «временное и переходное» дело. «Гистотерапия и органотерапия, которые служат не только обновлением, но и началом воссоздания своего организма, а вместе с тем и возвращением отцам отеческого, они и создадут организмы, способные к безграничному перемещению» (645). Да, «наше тело должно быть нашим делом» (120), и мы должны «создать себе органы для существования во всех мирах и во всех средах и таким образом сделаться существами всеобщими» (423).

Грядущий мир. А если преодолеем ограниченность человека, каковая «в пространстве препятствует повсеместному действию разумных существ на все миры вселенной», а «во времени, смертность – одновременному действию поколений разумных существ на всю вселенную» (538), тогда исчезнет и «несовершенство небесных тел», состоящее «во взаимном отчуждении, в отсутствии разумной связи между ними» (261). Исчезнет, ибо «весь мир, который стоит между нами и Богом [весь мир – без Бога?], будет освещен сознанием, управляем волею» (261), он из «неродственного типа организма» станет «родственным типом нераздельной Троицы» (68). Наконец-то «иллюзия поэтов, олицетворявшая или отцветворявшая миры, станет истиною» (529), и придет «конец сиротства» (528), и действительно «возрадуются тогда и многочисленные хоры звезд» (529).

Федоровские самооценки. Он предупреждает: сия «философия» только «при первом взгляде представляется диатрибой из времен невежества и глубочайшего суеверия», а при внимательном рассмотрении в ней оказывается «неслыханная дерзость знания, признающего притом себя согласным с самой простой детской верой» (649). И в самом проекте воскрешения, «который мне казался и кажется самым великим и вместе самым простым, естественным» (633), никак нельзя усомниться, – «это значило бы признать, что жизнь наша есть дар не только случайный и напрасный, но совершенно бессмысленный»: тогда сами ответьте, «в чем же, если не в воскрешении, может заключаться цель и смысл существования рода человеческого» (644)?

Обязан отметить также (не знаю, что означают) «личные совпадения». Моя фамилия производна от имени фундаментальной «категории» федоровского учения – Троица. Идея «Новой Пасхи» явилась автору осенью 1851 года, ровно через сотню лет зачем-то угораздило родиться мне – тоже осенью, пусть и поздней. Моё «информационно-временное» понимание того, что можно было бы назвать «машиной времени» и «искусственным интеллектом», вполне вписывается в границы «всеобщего воскрешения» как «предельного моделирования». Поелику всё прочее не совпадает, я... наверное, не безнадежен.

Январь 1987

Необходимое противоречие

«В одну и ту же реку мы входим и не входим» (Гераклит Эфесский). Маркс: «Капитал возникает и не возникает в обращении». Лев Толстой: «Иван Миронов молча упал и закричал». «Предатель Евгений Стахович – подлинный лидер молодогвардейцев» (так вышло у А. Фадеева). «... А я сразу подумал: вот настоящая офицерская косточка» (некто – некоему).

Буду, стало быть, писать о противоречии, причем о Противоречии, с большой буквы. Их величество...

Кратко, для входа в тему, обозрим пёстрые сии «цитаты» и цитаты. Здесь возле вариации ставшего за две с лишним тысячи лет трафаретным, но-таки великого «панта реи» помещен образчик мудрости великого теоретика пролетарской революции, рядом – удивительное **и** из «Фальшивого купона» великого моралиста (я уже сподобился порассуждать об этой «малой букве»), еще соседствует строчка из приговора, что сам себе вынес создатель «Разгрома» и «Молодой гвардии», а последняя фраза нужна и понятна, скорее всего, только мне одному, невеликому, – хотя бы для того, чтобы без страха посягнуть на великую тему.

Для чего эти пестроты и разнообразие? Фокус в том, что *противоречие* не только мифо-поэтически *мыслимо* (Гераклит), философски *постижимо* (Маркс) либо художественно *выразимо* (оба упомянутые и Толстой), оно еще, вместе, и бьет больно (Фадеев), и (мой случай) помогает жить дальше.

Об «офицерской косточке» я с удивлением услышал однажды в свой адрес от одного мудрого человека. Надо же сказать эдакое тому, кто долгое время считал себя в армии случайным, хотя и не лишним человеком! После «домашнего анализа» мне стало понятно, впрочем, что правы... обе стороны. Несмотря на многие разочарования и бесцеремонные толчки-подзатыльники, полученные за эти 20, без малого, лет воинской службы, особый армейский

дух люб мне и необходим, необходим внутренне, для нутра. Такое вот необходимо-жизненное, биографически-неодолимое противоречие.

Необходимо и противоречиво сама затея, о которой я на самом деле думал нынче, и заговорил здесь об «их величестве», – размышления о связях *времени и логики*. Дело доходит до несмешного выкручивания рук и приставления к стенке: наш товарищ пишет заголовок прямо в чистовую тетрадь, а сам вовсе не имеет – даже черне! – о чем сказать, надеясь столь крутыми мерами заставить себя заговорить. Хотя и есть кое-что в загашниках и зачачках, но – не сказывается... Уже в который раз.

«Кое-что» относится, прежде всего, к *многоликости времени*, которая и противится всякой логике. На простейшем примере (беру знаменитую и банальную песенку «Подмосковные вечера») она выглядит так: «речка движется» пребывает в одном времени (t_1), «... и не движется» – уже в другом (t_2), а известная фраза в целом, созданная великой силой союза «и», – конечно, в ином, третьем времени (t_3), рассуждающий об этой фразе, допустим, ваш покорный слуга оказывается уже в (t_4), и т.д. Чуть яснее о том же: каждое слово, каждое именование несёт вокруг себя собственную «шубу реальности», но это значит, и собственный «пузырёк времени», а что касается противоречий, то они (если рождаются) рождаются лишь тогда, когда люди не замечают индивидуальных отличий «слоев смысла», когда небрежно опускают индексы у этих (t_i), воображая о каком-то *едином времени*. У меня даже заготовлена обобщенно-жеманная формулировка для этих *всяких времён* как «полаганий смысла бытия»...

Но еще не приспело, видно, время – о времени писать.

Январь 1987

Слова-звёзды.

Аза Алибековна [Тахо-Годи] не забывает старого незнакомца: вот, прислала свежеч-печатный номер «Литературной учебы», где помещено очередное интервью с Алексеем Федоровичем Лосевым. Будущие и молодые литераторы, слышать, шибко интересуются античностью, да и вообще «загадкой истории» озабочены.

Следил за беседой, вчитывался в лосевские «разъяснения», и вот неожиданно для себя ощутил, что крайне раздражает меня... да, само присутствие, сам голос журналиста, ведущего беседу. А ведь он, по сути дела, только поддакивал да помалкивал. Заподозрил было глупую ревность – она застит глаза и заставляет, мол, иррационально упрекать (по большому счету, случайного) человека, коему выпало счастье общаться с настоящим мыслителем и философом. Потом уяснил-таки куда более весомую причину:

два человека пользуются, вроде бы, общим языком, но один из них очень ясно и точно говорит о «канатной жизни» или «социалистическом реализме», попросту нелепом без признания «объективных идей», а другой... Как охотно могут изъясняться эти «другие», мы не раз слыхивали, да и по себе знаем. Но попробуй-ка отыщи у них *такие* слова и *такое* их сцепление... Разница и раздражает.

Теперь, кажется, я знаю, что имел в виду Александр Блок, рассуждавший когда-то о «звездном стихе» (Дневники, май 1906 г.), или, о каком «звездном языке» мечтал Велимир Хлебников («Доски судьбы» и др.), – таким именно языком *имеет право* говорить Алексей Федорович. Звёздность – это просто. Как громадный мир где-то в дальнем космосе умещается, для нас, в крохотное сияющее пятнышко на ночном небе, так и не меньшей емкостью и светоносностью обладает *настоящее слово*. Произнеся, к примеру, короткое «идея», Лосев использовал «звездный» язык, а у многих других и прочих язык остается скорее «пыльный». В первом случае к слову ведет длинный путь, иногда путь всей жизни, и слово *добывается*, во втором случае оно *употребляется* посредством грамматик, справочников, а чаще по рефлекторной привычке или понаслышке.

И стандартная «языковая ситуация» совсем не такова, как ее часто принято описывать и понимать (впрочем, формула большого поэта «изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды» допускает и почтенные толкования, этого не отнимешь). Почтенно не перебирать какое-то множество только с тем, чтобы осталось одно важнейшее словцо, а остальные за ненадобностью помрут. Нет, это самое *одно-слово* нужно подпереть снизу всеми твоими поисками, всю твою жизнь, чтобы оно оказалось на самой макушке горного тысячетонного массива, весь массив при этом являя и представляя.

Какая получается обескураживающе трудная и, вместе, благородная задача – добывать слова звездного языка. Так давайте же звездословить!

Январь 1987

Если поминать Лютера

Зададимся вполне праздными вопросами:

часто ли *математику* приходится решать, в каком случае две экономические сущности – потребительской стоимости и стоимости просто – опосредованы трудом?

часто ли *лингвисту* необходимо знать, каков радиус кривизны первого вертикала в данной географической точке Подмосковья?

часто ли *геодезисту* так уж важна проблема количества ларингалов индоевропейского типа в связи с задачами глоттохронологии?

часто ли *философ* занят проверкой утверждения о том, что всякое связное компактное метрическое пространство гомеоморфно некоторому подмножеству трехмерного евклидова пространства?

Вопросы, действительно, праздные. Легко обнаружить путаницу в адресах и, раздавши всем сёстрам по серёжкам (кому какие нравятся), вовсе устранить эти вопросы даже из риторической области.

Но интересно, как можно было бы назвать ту область, в пределах которой действительно пребывает человек, которому эти вопросы – все и сразу – родные? И, тогда, – праздны ли его позиция, его занятия?

... Когда мне особенно хочется себя пожалеть, почему-то вспоминаю картину Сальвадора Дали «Предчувствие гражданской войны». Чтобы не провоцировать слишком простых сопоставлений, надо еще иметь в виду, что название ее содержит и вторую часть: «Мягкая конструкция с вареными бобами». Картину (в совокупности с полным названием) можно отнести и к нашему лирическому герою с его вопросами «по специальности»: столь же подозрительно-нелепыми и очевидно-трагичными кажутся эти столкновения и пересечения, как и на холсте сюрреалиста.

Но, увы, *hier steh' ich, ich kann nicht anders!*

Январь 1987

Линия

 Чуть было не решил браться за новые затеи только после того, как стол мой целиком освободится от прежних книг, изживёт старую тематику. Смешно сказать! Чтобы убрать, допустим, тощую брошюру «Топология и теория размерности» о 62 страницах, уже пришлось добавить к прежней гряде еще... раз, два, три... шесть томов немалого объема и весьма различного содержания. Нет, столь смелое обязательство слишком скоропалительно, и даже просто негоже, сиречь, невыполнимо.

 Да и удобнее хранить темы многослойным тортом. Удобно хитрить подобно кулинарам: между слоями протекает начинка, пропитывает их, и вся конструкция неспешно объединяется в единое-новое-целое. Гурману остается лишь ждать, когда законы диффузии завершат свое шаманство. Так что стол пусть терпит, и груды книг не иссякают, пока их хозяин жив. Пока

жив, до тех пор и промеж книг гулять будут жизненные токи объединений, и будет *живу* о чем думать и писать.

Исхитримся на блюдо-конструкцию из трех «универсальных линий», известных историкам науки под именами Канторова дисконтинуума, ковра Серпиньского и кривой Менгера. Немец, поляк и австриец за полстолетия (1883–1915–1932) одолевали по малому шажку от слоя к слою математического «торта», поводы для их занятий были различны, а суть и внешность результатов получилась удивительно братская. Сейчас путь всех троих одолевается кратким движением глаза по трем осям кубика.

Вначале было так. Взяли отрезок прямой, поделили на трети, среднюю треть выбросили вон, оставшиеся кусочки снова поделили и снова серединки удалили, и так многожды. Получился абсолютно разреженный пунктир, между любыми двумя точками коего есть дыра. Самое веселое, что таких точек осталось ровно столько же, сколько набиралось на исходном, не пораненном отрезке. Первым додумался до такого Георг Кантор.

Ковер Серпиньского – плосколицый брат канторовой линии. Тут выбрасывают «серединки» квадрата. Представить бы себе, можно ли о такой коврике вытирать грязную обувь. Ежели промеж двух дыр обязательно есть перемычка, вроде как есть за что цеплять подошвы и, получается, вытирать можно. Но коврики-то столь пророгожены, столь много из него повыррезано, что ступать попросту боязно, – не рухнуть бы в пустоту. Ну, так кто рискнет поломать ноги во славу чистой науки?!

Менгеру достался куб. Он пробуравил его во все концы по той же канторовой методе. Чем держится это сооружение, мало понятно, однако же оно содержит в себе любую непрерывную линию любой длины. Любую! Любую! Правда, дабы не омрачать себе дальнейшую жизнь, произнесенное «содержит» надо понимать в особом, по-офеньски-нездешнем смысле. Вообще, говорят, абракадабра языка бесконечностей довела до известной крайности самого создателя теории множеств.

«Нездешнее» может означать «тривиальное в будущем». Хотелось бы посмотреть на тех людей, для которых станет привычно, как дважды два, всё то, что не приемлется обыденным рассудком сегодня: взять, хотя бы, известное свойство бесконечных множеств, когда «часть» равна «целому». Какими они, будущие, родятся, в чем станут лучше нас, что потеряют, какие

новые кошмары будут преследовать их? Какая именно воображаемая, сконструированная бездна ожидает своего срока в их грядущем?

Думаю, у людей послезавтрашнего дня сложатся иные отношения ко времени. И еще им, подозреваю, будут смешны наши страх или почтение перед бесконечностью. Они будут изучать деяния Кантора, Менгера или Урысона в начальном курсе какой-нибудь хроно-физики, как нынче постигают механику с азов древнего закона Архимеда. А наш образ времени, очерчиваемый по линейке, согдится им в коллекцию примеров людской слепоты и гордыни. Линия времени у них будет своя, другая.

Для меня «линия времени» очень свежее понятие, хотя и выросло оно из школярской «оси времени». Линий – превеликое множество и разнообразие, возможных «линий времени» для изображения сих линий – не менее чем столько же. Человечество пока не ведает своих богатств, довольствуясь малым, храня устаревшее. Такова, к примеру, ветхозаветная линия времени, окружность, которая напоминает о себе формой циферблата часов, прорываясь к нам сквозь новомодный дизайн.

Наша нынешняя линия времени – обломок прямой. Обломки разной длины населяют листы миллиметровок, учебники и монографии, они гнездятся в головах и даже четкой рамкой обрамляют саму фантазию людей. Вроде бы давно уже стало понятно, что время не служит в армии и потому по линейке не марширует, а вот употребить эту тривиальную мысль на прояснение большой загадки – загадки времени же – мешает как раз упомянутая рамка, простая и привычная.

Да, простота. Слух о параметрическом задании любой линии как непрерывного образа отрезка в 1882 году пустил Камилл Жордан, француз. С ехидцей говаривали о нем: если нужно рассмотреть четыре величины, то почти наверняка их обозначат a , b , c , d или вроде того, у Жордана же обязательно случится примерно так: a , $M^{\frac{1}{3}}$, ε_2 , $P''_{1,2} \dots$. Только человеку, всегда думавшему столь сложно, было дано впасть в опрошение и время употребить воистину прямолинейно. Так обе сплетни сошлись в одной правде.

В 1890 году пришел черед итальянцев. Джузеппе Пеано исхитрился построить такую непрерывный образ отрезка, такую жорданову кривую, которая сплошь заполнила все нутро квадрата, а можно – и треугольника. Язык как-то не поворачивается называть такие образы (нехорошие образы) линиями. Чуть зрелищнее разве что образ, найденный

потом Гильбертом. И мало кто понимает, что Пеано «пошутил» не столько с математиками, сколько со временем.

Квадрат, заодно заметим, дюже богат на фокусы и метаморфозы. Тот же Серпинский повыбрасывал из него чуть ли не всё и получил, в некотором смысле, идеальную линию. Пеано повернул квадрат иным ликом: если его взять целиком, без изъятий, и на него (как бы идя вспять) похитрому намотать линию Серпиньского, то линия эта вовсе не покажется чем-то обозримым, понятным или идеальным. Она и линией перестанет казаться. Таковы этот волшебный квадрат, эти волшебные линии!

Теперь об искусстве. Когда Казимир Малевич (русский? или поляк?) рисовал его черным на белом фоне, он поступал подобно язычнику, что грубо лепит из глины своего божка, силясь постичь непостижимое. Тот же языческий страх бесконечности заставил его помыслить и «Белый квадрат на белом фоне». Кто хочет возразить мне и напомнить, к примеру, что-то о «беспредметном формотворчестве» и прочем таком, ответу: вы ничего не смыслите в квадратах и никогда не осилите загадку времени.

Почтим художников! Испанец Пабло Пикассо и россиянин Павло Филонов многое понимали и о многом догадывались. Не ведая об изысканных играх ума в теории множеств и теории функций, они по собственным потребностям превращали точки и линии в круги и квадраты. Они разлагали предлежащую материю на вновь творимые атомы, благородным порывом предощущая иной мир, где время еще первозданно, а понятие времени еще не истерто в бездумном употреблении.

Старая окружность и нынешняя прямая обе – суть линии времени. И они одинаково глубоко зашлифованы силами научных обобщений и идеологических запросов. Первозданное нынче отыскивается только после усердных раскопок. Пример – старые орнаменты «ленточного» типа. Таков греческий меандр, извивы коего заставляют напряженно вспоминать что-то знакомое и недавнее... так это же кривые Пеано! Таковы и прихотливо изогнутые змейки на древнейшей трипольской керамике.

Эти S-образные кривули, пришедшие к нам из бездн энеолита, покорили академика Б.А. Рыбакова. Он считает, что нескончаемая их череда «символизировала» для наших пращуров именно «бег времени». Моё «линия времени» звучит чуть иначе только по причине повествовательной: пришлось обращаться к истории материальной культуры, отправляясь от недавних

«геометризованных» идей. В чем-то древние люди оказались если не мудрее, то эстетичнее, выразительнее математических гениев XIX века.

Идея неединственности линии времени кажется мне такой простой и естественной, что, думается, не за горами то светлое будущее, когда детишки на школьных олимпиадах будут играючи конструировать свое персональное пространство-время, будут в учебных целях строить самые замысловатые и волшебные по красоте, меняя так и сяк лишь одно – то, что в старину, когда-то называлось «осью времени». Так обязательно будет. Иначе зачем я всё это пишу и соединяю, стоило ли изгибаться?!

Лучше еще подивимся тому, что уже было. Скажем, о веселой змейке, ушедшей в профиль латинской S , вообще следовало бы составить роман или поэму. Ее можно отыскать не только на посудинах трипольских пра-славян. Она встречается на традиционном шитье русских крестьянок. Она красуется, ветром истории развеваема, на индоевропейской свастике – знаке солнца (и времени?), она царит посреди древнекитайского кружка Ян-Инь. Интернациональная и, воистину, универсальная линия.

Ее заново переоткрыл Уильям Хогарт, в известной гравюре 1749 года закрепивший за ней имя «линия красоты». Отложивши кисть и резец, английский художник взялся за непривычное дело и сочинил трактат о том, как можно весьма просто – слегка изогнутой линией – «передать не только красоту и привлекательность, но и весь строй формы». Некая леди кокетничала в письме к нему: сожалею, мол, что «в моем имени нет буквы S , с помощью которой я могла бы заявить права на свою долю в Красоте».

Сжатые слова о «строе формы» примечательны. Не ввергаясь в полемику со знатоками-искусствоведами, можно-таки предположить, что Хогарт очень близко подошел к пониманию того, что «линия красоты» есть и «линия времени». Простейшее основание для такого приравнивания я нахожу в утверждении художника о том, что именно «красота организованной формы заставляет глаз следовать за нею». Получается, наилучшая из линий вполне содержит, как бы консервирует в себе время–движение.

На то способна не только «линия красоты», консервировать время – от века занятие для любых более-менее заметных линий, только одни это делают с прохладцей, походя, под сурдинку, другие же усердны, преданы делу и достигают высот совершенства. На вершину возле S -образной и рядом

с другими уже названными замечательными «консервами» следовало бы поместить еще одну линию, совершенно удивительную. Это известная лемниската, в школьном обиходе – лежачая восьмерка.

Пока так и не докопался, почему Дж. Валлис избрал эту красоту для обозначения бесконечности. Даже если свершилась, можно сказать, несправедливость и выбора-то и не было, либо он был случайным, рукою английского математика, уверен, двигала сама история человечества. В лемнискате сложились, разгладившись, тысячи морщин со лбов мудрецов всех народов, она подытожила многие попытки ухватить необъятность пространства и нескончаемость времени. Она – итоговая точка.

Ее центр (или точка в точке, говорят еще о точке ветвления) сосредоточил ходячую мудрость о трех временных модусах: «настоящее» как исчезающе малая область между «прошлым» и «будущим», и через настоящее мы соединяем – взглядом своим, жизнью своей! – то и это, причем по-разному в одну и в другую сторону. Кому упоминание времени в связи с лемнискатой покажется сомнительным, тот пусть разрежет ее вдоль и получит сразу две линии времени (и красоты), – одна встреча другой.

Очередная, допустим, точка – кривая Менгера. Нет сомнения в архи-сложности ее устройства, как ясно и то, что сложность эта более высокого ранга, чем у лемнискаты. Точка точке рознь. Грядут и другие из вселенского многоточия. Они вберут без остатка новый опыт постижения бесконечности, особыми вешками отметив ту общую дорожку, по которой топает человечество, постигая идею времени. Дожить бы до поры, когда хоть как-то станет видно, куда и зачем эта дорожка привела.

Может быть, я стал заговариваться, угнетаем тяжестью темы. Но доведу разговор о «линиях» и «точках» до логического (а ежели стал – до глупого) конца. Если принимать-таки, что наш познавательный опыт как-то оседает на значках-линиях, а те от раза до разу сворачиваются в особые точки и сами выстраиваются чередой, в своеобразный символический ряд, то что, спросим, получится в целом? Следуя по стопам Велимира Хлебникова, и в дань его памяти назову эту череду так: Мiромaх.

Закончим кулинарией же. Торт по своей глобальной правде призван объединять разномастное в гармонию. Торт – интернационалист. Надеюсь, таковым получился и этот текст. Текст–торт. Имена и события, будто весьма хаотически надерганные из разных эпох и культур,

выстроились здесь – слой за слоем, факт за фактом, – в непрерывную (пусть неуклюже, но старательно рисованную) линию моего повествования. Линия многослойного высказывания, линия размышления о линии же.

В любом случае, я спокоен. Если даже 29-ти отрезкам текста «Линии» и не дано было слиться воедино под давлением моего замысла, их накрепко – поверх – увязали вот эти заставки. Они одолжены из VIII главы работы Кантора «К учению о трансфинитном»¹⁷¹; они суть образы «идеальных чисел» (не из тех ли, что грезилась Платону?); они иллюстрируют теорию «порядковых типов» «многократно упорядоченных множеств» и, возможно, охватывают «существенно различные виды проявления материи».

Один осторожный комментатор (Э. Цермело, 1932) однажды заметил: «По-видимому, Кантору померещилось какое-то применение этой теории типов, возможно, к физическим теориям... Еще неизвестно, окажутся ли плодотворными эти специальные исследования когда-либо впоследствии». Други дорогие, да мне «эти типы» уже помогли счастливо прожить, по крайней мере, целую неделю февраля! И еще, надеюсь, поживем: том «Трудов по теории множеств» остался в груди на столе.

Февраль 1987

Помыслы в скромных тонах

А можно ли обойтись без псевдонима? Получается, все-то, когда поприжмет, меняют свои имена – и давно владеющие пером люди, кто рискует публично опростоволоситься либо хочет войти в сонм каким-нибудь «Подем Элюаром» или «Дидье Дерошем» вместо природного Эжена Гренделя; и вступающие на путь безымянной (ино-именной) борьбы

¹⁷¹ Взято из таблицы на с. 316 в издании «Трудов по теории множеств» Г. Кантора (М., 1985). Здесь «наглядным образом» представлены все «чистые двукратные порядковые типы» для кардинальных чисел $m = 1$ (один тип), $m = 2$ (четыре типа), $m = 3$ (двадцать четыре типа), итого 29. Сам Кантор позаимствовал сию нотацию у Г. Винера, приват-доцента университета в Halle-am-Seele, которого не забыл поблагодарить печатно. А я вот, неблагодарный, всё «забываю» воздать должное Георгу Кантору – за подсказки и указания, в будущее устремленные, а тогда еще для меня достаточно скрытые. Теперь-то я их хорошо вижу. Дело придется поправить хотя бы малостью: см. «Месторождение бесконечности» в Приложении 2 (комментарий в *марте 2020*).

революционеры-конспираторы; и те, кто отринул мирские радости для-ради надмирной безрадостности, или за повышенный гешефт ученого богослова; и даже те несчастные уголовники, для удобств противоправного обихода попачкавшие свою *tabula rasa* буквицами ухарской кликухи... Получается, и я вроде бы должен «сменить вывеску», – по причине нынешнего вступления в перо-владение, точнее, перо-овладение. Что ж, испробуем все мыслимые (что в голову приходили и пришли) возможности.

Начнем с *-ий*, можно *-кий* и даже *Кий*.

Вариант куда уж проще, классичнее и скромнее, скажут мне. Я тоже так вообразал, пока однажды не испытал ошутительного потрясения в зале микрофильмов «Ленинки». Окончивши чтение громадного текста «Столпа» 1914 года издания, я полюбопытствовал о «единице хранения» за номером 801-85 / 9029-2, что в каталоге обозначалось за тем же автором, за П.А. Флоренским, только год издания стоял: 1908. И вот, по содержанию ничего интересного не обнаружилось (то была первая, о 26 страницах, проба заключительной части будущего «большого Столпа»), но зато микрофильм донёс... прямое послание, будто мне специально назначенное: на титуле и последней странице чернилами было вписано, соответственно, «В. Троицкая 1909, II, 16» и «Павель Флоренской», последнее возле строчки с именем автора, традиционно замыкающей печатный текст. Присутствие старинных окончаний настолько сгустило очарование ситуации, что уже ничего не стоило спросить, откуда автор прознал о грядущем моем рождении, замаскировавшись обращением к неведомой женщине¹⁷²... Никакой мистики, друзья! Просто я столь почитаю сближения и совпадения, столь жду их всегда, что они сами являются ко мне по старой дружбе. Ибо тесен мир. Ибо стоит только хорошенько, по любви к нему притиснуться, как тайны и загадки мира из потусторонних либо всеобщих становятся окрестными и домашними... Но мы отвлеклись. Эта «история с окончаниями» нежданно перечеркнула все надежды на «самый простой» и, главное, «самый

¹⁷² Вскоре разобрался, что за дама и что за драма (конечно, ищите женщину!) сокрылись в этом кратком инскрипте. Для Павла тогда наступило время окончательного разрыва с Другом – будущим адресатом лирических писем в «Столпе», – Сергеем Сергеевичем Троицким, который после окончания МДА в 1907 году переехал в Тифлис, где в 1909 году женился на сестре Флоренского Ольге, т.е. Вале в домашней номинации. Особо заметим: февральская дата обращения к «Вале Троицкой» несколько опережает фактические события, поскольку они, точно известно, поженились в июле 1909-го. Так что «Вале Троицкой» – в упрек или даже с издевкой, т.е. в сердцах брошено было (помета в *феврале 2020*).

скромный» псевдоним. На –ий кончаются не только случайные или, точнее, малозаметные фамилии, еще на –ий, мне напомнили, имеются в нашей культуре «Лобачевский», «Диолковский», «Вернадский» и «Флоренский», так что к их когорте по-шутейному, без особого дела примыкать предосудительно. Так что, дальше пойдём.

Нектарий Евсеевич Прост.

Сии имя с отчеством приятно было произнести «просто так». Какая-то в них выказывалась славная приглаженная холмистость, этакий посвист ветра словно в сосновом бору... Увы, быстро убедился, что «Нектарий» явился совсем не для бескорыстного благозвучия и ухо-ублажения, имя это явно претендует на громогласное выражение неких, что называется, программных установок. Книголюбие виновато. «Восстание ангелов» Анатоля Франса прочлось ровно пять лет назад, данный проект псевдонима оформился где-то на полпути до сего дня, но только нынче, разбирая псевдонимовы составляющие, выясняю, что именно садовник Нектарий, старый демон (sic!) и верный поклонник «человека чистого», сиречь аттического, – это он не давал мне покоя, он ожил в этих, казалось бы, самостоятельно составленных словах. Да, слишком многие симпатии автора данных строк уложились на восьми сладко-буквиях, на проверку заимствованных: и такая чертовщинка меня всегда почему-то влекла, и античное наследие мне хотелось бы освоить до полного перевода тогдашних идей в собственную подкорку, и вообще давно пора, чего уж там, оборотиться до подлинных основ духовности. Но анатоль-франсов Нектарий слишком многое знал, многое помнил и понимал, ему-то было позволительно сколько угодно ждать-пождать со своей свирелью Пана, – а тебе принимать имя чистой и умудренной созерцательности сейчас попросту неудобно (христианская ли она, эта созерцательность? – перед людьми неудобно). Да и какой ты, к дьяволам и прочим нектариям, Нектарий, коли не владеешь ни одним музыкальным инструментом!.. А еще и этот «Евсеевич», разве он не для жеманства, не игривой ли вуалькой порхаёт на личике честолюбивого отрицания? Это кто здесь столь восхитительно непросит?!

Испробуем «компромисс»: *Ванька Кий*.

Эдак по ходу дела немного перестроим ряды. Поскольку ударная часть (-кий) забракована, будем спасаться бодрыми двусмысленными намеками. И «новое» имя давно уже облюбовано: помню, на заре своей детородной деятельности мечтал присвоить титул «Ивана Викторовича» любому из подходящих существ, – тогда не вышло. Лишний раз убеждаюсь, что Природе (и Господу?) попросту начхать на наши семиотические потуги и прочий языковой реализм... Словом, теперь хоть на себе примерить имя

«Ванька». Уничжительное –ка при этом обязательно, никаких «Иоаннов», скромность должна так и хлестать через край... Что, смахивает на прозвище известного при старом режиме московского душегуба, Ванька-Каин? Можно и поправить, не уходя далеко от принятой «ка»-схемы: «Ивашка Кий». Или даже так, чуть на иной манер: «Ванькакий». На манер ветхо-заветно-скромного «Акакий»... – Ну, нет, с таким безобразием лезть на публику... Разве что оставить сей псевдо- для внутреннего употребления. Когда напишется или помыслится какая-либо холопски-беспомощная белиберда, будет тебе возможность хрястнуть кулаком по столу много-терпящему: «Слушай, ты, ВАНЬКАКИЙ, замри!...».

Еще остается *лемниската*.

Ею, родимой, насколько мне известно, не подписывался ни один из великих. Знаком бесконечности пользовался лишь один примечательный мужчина из романа Германа Мелвилла, что мне вполне подошло бы: то был классический дикарь с классического острова Коковоко, классически неискушенный в познании и в чувствах не извращенный. Очень мило иметь подобного собрата по природному дилетантизму... Сожалею, но и тут приходится воздержаться. Даже если не замечать очевидных упреков от тех, кому лемниската справедливо говорит о бесконечностях и прочем сверх-, над- и не-тутошнем, если даже предположить, что никто до нас (тут сдержанно *помыкаем*) не увидел в этом значке перспективу изображения не только пространственных, но и – в этом новое? – временных сложностей и всяко-разностей, даже если потому, в принципе, допустимы претензии на лемнискату не только литературного героя из «Моби Дика», но и реального «героя» из нашей тутошней реальности, даже если... На то должно быть слишком веское основание! Вот разберись в природе времени, и заработай право на лемнискату – деяниями многотрудными... и когда-нибудь начертает дрожащая старческая длань заветные округлости итогового росчерка...

Блажен, кто верует! Сегодня одно вижу яснее ясного: без псевдонима обойтись – нужно.

Февраль 1987

По следу Эфесца

Начать придется детективной историей с двойным преступлением. Сопоставим для этого три довольно разнесенных по времени события:

наш Гераклит Эфесский родился около 540 г. до н.э., то бишь его акмэ пришлось на границу VI и V веков;

посреди IV века, в 356 г. до н.э. некий Герострат сжег храм Артемиды, лишив град-полис Эфес привилегии на обладание чудом света;

третью временную помету укажу, процитировав одного современного исследователя: «Гераклит еще в III в. был прозван “загадочным”, а с I в. до н.э. ему постоянно сопутствовал эпитет “тёмный”...»

Посмею, далее, утверждать, что эти насечки на стволе древа веков расположились отнюдь не случайно. Привлечем известные «показания» (ибо сказано – будет речь о преступлении) Диогена Лаэртского, из главы IX его веселой и загадочной «ΒΙΩΝ ΚΑΙ ΓΝΩΜΩΝ ΤΩΝ ΕΝ ΦΙΛΟΣΟΦΙΑΙ ΕΥΔΟΚΙΜΗΣΑΝΤΩΝ ΤΩΝ ΕΙΣ ΔΕΚΑ ΤΟ ΠΡΩΤΟΝ»¹⁷³. Из них следует, во-первых, что современники очень высоко ставили Эфесца как философа. Даже властительный Дарий говорил об одной его книге (надо полагать – о свитке): «Есть в ней места, разбирая которые слово за словом видишь в них силу умозрения твоего о мире, о Вселенной и обо всем, что в них вершится» (IX, 13). Даже у разборчивых афинян он, провинциал, «пользовался большой славой» (IX, 15) и, следовательно, находил у них понимание, чему не мешало, надо полагать, то обстоятельство, что подчас «даже люди, искушенные в словесности, затрудняются верно толковать написанное» им (IX, 13). И у того же Лазрция есть намек на точное (предположим, что – точное!) объяснение, почему спустя двести лет от почтенного полупонимания Гераклитовой философии перешли, в основном, к ругательным характеристикам типа «темного кукареканья» (как Тимон выразился, *τοῖς δ' ἐνὶ κοκκυστής, ὀχλολόιδωρος Ἡράκλειτος, αἰνικτῆς ἀνόρουσε*, IX, 6). Всё дело в том, что замечательную книгу свою Гераклит поместил однажды «в святилище Артемиды» (IX, 6), и поместил, надо полагать, не только в качестве votivного приношения, но и для большей сохранности...

¹⁷³ Все цитаты по-русски приводятся здесь по изданию «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (М., 1979) в переводе М.Л. Гаспарова. Не мешает помнить, что А.Ф. Лосев аккуратно предупреждал: перевод этот «имеет в некоторой степени экспериментальный характер». Кажется, иначе и быть не могло для случая Диогена Лаэртция, свободно и беззаботно порхавшего над бескрайним полем античных «фактов», для него еще живых и вполне обозримых. Для случая поздне-эллинистического автора, который предстает перед нами как едва ли не «второе, исправленное и переработанное издание» самого Одиссея, хитреца и красноречивая, признанного носителя всего *самого-самого* греческого: см. гипотезу о псевдониме автора, целиком составленном из эпитетов гомеровского героя, – и «имя» *Διογενής, рождённый от Зевса*, и вовсе не искусственный топоним, но «отчество» *Λαέρτιάδης*, т.е. *сын Лазрта* (прибавляю в *марте 2020*).

Теперь понятно, зачем нам понадобилась «средняя дата», дата сожжения этого самого святилища. Да, Герострат совершил, получается, целых два святотатства – и перед религиозной верой, и перед философией. Если «депонированная рукопись» Гераклита действительно сгорела вместе с храмом Артемиды Эфесской, то, конечно, туго пришлось многим любителям мудрости, – так они лишились оригинала, оставшись один на один с перевернутыми и безнадежно вырванными из контекста «цитатами».

В любом случае, мне не приходилось пока встречать чьего-либо суждения-наблюдения о трагическом пересечении судеб Гераклита и Герострата. Имею основания засчитать находку за собой. Кто захочет, тот пусть далее порассуждает с оказией (можно-таки и художественно), как трудно войти в историю *созидателя* и как легко умножаются славою деяния *разрушителя*; еще уступаю возможность вдосталь подивиться созвучию архи-имён *Гера-* и *Геро-*, кои явно о чем-то сговорились в над-мирном и над-временном своем диа-логе.

А мне остается другая забота, – завидовать Гераклиту Эфесскому. Он ведь не только сумел найти глубочайшую идею о противоположностях и их диалектике (из фр. 62: «смертью друг друга они живут, жизнью друг друга они умирают»; или еще: «одно и то же живое и мертвое, бодрствующее и спящее, молодое и старое» (фр. 88); или вот: «мудро согласиться, что всё едино» (фр. 50) и т.п.), он эту идею еще и оформил, еще и выразил самым исчерпывающе-кратким, самым наглядным образом. Таков лук – *bios*: «луку имя – жизнь, а дело его – смерть» (различай *bíos* и *bíos* во фр. 48), такова знаменитая Гераклитова река, что «изменяясь, покоится» (фр. 84). Собственно, таково всё его живописание: здесь красками «вещей» изображают «идеи». Не такова ли и лучшая философия после Гераклита?

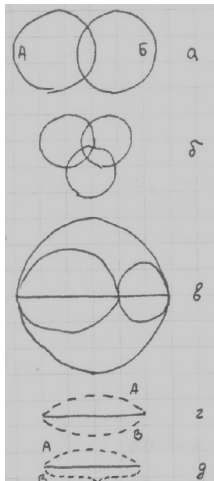
В области *словесной* художественной наглядности, конечно, с Эфесцем не посоревнуешься. Даром ли за прошедшие два с половиной тысячелетия ничего *более рельефного*, чем его образы, человеки не создали. Думаю, и не создадут. Потому можно пытаться испробовать себя *только на плоском* материале, на поприще абстрактно-графической символики (бесславным рабом которой по сей день себя и ощущаю). Гераклит, снисходителен и добр, оставил это поприще свободным.

Итак, стоит перед нами задача: возможно *более полно* и *просто* изобразить геометрически, *на плоскости* как сами *противоположности*, так и их *единство*.

Для начала, обозрим-ка достижения предшественников. Только расположим их не в строгой хронологии, а, как всегда, по законам «Опытов»:

через мою биографию и собственное «творческое развитие» (где это можно) и старательно, уже более общо, сближая далекое (где только можно).

Предшественники преимущественно *катали круглое*. Это я давно подозревал. Еще в родной *Militärhochschule*, по ходу изучения алгебры логики, нас учили изображать встречу понятий посредством пересечения двух окружностей (а). Вскользь и между прочим при этом говорилось, что такие художества именуются «диаграммами Венна». Вена так Вена, соглашались будущие военные инженеры и благополучно забывали сию информацию за полной ненадобностью. Что им Гекуба!

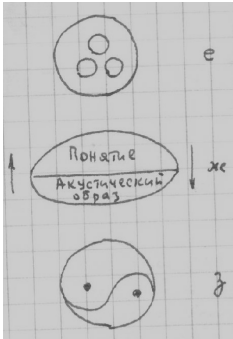

[О, как несовершенно, как проигрывает изучение любых точных наук в высшей школе! Здесь сосредоточены преимущественно на самом предмете, на *самих идеях*, лишь вскользь передавая *историю людей* как *историю идей*... Кажется, только в философии благополучнее: обычно она предстает именно как *история философии*, и все ее этапы и события принято подавать в сугубой «именной упаковке», – так и сам всегда читал свои лекции по курсу философии. Запоздало сетую в *марте 2020*]. А я наивно помнил и ждал часа, чтобы «разобраться», чтобы нынче помучиться в поисках правды. – Да, в 1881 году кембриджский профессор Джон Венн действительно опубликовал статью «О диаграммном и механическом представлении суждений и умозаключений», откуда и произошло наше школьное

знание. Однако же, – читаем у историка математической логики Н.И. Стяжкина, – еще раньше Мориц Вильгельм Дробиш чертил трех-круговые диаграммы (б) «для представления различных комбинаций классов», но и Дробиша обошел, в свою очередь (или *в первую очередь*), знаменитый петербургский «Леонардо» – Леонард Эйлер. Я попытался было отыскать первоисточник «кругов Эйлера», но потерпел фиаско: столь много нового создал гений вычисления и в математике, и в механике, астрономии, оптике, даже в метафизике, что его логические идеи оказались за околицей доступных ссылок и цитат. Не идти же самому и листать Эйлерово полное собрание сочинений, с 1910 года донныне издаваемое Швейцарским обществом естествоиспытателей, – а там более 70 томов о сорока печатных листов каждый? На что, спрашивается, уйдут годы драгоценного сидения в «Ленинке»?!.. – Или обойтись-таки без самопожертвования. Попалось же мне свидетельство, что еще до Эйлера круговые логические схемы использовал столь же великий Лейбниц. Потому, получается, и не Венн даже с Дробишем,

и не Эйлер, а... Стоп! Вот у Лейбница я не обнаружил «чистых» кругов. В третьем томе его первого (на русском языке) много-томия 1980-х годов можно увидеть вполне «круглую» фигуру (е) – см. стр. 671, но недолгие размышления показывают, что эти круги – вторичны. Дело в том, что Лейбниц в своей «наглядной логике» изначально использовал – вот главное! – *отрезки прямых*: у него два тождественных термина изображаются как некие графические «комментарии» к одному и тому же отрезку. Потому тождество *A* и *B* одинаково убедительно показывается и на примере (з) и на (д) – с. 641 и с. 643 соответственно. Просто одна из вариаций больше глянулась. Итак, Лейбницева круг воистину вырос (можно сказать, паразитически) на собственном диаметре...

Нет, затевать поиски и споры о приоритетах – дело неблагодарное. Тем паче, что мои потуги «найти правду» в недавнем прошлом науки попросту лишены смысла. Именно: не трудно видеть, что вообще *все ученые* Нового времени не оригинальны в своих изысканиях «внутри круга», причем изысканиях не сугубо геометрических (ремесленных), но – касающихся логической структуры нашего понятийного аппарата (философских). В древности у них было много предшественников!

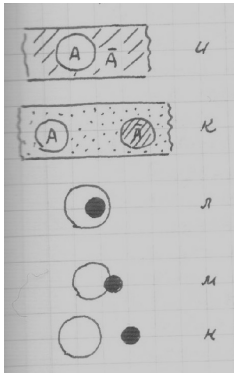
И речь, конечно, о той стороне человеческой деятельности, которая напрямую относится к знаковости и символическому...

... Изложу этот экскурс бегло. Вот знак «Пакта Рериха» – три одинаковых малых кружка внутри общей окружности (е): «наука, искусство и философия как проявления культуры», либо «прошлые, настоящие и будущие достижения человечества, окруженные кольцом вечности». Наш художник утверждал, что оба эти толкования одинаково хороши, и наверняка подозревал, что для *большого содержания* они малы. Прибавим, что за много сотен лет до Н. Рериха те же кружки рисовались на священных камнях Центральной Азии (и не раз художник любовно воспроизводил их на своих картинах-притчах): три круга на круге, или знак-тамга из личного обихода Тамерлана, к примеру (XIV в.). – Что там, какие бездны видны за теми круглыми окошечками?

Или вот еще пример, насчет того, кто *раньше* кого и кто кого глубже мыслил и чувствовал. В знаменитом «Курсе общей лингвистики» (1916) знаменитого Фердинанда де Соссюра самое знаменитое место, думается, таково: «Языковой знак есть двусторонняя психическая сущность, которую можно изобразить следующим образом: <кусочек последующей цитаты как (жс)

воспроизвожу в графической части моих изысканий>. Оба эти элемента теснейшим образом связаны между собой и предполагают друг друга». Столько дифирамбов спето сей блестящей лингвистической идее, проиллюстрированной столь немудрящим чертежиком! Меня даже несколько удивляет беспомощность выдающегося ученого по части изобразительной, художественной. Думаю, достаточно рядом с этим «графическим достижением» новейшего времени просто поместить древнекитайский «кружок» Инь и Ян (з), годный под самое изощренное и высокоумное (включая *диалектику*) содержание, чтобы... без лишних слов закончить эту часть моего ретроспективного расследования.

Побуду теперь и далее самостоятельным, с оглядкой, конечно, на предшественников. Крупняком-рисованная, в беглый штрих намеченная история эта относится, говоря кратко, к попыткам *отобразить противоречие* на плоскости. Попробую и я поучаствовать в этих «играх с кружочками».

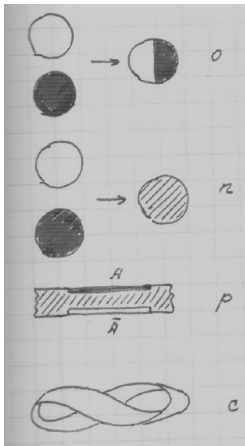
Сделаю с десяток мелких шагов (да, мелких – но с десяток) «чуть далее» от территории смыслов, занятой диаграммой Венна и, как сказано, др.

⊥ режде всего, вызывает некоторое уныние слишком простецкое обустройство практически любых (схематических – а мы занимаемся только такими) изображений *противоположного* или *неодинакового*, – всё, что не входит в область A , уже объявляется ее отрицанием $не-A$, или \bar{A} . Но ведь противоположное должно быть, в определенном смысле и прежде всего, максимально отдаленным, а тут A и \bar{A} скорее не *отдвигаются*, а *отделяются* – тончайшей пограничной линией. Отсюда и предложение: вместо «двухцветной» изобразительной плоскости (u) с нулевым, в ниточку толщиной, «расстоянием отрицания» будем использовать «трехцветную» плоскость (k), где это расстояние уже вполне ощутимо и регулируемо. Наново окрашенная плоскость в основном заполнена площадью, призванной передавать «другое», то бишь «и ни то и ни сё», и на ней еще есть достаточно места для наших A и \bar{A} – место комфортное, ибо они спокойно живут здесь и не поедают, как антагонисты, друг друга. Хищников, конечно, надо расселять на максимальные расстояния; и я уже знаю, как это сделать, не покидая плоскость с ее внутренними смыслами... но продлим удовольствие и подойдем к искомому результату с полным пониманием.

Теперь, вспомнив о кружочках и поиграв ими, будем учиться их, стало быть, различать. Из положения дел (l) – не буду злоупотреблять логическими

терминами вроде включения, пересечения, дизъюнкции, конъюнкции и подобных, – из положения *сыновства* очевиден переход к положению *родства* (m), откуда, продлевая далее пути разлуки, доходим до отчужденности или *небратства* (n). Надо полагать, что *противоположность* будет изображена где-то «очень далеко» в таком небратском виде, благо что наша изобразительная плоскость простерта в бесконечность.

Далее, осталось еще неизъясненным одно отношение, вполне характерное для противоположностей – их *единство*. На избранном нами (довольно примитивном) языке, вроде бы, нужно было бы взять два разных по «цвету» (но одинаковых по площади) кружка и как-то убедительно свести их вместе. Вариант соединения (o), хотя он и освящен культурной традицией начиная с древних китайцев и вплоть до бинарности языкового знака, вариант сей негод уже в силу того, что по сути дела он не отличается от положения (l). А вот вариант (n) намекает на принципиально иную возможность, когда обе противоположности – одновременно – и сохраняются без ущерба каждый, и слиты вместе: два кружка как бы слиплись донцами в общий двухцветный («серый») диск. Каким же образом кружки *так* сошлись? И – нота бене! – как увязать, и увязать без логического скачка это объединение со столь подробно описанным выше отдалением и

разлучением? Как нам побратать, одновременно отчуждая?

Вот теперь и настала пора сказать оставшееся – главное. Есть только один способ пройти по плоскости непрерывный путь от «сыновства» через «родство» и «небратство» до полного «единства», пройти *последовательно*. Путь этот пролегает по листу Мёбиуса!

Стоит нарисовать на таком листе любую область A , как изображена уже, оказывается, и область \bar{A} , – она располагается *на обороте* листа, непосредственно под областью A . Располагается точно с теми же очертаниями (потому это именно \bar{A} , а не какое-нибудь \bar{E} или еще чей-то «антипод») и,

точно, на максимально возможном от A удалении, равном половине полного обхода по мёбусиане, – этой подлинной Плоскости Логики. Выходит, если поместить любой кусок Плоскости под микроскоп (конечно, воображаемый, как воображаема самая Плоскость) и взглянуть в его «срез», то получится нечто вроде (p).

И последний шаг. Уяснив и запомнив теперь, что Плоскость Логики отличается от других плоскостей математики своей *ненулевой толщиной*, мы можем даже забыть, что эта толщина нажита долгими трудами-странствиями, мы можем не вспоминать более о листе Мёбиуса. Разве что напоследок (и на прощание) бросим взгляд на его изображение (с), тут же невзначай обнаруживая сходство с лемнискатой как знаком бесконечности, и, подивившись назойливости некоторых абстрактно-изобразимых образов, поспешим дальше – у нас хлопот (о символах) невпроворот.

Март 1987

Прибавление о Флоренском. Почему на финише этой заметки не появилось имя Павла Флоренского, причем вместе с прямой отсылкой к его «Мнимостям в геометрии» (а она, конечно же, напрашивалась), не могу теперь объяснить. Ведь его брошюру 1922 года я тщательно проштудировал – для верности справился по старым конспектам, – еще в январе 1984 года. Тремя годами ранее, то бишь. Возможно, меня тогда соблазняла возможность подойти к той же умственной конструкции, что и у Флоренского, но только с *более широким*, можно сказать, *универсальным* ее содержанием, и тем самым продвинувшись в области идей, вроде бы, *дальше* Флоренского: дальше настолько, насколько противоположности в философии шире и богаче, чем комплексные числа в математике. Или, что правдоподобнее, желания соревноваться с Флоренским вовсе и не было у меня, а эта «плоскость с ненулевой толщиной» просто естественным образом замыкала и замкнула (в цепочке своеобразного генезиса) одну из линий в истории графической символики, меня давно занимавшей. Потому-то и название дано «По следу Эфесца», а не «По следу Флоренского». В «Опытах» того времени подобных историй читатель отыщет, да и линий увидит еще немало (*март 2020*).

Некто именем Афанасий

Из нашей старинной литературы первым делом чту «Моление», «Житие», «Хож(д)ение». Строптиво не называю еще «Слово», – уж больно оно застит... По той же причине всегда злит всеобщее курлыканье вокруг имени Сашки Пушкина.

Если для плавного входа в тему поставить небольшой эксперимент и попробовать сходу, по признаку «вертятся на языке» назвать 1) мудрого балагура и сатирика, 2) безоглядно верующего проповедника, 3) отважного и наблюдательного путешественника, и при этом просить коснуться эпохи

Средневековья, да, и еще особо не оговаривать, из каких стран и культур соответствующие имена исходят, –

уверен, что почти любой *отечественный* интеллигент скорее вспомнит о Франсуа Рабле, Джироламо Савонароле и Марко Поло, нежели о своих, – о Данииле Заточнике, Петрове Аввакуме, Афанасии Никитине.
– Уверен!

Вот и берусь за перо, чтобы «их» и «наши» великие имена как-то уживались без чванливости и шовинизма. На сегодня добровольно взятая малость – «Хож(д)ение за три моря Афанасия Никитина» (далее *д*, как чужеродное, аккуратно забываю). Не пойдем дальше комментария к шести словам в кавычках, – уже на столь малой площадке есть где разгуляться сомнениям и размышлениям. Очень уж озадачивает сей странный гибрид старославянского и новорусского слово-плетения, донныне оттискиваемый типографиями во многих тысячах экземплярах. Разберемся же подетально.

Первая часть заголовка напрямую цитируется из текстов XV века; в Летописном изводе читаем: «Се написах свое грѣшное хождение за три моря...» (л. 442), похожее найдем в варианте Троицкого (Ермолинского) извода «Се написах грѣшное свое хождение за три моря...» (л. 369), точно то же повторено и в Сухановском списке XVII века (л. 411). Впрочем, значительно более молодой текст содержит еще и собственный заголовок, в нынешнем понимании: «О индийском хождении», – но это к слову, не к делу нашему. Итак, первое, что мы видим: современные издатели опустили в своей конструкции важный оценочный элемент «хожения», ибо оно не какое-нибудь «вообще», а *грешное*, что неоднократно повторено в разных списках. На это отличие «Хожения» от традиционной паломнической литературы указал Н.С. Трубецкой еще в 1926 году: «в то время как паломничество есть описание путешествия в *святую* землю, «Хождение за три моря» Афанасия Никитина есть описание путешествия в *поганую* землю», землю иноверцев.

Но и собственно именную часть можно построить куда ближе к первоисточнику. Средневековые рукописи дают для этого следующие важные материалы: «Офонаса тверитина купца», «рабище божий Афонасий», «окаянный аз рабище Афонасей» (Летописный, л. 441 об, л. 452, л. 457), «раба своего грѣшнаго Афонася Микитина сына», «а имя ми Офонасей, а бесерьменское имя хозя Исуфь Хоросани», «рабище Афанасие» (Троицкий, л. 369, л. 383 об, л. 377, л. 391), «нѣкто именем Афонасей Никитин сынъ тверитинъ», «о индѣйском хождении афанасием Тверитином» (Сухановский, л. 411, л. 421). Чтобы не повторяться с прилагательными, опустим «грешный» да «окаянный», и не будем учитывать все мелкие колебания в надписании имени собственного. А вот из всего остального получается

комбинация смыслов «Афанасий – Никитин сын – тверитин купец – бесерьменское имя хозя Исуфъ Хоросани». Добавки «Никитин сын» и «тверитин купец» обязательны, они разрушают невольную иллюзию (для современного читателя), что «Никитин» – фамилия. Доживи «рабище Офонасей» до наших дней, пройти он вместе с народом своим длинный путь русского именованного, сейчас бы его величали *Афанасий Никитич Тверитин* (или *Тверской*). Чрезвычайно важно и удвоение имени: «татарская» часть предлагаемого *полного* именованного – она не только заранее располагает к азиатской экзотике, но и отображает в себе важнейшее свойство всей лексики текста «Хожения», щедро пересыпанного тюркскими, персидскими перлами. Пожалуй, стоило бы только чуть пощадить русское ухо и передать эту часть так: «басурманское имя ходжа Юсуф Хоросани».

Осталось поразмыслить, стоит ли уточнять в заголовке, «куда его очи понесли». А был, говорят, Афанасий «в Ындеѣ» (Летописный, л. 442) или «во Индѣйской земли», а также «в Гиндустанѣ» (Троицкий, л. 374 об и л. 386 об). Вроде бы выходит, что можно и придать «хожению» эпитет «индийское» либо «гиндустанское», к примеру. Но это было бы не совсем верно: одолевал «тверитин» не только пути-дороги Северного Индостана, он вдосталь поглотил и пыли Эфиопии, Аравии, Ширвана, Орды... Сказано ведь *за три моря*, сказано символично, художественно и точно, тут нечего добавить.

С тем и завершим наш поиск справедливо-историчного названия для «Хожения»: *Грешное хожение за три моря Афанасия Никитина сына тверитина купца, по имени басурманскому ходже Юсуфа Хоросани*. Поступиться лаконичностью ради жеманной стилизации под старину – пустое. А вот ради бережного отношения к ушедшей культуре можно и потерпеть «неудобства» от длиннот.

Март 1987

Мир сокрыт, или Еще вслед Гераклиту

Как известно, греческие мудрецы веками жили под гнетом Гераклитова (клича? проклятия?) ПАНТА РЕИ. Их светлые головы, изрядно попотев, дали человечеству гипотезы-теории *атомов* (из головы Демокрита), *идеи* (Платона), *формы* и *целесообразности* (Аристотеля), – и все родились из похвального желания найти и расставить надежные ориентиры и вешки в этом мире, где, как очень четко сказано, «всё течет, всё изменяется». Три антигераклитовских замысла живы поныне, принимая самые изощренные, но все же узнаваемые очертания. Взять хотя бы один из главных догматов науки

Нового времени – законы сохранения. *Сохранения* – именно. Что еще можно противопоставить «злу» *изменения*, как не «добро» *постоянства*?

Любая четко (именно!) сформулированная программа догматична, не терпит околичностей и недоговоренности – заявляю как профессиональный программист. Особенно же она непримирима в своей твердокаменной прямолинейности, ежели рядом маячит антипод. И уже так и слышится извечная перебранка: «Мы правы!.. Нет, правы мы!.. Всё течет!.. Но что-то ведь постоянно?!..» И вот те, кто верует в диалектику, имеют полное право слушать подобные крайние мнения снисходительно: где-то «посередине» лежит путь к заповедной истине и, подозревает диалектик, *почти весь мир* как-то умещается *между* крайностями.

Я диалектик начинающий (предупреждаю и извиняюсь заранее). Это «почти всё» рискну вообразить себе, выдвинув *еще одну* философскую программу. Впрочем, насчет «выдвинуть» сказано слишком громко и не вполне скромно. Сия программа давно воплощается на самом разнообразном материале и самыми различными любомудрами. Скорее можно посягнуть на приоритет *уста-не-впопад-разверзшего* или *пальцем-прямо-показывающего*, а это далеко не всегда завидное титулование. Рот случается раскрыть дураку, когда умные помалкивают, а пальцем орудовать, слышал, вообще не очень воспитанно и культурно...

Итак, пусть себе, как считают одни, *мир текуч*, пусть отчасти будут правы и другие, для коих *мир постоянен*. Правда же в том, что *мир сокрыт*.

... Уста прикрываю, палец прячу за спину, и сразу открещусь от мнимых друзей-смысленников. Напрочь не приемлю пессимизма епископа Беркли и обреченное *Ignorabimus* Дюбуа-Реймона, но вовсе не кляню Канта за пресловутую «вещь в себе», наконец, с уважением отношусь ко вселенскому печалованию Блеза Паскаля, – вот в такой шкале оценок лежит моя «еще одна» программа. Разница в оттенках сообщает не только широту взгляда, но и гносеологический оптимизм. О той же *Ding an sich* можно втихую твердить для улаживания собственной импотенции («Сижу за ширмой. У меня / Такие крохотные ножки... / Такие ручки у меня, / Такое темное окошко...») – по А. Блоку), а можно и громко скандировать, чтобы вместо горделивого «Сегодня я – гений!» почаще выходило «Экий я простофиля!».

Кто внимательно посмотрит на парад известных научных достижений, и кто при этом будет честен, тот поймет, почему идеи скрытых параметров и соотношение неопределенности в квантовой механике, или невывлет кварков в теории сильного взаимодействия, или свернутые пространственные измерения, по Калуце-Клейну, или «черные дыры» в космологии, почему «эфирные ветры» Генриха Герца или пафос ленинградского профессора

К.И. Валькова с его «инвариантной неопределенностью»¹⁷⁴... – почему все это оказывается ничуть не большим достижением мысли, чем, скажем, древнейшие изображения божеств *без головы*.

Есть Великое Нет. Мир сокрыт. И мы любим его не только потому, что он нас приютил и дал шанс жизни, – любим за вечные его тайны. За то, что жизни назначено двигаться в неизвестное. За вечную неутомимость вечной мысли любим мы.

Завершим затеянное еще одной цитатой, уже без всякой романтики, но ради необходимой отсылки к первоисточнику. Гераклит, фр. 123 по DK:

ΦΥΣΙΣ ΚΡΥΡΤΕΣΘΑΙ ΦΙΛΕΙ = ПРИРОДА ЛЮБИТ ТАИТЬСЯ.

Март 1987

Звезда Лобачевского

На соборной площади моего черновика опять столпотворение. Тут всяческие символы ожили, собрались на призыв споспешествовать памяти гениального русского математика: кто бы – задача такая – просто и максимально наглядно изобразил *идею* геометрии Лобачевского? Или так: кто бы нарисовал *знак* Лобачевского?

Кандидатов много. Устроим им смотр.

Этот темпераментный деятель, несмотря на очевидную курносость, похоже, родом с Востока. Правда, его шелковый халат сочетается с бюргерской трубочкой явно германского происхождения, а в руках вызывающе лезет на первый план (для маскировки национальности?) солидный том солидного интернационального издания конца XX века, – что-то насчет управления ориентацией аппаратов в космосе... Узнал, узнал: у этого значка действительно сложная биография, и он ее помнит, за собой зачем-то таскает, полон гордыни.

Первые наброски его физиономии появились еще в рукописях арабских и персидских мудрецов за тысячу лет до наших смотрин. Этим странным четырехугольником *с тремя* в

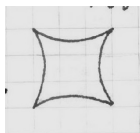
¹⁷⁴ Прошу прощения за явно режущий глаза произвол в выборе примеров научной «укрытости», – вспоминал только те казусы, над которыми успел тогда всерьез поразмышлять. Могу прибавить, тоже в порядке извинения, недавнее изобретение коллективного разума мировой науки – широко популярную теорию «темной материи» и «темной энергии», которую для красоты ввели в общую картину мира, т.е. ради спасения большого научного мифа о Большом Взрыве (прибавление *март 2020*)

точности прямыми углами (и каким будет тогда четвертый? обязательно ли прямым?) озадачивался Омар Хайям. Спустя лет пятьсот над тем же геометрическим монстром корпел итальянец Джираломо Саккери, а немного позже – житель Германии XVIII века Иоганн Генрих Ламберт. Все упомянутые тщетно пытались доказать знаменитый (знаменитый благодаря их творческим мукам!) *пятый постулат* Евклида. Конечно, сам ламбертов «трипрямоугольник» является достойным и поучительным памятником их исканиям, а болезненный, иноприродный нарост на евклидовской фигуре будто специально назначен для осмеяния напрасных потуг творчества, – мол, вот с какими трудами новое одолевает засилье старого... Нет, уже из-за одной карикатурной «гибридности» не могу принять эту кандидатуру. И не нужно меня уговаривать, что, мол, о «четырёхугольнике Ламберта» сегодня почему-то вспомнили специалисты по проблемам восприятия пространства, что «болезненный нарост» как раз и намекает на причастность к нашему конкурсу, что недавняя книга академика Б.В. Раушенбаха «Системы перспективы в изобразительном искусстве» содержит портрет как раз нашего «персидско-немецкого» гостя, да еще и в главке под названием «Обратная перспектива и геометрия Лобачевского». Причастен? Разумеется. Но как-то некрасиво причастен...

Фигура по соседству изысканно симметрична, радует глаз таким средне-европейским лоском. Ее контур однажды (лета 1808 или около) ожил под пером профессора юриспруденции Швейкарта; датировка обязательна, ибо только спустя десять лет заметка любителя математики попала к самому Гауссу, и тот удивленно заметил: «Почти всё это списано из моей души...» Швейкарт грезил картинами нового, а именно «звездного (*astralische*) учения», хотел заменить старую геометрию ради освоения пространств астрономических масштабов. И если он был истинным дилетантом...

– позволю себе пофантазировать сочувственно, –

... берусь предположить, каким путем пришел Швейкарт к своей звездной идее. Как и многие тогдашние тиффози от пятой аксиомы, наш знаток права не мог не знать о «прямоугольнике» Омара

Хайяма (и еще –

Ламберта). Вот он взял и сотворил *сразу все четыре угла* его одинаково *изостренными*, на пробу. И тут же вспомнилось ему, наверное, что получившаяся замкнутая кривая совпадает с давно придуманной разновидностью гипоциклоиды, известной под названием *астроида*. Звездная! Путь дилетантской мысли это незаконная (нелогичная) ассоциация плюс внезапный (диалектический) скачок: как здесь – от полунамека в старом названии замечательной кривой до полной

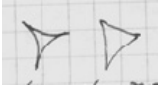
уверенности в существовании новой геометрии расстояние громадное, одолевается же оно незамедлительно. Вообще получается красивая история, если еще припомнить (я подключаю собственные навыки «диалектизации \ дилетантизации») квадраты с вогнутыми сторонами, что на стенных росписях урартского града Тейшебаини. Тогда «звезде Швейкарта», по меньшей мере, две с половиной тысячи лет, и это прекрасно; заодно избавимся от излишнего европо-центризма в истории культур, – это по поводу «средне-европейского лоска» претендента. Вспомним заодно, сколь велика современных студентов-физиков, изучающих специальную теорию относительности и всяческие индифинитные метрики, сколь много их рисует вслед за Швейкартом (и теперь уже и за Минковским) все те же «звезды» неевклидовых пространств уже не ради эстетики, а постигая законы четырехмерия и движений с около-световыми скоростями... Подобное внеисторическое соседство возможно, повторяю, только в логике «двух дэ».

Увы, мы должны распрощаться с этим графическим символом, чтобы для памятования о Лобачевском подобрать нечто более оригинальное, еще не столь затертое в культурном употреблении. И далеко идти не надо.

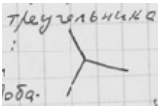

Буквально в шаге от вогнутого квадрата легко увидеть столь же вогнутый треугольник. Сознаюсь, глаз привлекла новая деталь среди пестрых одежд жителей знакового королевства. Этот напялил на себя всякого, особенно же выделяется японское кимоно. Подсказка, ясно: причастен к задаче Какейя. Внутри какой, спрашивается, плоской фигуры минимальной площади сможет совершить полный оборот единичный отрезок; после важного уточнения об «односвязности» задача решается в пользу трехконцевой гипоциклоиды. Впрочем, и эта кривая уже давно отдана в частное владение. В математических справочниках она названа «кривой Штейнера», по имени берлинского геометра, когда-то тщательно ее «обсчитавшего». Остается о том сожалеть, ибо вогнутый треугольник (очень уж он мнеглянулся!) на славу поработал для выражения самой неевклидовости, ибо (еще раз) без него не обошелся упомянутый Швейкарт в той памятной заметке для Гаусса (начинал он именно с «реального» треугольника, у которого сумма всех углов – предполагалось – принималась меньшей двух прямых, далее прибавлялось, что «сумма эта тем меньше, чем больше площадь треугольника», после чего и делался переход к новой фигуре: «квадраты имеют поэтому следующий вид», – и рисовалось то именно, что мы уже воспроизвели выше), ибо, уже в третий раз, и сам-то «король математиков» неоднократно поминал сей треугольник в дальнейшей своей переписке о параллельных. Снова – увы...

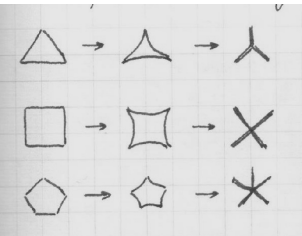
Тут заметим, что как раз в Гауссовом письме к Шумахеру (от 12 июля 1831 года) мы встречаемся с новым героем наших изысканий. Необходимая цитата такова (я уже начинаю явно спешить): «В неевклидовой геометрии нет подобных и вместе с тем неравных фигур; например, углы равностороннего треугольника <...> отличаются <...> друг от друга в зависимости от величины сторон и делаются сколь угодно малыми, если стороны возрастают беспредельно. Поэтому попытка *изобразить* треугольник с помощью меньшего [треугольника] является уже внутренне противоречивой; его можно, собственно говоря, только *обозначить*:

Обозначение бесконечного треугольника было бы в этом случае следующим:

Тут конец цитаты из Гаусса. Завершен и наш поиск прообраза «звезды Лобачевского». Изможденный аскет без одежды и плоти, даже тени на землю не бросающий, перстами же достигающий светил на небеси (при этом стороны-лучи бесконечного треугольника Гаусса нужно бы продлевать, к примеру, пунктиром до пределов хотя бы нашего листа бумаги; это, конечно же, правильно, но вряд ли, опять-таки, красиво), – вот он, прообраз. Если теперь всмотреться в группу собравшихся на смотрины знаков [и тут не удержусь, пусть будет еще скобка, да еще и прямая, – чтобы воскликнуть: как же прав был Гаусс, исчерпывающе точно и к месту сказавший о необходимости именно *обозначения*, прямо настаивавший на необходимости знака как последнего прибежища мысли!] и, так сказать, обновленным взором окинуть знакомые их профили, то мы увидим рядом с предельным треугольником и предельный квадрат ($3 + 1$), и, конечно же, пятиугольник ($4 + 1$) с такими уходящими в бесконечность сторонами или, на иной вкус, углами...

Я наконец-то дотерпел до того момента, когда смогу нарисовать эту теперь вполне понятную последовательность «усыхания» известных геометрических фигур. Табличкой из трех строк и трех столбцов первоначально и планировал закончить разыскания подходящей «звезды». Если ряды-строки треугольника и квадрата, как выяснилось, уже «заняты» именами и биографиями исследователей, то случай пятиугольника вполне обнадеживает: переход от евклидовских фигур к гипоциклоидам (они составляют, напомним, средний столбец нашей «таблицы усыхания») задает вариант кривой с пятью острями, у которой

нет названия, произведенного от чьего либо имени собственного (вполне нейтрально можно величать ее «пентоидой»), а необходимый шаг вдоль третьей строки таблицы ведет к бесконечному (предельному) пятиугольнику, которому я и собирался дать титул «звезды Лобачевского».

Но не вышло! Едва появившись на свет, это мое ажурное построение успело тотчас же состариться и даже почить в бозе. И повинна в том, по-прежнему, логика «двух дэ». Она сработала тотчас после того, как сформировалась эта «таблица усыханий», и взгляд неспрадно упал на сии строки со столбцы. Поскольку же «диалектизация – дилетантизация» разворачивается, как было заявлено, мгновенно, пером поспеть за нею не удастся, и потому осталось лишь грубо *обозначить* (почти по Гауссу) диалектический скачок в нашем сюжете вот такими репортажными пометами:

... итак, пятиугольник «усох» до «звезды Лобачевского», подобно тому, как треугольник, к примеру сказать...

... конечно же, предельный треугольник справедливо будет назвать «звездой Гаусса», поскольку именно Гаусс первым ее собственноручно начертал с полным знанием дела...

... но тогда, братцы, я поспешил назвать «звездой Швейкарта» фигуру из столбца гипоциклоид, а не предельный квадрат, звезду о четырех лучах...

... о, как интересно-то: такая (по-настоящему-космическая) «звезда Швейкарта», – это же крест, ни много, ни мало, – знаменитый символ, издревле идущий к нам, из времен еще палеолита...

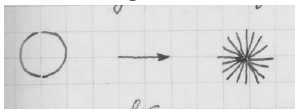
... о, знали бы древние мудрецы, что их символические изыскания смогут встать в один ряд с новейшими построениями в области неклассических геометрий¹⁷⁵...

... а тот же крест, мы знаем, исстари символизировал солнце, огонь, свет и тому подобное, хорошее и людям нужное...

... но солнце еще символизировалось кружком, или кружок прямо соединялся с крестообразным начертанием...

¹⁷⁵ Прибавление, про древности, к данному тезису (*март 2020*). Предельный пятиугольник, который я чуть было не окрестил когда-то «звездой Лобачевского», правильнее было бы назвать, конечно, *египетской звездой*. Она в явочном порядке вскоре упомянется в эссе «Звезда-гора» (предлагаю сравнить картинки!), и я о ней, разумеется, хорошо знал в моменте этих размышлений о «звездах». Но так спешил, видать, к итоговому описанию подлинной «предельной звезды», что оставил случай с пятиугольником без справедливого именованья. Исправляюсь.

... причем круг хорошо вписывается в мою таблицу, только ее нужно, соблюдая прежнюю логику наращивания числа сторон и углов, нарастить еще и по строкам...

... и самая рас-последняя строка, – если углов гипоциклоид и строк таблицы нужно вообразить бесконечно много, – начнется тогда кругом и закончится, по правилам таблицы...

... солнцем, воистину солнцем, трижды светлым Солнцем завершится предельная трансформация круга – символа солнца!..

... и вот такую «звезду» с бесконечным числом уходящих в бесконечность лучиков мы назовем, раз и навсегда объявим:

звезда Лобачевского...

Апрель 1987

Сколько было Пифагоров?

Людей увлекающихся легко подловить на их же достоинствах. Подлавливать – вообще-то не мое дело, но для примера поднажужусь. Вот известно же, что Диоген Лаэртский, описывая жизнь и образ мысли какого-либо античного философа, как правило, не забывал добавлять: «Деметриев, заслуживших известность, было двадцать», «Демокритов было шесть»... Еще и кратко характеризовал чуть ли не каждого. На этой его обстоятельности испробуем простую ловушку логики. Подозреваю, впрочем, что поймается не Лаэртий, «на крючок» попадетя наша собственная начитанность-наслышанность, и пошатнется то, что называют культурным багажом.

Отправная цитата: «Пифагоров было четверо, и жили они одновременно и неподалеку: первый – кротонец, человек тираннического склада; второй – флиунтянин, занимавшийся телесными упражнениями <...>; третий – закинфянин; четвертый – тот, о ком шла речь, кто открыл таинства философии и учил им, от кого пошло выражение “сам сказал”. Говорят, что был и еще один Пифагор [продлим счет – № 5], ваятель из Регия, первый поставивший своею заботою соразмерность и ритм; и другой [№ 6], скверный ритор; и третий [№ 7], врач, писавший о грыже и составивший что-то о Гомере; и четвертый [№ 8], сочинитель “Истории дорян” <...>. Этот последний, по словам Эратосфена, впервые стал заниматься кулачным боем по-ученому» (VIII, 46–48). Трактат Диогена Лаэртского здесь и далее – конечно, в переводе Михаила Леоновича Гаспарова.

Если всерьез принимать существование «других Пифагоров» и вместе с Лаэртием озаботиться чистой жизнеописания «самого», то из оног

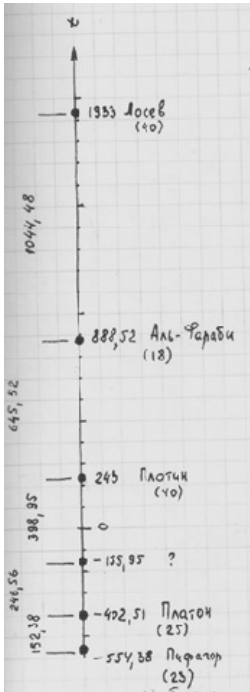
придется многое изъять. Удалить приходится не только данную, вполне пустяковую подробность: «не пренебрегал он и наукой врачевания» (место занято Пифагором-7), лишаясь и важнейшего свидетельства о занятиях музыкальной гармонией: «он же открыл и разметку монохорда» (ср. деяния Пифагора-5), – последнее просто бесценно для устройства известного мифа о пифагорейской «музыке сфер». Следующая «накладка» касается занятий спортом (ср. Пифагор-8); биограф свидетельствовал только о том, что «самый-самый Пифагор» первым в Аттике «стал держать борцов на мясной пище, между тем как раньше они укрепляли тело сухими смоквами, мягким сыром и пшеничным хлебом». Т.е. что наш философ выступал, на «научной» основе, как спортивный диетолог. В современных же публикациях я не раз встречал уверения, что Пифагор («наш», а не «другой») сам был успешным кулачным бойцом и даже победил на очередной олимпиаде, и что сие обстоятельство очень показательно для характеристики аттической гармонии души и тела...

Коли в том же духе продолжать выбрасывать сомнительные «факты» из жизнеописания Пифагора, то, глядишь, останутся только самые-самые точные подробности: о его бедре из золота (VIII, 11), о служебной командировке на 207 лет в аид (VIII, 14), о переходе через речку Несс, – «многие уверяли, что она возвала к нему с приветствием» (VIII, 11), о принципиальных его установках «через весы не переступать», «горшком на золе следы не оставлять» и вообще «переходя границу, не оборачиваться» (VIII, 17), или о том, наконец, уж точно автобиографическом, что «некогда он был Эфалидом и почитался сыном Гермеса» (VIII, 4).

На последней цитате споткнувшись, прекратим посмеиваться над методами Диогена Лаэртского. Хотелось бы посмотреть на того храбреца, который взялся бы за непротиворечивое жизнеописание человека с качествами Пифагора (вернее, совокупными качествами едва ли не всех замечательных Пифагоров), как то: *безразличие к пространству* (см. у Порфирия: «В один и тот же день он был и в италийском Метапонте, и в сицилийской Тавромении, и тут и там разговаривая с учениками; это подтверждают почти все, а между тем от одного города до другого большой путь по суше и по морю, которого не пройти и за много дней») вместе с *пренебрежением ко времени* (в прерванном выше месте из Лаэртца уточняется, что, побывав сыном Гермеса, наш герой стал Эвфорбом – участником Илиады, потом последовательно «переселился» в кудесника Гермотима и в Пирра, делосского рыбака, далее предстал Пифагором и «по-прежнему всё помнил, как он был сперва Эфалидом, потом...» *usv*). А поскольку Пифагор не только (среди эллинов) «первый заявил, что душа

совершает круг неизбежности, чередую облакаясь то в одну, то в другую жизнь» (VIII, 14), но и опять-таки первым нарушил миропорядок, испросив у богов «оставить ему и живому и мертвому память о том, что с ним было» ((VIII, 4), то излагать его «биографию» действительно архи-тяжко.

И, конечно же, *μετεμύρωσις* – слишком величественная идея, чтобы хоть на время не увлечься ею всерьез. Поводом может служить даже смешная бюрократическая придирка, после которой я и начну, наконец, собственный подсчет Пифагоров.

Было так – так станет. Упомянутое место из Лаэртция, где сказано, что Пифагор «вышел к людям, пробыв двести семь лет в аиде», было снабжено научным комментарием современного исследователя: «Этот промежуток между двумя метампсихозами, вероятно, искажен из 216 (= 6³, “психогоническое число” пифагорейцев). Таким образом, Пифагор должен был жить под именем Пирра в VIII в., Гермотима – в X в., Евфорба – в XII в. до н.э., к которому приблизительно было относимо время падения Трои». Эти подсчеты, с полным глубокомыслием сделанные, совратили и меня: согрешил незамедлительно и проверил, лежит ли между акмэ *Пифагора* (540–536 гг. до н.э., см. VIII, 45: говорят, «расцвет его приходится на 60-ю олимпиаду») и акмэ *Алексея Федорович Лосева* (1933 г.) отрезок времени, кратный 216-ти. Расхождения, увы, оказались слишком велики. Но сожалеть об этом мне было некогда – сразу пылко принялся воевать с цифирью. Довольно скоро (за один вечер довольно простых вычислений) получил весьма

прелюбопытную картинку Пифагоровых странствий во времени. Для этого, правда, пришлось отказаться от гипотезы о равномерных интервалах между метампсихозами, и понадобилась другая пифагорейская идея – о «золотой пропорции». Пропорцию эту обычно формулируют на языке пространственных отношений (длина большей части отрезка / длина меньшей части отрезка = длина всего отрезка / длина большей его части = φ = 1, 618033989...), но я рискнул перенести ее на временные отрезки-интервалы. И получил, в итоге, что Лосев и Пифагор прекрасно совмещаются в «циклах рождений», если циклы эти располагать именно по «золотой пропорции». Согласно таковым φ -построениям, Пифагор побывал еще, оказывается,

Платоном и Платином (внимание! это главные герои книг А.Ф. Лосева, его любимцы), а также достиг очередных своих «расцветов» в точках 156 г. до н.э. и 889 г. уже н.э. У последней точки есть хорошее соответствие, – мудрейший Аль-Фараби, прозванный «вторым Аристотелем». В итоге образовалась такая великолепная семья мыслителей (пифагоров, нет – Пифагоров!), из века в век передававших весть об античном гении, так всё удачно сложилось, что меня вовсе не заботит безымянность пункта около 156 года: там, вне сомнений, также жил человек достойный [впрочем, сходу мог бы предложить кандидатуру легендарного Гермеса Трисмегиста, о котором мало что известно, даже время, когда он жил, никому не ведомо]. Соотношения временных отрезков между названными личностями фантастически близки к φ , о чем может свидетельствовать своеобразный контроль по «более мелким» 40-летиям: реальному Аль-Фараби в точке «теоретического акмэ» было 18 лет, Платину и Лосеву – ровно 40, Платону и Пифагору – около 25.

Так что данная весьма красивая (гармоничная – в точном пифагорейском смысле) *последовательность Пифагоров* заставляет меня «доказывать», что на сей момент их насчитывается ровно 10, где четверо легендарных – *жили до*, пятеро исторических – *жили после* «самого».

Здесь впору было бы поставить точку – или многоточие, вместо оправданий, что всю эту «числовую мистику» не следует брать всерьез, – но только надо бы еще заступиться за Лаэртия. Я попробую подтвердить его *точное* указание на 207 адовых лет. Если положить, во-первых, что жизнь Пифагора «до самого Пифагора» была устроена тоже по «*золотой пропорции*» (а не с кратностью 216 лет, как «поверил» М.Л. Гаспаров), и если согласиться, далее, с *возрастанием* этих жизненных циклов по мере удаления от «самого», как и для последовательности «после Пифагора» (потому как если продолжать шкалу с убыванием интервалов, то уже между «рождениями» Пирра и Гермотима окажется около 60 лет, дальше выйдет и того меньше – что плачевно), если, наконец, традиционное акмэ Пифагора посчитать немного неточным и ему «на самом деле» исполнилось 40 именно в сроки нашей «золотой» последовательности, то тогда... свидетельство Лаэртия блестяще подтверждается! Ибо, если от Пирра, согласно нашей могучей «теории», Пифагора отделяет 247 лет, то за вычетом возраста представительства в последовательности, т.е. этих самых 40 лет, останется ровнехонько 207.

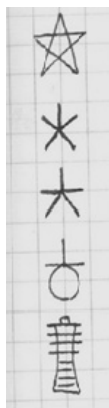
Всю прочую арифметику отправляю, конечно, к гермесам, и обещанным многоточием заканчиваю.

Апрель 1987

Звезда – гора

А намедни – спешу дать хотя бы краткий отчет – побывал у древних египтян. Насколько удалось (буквально походя, на ходу! месяц май выдался вовсе без времени досуга, и текст сей оттачивался-оттаптывался, как обычно, на бетонке по пути на Объект и обратно) разглядеть и понять их намеки и невнятицу, дело с *пятиконечной звездой* видится мне так.

Собственно, *пентаграммой* как известным результатом определенных геометрических построений увлеклись греки-пифагорейцы, сама фигура – их изобретение. Но пифагорейцы были только прилежными и, возможно, способными учениками: у «мудрецов Саиса» они, видимо, позаимствовали ключевую идею «золотой пропорции» (она легла в основание их построений), и только в порядке рационализаторской работы применили ее для «усовершенствования» особого значка, египетского опять-таки по происхождению. Посмотрим на них рядышком. Сравним попарно.

Подобная худенькая (особенно в сравнении с явно раздобрешей греческой пентаграммой) пятилучевая египетская звездочка часто встречается на росписях в гробницах. Часто, – где была нужда изобразить ночное небо, либо созвездие какое, либо богиню небесную Хатхор. Впрочем, кроме такого довольно частого начертания, по тому же астрономическому поводу египтяне рисовали еще и так: с горизонтальной чертой поперек устремленного вверх острия. Одна форма звезды легко переходит в форму другую, и вполне можно говорить, думается, о неких скорописных вариантах. Но не это интересно. Новый астро-сорт ценен своим намеком на некоторую скрытую структуру, он помогает перебрасывать смысловой мост в особый смысловой ряд. Вот так: силясь понять и оценить смысл *горизонтального перечеркивания* – а в мире знаков, как хорошо известно, нет незначущих или «лишних» деталей! – я нарисовал вослед «звездным» вариантам еще и древнеегипетский «анх», знак жизни (он-то явно напрашивался), а затем, несколько поколебавшись, и «джед», знак Осириса. Увы, насчет «джеда» для меня пока остается много неясностей, и *здоровой ассоциации* пока не нашлось, но объединять эти знаки «в один присест» все-таки стоило. Самодовлеющее (порознь) разглядывание знаков мало полезно, получается простое *глазение*, но коли взор твой сумел охватить их вкупе, рядом, в хоре согласном, то ты немного преуспел в искусстве *видения*. И увидел азь грешный дивную картинку:

вот горизонтальная черточка, которая изображает границу двух сред, или препону, которая является *естественной формой* межевого знака,

вот зерно, из которого пошел росток, вот росток пронзил границу-препону земли и вышел к солнцу... вот сложился знаменитый *анх*,

вот окиян-море, и над поверхностью вод замаячила суша, и вырос пра-холм земной, *холм творения*, устремленный к небу...

вот перед нами сжатое – до геометрически-простых схем – изложение египетской космогонии, и космологии тоже (суша – из вод – к небу),

вот самое простое и смелое выражение идеи всемирного родства: в едином очерке звезды о пяти лучах соединились дали земные и небесные.

Апрель 1987

«Река времечения»

Самоцитирование считается делом зазорным, и это правильно. Однако думаю, что хотя бы в одном случае можно, пожалуй, оправдать этику нарциссизма, – если тебе сегодняшнему действительно удалось существенно превзойти себя вчерашнего, и тогда великодушно дозволяется показать, *как далеко* ты был когда-то от нынешнего, скажем так, успеха. Тогда цитата предстает скорее уроком творчества, нежели упражнением в похвальбе, не самолюбованием Я, а разглядыванием Другого.

С тем и приступим к делу.

1. Сентябрь 1982 г., из письма Ю.А. Шрейдеру: <далее следует рассуждение о трех базовых понятиях – информации, пространстве и времени; текст опубликован в предыдущем выпуске «Тропы», с. 159>.

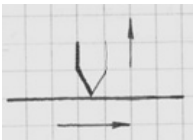
2. Тот самый Другой в дневнике за декабрь 1984 года почему-то нарисовал классическую схему *машины Тьюринга* с такими весьма нестандартными пояснениями: «считывающая головка» поименована *наблюдателем*; бесконечная «лента» машины, предназначенная для размещения символов, украсилась известными ярлыками *временных* модусов *будет – есть – стало*; само направление движение «ленты» относительно неподвижной «считывающей головки» (или наблюдателя) представало как *становление бытия*. Далее, слева и сверху от рисунка фигурирует компания имен философов – Гераклита, Парменида, Аристотеля, Гегеля (по какому поводу собрались, уже не припомню), справа в кратком наброске утверждается, что «наблюдателю» соответствует *информация*, «становлению бытия» – *время*, а ниже представлена попытка изобразить на так понятой «машине» *четырёх* законов традиционной логики. Судя по всему, конструкция быстро стала многоленточной, заполнение лент символами и размещение головок уже соседствовало с «разными типами логик», «возможными мирами», да еще с «умом» каким-то «абсолютным» и каким-то

«относительным». Наконец, подытоживая схематичный набросок, поставлена аббревиатура – *машина Т*. Автор предусмотрительно оставил возможности для интерпретаций: то ли здесь намек на причастность всей затеи к проблеме времени, то ли дань памяти английскому математику, подавшему идею подобных умственных «машин», то ли скромная претензия увековечить собственное имя, – поди разберись! Спустя некоторое время этот Другой еще поднатужился и сотворил обширное «введение в тему». Однако новых озарений не пришло, так что вместе с куцым введением осталось одно только имя – «Время логики, логика времени».

3. То есть *с пустом вас*, тогдашний Виктор Петрович! И тогда уж не умолчу еще один факт из твоей (нашей) биографии. Именно, за какой-то надобностью в записи от 7 апреля 1984 года хранится именно эта старорусская издѣвка, для памяти выписки сделаны и витиеватое обобщение: «Река времетечения». Пометки оставлены при чтении «Пошехонской старины», а упомянутую «Реку» – деревенское доморощенье – *от нечего делать* сочинял типичный русский барин г-н Струнников, герой Салтыкова-Щедрина. Заголовок возьму себе, и буду верить, что мне поможет иной принцип письма и творчества – *от некогда жить*.

Да, надо спешить. *Мало времени*. Но, чтобы внятно изложить обещанное «достижение» себя сегодняшнего, надо бы к прежней тройке соображений (прежних толчков для интуиции) прибавить новые необходимые предпосылки, указать тот круг идей, что бередили душу последние полгода, и от которых отталкиваясь, азъ грешный и пришел к нынешнему пониманию *машины Т* (название мне нравится! сохраним).

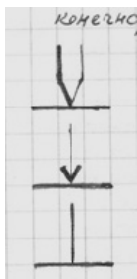
Идей важных тоже вроде как три. <Изложение резко сокращаю, вновь вмешиваясь в эту запись из дня сегодняшнего (*март 2020*): далее следовало обсуждение идей настоящих научных храбрецов, во-первых, таблицы *Роберто ди Бартини* (1897–1974), охватывающей все физические величины в универсальной системе базовых степеней [$L^{\lambda} T^{\tau}$], во-вторых, теории пулковского астронома *Николая Александровича Козырева* (1908–1983), который «нащупал своими рукодельными приборчиками не что-нибудь плѣвое, а саму подноготную міра, назвав ее “временем”, по-моему, неудачно», и в-третьих, релятивистской теории гравитации *Анатолия Алексеевича Логунова* (1926–2015; однажды слушал его выступление) с его неслыханной проповедью міровой «тверди», реабилитацией старинных «живых сил» и критикой самого, страшно молвить, Альберта Эйнштейна>.

Настала пора очередного *простого движения мысли*. Хватит громоздить предпосылки и предчувствия! Итак,

вот текст, которого вчера еще не написал бы. Он будет – прежде всего, о «новом» символе.

Следовательно, сразу перехожу к зрительному образу *машины Т*. Ибо графика, рисунок надежнее слова, хотя и поплоче. Примитивнее, да. Очертаниями своими *машина Т* явно схожа с *машиной Тьюринга*, разве что внешность первой более аскетична вплоть до знакового лаконизма. Но это сравнение касается скорее стороны эстетической. Идейная же сторона, или интерпретация «машин» существенно различна. Тьюрингова конструкция изготовлена для формализации понятий «вычислимости» и «алгоритма» и хорошо работает в мастерской «чистых» описателей (логиков? логицистов? излишне-логичных?). Новая же модель «машины» только показывает, где и как описываемое (мир) встречается с описанием (логос): бесконечная «лента» вечно-живого бытия скользит под тонким жальцем «считывающе-записывающей головки» познающего субъекта, порождая в ней шорохи и потрескивания впечатлений, мыслей, интуиций, музыки...

Можно, еще упражняясь в созидании схем, упразднить указательные стрелки (они старательно передавали движения познаваемого бытия и познающего глаза), саму форму стрелки отдать, далее, на видоизменение очертания «головки», откуда сразу открывается блестящая перспектива – нагрузить высоким смыслом простейшую идеограмму *перпендикуляра*. Не забыть бы только цель такого схематизма. А цель одна – высветить, подчеркнуть главное в познании: «отражение» мира не есть его

слепое копирование, познавать значит «оформлять по-своему, на ином материале, не так» (похвальна наглядность двух взаимно-ортогональных направлений), но при этом тупая отсебятина и прочий агностицизм изгоняется прочь (пожалуйста, вот хоть и малая, но вполне указуемая и называемая площадь прямого контакта). Таково *символическое иносказание* «перпендикуляра познания», или *машины Т*.

(Не перестану удивляться гармонии жизни в сообществе знаков и символов! Когда воображал себе образ «машины Т», вовсе не думал ни о каком перпендикуляре, а ведь значки \top и \perp – просто зеркально-симметричные, дополнительные друг для друга братья. Родичи знают свое родство в естестве и по своей воле, без всякого моего содействия).

Осталось напрямую высказаться по поводу *Реки времечения*. Перпендикуляр пусть себе топорщится где-то в охранной зоне подсознания, незримо (или все-таки зримо?) осеняя и направляя наше рассуждение, несомненно, подзатянувшееся.

Итак, объективно ли время? Надо полагать, и «время», и «пространство», и «информация» объективны по своему (горизонтальному) истоку, и они же, вместе с тем, субъективны по (вертикальной) человеческой оформленности. Потому желание навести порядок, выстроить какую-либо систему вполне почтенно, когда распоряжаешься продуктами ума, в коих порядок таится «по природе». Потому нужно всегда помнить об опасности принять «вторую реальность» за единственно существующее, нужно с почтением оставлять за миром его «первую вещественность» (а кавычки заставляет расставлять образ перпендикуляра, да). Потому не иссякнут примеры истинно научного долженствования природе, подобные «алогизмам» Козырева, ди Баргини и Логунова. Потому и я не стану пересчитывать единицы «пространства» или «времени» в единицы «информации», потому не пойду даже послушником в монастырь Алгоритмической Сложности Конечных Объектов, хотя там настоятелем сам Колмогоров. Потому, наверное, так располагавшая к математическим соблазнам *машина Т* поспешила опроститься до емкого символа из двух сцепленных черточек... Потому кладу на свой стол томик с тиснением: *Иоанэ Петрицы. Рассмотрение платоновской философии и Прокла Диадокха*. Потому что я, спешащий и бедующий в XX-м веке, почти наугад открываю труд философа XI века и убеждаюсь, что и того повергали в трепет слова, прозвучавшие еще в веке V-м: «Всякое самодовлеющее превышает того, что измеряется временем по сущности. Если самодовлеющее не рождено, то оно не будет измеряемо временем...».

Начнем с начала.

Июнь 1987

Откуда тревога и движенье («Котлован» Андрея Платонова)

К неравновесным моим жизненным обстоятельствам сего дня злостно приплюсовалась эта публикация новой (старой!) повести великого формулировщика и резателя правды-матки. Давно прочел «Котлован». Уже больше месяца каждодневно (почти) берусь за перо, и все как-то остерегаюсь изложить даже *первые* впечатления. Столь они новы, тревожны, сумбурны, многообразны. Выходить одно – отсекать «лишнее», отсекать, морщась от боли и остерегаясь бессильных многоточий, и пробираться к истокам видимой «общей грусти жизни и тоски тщетности»... нет! у Платонова найдется и куда более верное и как раз дарующее надежды «определение», –

к истокам движущей, в-спину-толкающей «сердечной озадаченности», несомой повестью.

Конечно, заслуживает либо шумных восклицаний, либо красноречивой немой похвалы, либо целых страниц аналитики платоновское умение искорежить термин и тем *сотворить* из него художественное слово (хотите исчерпывающую дефиницию для «души»? – пожалуйста: «излишняя теплота жизни»), а из новорожденных этих слов *сложить* нечаянную мудрость (бойся, «новодействующий» умник, «у тебя не будет памяти вещества, и ты станешь думать сам себя, как животное!»), а сложивши – впервые, быть может, *ощутить* мир «без расчета и сознания, но с точностью».

Конечно, получаешь уже не эстетическую только и даже не интеллектуальную, получаешь... *мышечную радость*, когда находишь строки вроде такой: «сел посидеть», дабы «наблюдать все, что было видно», скажем, «пустой район ближайшей природы», – по Платонову, кстати сказать, верный признак скудости мысли устанавливается прочно: «щупать нечего».

Конечно, хотелось бы примериться к необъятным (образным и метафизическим) глубинам самого Котлована, *во имя которого* «дневное время проживается одинаковым, сгорбленным способом – терпением тела, роющего землю». Конечно. Но всё это здесь отсекаю.

Мне остается вместе с героями повести *остановиться и раздумывать*. Раздумывать «о плане общей жизни», искать ответ на вопрос, откуда же исходит тревога, о каком таком «искуплении томительности жизни» мечтают Прушевский и Вошев, Сафронов и Жачев с Чиклиным. Только надо знать (Платонов это и сам понимает): просто так, с бухты-баракты останавливаться нельзя, опасно. «Еще вором станешь или тронешь революцию». Останавливайся, только если веришь в «детское дело» коммунизма!

Останавливаюсь «для мысли или настроения», ибо верую в идеал коммунизма. Сначала – *настроение*. Да, такому, платоновскому социализму впору вернуться к пройденному, впору постоять «в задумчивости среди общего темпа труда». Точнее утверждено вопросом: «Не убывают ли люди в чувстве своей жизни, когда прибывают постройки? <...> Дом человек построит, а сам расстроится. Как жить тогда будет?». И такова, следовательно, *мысль* главная об этом: *необходимо строить и перестраиваться, но творить историю нельзя, нужно следовать ей*.

Пусть мне скажут, что у Платонова нет слов насчет «не творить», – я себе уже всё доказал. Пусть кто другой займется подсчетом, сколько раз в повести поминается «время» да с какими эпитетами, пусть кому-то после прочтения «Котлована» до сих пор не понятно, что это за «факты меланхолии» и какая еще «тоска» лежит «внутри всего света», почему вдруг

«стало в колхозе зимой тепло и нету четырех времен года» и т.д., пусть. Но когда резкие и тяжелые платоновские слова упадут на тебя, и обрисуют «маложелательные явления перегибщины, забеговщества, переусердщины и всякого сползания по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии» (обрисуют языком директив аж областного руководства времен царения Джугашвили), ты поймешь, наконец, почему страшно видеть «массы, неудержимо рвущиеся в даль истории, на вершину всемирных невидимых времен».

И еще. Правда *нашего прекрасного и яростного мира* не только отрицательна («не сотвори историю!»), она и обещает свершения творчества («учись и трудись!»). И это тоже легко вычитать у Платонова.

Учись, говорит писатель, «уменью чувствовать в голове весь свет, чтобы помочь ему светиться», чтобы «еще шире и глубже рыть котлован», «чтобы дети могли еще уповать, а не зябнуть», ощущая «согревающий поток смысла жизни», и однажды каждый тогда «увидит время, подобное первому исконному дню».

Июль 1987

Натараджа

Его бронзовая улыбка поранила меня.

Закроешь глаза, хоть чуточку забудешься – и уже наплывает сладкая боль, уже мерещится закругленная тень с изломами локтей и колен, и волос змеятся тонкие пряди...

Конечно, сначала было – *увидеть*. До похода на Крымскую набережную, где на летнем квартирновании обреталось «Классическое искусство Индии», я мог только догадываться, только предощущать, только пред-видеть сегодняшнее знание.

Теперь могу и умею больше, ибо глаза потрудились над уходящей натурой – могу *знать*, в каких снах пребывает «младенец» под ступней Шивы, какие просторы охватила окружность вселенского колеса-чакры, какая сила притихла в трех наклонах неистового анандатандава.

Теперь, пожалуй, позволительно и *думать* дальше, творя собственные сопоставления и уже не печалюсь, к примеру, отчего сразу не удивили-таки женские бедра при мужских плечах таинственного божка, почему на выставке (как ни тарашился на старинную бронзу) не заметил среди его волос русалочий контур олицетворенного Ганга, почему не сразу узнал в Натараджиевых горизонтах точную копию космогонии упанишад, как, впрочем, и «социогонии» варн.

Но еще я, кажется, научился *слышать*. Легче всего различить шелест рассекаемого в танце воздуха, да и браслетов побрякивание. При большей чуткости и готовности доносится постанывание барабанчика думару. Его форма, воистину, вогнала меня в пот! – но пот сей смахнем и внятный разговор о том отложим на потом. В последнюю очередь слышны тихие звуки пения и, наконец, ухо начинает улавливать шёпот или шум – невнятный поначалу, потом делимый на звуки, потом крепленный смыслом:

всюду... всё... полно... богов... ом... ом-м... о-о-о-м-м...

Август 1987

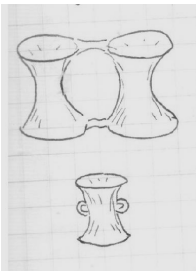
Перекресток двух прямых

Провёл одну, поверх другую прочертил, и что получилось?

– О, разве тут одним словом отделаешься... Будь у меня другой темперамент, да силенок доставало бы насчет писательства, то пришлось бы далее отмахать длинный путь семиотико-философско-психологической эпопеи. Но я свободен, надеюсь, от иллюзий, и не берусь за неподъёмное.

А и то сказать: тема сия и не очень-то интересна мне, мысленно она уже отписалась. Так: все имена одно за другим промелькнули, все обстоятельства и встречи в памяти освежились, цепь ассоциаций и догадок уже выстроилась и успела закрубиться в малую, почти точечную область смысла – ее и видно (см. выше) в заголовке. Что ж еще-то надобно?!..

– Но если за последним скопищем знаков препинания принимать итоговую точку, мне ж никто не засчитает пройденным очередной этап «Опытов», и тогда я, получается, только даром трачу столько чернил... Ну уж нет, придется как-то выкручиваться. Пусть и по минимуму.

Выкрутас первый изысканным зигзагом соединит: а) загадочную керамику Триполья и наблюдения П.А. Флоренского о ней, б) обрядовые тонкости природоведения древних славян, изложенные в книге Б.А. Рыбакова, а также в) весьма скучную номенклатуру строительного черчения конца XX века (в этом слагаемом скромно подчеркну свой личный, непреходящего значения, вклад). У отца Павла в лекциях «Первые шаги философии», Сергиев, 1917, есть несколько страниц, специально отданных размышлениям о странных «сосудах» приднепровских земледельцев III – IV тысячелетия до н.э. Последние кавычки обязательны, ибо «сосуды» эти *без дна*, и нет никаких намеков, что донце когда-то было. Еще важно, что «сосуды» эти обычно сдвоенные, т.е. биноклеобразные, хотя изредка

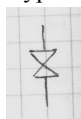
попадаются и «одиночки». Каждый из таковых «сосудов» имеет характерное сужение в средней части, позволившее Флоренскому-математику говорить о форме *гиперболоида вращения*. Флоренский-филолог обнаружил следы неких (может быть, этих самых) священных «сосудов», двойных и бездонных, не где-нибудь, а в тексте самой «Илиады», в наиболее ответственных местах ее действия, когда боги отмечают свершения, принимая, как то формулируемо на Руси, «по маленькой». (Рассудим так: дно надобно пивцам земного происхождения, олимпийцы же могут вкушать нектар и без примитивных удобств!) Наконец, Флоренский-культуролог относит саму сдвоенность «сосудов» к реестру древнейших способов почитания какого-то женского божества. Но не это важно, не «объяснения» одни имеют для нас ценность, – тем более, что о бездонности сказано вскользь, а среднее сужение «сосуда» вообще не прокомментировано, – главное, что в лекциях *просто сквозит* великое почтение пред образом стародавней мысли, облеченной в символ. Потому и удивился я, когда в солидной монографии академика Рыбакова («Язычество древних славян», 1981) о трипольских двойных «сосудах» обнаружил ровно пол-слова, и это при всем при том, что трипольской культурой автор всемерно интересовался. Разочарование сменилось позывам на бурные аплодисменты, когда в той же книге встретил упоминание о

«додолах» и обряде «поения земли». Вот читаем и смотрим:

славянские девушки-додолы бродят по полю, будущая урожайность которого вызывает социальную озабоченность, причем бродят они обычно парами, взявшись за руки, но иногда и по одной. А еще – специально для привлечения дождя к

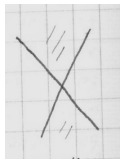
землице – они одеты прехарактерным образом, – в форме сходящихся остриями треугольников. Чтобы не было сомнений, сошлемся на свидетельства этнографов, видевших додол еще вживую (обряд сохранялся на Балканах в XIX веке!), или на рисунок у Рыбакова (с. 169), на котором изображены древние «подательницы дождя», рядом биноклевидный бездонный «сосуд», и в скобочках на подписи к рисунку (вот пол-слова Рыбакова) указывается: «принадлежность обряда “поения земли”. Триполье». Кто еще не понял, поясню: названное *поение земли* получает вполне различимую технологию, – верх и низ, небо и земля соединяются посредством додол, в верхнюю сужающуюся часть (воронки) вода вливается, из нижней расширяющейся части (воронки) вода выливается. Глядишь, так и с урожаем все будем... Выкрутас пора завершать, потому остается убедиться,

уже ничему не удивляясь (ибо речь тут идет о символической реальности), что на стандартных чертежах сегодняшних техническим систем, доставляющих потребителю... все ту же воду,

обязательно найдется до смешного знакомый узел, обозначающий с предельной ясностью некое *место соединения*, кран или что-то вроде того.

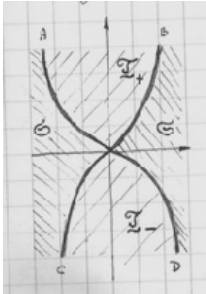
Теперь выкрутас второй. Он начался после чтения «Белых одежд» Вл. Дудинцева. Попробуй-таки не удивись, если *пересекающиеся прямые* начинают попросту преследовать тебя, как и сейчас, когда лезут в глаза со страниц популярного романа, ко всему прочему, выполняя там чуть ли не сюжетообразующую роль. Сначала сами герои повествования «просто» восхищаются смысловыми глубинами столь простой с виду графики («зеркальность добра и зла», «мир и я», «внутренняя и внешняя бесконечности», – здесь цитируют их суждения), а затем и в авторской части мелькнули признания, изобличающие явное пристрастие к здоровому

схематизму образов. Как вам, по душе такая фраза: «экскурсия во внутренний конус другого человека», либо такая характеристика: «он был глубоко в нижней колбе своих песочных часов, в своей закрытой для всех бесконечности». Каково?! А уж если дело дошло до формы песочных часов и, стало быть, не все помянуто их высочество *Время*, я не могу не встречать репликой с галёрки... Конечно, пример «схематизма» (а вернее сказать, символизма) у Дудинцева вдохновляет и, конечно, показателен. Выходит, ежели наш современник с его внушительным культурным достоянием и арсеналом изобразительных средств вдруг вздумает изобрести *новый символ*, и чтобы он был прост по форме и богат смыслом, то современник этот обречен на роль пригостишки-эпигона. Да, древние мыслители (или «чувствователи») уже уловили и оформили *всё главное*, что подлежало бы символизации! Те же песочные часы сотворены по уже знакомой нам схеме двух сопряженных треугольников, и готов поспорить с кем угодно, что такая конструкция не только *технологична*, и позволяет поэтому «подсчитывать время», но и *философична*, т.е. несет его, времени, генеральную идею, вполне уловленную страшно сказать сколько тысяч лет назад¹⁷⁶. По обыкновению выкрутасов, достаточно воспроизвести чертеж из недавней книги академика Д.И. Блохинцева «Пространство и время в микромире»

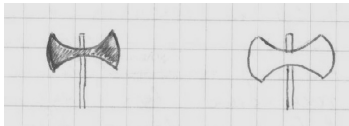
¹⁷⁶ С радостным удивлением отмечаю: мысль о «генеральной идее», или «обобщенной форме» времени сформулирована здесь вполне внятно, причем именно с упованием на конфигурацию из *двух сопряженных треугольников* (энантиодромию). Но «Сон Мелампа» Вяч. Иванова и трактат Николая Кузанского «О предположениях», клянусь, еще не были тогда мною прочитаны! – См. статью «Энантиодромию как обобщенная форма времени» (2018) во втором выпуске «Тропы» (примечание в *апреле 2020*).

(последнее известное мне издание – 1982 г.). Используя изощренное математическое построение при самой абстрактной постановке задачи, здесь получают т.н. *гиперболический* случай решения некой диф'уры, и со спокойной совестью рисуют ультрасовременный вариант древних песочных часов, – «сечение характеристического конуса ABCD во временном и пространственном многообразии». И да будет сказанного, как и показанного (это я вещал к явно *показательному* у Дудинцева) вполне достаточно!

Что до *вдохновляющего*, то вслед за Дудинцевым и его конусами-колбами могу, не сходя с места, добавить еще пару свидетельств по делу, слегка вороша «преданья старины глубокой». Первое, что упомянем – это форма знаменитого галстука-бабочки, украшения современных европейских модников, или сходные бантики на дамах Старого света. Если припомнить, что и на японских кимоно очень похожая деталь тоже фигурирует, и следовательно, если понимать, сколь архаичны могут

быть традиционные одежды, то уже не покажется случайным совпадение формы «бабочки» и хтонической структуры «целующихся треугольников». Второе свидетельство обильно встречается на росписях минойских дворцов далекого острова Крит, – разумеется, то перед нами предстаёт лабриса, еще

называют, чрез латынь, «двойной топорик».

Лабрисами, говорят, одаривали своего кумира древнегреческие паломники, посещавшие легендарную «колыбель Зевса» на том же Крите, и археологами они

найлены во множестве великом. Нужно ли разъяснять, что общего в японском «бантике», трипольском «бинокле» и критском «битопоре»?

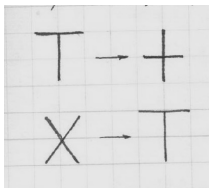
Выкрутас третий полагаю расположить в области чуть ли не геологической. Начать нам стоит с правой руки Шивы, точнее, с крайней правой, ибо их у него, по меньшей мере, две. Владыка сжимает ею тот самый двусторонний барабан *думару*, а прочими руками ритмично постукивает по его упругой поверхности, сам себе помогая справлять обязательные движения космогонического танца. Кому ж не ясно, что столь серьезная божественная *лила* должна сопровождаться атрибутами достойной ее формы и содержания?! Продолжу вопрошания о форме –

что, к примеру, два конуса, образующих думару, сошлись в одной точке не только, и даже не столько ради удобства удержания в ладони всей конструкции? что, наконец, этот наш новый мысленный выкрутас только продолжает предыдущие,

вышеозначенные? – Конечно же, древние индусы ощущали сакральный смысл «целующихся треугольников», и потому смоделировали их ответственно и приметно – прямо в руках боговых изображений...

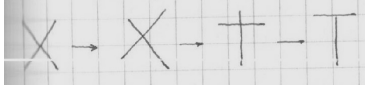
(Подумалось вдруг: а не были ли трипольские «бинокли» и «монокли» как раз барабанами, а не странными и, по правде сказать, нелепыми «сосудами»? Легко толкуется тогда, что материал звучащей поверхности попросту истлел, и остался только глиняный остов, на какой мы теперь взираем недоуменно, будучи лишены целокупного образа. Можно даже заняться экспертизой, тщательно осматривая края «трипольцев» и отыскивая следы крепления кожаных лоскутов. – Можно, да я б не стал. Таких следов, хочется думать, нет. Хочется, чтобы перед нами вырисовалась зримая история пра-индоевропейской идеи, в Триполье представленная «сосудами» без дна, а индуистами спустя тысячу-другую лет осмысливаемая модифицировано, в ударно-инструментальной разновидности. А как история идеи видится в конце второго тысячелетия н.э., читаем в начале данной заметки... Доказательства? Возможны ли они, если имеешь дело с древнейшей символикой, с проявлениями самого архаичного жизнечувствия, которое однозначно не толкуемо в принципе?..)

Продолжим «теологический» выкрутас, только теперь уже на христианском материале. И не забудем, конечно, что повод для наших рассуждений остался прежний – пересекающиеся прямые и что за ними (в сфере смыслов) изначально либо всегда укрывается.

Иисус Христос, как принято считать, был распят на кресте, а крест в его классическом виде, его силуэт составлен как раз двумя отрезками, схлестнутыми под прямым углом. Впрочем, еще один из отцов церкви II века Тертуллиан отдавал должное исторической правде и напоминал: распятие *обязано быть* тэ-образным, ибо римляне использовали для казни только столб с перекладиной поверх. Художники раннего Возрождения иногда рисовали именно такой крест; у отечественных художников правильное изображение я встречал только у Н.Н. Ге. Отчего и как произошла трансформация Символа Спасения в доньяне популярную внешность, не мне и не сегодня судить. Но выкрутас-три выглядел бы недостаточно элегантно, не приди теперь пора нескольким строчкам о прямо противоположной метаморфозе. Она из области вполне светской, но теме не чужда. Греческий алфавит – о нем далее речь, – произошел, говорят, из древне-финикийской письменности, причем греки заимствовали не только идею алфавитно-слогового письма, еще и многие знаки для букв были взяты у них, с

небольшими вариациями. Вариации нам как раз и интересны! Вот финикийский «тав» в форме косоугольного креста, он по-гречески огласован как «тау», но изображается чуточку иначе. Легко построить цепочку почти незаметных переходов и трансформаций, где смежные фигуры отличаются уж самой малостью, а начало и конец всего ряда – от ха-образной до тэ-образной – отличаются вполне существенно и зримо.

В этом «чуть-чуть» будто укрыта бездна умысла. Будто сочинители алфавита обязались одним своим произволом (выбором очертания для «тау») заранее уравновесить другой произвол, состоявшийся у христиан веков этак десять спустя. Будто сама мировая культура настойчиво говорит: вы жаждете законов, каких-то устойчивых схем, связей и правил, а я богаче и выше всяческих схем, я – в *закономерном произволе*, я – свободен. Символы – и связаны и, одновременно, свободны.

Как, удалось выкрутиться? Могу ли теперь сказать, что перекресток двух прямых *означает* то-то и то-то? – Ни то, ни сё, ни пятое, ни десятое. Получается, что и сотни словесных зигзагов и выкрутас не хватит, чтобы охватить своим слабеньким описанием эту область со столь простым, казалось бы, названием: «смысл символа». И это славно!

Август 1987

Срок: Великий Октябрь

... А когда, в точности, произошла Октябрьская революция, или, как тогда говорили, Октябрьский переворот? Может быть, подходящим моментом нужно считать 14 часов 35 минут (7 ноября 1917 года), когда на заседании Петросовета в Смольном выступил Ленин и произнес ту знаменитую фразу *о свершившемся* – посчитать? Но почему, объясните, молва и расхожее мнение (не скидывать же со счетов их природную чуткость!) перенесли слова «нашего Ильича» на время II-го съезда Советов, а открылся-то он, после тактических проволочек и оттяжек, только около 22¹⁰, почему? Или нужно вспомнить об отмеченном залпе «Авроры», который «возвестил» и т.д., вспомнить? Пролетарский благовест отзвучал своё в 21⁴⁰. Только мне не хочется останавливаться и на этом сроке, поскольку, во-первых, «Аврора» вдарила совсем не первой, а вослед за хлопком пушки с Петропавловки (той самой, *полуденной*), во-вторых, после ее бакового выстрела (а не «залпа», как пишется и говорится стандартно: орудия вступали в дело с задержкой, *последовательно*) никакого исторического штурма не началось. Первые наступающие двинулись под Арку спустя час,

да и тогда оборонявшие Зимний приняли сей вооруженный отряд за мирную депутацию Думы... Чего уж тут великого?

Не проще ли сослаться тогда на документы, имеющие вполне точную хронологическую привязку? Под текстом воззвания «К гражданам России!» будто специально для потомков указано: «10 ч. утра». Именно к этому времени завершилась напряженная война нервов (кровь еще не пролилась) ночи с 6 на 7 ноября, когда революционные матросы и красногвардейцы захватывали редакции газет, вокзалы, телефонную станцию... И второй документ помянем, «Доклад о мире» на II съезде Советов (произнесен после 21⁰⁰ 7 ноября), интересный уже тем, что содержит самое, пожалуй, первое самоназвание Октябрьского переворота, во фразе: «рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября», так подчеркивается, что важнейшие события свершились *где-то* к полуночи 6-го и под утро 7-го ноября (тут, разумеется, встретились *разные стили* календаря). Потому, похоже, историкам Октября придется бродить в потемках именно той ночи. Да, только не забудьте о *ночи следующей*, с 7-го на 8-е, поскольку формальная сторона смены власти – арест Временного правительства, – пришлось на 1 час 50 минут следующего как раз дня!

Так действо 7-го ноября естественным образом перетекает в границы двух смежных дней (ночей), 6-го и 8-го, и розыск «точных сроков» в столь плотном клубке времени, как можно догадываться, становится архи-тяжким. Придерживаясь такой тональности, поневоле обнаруживаешь потаенный смысл даже в известной календарной сдвигке – той революционной поре *зыбкого времени*, символическому Октябрю хвалы у нас воздают в ноябре.

Но все-таки я рискну на одно «уточнение».

Конечно, те дни и ночи были пропитаны людским беспокойством: некоторым россиянам не сиделось в тогдашнем сегодня, и события срывались с мест своих и устремлялись за ними следом. Конечно, всё ощущало (и называло) себя преходяще-временным, даже старое правительство, даже новая власть (в постановлении II съезда Советов так: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров»), даже сама революция в России мнила себя малой, живущей ожиданием революции мировой, большой. Но кто-то стягивал всё это, расплзающееся и эфемерное, в одну-единственную точку. Когда буквы сложились в строчку: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил. До свидания.» Точка в записке, оставленной Лениным Маргарите Фофановой, возникла не по законам повседневной грамматики, точка эта вобрала горячую капельку из пылающего сердца

революционера, и поставлена она гениальным чутьем момента. Точкой означен срок и указано место, ушел «наш Ильич» – в Революцию. А что до часов, минут и секунд, то очень даже удачно получается: никто не знает и не должен знать, *когда* была составлена записка, то бишь какому точно положению наивного зубчатого механизма «соответствовал» взлет великого человеческого нетерпения.

Что, любители точности, не назвать ли нам важнейшие и, при этом, принципиально не наблюдаемые моменты времени старинным летописным словом, ныне вышедшим из употребления? Скажем именно так:

Октябрьская революция произошла *втапору*.

Ноябрь-декабрь 1987

Восхождение на Иверскую

Ходьба полезна для здоровья; с горы далеко видеть; вообще, Бог есть. Проверить бы на практике, сколько минимально достанет подобных умозаключений для безбедного существования, особенно ежели влачить оное вдруг довелось в санаторных, самых благоприятных для самоублажения обстоятельствах и условиях...

Нет, начну не так. Теоретичнее. Не случайно же всеобщее почитание гор – этот один из самых архаичных и самых живучих культов. Даже если окрестности равнины и до подлинных вершин далеко, человеку достанет и холма, возвышенности, взгорка, крутого обрыва, чтобы водрузить там те или иные свидетельства своих особых чувств и пристрастий. И чем дальше и выше вершина, и недоступней, тем более правы все эти на-вершины-восходящие и храмы-здесь-возводящие: так, во всяком случае, выходит у самых непохожих народов и в самые далеко отстоящие друг от друга эпохи.

В Новый Афон впервой занесло меня любопытство и опасение нагулять брюшко «со всем этим отдыхом». Экскурсия, правда, вела товарищей отдыхающих не хурер, но хуро, благо что пещеры здешние кого хочешь заставят дивоваться. Целый день и дивился, и захотелось мне на гору. Уже одно название у нее какое влекуще-знакомое: Иверская... Только поход пришлось совершать уже самостоятельно, безо всякого сервиса и вдругорядь.

Путь вверх значителен сам по себе, даже если отвлечься – лишь временно, как будет, надеюсь, показано в дальнейшем, – от теологической подоплеку горно-любия как такового. С каждым шагом восходитель

совершает некое усилие и становится чуть выше себя равнинного, приподножного или прошло-моментного. Такое движение с постоянно нарастающим качеством создает чувство собственного возвышения, нет, не над уровнем моря и не в метрах, футах или как угодно еще исчислимого пространства, но возвышения в безвоздушной, неметризуемой среде духа.

Я, конечно, прихватил с собой мал камень (как и советовала давеча предусмотрительная экскурсоводша), а на вершине вроде бы опростался от соответственного ему грешка малого. Но вышло, признаюсь, не каноническое восхождение как паломничество, а скорее – взбегание. Элемент кроссовой подготовки. Мудрено было одолеть с десяток километров пешедраля по гальке да прибрежным буеракам – от санаториев до предгориев – да столько же извольте иметь на обратную дорогу, а меж тем и этим оставался ровно час на все подъемы и спуски, ибо соседи по столику (два полковника из Генштаба) пребывали заверенными, что их товарищ обернется к обеду.

Метафизика восшествия на гору становится ясной, стоит только увидеть себя как бы со стороны, сторонним взглядом естествоиспытателя? философа? не важно – главное, увидеть себя торжествующим, поглядывающим не без удовлетворения вниз, туда, где остались люди, дома их и пажити. Насколько те, внизу оставшиеся, претерпели ущерб и сжались сообразно высоте подъема, настолько прибавилось особого чувства (гордыни?) у взобравшегося чуть повыше. А высокогорная эйфория может даже не позволить увидеть, что на вершине наступает предел такому механическому «росту». Возрастанию, именно – как и куда?

Меж декораций древней крепости бродили молчаливые коровы. Из любви до круч и в бестравии они, абхазские, были рыжие и худосочные. Возле них встретились, числом до пяти-шести, вполне упитанные двуногие особи, при костре под древней аркой. Похоже, меня даже не заметили – их фаллические русалии, похоже, близились к апогею. Еще на вершине было: неправдоподобно зеленая лужайка у стены святилища, страшно молвить, VI века; натурально-красивая пропасть прямо под другой, противоположной стеной; музыкальный посвист разгульного ветра в камнях башни; изумрудная лепешка моря по правую руку и горы в новинку – по левую;

игрушечные Сухуми и прочие Эшеры (там остался наш санаторий) – прямо и как на ладони.

Здесь, в конечной точке восхождения, не худо бы постичь заповедную, вершинную истину – за тем ведь и пошел. Выше некуда. Подъем окончен. Человек замер и обнаруживает, сколь много простора еще осталось вне его досягаемости. Вот тот момент, когда является Превысшее даже для атеиста. Бог, действительно, не сидит на туче с воздетой дланью, и в горах «ближе к небу» не потому, что облачность кутает, бывает, вершины. Здесь просто легче понять, что Бог – Он таится в тебе и до твоей остановки.

Ступни отполыхали. Ноги больше не напоминают, откуда они растут. Но физиология, если это она, продолжает напоминать о всесиили тела. Страдает шея. Прямо хоть не выбредай к санаторному (и Черному) морю: голова тотчас вращается в правую сторону, и глаза жадно отыскивают полужнакомый контур у горизонта. Да, был же я там! – Но все ли ты уже одолел, все ли примерил по себе? Вот и шея беспокоит – не напрасно ли?

Декабрь 1987

Только брызги Океана...

(Еще заметка, которая примыкает к недавнему моему «богословию» – не столько головой, сколько ногами предпринятому).

Давно высмеяна традиция наивного *телеологизирования*, когда факты и явления природы получают смешно-практичную окраску целесообразности: де, ветер дует в паруса, чтобы суда побыстрее достигали берегов, а Солнце только тем и занимается, что исправно служит на сельскохозяйственной ниве и, по совместительству, отвечает за производственную дисциплину в небесной канцелярии. Однако ж, битая и опороченная, традиция эта оживает с каждым ново-чувствующим и свеже-сомневающимся поколением. «Послушайте! Ведь, если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно? Значит – кто-то хочет, чтобы они были?» – сказано совсем недавно.

Давеча согрешил и я. Очень хочу сохранить соответствующую дату (16 декабря 1987 года, вечер) в истории. На место в Большом Времени культуры рассчитывать, конечно, не следует, а вот касаясь *истории искреннего дилетантизма* – тут уж прошу уважить...

Итак, однажды судьба распорядилась оставить меня среди пустынных сухумских пляжей один на один с морем. Оно ластилось к ногам, шуршало

песочком и с лентой выгибало свой гладкий безразмерный бок. Из морских шепотков сам собой и соткался вопрос: зачем и для чего в одном месте собрана такая прорва воды, да еще так хорошо организованная? Скорблю, но подумалось именно так. А когда стало смеркаться, я уже продвинулся в ответе на этот вопрос и... открыл, причем не сходя с места, т.е. не покидая прежнего пути по кромке суши и не теряя из виду объект размышлений...

... именно, открыл на Земле новую великую цивилизацию.

«Цивилизация» эта (осторожно проставим кавычки) *явно выше* человеческой, ибо она целиком включает в себя последнюю. Она также *старше*, измеряема в возрасте миллиардами (наших) лет. Как назвать ее теперь, я не знаю; пока *яснее всего* виднеется глубокий смысл в двух великих именах – именах для чего-то общего, единого, – кои дошли доселе от пращуров наших: Океан-Батюшка и Мать-Сыра-Земля. Точнее высказаться побоюсь. И не возьмусь специально доказывать, что «новая великая цивилизация» простерта на Земле повсеместно, что всякий может ее лицезреть, что «много воды» – не бессмыслица, что человек от этого «много» никуда не ушел, а сами моря-океаны содержат лучшую, *надчеловеческую* часть нас самих. У меня нет никаких доказательств, есть лишь очевидные банальности. Как известно, человек не может обходиться без воды, ибо голодать можно месяцами, жажда убивает за дни. Не нужно также особой эрудиции для усвоения того (почему-то мало кого впечатляющего) простого факта, что состав нашей крови поразительно схож с *морским рассолом* (в Отечественную войну приморские госпитали, например, смело использовали «поразительное» для спасения раненых), или что любой из нас своим чередом *только вплавь* проводит в утробе матери целых девять месяцев. Сам человек, говорят, на 75 % состоит из *кислорода и водорода*¹⁷⁷ и потому не способен жить без постоянной подкачки основной своей материи, а вокруг него вода присутствует – точнее, *царствует*, – везде и всюду, в воздухе и на земле, в порождениях рук человеческих и в нерукотворной природе... но мне лень подсчитывать какие-то проценты! Небанальным будет только шаг дальше, шаг за пределы факта, туда, где доказательства не нужны, а разрозненные поначалу свидетельства сами собой соединяются в нечто головокружительно-целое.

¹⁷⁷ Добавлю точной цифири, благо, что есть справочник под рукой (*май 2020*): в элементном составе человека *кислорода* насчитывают 63 % и *водорода* 10 % (процент от общей массы, табл. 4.1.3), а содержание *воды* в организме взрослого человека 60 %, в эмбрионе человека (15 недель) даже 91, 5 % (табл. 5.2), см.: *Флиндт Р.* Биология в цифрах. М.: Мир, 1992.

Океан – целое. Только брызги его – мы.

Если приниматься «разбрызгивать» человечество всерьез, то на многие успехи нашей цивилизации придется посмотреть критически и, напротив, многие былые заблуждения и нелепицы нашей культуры могут предстать теперь во всем блеске глубочайших духовных прозрений. Да будет позволено мне проинспектировать хотя бы три важных (и очень старых) идеи.

Пантеизм и гилозоизм. Особенно приставка «пан» всегда смущала меня, томила и волновала, а теперь догадываюсь, отчего. Томился я в ожидании того часа, когда можно будет написать: эти два термина неуклюже очерчивают громадную область мысли, несколько тысячелетий скапливающей опыт одоления человеческой исключительности; эти робкие догадки о добром и красивом устройстве Вселенной вмещены в тесных упаковках с наклейками «всё живёт» и «всюду боги»; эти «измы» принято критиковать за «непомерное раздувание» и «неправомочный перенос» людских свойств и качеств, именно, способности дышать (*vitae*) и творить (*creatio*), перенос на «бездушный, мертвый, небоговдохновенный» окрестный *mir*; но если признать за ними, робкими и непомерными, их подлинную заслугу в свершении нужного первого шага, то останется только шагать и шагать дальше; эти греки, эти фантастически емкие *παν*, *ἴλη* и *ζόη* столько уж лет намекают на возможность отринуть привычную похвальбу, пусть и самого высокого полета (человек – даже «не статический центр мира, как он долго полагал, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» – поддакивал же о. Тейяр), и понять, наконец, что «много прекраснее» видеть себя лишь отблеском всеобщего, океанического Целого.

Свобода воли. Эта тема, одна из самых неподатливых для аналитики, уже потребовала столько бумаги, пергамента и папируса, столько типографской краски, чернил и даже крови, что, право же, остается... закрыть ее. Категорически так. Мы создали величайшие из забав современной цивилизации – представления об «эволюции», «прогессе», «свободе» или, наконец, «культуре», – и всегда верили, что оправдание им так или иначе находится, будь то тончайшая диалектика свободы и необходимости, доброе ли присутствие Бога в делах земных. А проблема-то видится ошибочно. И всё из-за путаницы (или расхождения) «единичности» и «единого»: единичное возомнило себя свободным, то есть единым, подлинно единому же нет дела до заблуждений и маяты всяческой мелюзги, единое *просто живет* единичным. О том же, поясню «на пальцах»: если ноготь мизинца левой ноги вполне резонно обнаружил свое родство с голенью, бедрами, грудью и даже с голубыми очами где-то вверху, у облаков, а обнаруживши, поместил себя в центре, ибо всё служит, посчитал, именно

его благополучию, – и сердцебиение, и ход желудочных соков, и шорохи в отдаленном мотке нейронов, то *всё тело*, всё это «околоногтевое окружение» всегда останется при своих планах и делах, разве только иногда этому «центру» станет ножницами окорачивать его слегка выросшие границы.

Жажда бессмертия. Именно жажда – до трясущихся рук и трещин на пересохших губах, а не спокойная, полеживая, «мечта о...» – преследует человечество. Мысль человеческая остается в противоречии с тем очевидным фактом, что люди умирали, умирают и будут умирать. Мысль жива убежденностью, что мы бессмертны. Если считать бессмертной душу, то для верующего открывается перспектива, дано помнить о судьбе тех блаженных счастливых, что возведены за дела богоугодные в чин ангелов, святых, титанов, апсар или вроде того. Атеисту более сподручно рассчитывать, конечно, не на Высшие Силы, а ожидать воздаяний от благодарного сообщества (культура такова!) или от возлюбленных своих потомков. При любом касательстве до бессмертия стало удобно трактовать собственные границы весьма расширительно.

Потому, в итоге, не столь уж и великом новаторством будет философски постоять на кромке моря и будто бы впервые услышать могучий рокот прибоя и вместо привычной линии горизонта увидеть величественный Океан Океана. И тихо прошептать только для себя: *Море – бессмертно...*

Потом добавить, счастливо улыбаясь:

– И я – вместе с ним...

Декабрь 1987, январь 1988

P.S. Спустя десять лет – на исходе декабрь 1996 года – близкие настроения (только много лучше выраженные) нашёл у хорошего поэта:

*.....В начале был единый Океан,
Дымившийся на раскаленном ложе.
И в этом жарком лоне завязался
Неразрешимый узел жизни: плоть,
Пронзенная дыханьем и биеньем.
Планета стыла.
Жизни разгорались.
Наши пращур, что из охлажденных вод
Свой рыбий остов выволок на землю,
В себе унес весь древний Океан
С дыханием приливов и отливов,
С первичной теплотой и солью вод –
Живую кровь, струящуюся в жилах.*

\ М. Волошин. Путьяи Каина, гл. 2. Огонь. Сложено в 1923 г.\

P.P.S. По состоянию на сегодняшний день (*май 2020*), для справки по теме «океантического чувства» в философии и литературе, могу указать работы филолога Владимира Топорова «О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах» (1991) и философа Валерия Петрова «“Океан бытия, жизни и разума” в философской, мистической и психоаналитической традициях» (2015). А из собственных изысканий прибавить нечего, разве что недавнюю (*осень 2016*) медитацию об одном «морском» стихотворении П. Валери, в жанре Ехемпра (еще не публиковал):

ДУМАЯ О ВАЛЕРИ

Приморское кладбище в *Sète*.
На камне-надгробии Поэта
можно прочесть –
Ô récompense après une pensée
Qu'un long regard sur le calme des dieux!
заключительную строфу
первого шестистишия
его «*Le Cimetière marin*».
Знаю несколько переводов,
и есть один почти дословный:
Внимать покой богов – сколь дорогая
За долготу мысли плата мне дана!
или, чуть лучше, чуть яснее, такой:
О воздаянье после размышленья –
Взор, созерцающий покой богов!
Поэт, кажется, целую жизнь
только и размышлял, что
о «состояниях духа»,
думал – о мысли,

и это явственно округленное, итожащее размышление вылилось в эпитафию с приморского кладбища. Но, кажется, эпитафия останется малопонятной, если не принять во внимание ключевой эпитаграф, предпосланный поэтом стиху, – он взят из Третьей «Пифийской песни» Пиндара:

Μη, φίλα ψυχή, βίον ἀθανάτων σπεύδε,
ταῦ δ' ἔμρακτον ἀντλεῖ μαχάρον
или, в переводе М. Гаспарова,
Не питай бессмертия, милая душа –
обопри на себя лишь посильное.

Увещеванию «милой»
на могиле *Valéry*,
да еще с видом
на море – самое место.

P.P.P.S. Прибавлю также, пока не закончил составлять сей выпуск, после случайно схваченного кадра телепередачи о технических и научных предвидениях Жюль Верна (*август 2020*), отрывок из романа «Двадцать тысяч лье под водой», с детства любимого:

«... но тут капитан Немо обернулся в мою сторону и без всяких предисловий сказал:

— Взгляните-ка на океан, господин профессор, разве это не живое существо? Порою гневное, порою нежное! Ночью он спал, как и мы, и вот просыпается в добром расположении духа после покойного сна!

Ни приветствия, ни пожелания доброго утра! Казалось, этот загадочный человек продолжает начатый разговор.

— Посмотрите, – говорил он, – океан пробуждается под ласкою солнечных лучей! Он начинает дневную жизнь! Как любопытно наблюдать за проявлениями жизнедеятельности его организма! У него есть сердце, есть артерии, и я вполне согласен с ученым Мори, который открыл в мировом океане циркуляцию воды, столь же реальную, как циркуляция крови в жилах живого существа...»

Начало

В «Сказании Фомы израильского, философа, о детстве Христа», содержится одно воистину чудесное место. Я не беру в расчет, ясное дело, традиционные исцеления, случаи «умре воссташе» или – чуть более экстраординарный – случай оживления глиняных воробышков. Обойду комментарием даже факт сказочной ирригационной деятельности способного еврейского мальчика («играл у брода через ручей и собрал в лужицы протекавшую воду, и сделал ее чистой и управлял ею одним своим словом»), как и закрою глаза на прочие прелести апокрифа, – и всё ради маленького происшествия из глав VI – VII его.

Между прочим: иным чудесам, если воспользоваться нехитрыми критериями газетчиков, в «Сказании» уделено намного меньше печатных знаков, нежели этому, на первый взгляд, самому приземленному и «нечудесному» свершению.

А было так, «начало таково». Некий учитель Закхей вознамерился поучаствовать в воспитании умного, по всему видно, сына почтенного Иосифа и начать решил с азбуки. Из уст «ученика» последовала отповедь: «Сначала, если ты знаешь, научи, что такое альфа, и тогда мы поверим тебе о бете». Поскольку притязания «учителя» оказались тривиальными, последнее слово осталось за юным Иисусом, – тот выказал, читаем, «неземную» образованность и сам поведал ученому «об устройстве [именно!] первой буквы», чем поверг Закхея в трепет.

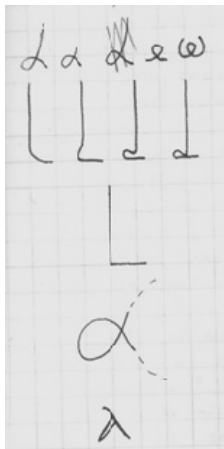
Дальше толковать не стоит. Зададимся вопросом, скорее наивным: а если нынче осчастливить кого размышлениями о «линиях первой буквы»,

много ли найдется тех, кто удивится или даже просто выслушает до конца да с участием?

Мне сейчас не 5–6 лет, как было Иисусу в описании Фомы, и давно уж пора выставлять на суд людской только взрослые идеи и зрелые мысли. Но как-то утешает и обнадеживает следующее обстоятельство. Согласно «Сказанию», Закхей *ничего* не понял из объяснений малыша, да и действительно трудно уразуметь, «сколь много символов выражено в написании первой буквы». Он бы понял вряд ли больше, если его о том же учил 36-летний. Потому что *не научный* это вопрос – о «концах и началах».

Отступать поздно. Придется совершить *путешествие по альфе*. Впрочем, мы тронулись с места уже при первом упоминании «Сказания».

В очертаниях *альфы* явственны, и это главное, и горизонтальная и вертикальная составляющие, без которых не построить ни идею пространства в естествознании, ни задуматься о Верховном Существо в теологии. Поспешим же дорогою перво-буквы:

соскользнув по крутому спуску из Града Небесного мы низринутись в земную юдоль и никакие порывы ввысь не отдалят нас от праха земного ибо от альфы до омеги нет пути земного...

или так: замысел и желание пребывали вверху вожделение пустой материи страдало внизу пока тьма была покрыта тьмою но вот простерлось поперёк вервие непростое связка сухого и не-сухого...

или так: абстрагируемся от состава и внутренней структуры веревки пренебрежем ее толщиной и устремим к нулю радиус полу-петли в точке касания препятствия получив перпендикуляр что и требовалось...

или так: округлая часть альфы рисует границу человека сквозь узкое окошко простершего свои усилия на охват грандиозного овала мира и простым пунктиром можно показать недогадливым что охвату этому нет скончания и человек всегда остается в начале движения и вверх и вширь...

Конечно, сплошь лукавство – все эти стилизации «под Августина», «аля Ригведа», «по-математически», и даже поддакивание себе, любимому, в русле «эомеридно-морских» настроений. Лукавство даже вдвойне, ибо я-то знаю, что автор «Сказания» знал совсем иную форму альфы: буква тогдашнего греческого унциала, на изломах острая и профилем постная, никак не вызывает тех ассоциаций, что извлечены только что из

«путешествия по букве». Не-та-альфа, по тяжеловесному описанию Фомы, имела «в середине черту, проходящую через пару линий, которые сходятся и расходятся, поворачиваются, три знака того же самого свойства, зависимые и поддерживающие друг друга одного размера»...

и тут пора сознаться, что, конечно же, «Евангелие детства» выступает для меня лишь как литературный зачин, а форма «азбучного начала» – лишь повод для размышлений не про какую-то «букву», но о *началах* бытия и познания.

И теперь, и в который раз за последние годы, снова встречаюсь с колоссальной тенью Павла Флоренского. [Виноват! Будем изживать штамп: не далее как с 3-го января с.г., посетивши выставку «Новое искусство – новый быт. 1917–1927», я перевожу образ отца Павла из царства теней (ибо ранее не встречал портретов его) в мир хотя бы зримых силуэтов; спасибо художнице Нине Яковлевне Симонович–Ефимовой].

Встречи и совпадения приключаются даже в малом. Вот и здесь, начиная писать «про альфу», вовсе и не помышлял упоминать его работу «Приведение чисел» (1916), но ведь именно там выступают на главных ролях и альфы плавных очертаний (в теории сравнений), и альфы византийского, времен Фомы ассортимента (в статье означающие некие «сродные числа»). Главная же встреча – на символе и его мощи.

Почему Флоренский так пристально всматривался в многообразные явления искусства, науки и философии, почему ратовал за строго поставленное изучение символизма всех времен (проект Symbolarium'a), почему столь храбро свершал заходы в любые, даже самые заброшенные штольни и многоходовки «крота истории», ответить вроде и несложно:

для новой теодицеи, обнаруживая бытие Творца.

Можно полагать, что знаки и символы нужны были ему и по причинам «лабораторно-цеховым» (как мухи-дрозофилы удобны в исследованиях генетиков), в них он яснее различал искомый ход от явления к сущности, от следствий к причинам, от движимого к движущему... от всего и вся – к Причине, к Началу.

Так и примеры с толкованиями «первой буквы», хоть у Фомы, хоть мои-кровные и полушутейные, как и непоказное удивление учителя Закхей вспомнить – они разве не о том же?

Январь 1988

Другая жизнь

Приютил я ее несколько лет назад, скорее всего, из жалости. Аккуратная, чистенькая брошюра лежала как-то отдельно от прочего книжного хлама «букиниста» (на Земляном валу) и вроде сама не просилась в

руки. То ли серой со строгостью обложкой своей отпугивала, то ли отстраняя непосвященных препеной названия: «общеиндоевропейское языковое состояние». А на титуле ее ютился дарственный росчерк, синими чернилами: «Дорогому Юлиану Григорьевичу Оксману¹⁷⁸ с сердечным приветом от **И.Т.** 9 X 67». Даритель – автор, Тронский Иосиф Моисеевич, филолог-классик божьей милостью – филологу-пушкинисту от Бога. Что подарок дошел до адресата, свидетельствует экслибрис Оксмана. Что ниточка сердечности не сегодня оборвалась и никого более не связует, ясно уже из того, что книжка оказалась на торгу. Лежала и ждала моих рук и тридцати копеек в кассу.

Из жалости, значит.

Не раз потом я брал осиротевшую стопку целлюлозы и перелистывал, особо не вникая и вряд ли замышляя понять текст в подробностях (двучленная классификация индохеттского... перестройка вокализма... противопоставление ряда наклонений, включая конъюнктив и оптатив...). Но исправно возвращался к листочку с автографом, будто он мог сообщить нечто большее, чем содержит суховатая формула традиционных ученых дарений: такому-то от такого-то с тем-то. Почему тянет меня к этой книжке, почему никак не избавлюсь от ощущения вины, словно взялся я за *стоящее* дело, обнадежил людей, а сам недееспособен, всё руки, мол, не доходят, почему?

Просто не объяснишь. Одно скажу без сомнений: заголовок этой заметки уже вобрал в себя столько смыслов, столько он единолично знает заранее, что все ниже-его-следующие словоизвержения будут только слабо намекать на суть дела, только намекать. Это по первости тебе померещилось, что книжка действительно сгодится для штудий по индоевропеистике, когда ты начнешь... *другую* жизнь. И так не поворачивай – будто просто надобно тебе постоянное напоминание о том особом, *другом* мире, где дышат чистым воздухом святой дружбы, где говорят о вечном и для вечности, где обыденному отведено место лишь в корявой внешности коряво-ремесленной терминологии. И не обольщайся, что ты, пришедши позже, подхватишь некий факел и понесешь, понесешь... На то, воистину, найдутся *другие*. И не уповай, что когда-нибудь преуспеешь на путях своего, пусть узкого, любомудрия – толкуя о нездешней жизни текста, о *другой*, семиотической его действительности, согретой людской заботой... Сам себя обрываю.

¹⁷⁸ Ю.Г. Оксман (05.01.1894–15.09.1970) перед войной пошел в ГУЛАГ на две пятилетки «за срыв подготовки» к Великому Юбилею Поэта, а в 1964 г. (за три года до дарения книги) был исключен из Союза писателей и «вычищен» из ИМЛИ (прим. август 2020).

Может быть, всего важнее в этой книжонке с чернильными конопушками на личике – да – ее несказуемость, ее вне-здесь-теперь устремленность. И, вместе с тем, ее наивная открытость доброму взгляду.

Разумеется, на примере случайного и даже нелогичного приобретения немалой давности я пытаюсь размышлять о *природе культуры*. Попытка с негодными средствами, обреченного на косноязычие. Попытка нащупать возможности другого языка, более сродственного природной несказуемости культуры. Попытка, обрекающая на *молчание*.

Здесь споткнулись Сартр и Витгенштейн, здесь не задерживаются торопыги и всезнайки, которым нет числа.

Февраль 1988

Три вопроса (к Океану)

Читал и смеялся. (Наверное, взамен зубоскальства больше бы тебе подошло посыпание головы пеплом). Заметка в журнале оповещала о том, как наши мыслители из одного академического, с громким названием, института «провели оптическое зондирование некоторых зон [зондирование... зон – изящно, зато научно-с] развитого волнения в акватории Каспийского моря с борта самолета-лаборатории “АН-30” с высоты более пяти километров» и, вестимо, «проанализировали всю динамику порождения и угасания пенных центров, а также попытались установить возможную взаимосвязь между ними». Результат – «никаких упорядоченных структур на волнующейся поверхности моря не возникает» – следует, конечно, ввести в реестр открытий Лагадо.

Так-таки людям делать нечего?!

На самом деле, нет ни одного *предмета* науки, коий следовало бы безоговорочно признать низменным, и нет *результата*, заранее обреченного на бессмысленность. Непочтенными могут оказаться только *цели* исследований. Кажется, именно эту «простую истину» я начинаю лучше понимать с тех пор, как догадался о Тайне Океана, вернее, заподозрил ее наличие. Вот и в данном случае с пеной и пены-испытателями многое следует простить, если учесть хотя бы модные ныне разговоры о «самоорганизации», «неравновесных структурах» и «необратимых процессах» (сам же положил немало сил на книжки Ильи Пригожина). Обидно только, когда интеллектуальные и физические траты (самолеты в воздух поднимать) не соизмеряются с масштабом и протяжением их идеи.

Тут поперхнувшись, я бы задал (*сейчас* бы задал – уверен и просто знаю, что многое может измениться *завтра*) прежде всего такие

ВОПРОСЫ ОКЕАНУ

где лежат границы его в пространстве?

ибо просто проследить линию прибоя или по карте оглядеть береговую линию будет маловато; так и человек не кончается поверх кожи тела;

чем и как он живет во времени?

наблюдать пену и пускать мыльные пузыри мы уже научились; теперь пора заняться сверхмедленными процессами;

что есть наша культура, цивилизация, жизнь?

адресованный именно к Океану, и Океаном рожденный, вопрос следует непосредственно из пересмотра пространственных и временных масштабов и Океана и Человека.

Напршивается, разумеется, и сомнение, нужны ли кому-нибудь *эти* вопросы, но я сделаю вид, что последнее вопрошание не в счет. Люблю сакральные числа вроде трех.

Февраль 1988

«А вот то будет, что и нас не будет»

Стародавнее присловье игумена Святогорского монастыря пришло к нам послезавтрашним: оно не только навеки сохранилось в черновиках Поэта возле наброска состава «Повестей Белкина», но и стало эпитафией (вполне себе недавнего) романа Андрея Битова. А ныне оно прорвалось в заголовки моих сирых «Опытов».

Слова странны, слова странствуют, слова – страны.

Много было планов порассуждать на тему «времени в романе», благо что текст «Пушкинского дома»¹⁷⁹ позволяет разгуляться всем, – и позитивисту от филологии, и романтику от философии. Но... своевольно явилась эта строчка, стала заголовком и сразу – итогом и выводом, и избавила меня от мук комментатора и позора болтуна.

А вот то будет, что и нас не будет. И в этом «и» – всё.

¹⁷⁹ Напомню для молодежи, что роман А. Битова распространялся в самиздате, был опубликован сначала (1978) «за бугром» и в Отечестве нашем вышел в трех номерах «Нового мира» за 1987 год, знаменуя приход «новых времен». Об этом журнальном чтении осталась короткая – один вопросы – запись в «Чтине» (п. 494, от 28 декабря 1987), см. «Тропу», выпуск второй.

Когда Любичеву стало 98...

... в кинозал на пятом этаже Института философии не ломались толпы жаждущих, а по Москве не плескались на ветрах афиши с портретом лысого и носатого Сократа из Ульяновска. Только-то человек тридцать тихохонько собрались на эти Вторые Любичевские, точно 5 апреля, в сократов день рождения, и все ради нескольких докладов, умных реплик и аккуратной полемики, а также для фильма «по поводу», и также ради выступления дочери «виновника». Вне плана был я, да еще в моем дипломате четыре листочка рукописи: «Из неклассического наследия А.А. Любичева: идея воплощения (формы)». Исписать их стоило уже для того, чтобы убедиться, что тема эта простирается явно выше моей макушки.

Было ли говорение часов с 10-ти утра до 6-ти вечера событием? *Событие* как – собрались люди с разных концов союза и вместе думали и жили, – это состоялось. *Событие* как – войдет в историю мысли, и не одно перо зафиксирует сие для вечности, – не скажу, сомневаюсь. А на окошках некоторых монад – останется. На стекле в моем окошке, например.

Размышления Юлия Анатольевича: среда русской интеллигенции – равенство и особенность каждого... обращаться к подлинным личностям важно для нашей перестройки... быть великим – не привилегия, а ощущение... из Мамардашвили: «сознание нуждается в большем сознании... методология естественно переходит в этику... – задело и царапнуло.

Радужное пятнышко оставил Олег Калинин, питерский математик: надоела мне ваша категориальная жвачка... что же вы, философы, не изучаете Любичева...

Запоминается светлое чело Рэма Баранцева, судившего о «целостности», принципе «неопределенности, дополнительности, совместности» и «греховной точности математики».

Из выступления Л.Г. Антипенко вынес порадовавшее утверждение, что наши мыслители давно бродят вокруг «идеи» и «формы» (Соловьев, Флоренский, Вавилов, тот же Любичев), а современные физики уже не очень опасаются говорить о «мгновенном» обмене свойствами и состояниями наряду с «инертным» обменом веществом и энергией.

Больно скрежетало песком по стеклу, когда В. Шуков напомнил о Пролеткульте и Лысенко, а один из выступающих сострел о достоинствах мата трехэтажного над матом бытовым: «эти менделисты-вейсманисты-морганисты»...

Не знаю, оставил ли хоть малую щербинку словесный пулемет В.Ю. Милитарева (раскованный малый), не уверен. Разве что запомнится напористый клич: поменьше печататься, побольше говорить и общаться.

– А фильм документальный, о Любичеве? Напряженное внимание и волнение зала передалось и мне мелкой тряской.

Апрель 1988

Подлинный Дали

Тимофеичу этот Дали – до лампочки. Но раз уж люди просят... но поскольку ветеранам войны почти всё дают вне очереди... и еще вон сколько народу стоит, мается... к тому же через два дня выставку закроют...

Сюрреалистичней ситуацию не придумаешь: тесть мой дорогой получил только одну дырку на фронте и еще жив уже для того, чтобы зятьёк его озадаченно потоптался возле куска картона, на коем жираф с пылающим загривком ехидно присоседился к паре смешных епископов с ихними готическими чепцами. – Нет, столкновения *рисованные* (или *описываемые*, или *воображаемые* – какой жанр предпочитаете?) все-таки слабей и глуше едва ли не любых казусов *в жизни*, – твердил я себе, покидая ГМИИ. Может быть, я оправдывал Дали.

Или искусство. Или себя. Или Тимофеича.

Творчество знаменитого испанца принципиально вторично. Об этом сразу догадываешься, стоит только взглянуть на серию его гравюр к лотреамоновым «Песням Мальдорора», или пройтись вдоль стенки с его «Мифологией». Первичное только вопрошает, вторичное разъясняет и комментирует. Ставят проблемы «перво-реалисты» Ге и Рембрандт, разъединяют и «раскладывают по полочкам» даже грамотные Кандинский и Дали – «второ-реалисты». Если одним жить страшно, то другим – скучно. Первые радуются там, где вторые забавляются. И только *гений вторичности* может оставить автограф на тысячах пустых листов, благословляя любые поделки «под Дали». Сам подлинный Дали – это всегда «под».

Май 1988

Горсть земли

Кошелек счастливых дней моей жизни вполне тощ (или существенно полон). Тремя золотыми монетками поблескивают в нем

18 декабря 1978, 21 ноября 1983, 12 декабря 1983 – дни,

когда я видел и слышал Лосева. Четвертая встреча оказалась последней и другой: Ваганьковское, 26 мая 1988, после полудня. Так близко – руку протяни! – мы еще не сходились, хотя он и третий день как «там», а я зачем-то пока дышу. Не было сил протянуть эту руку. И вот священник развернул белым голубеющий саван... коричневые крошки земли покрыли последнее лосевское ложе... навсегда скрылись дорогие черты орлиного профиля... маленьким линзам больше не посверкивать под широченным лбом... черная шапочка исчезла... тихо стало... Пытаюсь припомнить голос раба Божия Алексея. Тихо.

Накануне вечером дверь была открыта. Та самая дверь той самой квартиры № 20 в доме на Арбате, где возле кнопки звонка всегда белела довольно неказистая табличка «Проф. А.Ф. Лосев». Сколько бы я не заглядывал в заметный подъезд, дверь всегда была – наглухо. Самым хищным и вещным образом она олицетворяла образ той стены, которую я сам выстроил меж им и собой: можно было, наверное, постучаться и войти, но не посмел. – А теперь в стене зияет проход, правая – настежь – створка двери касается крышки гроба с крестом из лент, в тесную прихожую и на лестничную клетку вытеснился цуг многочисленных спин и понурых голов, пахнет воском и ладаном, глас певчих явственен в тиши и печали. Я снова не мог войти.

Он давно изготовился в дорогу. Первая строчка обращения к молодежи (это там, где – «Вали, ребята, вали!») начиналась у него так: «Уходя в бездну истории и подводя итог, могу сказать...» – а датирована она 4-м ноября 1981 года, до теперешнего мая еще будет столько воистину юношеских дел. И на вечере в МГПИ по случаю 90-летия он, помнится, обронил: «Поэтому вот вам завет умирающего Лосева...» На слове «умирающего» зал неподотчетно охнул и ощутимо притих далее. Когда же выступление воспроизвели в «Студенческом меридиане», слово это «поправили» – убрали вовсе. Нелепая гуманность... Разве сама жизнь Лосева не доказывает, что смерти нет, что есть только скучные телесные подробности, на которые грех и досадовать-то, коли тело напрочь побеждено духом...

Когда все разошлись, пришлось для верности совершить обход вокруг 40-го участка, чтобы вернуться к могиле и постоять – одному. Посвист синицы освежал воздух, легкие шелчки пламени на свечках не нарушали благостного порядка. Уходить не хотелось. Я не давал клятв и не размазывал слез по щекам. Я по-прежнему не знал, правильно ли прожил свои 36 с половиной (если не 36,6), и как жить дальше. Одно было ясней ясного, хотя тоже через «не-» буду говорить: об этих минутах, прожитых у свежего холма из цветов и земли русской, забыть не смогу. И еще, кажется, впервые не

хотелось уличать-упрекать себя в глупой сентиментальности, впервые не боялся раскиснуть, впервые, кажется, я был самим собой или, вернее, лучше себя... Лосев – умер.

Май 1988

ЧТИВО (продолжение)

Апрель 1992

30 Вяч. Пьецух. Заколдованная страна (Знамя, № 2, 1992)¹⁸⁰.

768 Авторская историософия в упаковке под обычный кухонный трёп. Приповерхностный юморок и маток над глубинной бездной отчаяния. Попытка отчуждения искони родного, попытка очертить круг априори необъятного. Недейственные объяснения: самое, допустим, правильное почему-то оказывается самым бесполезным... Ибо национальное суть предопределенное и потому мало объяснимое?

Май 1992

5 Г. Гессе. Игра в бисер.

769 Теперь я вспомнил (знание – род припоминания, да?), *что же* не удавалось никак уловить в улыбке Шивы Натараджы, скульптурки той бронзовой: уже несколько лет напряженного морщенья лба – позади. А вспоминал я, оказывается, недочитанную лет двадцать пять назад «Игру», *интонацию* «Игры». Теперь, конечно, старая музыка будет звучать во мне более отчетливо и вполне надежно.

А это: «В любом начале волшебство таится, / Оно нам в помощь, в нем защита наша», – поможет мне, верю, наконец-то начать и составить архи-обязательный текст о лосевской философии чуда.

14 А. Лосев. Владимир Соловьев и его время (М., 1990).

770 Еще один обязательный тон возьму из Соловьёвского:
Безмерное в его размер входило...

Алексей Федорович всю жизнь пахал и страдал, и заработал полное право перед самой смертью своей на прощальное «*Спасибо*» Соловьёву. Не смею претендовать на место в цепочке преемств, но свое право на итоговое «спасибо» великим буду зарабатывать, безусловно и без претензий.

17 Тень Баркова (Три века поэзии русского Эроса. М., 1992).

771 Как-то не пришлось в свое время слушать «битлов» (у нас на станции Войбокало было совсем худо с магнитофонами), или видеть

¹⁸⁰ Здесь начало второй тетради «Чтива». Читательские предпочтения, как и прежде, сосредоточились в основном на художественной литературе, оставаясь преимущественно «толсто-журнальными»; напомним, на дворе – время заката «перестройки». Но теперь станут заметно чаще появляться заметки о научных и философских текстах, ранее сознательно изгонявшиеся (не из круга чтения, конечно, – из описания особого). Кроме того, чтение постепенно переставало быть необходимой поддержкой в борьбе с «жизненными трудностями»: таковые всё чаще побеждали – так и потому появились тривиальные перерывы и пропуски в записях. И здесь читатель найдет, конечно, много специально-лосевских шуток.

великого и ужасного Фантомаса (наши поселковые ребята, помню, валом валили на кино в клуб деревни Горка – там только-только открывали *аж широкий экран*, а мне почему-то не захотелось), или читать про Луку Мудищева и попа-расстригу Ебикова (вместо этого наш товарищ авоськами книжки таскал из Шумской библиотеки, преимущественно, научную фантастику да про синхрофазотроны), а что до устной формы, то у нас циркулировал воровской фольклор, в мальчишеском пересказе, конечно. Что ж, прорехи в общем образовании никогда не поздно... *ухреначивать*.

18 А. Жолковский. НРЗБ (М., 1991).

772 По-народному *гребля*, культурно сказать *секс*, философски *притяжение двух начал*, а как ни поверни – не обойдешь, не обойдешься. Коды разные, расшифровка одна. Ибо «природа любит таиться», как говаривал старый греховодник Гераклит Эфесский, *природа*.

24 Д. Хармс. «Боже, какая ужасная жизнь» (Новый мир, № 2, 1992).

773 В публикациях дневников, записных книжек и прочего «для себя сделанного» есть род бесстыдства, наверное, *большого*, чем при размещении матерщины почти на каждой строке (как в сборнике Издательского центра театра «Пять вечеров», см. выше). – А ты не ходи с праздностью на кухню общественной столовой, – чего доброго, вдруг там подглядишь, как повар сморкается в кастрюлю с похлебкой!

24 В. Топоров. Миф о Тантале <...> (Палеобалканистика и античность. М., 1989).

774 Несомненно, автору интереснее и душевно ближе именно «онтологическое» этимологизирование, чем «профессиональное», чисто лингвистическое. Иначе бы не было так интересно, так вкусно следить за его работой, во всяком случае, в моем случае (повтор – прошая себе). В необъятном языковом Океане, где правит принцип *всё-во-всём*, только водительство титанов вроде В.Н. Топорова доведет до берега...

Нынче, когда начинаю прозревать нечто важное в принципиальной «*маргинальности*» бытия, образ Тантала и его прочтение (вселенское страдание = протянутость = распятость) оказываются как нельзя кстати.

26 В. Муравьев. <Философские заметки>. Внутренний путь (Вопросы философии, № 1, 1992).

775 Алексей Федорович, конечно, не «обломок», он – глыба, глыба громадной скалы высоты до небес, каковой была русская философия и русская культура Серебряного века. Вот еще – от той же скалы... Да, русская мысль, прежде всего, вне-рациональна, то бишь *конкретна*, поскольку «вопрос не в том, “что есть”, а в том, “что делать”». Слово как дело, может быть, дело единственное.

Июнь 1992

7 С. Аллилуева. Книга для внушек (Октябрь, № 6, 1991).

776 До сих пор ее писательской продукции не встречал. А эта книга оставляет впечатление двойственное: видны потенции, ощущается некоторая глубина, но все-таки побеждает настроение житейской смятенности и раздраженности, почти буквально ощущаешь, как трудно автору «ворочать языком», когда – тошно. Уж давно помер Иосиф Кровавый, а все еще окатывают нас холодные, стальные волны от того адского всплеска.

10 А. Лосев. Философия имени.

777 Читать Лосева выборочно – это все равно, что жарким летом нырять в пруд, на дне коего обильно бьют ключи: живо вон выскочишь. Читать основательно и сплошь – тогда уже не пруд, а целое море предстает пред тобой, потому одного глубокого вдоха не хватит, нужно ровное и мощное дыхание на долгое плавание. Откуда такому взяться?.. Кстати сказать, и сам Лосев пишет: «необозримый океан и чудное неистовство мысли, чудная и завораживающая картина самоутвержденного смысла и разумения» – это о мире диалектически понятом, о мире как имени. В этом мире нет непроходимых пропастей между «идеей» и «материей», между «звучком» и «смыслом»; да что там пропасти нет, – в этом мире, где «всё во всем», нет *никаких целей*.

Вижу, что почти повторил запись о Тантале, – но пусть так и останется. Большую тему, видимо, затронул.

13 Платон. Тимей.

778 Может быть, мой выбор и не самый удачный (начал «медленное чтение», здесь замышленное, с самого *недиалогического* из «Диалогов» и одного из самых *неплатоновских* «Диалогов Платона», – вспомним старые сплетни о плагиате у Филолая), но сам посыл *возьмись за Платона* надо было по необходимости, пусть и несколько судорожно, исполнять. Хотя бы для того, чтобы самолично убедиться, сколь правильно мнение, что мы (европейская культура), что вышли мы все если и не из «Тимея», то уж точно – из Платона. А если и «отошли» на время, то и вернемся к нему, то и возвращаемся. Все и каждый. Идём домой – к Платону...

25 Д. Мережковский. 14 декабря.

779 Наверное, это правда: в стране, где «рабство – с Богом», а «вольность – с дьяволом», где «на весах Иова» по одну сторону – *Картечи!* по другую – *Конституции!* – в такой стране всё дуалистично и разорвано. Как и это Декабрьское Восстание: «Мария без Марфы, душа без тела». Разумеется, потому таковой России «нужен еще Кто-то».

Июль 1992

4 С. Сошинский. Чудо обновления (Новый мир, № 6, 1992).

780 Посредничеством личности Алексея Федоровича начинаю все больше понимать значение *чуда*. Вроде бы получается, что встречи с «чудом как таковым» я ждал многие-многие годы. Даже 15-летней давности «экстраполяционный подход», при всем его внешнем позитивизме, был тем *знаком*, предвестием, указанием сегодняшнего прозрения. Тогда и всяческие случайные (как этот, из «Нового мира») тексты – и те закономерны, и те – почти, или без всякого «почти», родные¹⁸¹.

8 М. Пришвин. Дневники. 1914–1917 (М., 1991).

781 Финансово-бытовое наблюдение: ныне не только у лотошников, но у в госмагазинах есть и «чтение» и «чтиво» на любой вкус, – только плати! и вот все радости, в среднем, подскочили в цене в район сотни рэ, и на этом фоне за данный томик «содрали» сущий пустяк, добавивши к устаревшему номиналу 1991 года (5 рэ) аж 1 рэ 15 коп. Из-за этих копеек еще и помытарили – где нынче сыщешь мелочь?! Книга, в которой содержится столько ответов на наши сегодняшние вопросы, современностью-то и не оценена даже приблизительно. Вспоминая пришвинскую запись от 31 декабря 1917 года («учиться!»), остается с грустью констатировать: ничему мы не учились, не научились, да, похоже, *и не научимся*.

25 А. Ким. Поселок кентавров (Новый мир, № 7, 1992).

782 Помнится, так же неожиданно и крупно в свое время обрадовал «Альгист Данилов». Даже некоторая прямолинейность и назидательность, мол, вот как опасно строить (продумывать) инверсию декартовой максимы *cogito ergo sum*, – не отталкивают.

26 Дж. Холтон. Что такое «антинаука»? (Вопросы философии, № 2, 1992).

783 Но пускай тогда этот господин попробует отнести к данному «разряду» самое важное из творческого наследия Циолковского, Успенского, Флоренского... чтобы не слишком густо шло на –ий – прибавлю Лосева,

¹⁸¹ Когда делал эту читательскую пометку, еще не знал, что уже вскоре довольно близко познакомлюсь с *Сергеем Анатольевичем Сошинским*, да и вообще со всей группой исследователей, особо и почти профессионально занятых описанием чудесных событий в Русской православной церкви. Группа под руководством *Павла Васильевича Флоренского* действовала, начиная с 1999 года и работала долго, вплоть до прихода Патриарха Кирилла: надо полагать, случайно совпало, но к тому времени гигантский поток мироточений и поновлений икон (нельзя не отметить!) существенно пошел на спад. А первый собственный, вполне самостоятельный подход к затронутой здесь теме – целая серия работ в итоге получилась, – сделал в статье «Информация и чудо» (1994).

наконец! Похоже, ныне в истории мысли важный момент настал, – момент новой смены кожи у пресловутого змия познания. Грядет *другая наука*.

30 П. Филонов. Аналитическое искусство (М., 1990).

784 Наверное, этот питерский художник едва ли не первым в истории искусств – своим художеством, – в открытую проявил чисто-теургический момент человеческого творчества. Для достижения успеха ему нужно было не «просто» *уподобиться* Всевышнему, но и повторить Его путь от первых дней творения, т.е. *стать равным* Ему в каждой детали, в каждом атоме заново творимого бытия...Наверное, *Павлу Николаевичу Филонову* было вдвойне страшно умирать от голода в блокадном Ленинграде, – и как конечному существу из плоти и крови, и как человеку, в котором однажды просияла вечность.

Август 1992

3 Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского.

785 Сознаться так сознаться: читал этот важнейший текст больше впрок и даже по обязанности. – Так удручает и лишает всякого покоя и сосредоточенности электрически-грозовая тяжесть сего дня. Где ж тут тянуться до образца *подлинного* поведения? А насчет «порвалась связь времен» не скажу, не уполномочен. Связь эта пролегает в сердцах, в *каждом* сердце. И конкретно *это сердце* нынче пусто, не согрето, не соединимо.

12 XIII и XIV книги «Метафизики» Аристотеля.

786 Сию «Больше-чем-физику» бросил *расшифровывать* когда-то на книге X-й. Нынче судьба толкает под руку, и надо брать за дело «с конца». Чтобы понимать *защиту платонизма у Лосева*, надо знать *критику платонизма у Аристотеля*; чтобы покончить с аристотелизмом в себе, надо за волосы подволочь себя к «Метафизике»...

А что сказать о тексте? Характеристика целого: гениальный бред. Частность, более всего кристаллизующаяся (для меня) в перенасыщенной материи бреда: вижу подсказку для возможной (бредовой?) «реформы» математики – вижу здесь предвосхищение *несводимости чисел*.

20 П. Адо. Плотин, или Простота взгляда (М., 1991).

787 Вырвалось же как-то у Пастернака: «но сложное понятней им!» Им, людям «вообще», сподручно громоздить искусственные конструкции, нелепыми массами своими застывая свет... Полная сосредоточенность мысли, заряженность на точную формулировку, явственная духовная зоркость при утере собственного (физиологического) зрения, естественное, богоданное красноречие – эти платиновские качества, думаю, генетически присущи Лосеву. Кажется, «генетически» произношу здесь не в чисто фигуральном смысле.

28 Н. Сартр. Дар речи (Новый мир, № 4, 1990).

788 Сразу соглашусь, что – дар. (*Хоша и не за что даден людям*). Но где была бы речь без *молчания*, показывает мысленный эксперимент: отыска многочисленные тире в стихах Марины, или вот эти многоточия в философической прозе Натали, и что получится? Если всё, действительно, *договаривать*, то в стихах получишь Евтушенко, в прозе – Толстого (Льва). Слава Богу, есть еще и *дар молчания*, умного молчания. Сродного молитве, умному молчанию?

Сентябрь 1992

3 А.Н. Уайтхед. Приключения идей (М., 1990).

789 Один мой знакомый (весьма посредственный стихотворец, но не слишком плохой интуитивист) так рассуждал однажды: «А наша боль и маята / И радость в избранный момент / Есть для вселенной теплота, / Всех уравнений компонент»; такая вышла запоздалая «переформулировка» генеральной уайтхедовой мысли о роли *субъекта* в мировом *процессе*.

14 А. Лосев. Диалектика числа у Плотина (М., 1928).

790 Мне выдали на Арбате две книжки – этот, «бомбежечный» экземпляр, и «Критику платонизма» (целенькая, даже не разрезана), – из лосевских запасников. Читать было архи-трудно не потому, что содержание таково, или затрудняли обязанности видеть текст особыми глазами комментатора. Мешали пометки на полях (чьи, А.Ф. или В.М.?), мешали разводы грязи, известки и воды на страницах спасенной от пожара книжки. Не посмевшему на очное и прямое знакомство с Лосевым, мне эти *артефакты* – как рукопожатие его, поверх времен и смерти вопреки.

16 В. Бибихин. Философия и религия (Вопросы философии, № 7, 1992).

791 Хорошо – был свидетель – помню Володины вопрошания (на первых Лосевских чтениях), помню мое сильное сочувствие: вот, мол, как тяжело человеку жить и мыслить, даже на кафедре, при широкой публике не перестает мучиться своим слабо-голосием и около-мыслием... Но теперь что-то не воспринимаю целиком некоторые его интонации. Одно и то же – мыслить и быть? А мыслить и молчать? А молчать и молиться? Тогда самое естественное для настоящего философа – схи́ма и монастырь строгого устава, а не какие-то там диссертушечки и публикушечки. Не так?

17 Ю. Давыдов. Бурный Бурцев.

792 Брошюру «Протоколов сионских мудрецов», приобретенную в тот же день, что и «В погоне за провокаторами» Бурцева, читать не стали, видимо, никогда не буду. Вместо всего прочел предисловие Ю.В. Давыдова и тем увязал для себя *полную группу событий*. Пусть эти две книжицы так и стоят рядом на полке, пусть хранят невостребованными свои отжившие ярости и корчи.

17 А. Лосев. Критика платонизма у Аристотеля (М., 1929).

793 Прочтя эту защиту платонизма у Лосева, во многом (кажется, рывком) продвинулся в понимании самого Лосева, во всяком случае – *почему* он столь пристрастен к диалектике. Она дарует способ *видения* мира, должную меру жизненчувствия и, одновременно, само жизненчувствие. Да что там! Диалектика и есть *сама жизнь!* – Необходимейшая тривиальность.

30 А. Лосев. Русская философия (1918).

794 Молодой человек 25-ти лет и духом крылатый *обозревает* время и место, каковых он удостоился для жизни и творчества, и *прозревает*, чем и как сам одарит Россию и мир. «Новому откровению», «новой кристаллизации этого откровения» суждено будет сбыться примерно через десять лет...

(отпуск – гг. 789–794)

Октябрь 1992

9 Аристотель. Поэтика.

795 Куда большую часть времени на моем рабочем столе проводила (и в связи с «защитой платонизма у Лосева» – проводит ныне) Аристотелева «Метафизика». Но вот настал черед студенчества моей старшенькой, а с тем и черед «Поэтики» пришел: в паре с Леночкой невольно перечел *катехизис литераторов*.

21 Г.К. Честертон. Человек, который был Четвергом.

796 Вполне метафизический роман – по крайней мере, одного ряда с «Моби Диком», те же гонки за ускользающим Неведомым, – еще поразительно тесно граничит с жанром классического детектива, но (одновременно!) шеголяет броским румянцем сказки, первосортного мифа. Читал, читал, и было интересно, но добрался потихоньку до финала и... в ладошках мало чего осталась: факт не стал принципом, не стал даже эмпиреем, стал (остался?) именно пустотой.

25 Г.И. Чулков. Автоматические записи Вл. Соловьева (Вопросы философии, № 8, 1992).

797 Отец Павел Флоренский однажды обронил: «Две науки дурны, археология и политэкономия». Вот и в этой статье (текст поэта, культурного человека, существа чуткого и т.д.) сквозят сии непочтенные занятия. Науке всегда зачтется скрупулезное наблюдение, но никак не мелочное подглядывание, так?

Ноябрь 1992

24 С.С. Хоружий. Арьергардный бой. Мысль и миф Алексея Лосева (Вопросы философии, № 10, 1992).

798 Наверное, это – лучшее из того «суммарного», что сказано о Лосеве: автор с полным правом видит *практически всю* панораму русской философии, на ней верно указывая место *еще одной* значимой фигуры. И это

суть худшее, если оценку давать из стана лосевских поклонников: из трех драгоценностей – *число, диалектика, миф*, – первые две попросту осмеяны, третья же снисходительно отмечена как «перспективная».

Сие чтение было, воистину, мучительным для меня. Да еще злосчастный ноябрь, всегдашняя глобальная впадина моего годового цикла, – он не попадал настал и чтению, конечно, сильно напортил.

Декабрь 1992

Впадину исчерпал до самого доньшка. Впрочем, от почти планового минимума – пять «единиц правильной жизни» в месяц, – стал уже давно и безнадежно отставать. И никакого форсирования и надувания щек впредь не будет. Что будет, так тому и быть.

Январь 1993

1 А. Зиновьев. Зияющие высоты (М., 1990).

799 Расскажу немного только о девальвации: в 1991-м, когда книга появилась в продаже, нужно было отдать минимум 50 р. (и обегать в поисках всю Москву!), чтобы завладеть этим двухтомничком в мягкой обложке и с номиналом в 25 р.; пока я прособирился, «бестселлер перестройки» расхватали; в декабре 1992-го наткнулся на целый склад книги в нашей книжной забегаловке на ст. Зеленоградской (надо было только дождаться, когда этот сарай окажется открыт) и заплатил по номиналу, – но те же 25 р. теперь уже вовсе и не деньги... Книга опоздала на целую вечность, и меня разве что – на единственное действие подвигла: достал с антреселей и полистал в задумчивости старую «Комплексную логику» автора.

2 Э. Нагель, Д. Ньюмен. Теорема Гёделя (М., 1970).

800 С момента выхода в свет этой книжицы минуло без малого четверть века, но она упорно продолжает являться ко мне на стол, – как ей вздумается, так снова она – на меня смотрит...

Больше всего восторгов это красивое описание результатов Гёделя вызывало как раз тогда, когда читатель (те же 70-е годы) безоглядно верил в универсализм и всеислие логико-математических методов. Теперь сей читатель прошел школу конкретного и неформального творчества в радиолокации, да еще принял живительный антипозитивистский душ из-под тастика в руках сначала Шрейдера, потом Лосева, и теперь для него настало самое время очередной и уже более серьезной «гёделизации». Только не в смысле технического и методологического («кодирование»), а в смысле скорее мировоззренческого («покаяние») время пришло.

Большой (для меня), хотя и частный, наверное, вопрос: в какой же месте, где именно лежат гёделевские (метаматематические) номера – неужто в прежней, привычной, чисто числовой сфере?

6 А. Лосев. Музыка как предмет логики.

801 А Сергей Хоружий услышал (или, опосля анализа, усмотрел?) работу «искросыпительного» механизма в этой храброй попытке выявить «обще-диалектическую структуру разума», в этом уповании «осмыслить данность мира» и нащупать «логические скрепы сознания и бытия». Мне до сих пор чего-то больно сие слышать. За Лосева – больно, и грустно – за себя. В своем вечно мельтешащем и трудном бытии я тшусь, к примеру, постичь *само число*, но ведь, сказано, «число живет бесшумно»...

15 П. Флоренский. Детям моим. Воспоминанья прошлых дней (М., 1992).

802 Всячески наслаждался, читая, а как закончил – всё заслонило одно воспоминание, один факт, одно – главное: 8 декабря 1937 года, расстрел. Этот человек был, говорят, «прикасающимся к первым центрам истории, и природы, и богов, и людей», а ему – дыру в черепе, чтоб не прикасался. – Да уже за гибель одного только о. Павла коммунизм должен быть проклят!

26 А. Лосев. Театрал (Москва, №№ 2–4, 1992).

803 Бывшего «чистого», «воспитанного» и «умного» поклонника и знатока искусств сей *пьяный бред* («не выношу личностей»), как и *вещий сон* («обезьяний люд» вокруг гигантского фаллоса), как и *жуткий поступок* (сгорели заживо 480 душ, и 522 с тяжелыми ожогами – раблезианских масштабов цифирь) *демонстрируют* что – стадии падения? Нет, *отпадения* человека от Бога. Кто «потерял душу вещей», тот обречен жить в этом самом *мареве* «неизвестно чего». Последняя «категория», кажется, преследовала Лосева всю жизнь, хищная и страшная, чуждая и повседневная, неуловимая и неистребимая.

29 В. Иванов. У (М., 1990).

804 Вполне случайное санаторное чтение пересеклось именно с той точкой моего «жизненного пути», где я буквально *умучился* как-то «раскрывать» большую тему изоморфизмов «внутреннего» и «внешнего» (делаю текст «Защита платонизма у Лосева»). А ивановское «У» повествует как раз о лосевском «мареве» (да еще и в близких хронологических границах 1920-30-х годов), и само-то написано *мареву-подобно*. Корчи стилистики основного текста хорошо видны, хорошо оттеняются в соседстве с кристальной ясности эпиграфами.

Февраль 1993

2 В. Иванов. Кремль (М., 1990).

805 Да, именно «волшебный клубок бреда» (осколок поэтики «Подлинной истории Неизвестного солдата, спасшего Францию»)

водительствует воображением современного читателя романов того же А. Платонова и, как теперь могу смело констатировать, Вс. Иванова.

Самое подходящее было чтение, особенно на фоне и при наличии у бедного нашего читателя напрочь развороченных (санаторным злым стоматологом) челюстей.

4 А. Аверченко. Шутка мецената (Дружба народов, № 1, 1990).

806 Крепкая форма, прозрачный язык, естественный (не жопой высиженный) юмор, обязательная (извините) духовность – это вошло в список определяющих, характеристических признаков той скальной породы, на которой вечно стоять будет слава Серебряного века. (На пустяковом примере всё очень хорошо видно). И – плакать хочется: *что мы потеряли...*

6 К. Воннегут. Мать – тьма (Звезда, №№ 3, 4, 1991).

807 За преступления против самого себя... Больших и поменьше преступников, по которым плачет *такая* веревка, на белом свете – каждый второй. И все-таки вот же большой поступок: всю жизнь привыкли отмерять, *как все*, однажды осудить себя мерой *собственной*. Близко-жалко этого К.-младшего.

147 "Улисс" Джойса
Спасибо: сей час довольно приподнялся, тоби я соскочил.
ПРИПОДНЯЛСЯ – один раз да один раз чужь 1904 года иконательно
овеществились в 1921 году, заговорили по-русски в 1939-м и дали до
маса слова в 1993-м.
СЕЙ ЧАС – интервал дыта в Цейдальном веклок санатория г. Бога с 7 по
15 февраля лемного года в слани купания в бассейне, латания на 1929-м
и писание статьи о лосовских текстах.
КАКОБН – так дует ветер, тоби наклонил паруса, а люди рондаются, тоби дыта
сгасиливыли, а книги гыгают, тоби создават другие книги, а мир кники-
дываеат провети, тоби даовлава каждому охладиче.
ДОВОЛЬНО – одытаея возле свое "акма", цина не лосгичея, потому как
прида роман до слова, отщидло в руку, скалелило б "вкус", проволочилно
болало уж толи не досебали би цинки сегодичинго удоблевоения.
СПАСИБО – из всех способов зариксея вавь свои любовь восторга, радости,
придичельности, зависти, презрения, недружения, сожаления, а также уния,
обидания и осидания остаея вот так скромно склонить голову вавь.
Я – "идиалогично" дилегантил по отношению к людям чужь цинкисе, довольно
удобичивая тата к лоску "лових дора" видичения и довольно вавь
обязательство ташив на себе эдике "вегиче" темо.
СОСКОЧЛ – скромно вдет гыгаь эо слово в фигуруме, гудива предло
тег паркет, а я лосея в сторонке и лосаблюдю со стороны, докуда не сло-
мо удобичит эга брениная оболочка.
БОГУ – хогь и сказано, но "косе Госода Бога больше всех судал Шекспир",
нада завичивь лосея Творчов совершенным множеством "три" и лосовкупит
суда Джимса Джойса.
И – 1493

15 Д. Джойс. Улисс (Иностранная литература, №№ 1–12, 1989).

808 Генеральный счет *три минус два* (хорошее минус плохое) по пребыванию в Сочинском военном санатории:

«увы» – облил одеколоном новые зимние сапоги, вмененные нам для посильной коммерции (ибо денег в кармане – ни шиша), и Леночке вряд ли помогли местные снежные заряды в соединении с прогревами «мацестой»;

«ура» – существенно, хотя и с большим опозданием, разгрузил челюсти, и написал полторы статьи «вокруг Лосева», а еще *прочел это*.

Сколь всеобъемлюще и долговзвучно культурное эхо, исходящее от «Улисса», убеждаюсь даже на разноплановых репликах, удививших меня когда-то при получении от самых разных людей: от Серги – родственника (про бабулю «полную боевую раскраску»), от Марка Твена (девушка по имени «Алло, Центральная»), от Альберта Эйнштейна (этакий «оригинальный» теолого-юморок о «газообразном беспозвоночном»).

Делаю запись столь эмпирически-приземленной, почти бытовой, чтобы только взамен не оставлять нуль-значимого и трусливого многоточия.

(отпуск – нп. 803–808)

Март 1993

10 Медитации на тему о старой, традиционной, освященной, исторической орфографии, попоранной и искаженной врагом церкви Христовой и народа российского, изложенные в трех рассуждениях Дмитрием Лихачевым. Февраля 3 дня 1928 г. (Русская речь, № 1, 1993).

809 Как больно ломается привычное и укорененное, вполне можно судить уже по нашему – умеренно кровавому (пока), – времени. Чего ж тогда ждать от того *великого перелома*? А когда ни в копейку не ставится людская жизнь, следует ли ждать бережности по отношению к символу, к символикe? Ведь далеко не каждому ясно и по сей час, сколь символ – любой! – реален.

17 Ю. Вотинцев. Если завтра война?.. (Сов. секретно, № 2, 1993).

810 Наш дорогой ЮВ («самый техничный», как говорили, из генералов) кое-где привирает, конечно, и не везде «в курсе». Но все же сердце сладко заняло, когда посреди этого парада военно-космических сил, с подачи воспоминающего Вотинцева, попались строчки про «одну станцию дальнего обнаружения (главный конструктор Александр Мусатов)»...

Удивительно, однако, как вроде бы бездушные и нейтральные строчки условных значков-букв оказываются способными так *задеть за живое*, а то и предстать *самой жизнью*, пусть и прошедшей и, следовательно, умершей. Думаю, теперь-то в моих «Опытах» обязательно должна появиться ПРО-составляющая.

Год – 43 (3, 6)

Апрель 1993

13 Вен. Ерофеев. Моя маленькая лениниана (Юность, № 1, 1993).

811 Почти всё – *из классика*, от автора здесь – только *отбор*, только *выбор*. Воистину, подлинный творец, подлинный мастер обязан уметь *держатъ паузу*. Авторского столь мало, что редкие комментарии по ходу дела – скорее как оформленное *молчание*. От одного куска затвердевшего в

слове... темперамента вождя мирового пролетариата молча перелететь к другому, помолчать и там, и в полете всё думать, напряженно думать...

14 А. Лосев. Очерки античного символизма и мифологии (М., 1930).

812 О книге уже отписался разок (называется «Размышления на берегу океана»), нужно ли след и здесь оставить? Разве для порядку...

Слушая Лосева, ловя интонации его «умолкнувшей речи», вроде бы понимаешь одну очень страшную вещь, улавливаешь чрезвычайно страшную мысль... выскажусь с неряшливым повтором... что *мыслить* – *страшно*. Если браться за мысль, так скажем, до конца, то неизбежно забредёшь в глубины (где обитают гётевы Матери?) хтонической жути... Во всяком случае, иначе не могу понять и объяснить у Лосева этих тяжких обвинений, бросаемых в адрес платонизма, столь им любимого и ценимого.

22 А. Ремизов. Заветные сказы (В сборнике *Интерэпос*'а).

813 Почему бы и нет? Если писатель – это глас народа, то почему же народу однажды не матюгнуться – художественно-смачно. Впрочем, хороший фольклорист здесь явно затмил искусственного похабника.

24 Г. Иванов. Распад атома (В сборнике *Интерэпос*'а).

814 «И совсем как в Арагве, ... глухо в писсуаре шумит вода». Этакое пишется тоже тогда, когда всё додумывается до конца. *Мысль* – страшное оружие (еще раз!), если ею *разъемлется жизнь*... К тексту этому, однако, хочется вернуться еще раз, чтобы заглянуть туда, за край разверстой душевной наготы. Гнусная правда и противная точность – но какие они все-таки изобразили *чувства*?

Май 1993

30 И. Ефремов. Час Быка.

815 Конечно, хорошая научная фантастика очень удобна – и, думаю, Иван Ефремов этим сознательно пользуется, – весьма сподручна для полуправильной публикации всяческих сомнительных (или подчас прямо безумных?) идей маргинального характера, наподобие предполагаемого торжества диалектики в могущественной «геликоидальной симметрии», или творящих космических бездн Тамаса (= Меона), или соображений о глобальных опасностях взбаламучивания земных глубин, и т.п. Но еще на «Часе Быка» хорошо видно, сколько автору понадобилось *искусства выражения*, когда дозволена лишь самая малость, когда маргинальна сама возможность оригинального мышления.

Июнь 1993

14 С. Лем. Эдем.

816 Перечел – захотелось соленького. Ощущение ближе всего к старинному (из раннего детства) впечатлению от чтения «Робинзона Крузо»:

волнующая и даже какая-то вожденная (до дрожи в коленках) примерка на себя абсолютно невозможного и недостижимого.

28 А. Рожин. Сальвадор Дали: миф и реальность (М., 1992)

817 «Но где же оно, небо? Что оно такое?» – настойчиво спрашивает этот художник. А всезнающие искусствоведы числят за ним «абсолютное видение реального, где любая очевидность таит загадку». Слепцы восхваляют глаз, зрячий сетует на его несовершенство.

Июль 1993

24 Ф. Гойя. Капричос (М., 1992).

818 Книг, сколько вокруг стало книг... И художественных альбомов... Читать и смотреть явно не успеваю. Но на этот альбом знаменитых офортов Гойи время как-то само нашлось. Долго не мог с ним расстаться.

Поразительно *про нас* эти двухсотлетней давности фантазмы. Особенно те: 20. Вот они и ощипаны, 29. Вот это называется читать, 43. Сон разума рождает чудовищ, 50. Сурки, 53. Какой златоуст! 63. Какие важные персоны! 80. Уже пора. – Даже нет сил чисто внешне (эстетически) порадоваться текстам и изображениям к ним: столь ничего в общественной жизни (и в человеке как таковом?) не меняется – и не изменится впредь?

Август 1993

2 А. Лосев. Письма из лагеря и в лагерь (сб.: Встреча. СПб., 1993).

819 В конце июля у лотошников появились и *моя книга* (первый том собрания сочинений Лосева в «Мысли», – слава Богу, дождалась!), и питерская книжка лосевской прозы. Обе тянут на 2000–2500 рэ. Удостоен дарения и той и другой от Азы Алибековны. И первое, что прочел – эти *письма оттуда*. Лучше бы не читать...

14 А. Лосев. Диалектика художественной формы (М., 1927).

820 Вроде как можно рапортовать (победно): вот и проштудировал все восемь знаменитых книг «раннего» Лосева, плюс все тома великой «Эстетики» тоже. Но скорее лучше отмолчаться (покаянно): прошло ровно шестнадцать лет с того момента, когда я понял (для себя), что Лосев – явление чрезвычайное. Долго же я карабкался!

15 А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу (СПб., 1992).

821 Все-таки поощрил себя за усердие на ниве *лосеведения*. Да и трудно было удержаться и не купить знатно сделанную книгу: золотое тиснение на обложке, очень «реалистичные» иллюстрации, бумага – по нынешним временам – весьма не дурна. Это было, кажется, четвертое или пятое чтение. Повторное – но без всякого «перебора». И новая встреча очень

даже вовремя случилась: лишь ныне начинаю по-настоящему догадываться, что *чудо* и *чародейство* в повседневном, – вовсе не выдумка, а очевидность.

17 А. Лосев. Вещь и имя.

822 Архивный текст из книги, в которой и мое участие означено послесловием (названо «“Античный космос и современная наука” и современная наука») – и до сих пор удивляюсь своей храбрости! и мало утешает даже недавняя информация Азы Алибековны, что в парижской «Русской мысли» есть положительный отзыв «на нас».

Все-таки – остро ощущаю, – я еще не извлек из творческого наследия Лосева нечто главное, зерновое, пра-феноменальное. Кажется, оно все-таки лежит где-то в недрах имяславия. «Имя Божие есть Бог, но...».

31 А. Лосев. Трио Чайковского.

823 «Познавать, это ведь так усладительно, так красиво, так музыкально!» Подпись – А.Ф. Лосев. Но обязательно следует добавить: «Господи, зачем Ты создал меня?!», пусть и без подписи. Сумма несложимого в нем чрезвычайно велика и, может быть, необъятна, – и *высшая чувственность* (с нею «умирать светло становится»), и *высший аналитизм* («музыка, математика и философия – одно и то же»; присовокупить сюда тонны диалектических изощрений из трактата «Музыка как предмет логики») в самых немислимых дозах – и приемлема?!

Сентябрь 1993

5 Вяч. Вс. Иванов. Почему Сталин убил Горького? (Вопросы литературы, № 1, 1993).

824 Что можно узнать такого-разэтакого, поднапрягшись по части «изобличающих» бытовых подробностей, о подлинном лике наших подлинных интеллигентов? Что Бердяев в нервном тике не слишком красиво давился собственным языком? Что этакий Лосев беспардонно поедал сласти в раблезианских количествах? – А вот эти, эти...

15 А. Терц. Спокойной ночи (из Собрания сочинений, М., 1992).

825 Думаю, должны запомниться: гимн тюремным «свиданкам», пародийный «проект» пост-сталинского мироустройства, очень красивая дефиниция *лес* = *текст*. А впечатление в целом, пожалуй, таково: какая-то удивительно добротная (в полузабытом, старинном оттенке) литература, произросшая на скудном дерьме и гнусностях недавней жизни. Не жизни вообще, а очень конкретной, личной, Абрашкиной жизни.

30 В. Муравьев. Всеобщая производительная математика [1923].

826 Статья из антологии «русского космизма» проясняет не только, в частности, литературные и идейные связи Лосева с другими философами конца Серебряного века, но и странно соединяет – неожиданность?! –

натурфилософские искания немца Георга Кантора (см. его «Труды по теории множеств») с картинками «коммунистического будущего» у нашего Ивана Ефремова. Едина и обща тут какая-то особая *жажда* чистоты и ясности, но не чистоты «просто», но кристальной чистоты. Так выпукло-фигурно и системно-кристаллично *подлинное число*.

Октябрь 1993

ёк!

Ноябрь 1993

30 А. Лосев. О методе бесконечно-малых в логике (рук., 1942).

827 Сам извлек из недр кухонного шкафа (перед этим перебрал почти все папки предыдущих ярусов архива), сам едва ли не первым за много лет – раскрыл сие и стал примерять «к обстоятельствам времени и места», насколько это «пройдет», мол, для быстрой публикации... В моей исследовательской жизни явно настает новая пора; боюсь, быть ей не долгой. О рукописи, если бегло и сразу, можно сказать хотя бы – «льва по когтям». Везде типологии, везде синтезы тянул за собой этот могучий философский ум. Если бы судьба погнала Лосева в дворники (а не поманила, как здесь, перспективой проявить себя в области логики, ставшей всем нужной в 40-е годы), он бы составил вдохновенный портрет той же *метлы* – и по этой картинке тоже можно было бы успешно *обучать диалектике* студизусов.

Декабрь 1993

9 А. Лосев. Логическая теория числа (рукопись, 1943).

828 Делаю запись об этой книге (да, Лосев когда-то питал иллюзию о книжке, после двадцати с лишним лет молчания) уже в конце января, когда мои девочки толково и споро помогли с набором текста на персоналке, вот-вот нужно отдавать работу А.П. Огурцову в «Вопросы философии», – а я всё еще «продолжаю вынашивать» предисловие, и нет ни единой строчки. То ли время как-то по-своему спрессовалось, то ли я привычно и банально топчусь на месте. Но не могу избавиться от ощущения, что кто-то злокозненный будто придерживает мое перо, прямо не дает *приблизиться* к Лосеву.

Конечно, лосевская конструкция числа стоит в ряду себе подобных построений у Плотина, Прокла, Гегеля. И тут немножко проглядывает нечто если и не богоборческое, то уж точно – дерзостное: ведь *такое число* должно быть ближайшим к Творцу. И тогда наш Лосев, он же монах Андроник – дерзостный, получается, христианин.

19 А. Лосев. Женщина-мыслитель (публ. в «Москве», 1993).

829 Все номера журнала подарены Азой Алибековной, положение обязывало тут же читать и прочесть. Начинал почти по обязанности и даже с некоторой неохотой, кончал – с проснувшейся душой. Лосев для меня,

полагаю, стал ближе и роднее, и еще более лично необходим: можно, можно жить «в уме», «с умом» и все-таки оставаться цельным, не покалеченным.

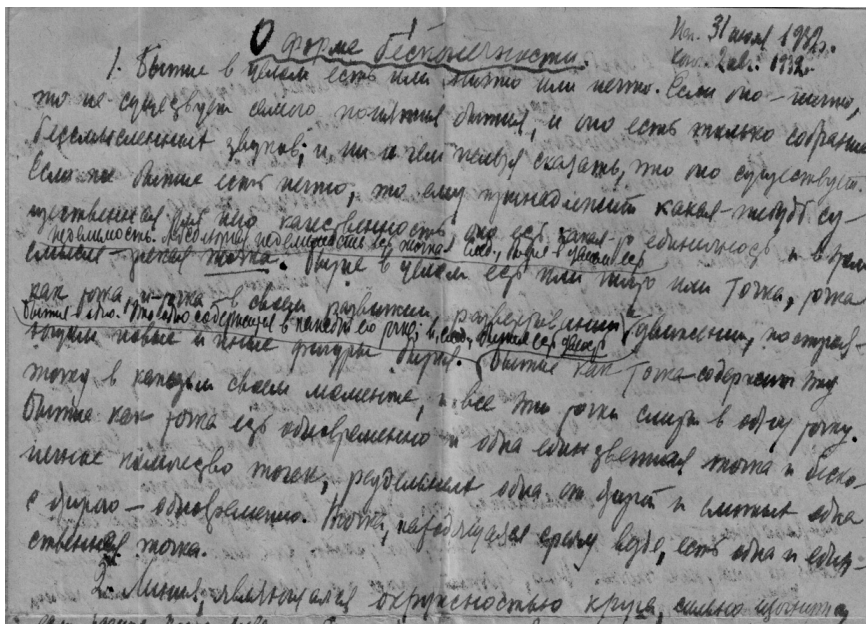
Январь 1994

ёк!

Февраль 1994

25 А. Лосев. Диалектические основы математики (рук., 1930-е).

830 Внушительный обломок грандиозного сооружения, вроде глыбы мрамора с фронтона Парфенона, – эта груда жухлых листов из черной папки с грубыми тесемками. Еще всё это предстоит расшифровать, перепечатать, продумать и прокомментировать, еще многое впереди... но уже ощутил главное: я всё боялся разочарований, а их всё нет как нет. Лосев действительно любил число, он долго – пристально и требовательно – всматривался в предмет сей. Любил и понимал, и всё, кажется, понял.

Март 1994

3 В. Суворов. Аквариум.

831 Дело, конечно, не в фактуре (что-то из тайных будней разведки), а в напоре. Чтобы так написать, мне бы, к примеру, данных и информации хватило б, однако надобно еще очень и очень озлиться, должен действовать некий могучий анти-эрос, что ли. Нечто вроде русского (русского-предателя) А. Хейли. Но, все-таки, местами было интересно просто следить за мыслью.

Июнь 1994

15 В. Налимов. В поисках иных смыслов (М., 1993).

832 Мир – тайна, мир – текст, мир – чудо. Много узнаваемого и близкого себе обнаруживаю здесь. И еще вновь зашевелились (где-то на периферии сознания, – в мозжечке, что ли?) старые мыслительные рефлексии насчет всяческих *универсальных метрик*. Неужто единая, даже сверх-единая геометрическая картина мира все-таки возможна, все-таки появится? И вопрос тогда – лишь вопрос времени?

18 Письмо А.Ф. Лосева К.Г. Локсу (30.05.1912).

833 Нашел его (ОР РГБ, ф. 646, к. 5, е. х. 5), переписал, перепечатал, отдам Азе Алибековне, – небось, опубликует где-нибудь. Как же не просто не только «большим», но и «малым» смыслам выплывать из тьмы небытия! Драгоценные крошки-свидетельства блистательной жизни: отдыхаю, говорит, а на повестке дня продолжение записок по Аристотелю, чтение Канта, проведение экзаменов – вместо крестного – при местной ЦПШ. Господи, сколько же еще нужно собрать этих крох, чтобы красивые и ужасные годы (10-20-е) обрисовались более-менее явственно?!

21 П. Флоренский. Отзыв о сочинении А. Туберовского «Воскресение Христово...» (Начала, № 4, 1993).

834 Должен согласиться с А.Т. Казаряном (он работал с этим текстом при подготовке публикации): сам «Отзыв» имеет громадное, действительно, значение для характеристики самого рецензента. Здесь отложилась или отозвалась неудовлетворенность о Павла собственным «Столпом». Скрытая самокритика. А я, бедняга, со стыдом вынужден вспомнить *свои*, как правило, формальные отзывы на авторефераты диссертаций (десятка два таковых было): эх, если бы в *нашей области* воцарилась такая творческая атмосфера, что жива была еще в богословской науке времен Флоренского! А еще глупцы твердят, что там и тогда настали уже кризис и упадок...

24 И. Акчурина. Топология и идентификация личности (Вопросы философии, № 5, 1994).

835 Уважаемый автор, вроде бы, свежо сопряг актуальную (из социальной сферы) тематику с новомодными веяниями математики, а получилось – или мне так кажется, – что он составил конспект некоторых давних рассуждений А.Ф. Лосева о математике: даже о «топосах» (с полным терминологическим и немалым смысловым совпадением!) тот рассуждал еще в 30-е годы, не говоря уж о глубинной онтологичности математических конструкций, «подстилающих», в лосевском понимании, бытие. Весьма интересна категория *идентичности* у Акчурина, она вполне созвучна моим

«экстраполяционным» настроениям. И еще – хороший материал вижу к параллели идейной Лосев – Хайдеггер.

25 Л. Карсавин. Поэма о смерти (М., 1992).

836 Если коротко: по сути – то, что Флоренский (см. «Отзыв») назвал «интимничаньем с Господом Богом», по замыслу – философия, по исполнению – поэзия. Впрочем, характер исполнительства продиктован профессией: потому для настоящего Поэта (хотя бы на страницах «Божественной комедии») вечно жива его *Беатриче*, умершая много лет назад, настоящему же Философу уже необходимо абстрагироваться от своего объекта поклонения и предмета философской рефлексии, нужно увидеть еще живую *Элените* сквозь пелену смерти. Тем самым, сама абстракция – только лишь аспект смерти, напоминает нам Лев Платонович.

30 В. Лакшин. Булгакиада.

837 Доброе и благодарное отношение к Михаилу Афанасьевичу, а еще чуть-чуть от великодушия небожителя, сквозящего в интонации повествования, а еще прозрачная ясность русского языка – запомнятся.

Июль 1994

1 С. Хоружий. Неопатристический синтез и русская философия (Вопросы философии, № 5, 1994).

838 Мое отношение к софиологии и имяславию, скорее всего, небеспристрастно: не умерла «первая любовь» к Флоренскому и «вторая» – к Лосеву. По-своему, конечно, *небес...* (определяет свое отношение к земле и небес-...ам) и наш автор. Итоговый, обобщающий и, вместе, сурово-значительный характер этого выступления (и городу и миру уверенно предназначенного) не может не вызывать почтительного, конечно же, отношения. Но – хочу спорить!

3 Х. Борхес. Девять эссе о Данте (Вопросы философии, № 1, 1994).

839 Разочаровала какая-то крохоборская манера, какое-то смачное пережевывание и бухгалтерский пересчет – вроде костяшками на проволоке механических счетов, – всех мыслимых, всех и всяческих (чаще всего – пустяковых) морально-психологических ситуаций. Неужели же, в самом деле, столь величественна *семантика* («эстетика») бессмертной «Комедии», и так ничтожна ее прагматика («этика»)? Или этот странный перекокс пролегает только в моих пристрастиях и предпочтениях?

10 А. Махов. Черед бросать кости: Бог, Николай Маркевич <...> и другие (Апокриф, № 2).

840 Соблазнился игривостью (так?) общего тона этого нового журнала. Вчитавшись, уловил, что здесь всё и обо всё толкуется вполне всерьез, хотя и делается этакий шутовской вид. Вот и автор прикидывается,

что пишет только сам и от себя, а не старательно подражает тому же Умберто Эко. Ну, и еще обращает на себя внимание откровенный европо-центризм, неприкрытое западничество вкусовых пристрастий автора. Всё вместе, странно, меня здесь не раздражает.

13 У. Эко. Имя Розы (Иностранная литература, №№ 8–10, 1988).

841 Выговор или даже строгий выговор вам, батенька: мог бы прочесть и пораньше! Давно уж зудит спина, давно мешает старая кожа. Здесь, в этом романе отложился концентрированный опыт творческого инобытия, смены ликов, художественной «реинкарнации» (что еще ведомо «нам, тогдашним монахам»?). Впрочем, мне, кажется, больше по душе очутиться в шкуре Кирика Новгородца, чем, скажем, Уильям из Оккама. Изощренности и сытости интеллектуальной не хочу, радости и голода неопита – жажду, в который раз.

26 Апулей. Апология, или Речь в защиту самого себя от обвинения в магии.

842 Раскрыл и читал больше по обязанности (мол, добавим в копилочку-с), но нашлись места, где увлекся по сути и даже смеялся. Как бы мне ни была неприятна и чужда эллинистическая риторика, я потихоньку принимаю, кажется, правила словесной игры античных любомудров. Да и как не принять, если от них пришли к нам не только типовые наборы «крылатых выражений», но и великое множество сюжетов и поводов поразмышлять, отталиваясь от совсем уж, казалось, пустячного. Чего стоит, к примеру, гранд-вопрос «в каком ухе звенит?» (дольше в культурном обиходе!), или вот это: «Мальчик упал, мальчик видел – уж не мальчик ли какой и закливание произносил?» (как не вспомнить сквозной мотивчик из «Клима Самгина»!). Да, античное – это духовное, и – на все времена и (почти) на все случаи.

29 В. Солоухин. При свете дня.

843 Читал, чтоб только дочитать. Образ Ленина меня уже *настолько* теперь *не волнует*, что чуть было не стал придирается к «внешности» книги – явно рыхлой, спешно написанной. Потом простил: своим «плохо-писанием» хороший литератор сказал больше, чем если бы распределил свои дары и удары более расчетливо, а к фактуре соотнесся более академично. Эффект получился – в аффекте, явно выраженном.

Август – сентябрь 1994

844–848 Достоин упоминания только одно – целенаправленная работа с пятью архивными работами А.Ф. Лосева по логике. Монадизм, цельность, энергичность этого мыслителя столь велики, что он без видимого труда успешно захватывал всё новые и новые области мысли... и даже, походя и с пользой для большого культурного дела, ассимилировал (приспособил) скучную марксистскую догматику.

Октябрь 1994

12 А. Лосев. *Самое само* (из третьего, тоже «моего» тома сочинений А.Ф. Лосева в «Мысли»).

849 Степень той самой философской subtilности и, одновременно, глубины и широты авторской (ход от самых мелких семечек арбузных до «логических скреп бытия»!) повергает, воистину, в трепет: *нечеловеческая мощь*... Спустя почти две тысячи лет со времен великих неоплатоников и гностиков в мире созрел голос, снова способный окликать бездну.

25 А. Голан. Миф и символ (М., 1993).

850 Две основные находки: а) одна мне особенно нравится – тщательно сплетенная единая сеть аргументации, загребаящая всю семиотическую мелочь в один громадный улов, и б) мне, правда, немного не по вкусу – но именно так может быть некрасив эмпирический факт в сравнении с вылизанной и выдуманной-таки теорией, – не по вкусу узловая идея универсальной оппозиции вселенских Мужа и Жены, да еще и с этакой тривиальной сменой их позы (позиции) по ходу космо-созительства.

Да, штудирование этой фундаментальной книги есть, надо прибавить, факт автобиографический. Так хоронятся мои прекраснодушные мечтания выстроить свой *Symbolarium*. Он, как видим, не только придуман и задан (Флоренский), но и уже построен однажды (Голан). Но, во всяком случае, на строго-системный и общезначимый манер такое строительство вряд ли возможно (результаты, добытые Ариэлем Голаном, это явно подтверждают), и мне остается разве что сугубо личный и, видимо, скорее лирико-эссеистический путь. Так что, стало быть, еще потрепыхаемся?!

Ноябрь 1994

3 Л. Иванова. Воспоминания. Книга об отце (М., 1992).

851 Не могу, конечно, судить, сколь большим композитором и органистом-исполнителем состоялся этот человек. Но даже по крошечным душевным блескам, столь обильно уснастившим страницы текста с весьма специфическим содержанием (биографические заметки, вовсе не мемуары), догадываешься: если *таков отблеск*, то сколь же мощно было само светило?!

Декабрь 1994

19 В.И. Иванов. Сочинения (четыре тома Брюссельского изд.).

852 Владел сокровищем две недели, – только полистать дали (Мила Гогоишвили оторвала от сердца), чтобы я выдавил из себя нечто «около-ивановское» для «Начал». То бишь, реализовал около-анховские идеи. Ко всему прочему, от этих пухлых томов в синих переплетах так разило табачищем их постоянного владельца, что я был единодушно (всей семьей, моим бабьим царством) изгнан на кухню, где в ночной тиши и одиночестве эти две недели и предавался, – восхищению и оторопи. И верится: столь

массированное и не столь уж серьезное обращение к одному *запаснику дерзновенней* когда-то повлечет другие, более трудные подвиги наши.

Январь 1995

ёк

Февраль 1995

20 К. Локс. Повесть об одном десятилетии (1907–1917).

853 Нашел массу любопытных деталей, подробностей и интонаций, относимых ко времени юности-молодости Алексея Федоровича; но, увы, о самом Лосеве – ни полслова [именно в рамках около-лосевских архивных изысканий заказывалась эта «единица» в РГАЛИ, и надежды некоторые были: сам же недавно установил, что они, по молодости, дружески общались, см. п. 833]. Слишком незаметен оказался на фоне иных ярких фигурантов «повести»? или просто чужд? жил и трудился тогда в слишком иной плоскости, нежели богемно настроенный Локс? Впрочем, даже и хорошо, а то нарвался бы на какое-нибудь дневниковое (в рабочем порядке и никак не для будущих исследователей, а для себя сделанное) определение, вроде того, что дано С.П. Боброву (между прочим, тоже знакомый Лосева): «клубок нервов и сборище моральных нечистот». Но уже ради характеристики Вяч. Иванова как «мистического ритора, без сомнения, опоздавшего родиться на полтора тысячелетия» – сказано под свежим впечатлением после авторского чтения мелопои «Человек», вещи загадочно-великой, – право же, стоило тратить время на внимательное изучение 200 страниц этого *прямого репортажа* из Серебряного века (сиречь, ф. 2554, оп. 2, е. х. 720).

Март 1995

ёк

Год – 22 (1, 83)

Апрель 1995

9 М. Костров. Дульные тормоза (Новый мир, № 1, 1995).

854 Чтение было едва ли не радостным, и даже почти дважды родственным, точнее, очень хорошо узнаваемым. Как *их повседневный быт*, видимо, похож на тот, что переживался-переносился когда-то моими родителями (в военном городке, только не на Чукотке, а на о. Шумушу в Курильской гряде), так и та *мелкая фактура*, что обильно доносится со страниц этой мемуарной повести, – сугубо армейскому человеку всегда «ближе к телу» не содержание директив и приказов, а практические приемы намотки портянок и доступные адреса веселых б...дей.

10 В. Залотуха. Великий поход за освобождение Индии (Новый мир, № 1, 1995).

855 Остроумно, смело, точно. Однажды изобретенная Лобачевским, диковинная *пан-геометрия* родилась в развитие одной из математических

аксиом и однажды нашла себе соответствие с подлинной реальностью. Так и эта пан-история (ее немалая часть или глава) – а она суть логическое развитие идеи «мировой революции», – обязательно должна иметь непустой «образ», хотя бы в чьих-то романтических головах. Так не было? – Так должно было быть. Товарищ Шишкин – рядом, он всегда с нами!

о садизме ее бесчисленных инквизиторов, забывает о неисчислимых ужасах "религиозных" войн, о том, что эта церковь освящала рабство и крепостное право.)

Наместники Христа на земле, князья церкви, епископы, религиозные философы и в наши дни остаются такими-же "гасителями разума" и человеконенавистниками какими они были всегда, а особенно с той поры, когда христианство было признано государственной религией. В рукописной копии нелегальной брошюры профессора философии Лосева "Дополнение к диалектике мира" сказано то самое, что ежедневно печатается в прессе политиканствующих эмигрантов, предателей трудового народа в прошлом, готовых предать его еще раз и завтра. Не считаясь с тем, что даже классовые враги Союза Советов признают факт культурного возрождения русской трудовой массы, философ Лосев пишет: "Россия кончилась с того момента, как народ перестал быть православным. Спасение русского народа я представляю себе в виде "святой Руси"! Но что-же такое, по мнению Лосева, представляет собою русский народ? Народ этот он характеризует так: "Рабочие и крестьяне безобразны, рабы в душе и по сознанию, обыденно скучны, подлы, глупы. Им свойственна зависть на все духовное, гениальное, матерщина, кабаки и циничное самодовольство в невежестве и бездействии".

о мске и много
кий
меты к
обно и
порок

ничего сказать - красивенький народ! И если-б профессор был мало мальски нормальный человек, он, разумеется, понял-бы, что из материала столь резко охаянного им невозможно создать "святую Русь", понял-бы и - повесился. Но профессор этот явно безумен, очевидно малограмотен и если дикие слова его кто-нибудь почувствует как удар, - это удар не только сумасшедшего, но и слепого. Конечно профессор - не один таков и наверное он действовал языком среди людей подобных ему, - таких-же морально разрушенных злобой и ослепленных эв. Что делать этим мелким, честолюбивым, гниленьким людям в стране, где с невероятным успехом действует молодой хозяин, рабочий класс, выдвигая из среды своей тысячи умных, талантливых строителей

12 М. Горький. Публицистические произведения (М., 1931, 1933).

856 В сугубо исследовательских целях решил погрузиться в контекст (с некоторых пор остро интересующей меня) статьи Горького «О борьбе с природой», а в итоге погрузился... да, *в самую тьму*. Строго по Волкову¹⁸². Выходит, что удар по философу Лосеву наносился писателем-гуманистом *воплне мимоходом*, ему и нужны-то были только «мелкие детали и подробности», чью-то капельку крови (или слез) хотелось смахнуть – только походя, для подкрепления своих абстрактных и общепользных построений. Только бы, мол, не посчитали, что он там, на солнечном Капри, оторвался от жизни советского народа. И дальше вскоре двинулся, умыв руки, – вернулся в СССР, в свою мраморную тюрьму на Малой Никитской, чтобы в комфорте и тишине дописывать роман, про себя и про нас эпопею.

13 А. Сараджев. Против поповско-идеалистической реакции (Правда, 14.05.1930, рецензия на семь книг А.Ф. Лосева).

857 Своим упорным рытьем в толщах химкинских подшивок газет я добился только головной боли и рези в глазах, причем надолго – это для себя, извините, лично. А для других? Нужны ли сейчас хоть кому-то все эти библиографические ссылки и объективное «как было»? Кажется, меня лишь немного утешает и успокаивает одна цитатка из Горького (ее не найти в собраниях сочинений классика, ибо сама статья «Происхождение бога» – цитата именно оттуда, – до сих пор нигде не опубликована). Тот однажды высказался по поводу атеистической пропаганды и насущной необходимости для него, деятельного богоборца, опускаться до мелкой возни со всяческими

¹⁸² Имеется в виду лагерная книга Олега Волкова «Погружение во тьму». Через три года, в октябре 1998 года довелось сделать на научной конференции доклад «вокруг Горького», назывался прямым: «О борьбе с природой и еще кое о чем».

После того выступления слово попросил *Владимир Николаевич Щелкачев* и, не отпуская моей руки и не давая сесть на свое место в зале, горячо заговорил о том, как это действительно важно и нужно именно сегодня – доискиваться правды о прошлом, выяснять все эти «архивные мелочи» (а я, для примера, уделил внимание «пустяку» – происхождению рукописных вставок в статье М. Горького), кто и что делал и что не делал в те трудные годы...

В.Н. Щелкачев, известный математик и признанный патриарх-теоретик в области нефтедобывающей промышленности, в молодости проходил по одному «делу» с Лосевыми, пережил тюрьму Лубянки, затем ссылку в Казахстан. Скончался он 13 апреля 2005 года, на 98-м году жизни. Судьба (то бишь жизнь сама) подарила мне несколько памятных встреч и многочасовых бесед с этим замечательным православным человеком.

библейскими «подробностями»: ибо, «чтобы разрушить здание, надо знать, как построено оно» (ИМЛИ, ПСГ 4–35–1, л. 14).

14 А. Кобзев. Учение о символах и числах в китайской классической философии (М., 1994).

858 О, да, тема *Восток – Запад* и благословенна и непочерпаема одновременно, она – классическая культурная бездна, в которую проваливаются многие исследователи и мыслители. Только очень храбрым и сильным даны умения строить мост над-. Благополучно шел по такому мосту (спасибо, Артем Игоревич!) и радовался. И увидел (с моста открывшийся) непривычно-иной пейзаж *структурологии* и *аритмологии*. Вот где, оказывается, эйдетическое мышление – и сама эстетика наглядного, видимого победила европейский логос и логику!

17 А. Барков. О Мастере, Маргарите и Массолите (Киев, 1990).

859 Прелюбопытная брошюра. Особенно потому, что с недавних пор (чуждая мне) жизнь и судьба М. Горького настойчиво вползла в круг моих интересов. И тут, как нельзя кстати, много материалов для переработки и размышлений.

Хотя ключевая идея А.Н. Баркова – что, мол, в светлый образ *мастера* Булгаков умудрился вместить густую тень *великого пролетарского писателя*, – мне никак не близка, сама мысль о том, что фигура М. Горького и трагична и загадочна, это-то теперь стало мне очевидно.

Май 1995

4 В. Ерофеев. Русская красавица.

860 Ну, так что, талантливое всегда должно быть ориентировано «на любителя»? Что, без гиперсексуального кода нельзя донести «благие вести»? Что, телесные «низ» и «верх» так уж просто поменять местами? И что, красота не спасет-таки мир?

21 А. Ким. Онлирия (в «Новом мире»).

861 Вот еще одна большая *мифология*. Грёзы о земле и небе, так скажем. Параллельная или (?) перпендикулярная история. Думаю, здесь обнаруживается эхо (или гомология?) «Розы Мира».

Июнь 1995

21 Е. Замятин. Бич Божий.

862 Не знаю, как там насчет исторической достоверности (мне, во всяком случае, сомневаться не резон), но достоверность психологическая налицо. А еще явственно присутствие «злобы дня»: сей художественный экскурс во времена Приска и Атиллы был остро нужен в эпоху того же Замятина и Сталина. И нынче, кажется, нужен тоже...

Июль 1995

15 Переписка М. Горького с Г. Ягодой (в сб.: Неизвестный Горький, М., 1994).

863 Когда эта переписка пришла ко мне, я уже (пред)стал отнюдь не мальчиком: во всяком случае, подержал в руках рукописи самого Горького и убедился своими глазами, какой он был «гуманист». Так что довольно с меня этих *параллелей* (Горький – Ягода) и этих *пересечений* (Горький – Лосев). Достаточно узнать, что переписку готовила к печати Л.А. Спиридонова, а к ней-то мне и порекомендовали обратиться по ходу архивных поисков. Вот лето кончится – и вперед! И покончим с темой.

30 М. Пришвин. Дневники 1918–19 гг. (М., 1994).

864 Чтение (как бы яснее выразиться?) *пронзает*. И как *упрек* и как *завет*: как и тогда, сейчас везде и вокруг тоже «как рыба в спущенном пруду, лежит гнилая русская человечина» (чтобы *так же* видеть, мне не приходится особо напрягаться). Но еще Пришвин ощущал себя «душою старше, чем это наше событие» (т.е. та, давняя революция), я же – пацан пацаном очутился пред «событием» нынешним. М.П. явно больше преуспел потому, может быть, что душу нужно не только беречь, но и тренировать каждодневно.

Август 1995

20 Г. Климов. Князь мира сего.

865 С некоторой гадливостью констатирую, что читал сие, находясь возле чистейшей бездной Байкала (может быть, доброе и вечное поле его излучений и позволило не слишком всерьез отнестись к этой литературной продукции). Нет, мало сказать: это не просто «зоологический антисоветизм», как определил Николай Иванович Дудников, наш дорогой напарник по спуску на реке Турке, это – само *бесовство*, именно. Из каких *низин* глядеть и как же надо ненавидеть людей, и только лишь потому, что они – советские!

28 И. Ефремов. Туманность Андромеды (кажется, третье чтение).

866 Всего-то 30 лет прошло, а уже хорошо видно, сколь многое большой ученый и большой писатель предсказал абсолютно точно: цифровая запись книг и фильмов, видеотелефоны, полярные искусственные спутники, детальная стандартизация продукции, интеллектуальные усилители силы (роботизация), умелая перестройка молекулярных структур, – всё это есть, уже работает! Интимно, для себя лично радуюсь авторской гибкости и чуткости к диалектике, особенно касательно ее места в техническом прогрессе будущего (восхищение «подвижным покоем» – сказано точно по А.Ф. Лосеву! – нетронутой природы; логико-математическое исчисление преград перехода; волновая и мега-волновая механика). Даже и упрека в излишнем рационализме или технократизме не предъявишь человеку, который уже теперь, уже сейчас горячо предупреждает нас, сколь велики

издержки существования «на цепи разума». Придираться можно, пожалуй, только к отдельным терминам и ёмким на смыслы словечкам:

– «*репагулярное* исчисление», о математике будущего, исчислении *repagula*, лат. препятствие, – вроде формально правильно сказано, но на славянский слух смешно, ибо *проще пареной репы* так и слышится, или

– «*коммунистическое* общество»: суждено ли быть таковому когда-либо на белом свете, еще бабка надвое сказала, но, с другой стороны, не мог же Иван Ефремов позволить себе такую философско-языковую фронду и вещать о *симфоническом*, или *софийном*, или *соборном* обществе...

Сентябрь 1995

8 А. Лосев. Мирозрение Скрябина [1919].

867 Более 70 лет он только то и делал, что выявлял, устанавливал и детально изучал всяческие «типологии» (везде увидевши «системы»), как бы «переливчаты и сложны» они ни были. Так он решал для себя и настоящую «задачу христианина» – с тем и «пережить и изжить» некое современное культурное явление (состояние).

Октябрь 1995

3 <Об античных теориях числа>, рук. 1929.

868 Слишком рьяно взявшись за готовку *нового тома* для «Мысли», тома целиком «математического», чуть-было не допустил публикаторскую *плюху-с*. Действительно, «горячая» тема числа в античности – лосевская, вкус к типологиям и социологизму – тоже лосевский, поминание (всегда влопад) Георга Кантора – типично лосевское, даже отсылка к некоему неизданному труду автора по античным теориям числа есть в известной «Критике платонизма у Аристотеля» (1929). *Однако*, а также *но*: такое «вполне лосевское» предисловие к тексту почему-то помечено «Томск. 25 сент. 1929» (неужто и туда Лосева заносило?!), а манера цитирования древних авторов какая-то непривычная и, пожалуй, даже непрофессиональная... Дружно сошлись с Азой Алибековной на том, что этот «забойный материал» (только что прибыл из недр архива на Лубянке) принадлежит, скорее всего, перу Муравьева, корреспондента и «подельника» Лосева. И заодно дружно согласились, что дела архивно-публикаторские, ныне выпавшие на нашу долю – действительно, *тяжки*.

А текст сей надо, конечно, готовить к будущей жизни, – даром, что ли, я просидел над ним три вечера... Может быть, это – последнее, что успел создать Валериан Николаевич Муравьев. Да, последнее и пришедшее, буквально, с того последнего света.

16 С. Куняев. Сергей Есенин (Роман-газета, №№ 11, 12, 1995).

869 Благодарю за *фактуру*, порицаю за *фобии*. А вот Есенин... он за всё и за всех давно заплатил, и даже с лихвой, и даже за эту не слишком

талантливую *апологию*. Так «на всех» в ресторане покупают шампанское или коньяк: мол, последний раз гуляем!

Ноябрь 1995

15 Переписка А.Ф. Лосева с А.А. Мейером (Начала, №№ 2–4, 1994).

870 Публикация из архива Лосева, вошла в многострадальный сборник «Абсолютный миф Алексея Лосева». Интимные интонации – вроде бы так и должно быть в сугубо частной переписке 1930-х годов, – на деле касаются не только приватной стороны жизни конкретных, да еще и гонимых личностей (Алексея Федоровича, Александра Александровича), но и столь же внутреннего и глубокого в общем их деле, – в науке, философии, в думанье собственной головой. И еще: Лосев настойчиво задает вроде как Мейеру «трудные» свои вопросы, зная, что ответов на них нет, и о подлинных адресатах вопросов знает – самой философии, самому себе задаются они¹⁸³. Одинокое философское отчаянье запечатлено в сих документах.

25 *Н. Гудрик-Кларк*. Оккультные корни нацизма (СПб., 1994).

871 Сознаюсь, что купил, а затем и раскрыл том только для того, чтобы «пролистать», только ради того, чтобы поднабраться материала о *свастике* (последней, так уж случилось, посвящено очередное подарочное «к-шестнадцатому-января-срочно»). Кое-что, конечно, имеется. Но особенно поразила *симметрия* ситуаций, событий и настроений: тогдашняя Германия и сегодняшняя Россия странно схожи в апокалиптических ожиданиях, как и по части явственной религиозности «градуса» национализма. Только, паче чаяния, не хотелось бы еще наклепать – после видимых аналогий и сходств, – и прямых, действительных совпадений...

Декабрь 1995

10 *У. Голдинг*. Повелитель мух.

872 Перво-чтение случилось уже после увиденного (впервые) художественного фильма, потому сюжет легко узнавался, а социально-идеологическая сторона книги предстала несколько притушенной; первые чувства и эмоции были пощажены эдаким постепенным «вводом в тему».

¹⁸³ Через несколько лет мне посчастливится найти еще одно (и самое как раз «интимное») письмо А.Ф. Лосева к А.А. Мейеру. Оно уцелело в архивном собрании Научно-информационного центра «Мемориал» (г. Санкт-Петербург), и оказалось прощальным для двух мыслителей, чья высокая философская дружба родилась в сталинском концлагере. Мы еще раз опубликовали сохранившуюся переписку в журнале «Вопросы философии» (№ 3, 2000), придав всей публикации название (тоже) «Вопросы философии», – я предложил, и Аза Алибековна согласилась с таким непростым стилистическим решением. Так в главном философском журнале страны появились главные «вопросы <к> философии».

Зато фильм начисто не передал другую важную составляющую произведения – не донёс правильного описания, вернее, содержания и смысла *пейзажей острова*. Первозданная (до грехопадения?) природа у Голдинга – не только фон либо свидетель для описываемых человеческих гнусностей, но и соучастник, точнее, еще один активный *персонаж*, едва ли не заглавный тут.

12 Д. Фаулз. Подруга французского лейтенанта (в «Роман-газете»).

873 Взял в руки с тайным опасением – нет, не за объемы текста (как раз *самое то*, когда жуткий грипп валит с ног), но потому, что этот пронизательный Фаулз опять что-то сообщит *мне и обо мне*, чего я знать не желаю. – Сообщил-таки... Из изюминок поэтики надо запомнить систематическое ветвление фабулы и явственное участие сугубо вещных раритетов (старый пирс, чайная кружка) в семиотическом процессе литературного воспроизводства действительности.

20 А. Зиновьев. Мой дом – моя чужбина.

874 «Добил» через силу, чуть ли не для статистики (чтения). И не знаю, что тут больше было причиной, охлаждение ли к автору как к творцу общественно-значимых истин, раздражение ли за его «низкий стиль». Насильственное смешение *языков*, действительно, больно ранит... Еще больней как-то хлестанула (а через А.З. только припомнилась) случайная строчка из тома Иосифа Бродского: *хамство в скрестии с метафизикой*.

Январь 1996

15 А. Сухово-Кобылин. Учение Всемир. Инженерно-философские озарения (М., 1995).

875 Книжку покупать не хотел (не люблю мягкие гляцевые обложки, кои нынче в большом ходу, да и составительское дилетантство явно лезло в глаза), но все *скопил* и сразу же *купился*, стоило только промелькнуть перед глазами формулке, эдакой немудрящей: $0^\infty = 1$.

Надо же: недели две назад мучился и выискивал, какой же «реконструкцией» следует мне заполнить одну из лакун в лосевских «Диалектических основах математики» [а лакун и потерь в этом «бомбежечном» тексте не счесть!], да чтобы еще 0, 1 и ∞ были крепко соединены... и придумал именно такую формулу... и даже чуток загордился... и вот прочел... и, оказывается, целый век назад уже начертан этот шедевр любомудрия...

Может быть, действительно нет ничего нового под луной, и нет никакого индивидуального творчества, и нет никакого-такого времени, кое отделяет людей друг от друга: на одном общем дыхании и одним на всех движением мы (бывшие, сегодняшние, будущие) старательно вычерчиваем один-единственный росчерк *сотворения*.

10 И. Бродский. Стихи о зимней компании 1980-го года.

876 «Век скоро кончится, но раньше кончусь я...» Поэт точно знает (пред-знает, пред-чувствует) всё о себе и нечто главное – об истории, о большом времени. Припоминая, каким стихом для меня сейчас откликается его имя (тело – уже похоронили), почему-то вышел не на «Римские элегии» (думал – любимые), а на эти: «Скорость пули при низкой температуре...» Вчерашний Афган сомкнулся с сегодняшней Чечней; печальный оклик (грозный окрик?) донесся до нас через 15 условных единиц безусловной материи времени. Заключительные строфы [но как именно это – недавнюю смену нашей государственной атрибутики, – можно было тогда «знать»?!] отданы критическому разбору цветов российского флага: *красный* («краска стыда») весь ушел на кумач, *белый* – на замороженные пространства зимней земли да еще на «непорочного цвета яйца» глупых клушек, о *голубом* даже и говорить-то нельзя, только бессильный взмах руки кверху указывает на умолченное: «В стратосфере, всеми забытая, сучка...» Остается разве что *черный* – цвет копоти (допускаю, от свечи или керосиновой лампы), а еще цвет типографских значков, остается – да – творчество: «Если что-то чернеет, то только буквы. Как следы уцелевшего чудом зайца». Аж мурашки по коже бегут – так все точно и окончательно сложено. Слажено.

Страшная, злая, ультра-прозаичная колористика.

12 М. Дубинин. «Меркантильные обстоятельства» Пушкина (Родина, № 11, 1990).

877 Спасибо. Я люблю Пушкина и недолюблю (как и многие?) пушкинистов. Если он – «солнце» и т.д., то почему я не могу подставлять под его лучи свою щеку или, погревшись, почивать в тенечке: процесс сей не нуждается ни в каких особых посредниках, охранителях, толкователях, специалистах. И, думаю, чем больше Сашка Пушкин будет представлять в смертном, земном обличии (как здесь), тем больше щек он согреет и окрасит. Он – точно, умеет и сможет.

17 Е. Тахо-Годи. «Гиган» (Символ, № 33, 1995).

878 И Леночке спасибо, большое спасибо. Начинаю ощущать всю напряженную силу в этом худосочном, бледнолицом существе. А настоящее творчество – что ж, оно ведь *всегда о себе*, даже когда оказываешься в тени великих, когда о них невольно вспоминаешь (а тут еще и особый случай – когда приходится изо дня в день или, чаще, из ночи в ночь примерять на себя те же четыре стены кабинета «Гигана»).

20 Ch. Ford. Dmitrii Egorov: Mathematics and Religion in Moscow (M. I., vol. 13, № 2, 1991).

879 Какая представительная цепочка людских отношений выстроилась для этого ксерокса, на стол в софринской квартире в конце

концов улегшегося (моя «старшенькая» сделала оный в Политехнической библиотеке; мне указала на публикацию Аза Алибековна; ей звонил В.Н. Щелкачев; тому – С.С. Демидов «похвастался»), а результат-то: фи! Об имяславских делах нет, пожалуй, и намека. Громадный пласт, что означен в претенциозном заголовке, тем самым и на поверку остался – едва кокнули. Смогу ли я следом рыть дальше?

22.Б Пастернак. Зимняя ночь.

880 О том, что этим рифмованным строчкам – юбилей в полвека, привезла свежую весть с музыкального вечера в Консерватории моя «младшенькая» (по словам *Ольги Ивинской*, они разыскивали в ту ночь квартиру *Юдиной*, и нашли – по мерцающему свету от свечи).

... Всё большей плотью обрастают имена... Всё меньше в именах пустого звука... В любые выюги, войны, времена... Живет любовь... как творчество... как мука...

28 С. Франк. Предмет знания (СПб., 1995).

881 Еще год назад, прикидывая всяческие «надо» для послесловия к «математическому» тому лосевского собрания сочинений, наметил себе – проштудируй, мол, «Предмет знания» 1915 года. Но в Ленинке тома не оказалось (надо же!?), и дело застопорилось.

Своим чередом застопорилось и послесловие – до сего момента не могу собраться и одолеть собственную немоту (даже в отпуск специально пошел, дабы *потянуть его за язык*). И вот книга Франка *сама пришла* в руки. Чтобы помочь? Чтобы окончательно поставить незадачливого исследователя на место? Будет она попрекать либо понукать? – Ну, посмотрим.

Март 1996

6 В. Некрасов. Строение и мера линейных точечных областей (Томск, 1907).

882 Его вдохновили диковинные канторовы операции Adhärenz и Cohärenz, его питали надежды адекватным, как ему представлялось, аппаратом исследовать *часть и целое* бесконечности. А что заставило меня сделать несколько заходов в РГБ и щедро тратить драгоценное время на этот (сейчас совершенно не нужный «для дела») пухлый том с красивейшими бесчисленными чертежами?

Не ищу ли я, подозреваю, какую «большую формулу всего» – чтобы одним росчерком выразить невыразимое... объять необъятное... остановить подвижное...

Да, совсем не математическая, а чуть ли не алхимическая задача. Впрочем, прямой «навар» от этого чтения все-таки есть: в коллекцию *замечательных* (или даже великих) *триад* надо бы прибавить эту, особую некрасовскую триаду порядковых типов:

$\omega - * \omega - \bar{\omega}$.

11 С. Лем. Гигамеш («рецензия» из сб.: Абсолютная пустота).

883 Между прочим, это искусно инсценированное столкновение двух литературных миров (вселенных) хорошо демонстрирует реальность, наличие *актуальной бесконечности*. Обнаруживается удобный и подходящий, так скажем, масштаб. В культуре всё, может быть, в *равной степени* бесконечно, но всякий раз явлено – в разной степени *сокрытости*.

19 С. Аверинцев. Моя ностальгия (Новый мир, № 1, 1996).

884 Как всегда у Сергея Сергеевича, плотно уложенные и зигзагоподобные (в пространстве смысла выглядят как кривые Пеано) строчки текста выткали-выстлали нечто действительно целое. И это целое – законченный, акцентированный жест пустых ладоней вверх, к небу. Что выразило это бессильное движение, только личную хандру стареющего человека или, все-таки, настоящее вселенское бедствие? Думать.

23 В. Троицкий. Диалог со сложными техническими системами (1996).

885 Ясное дело, коллеги из Тверской академии спешили издать книжку к началу своей (юбилейной, XXV-й) конференции, для большего, так сказать, резонанса. Но явилось-то сие незаконнорожденное дитя на свет, именно, *во дни кометы*. Вышла *на счет три*: на моей памяти звучали имена комет Галлея (раз) и Когоутека (два), но их и увидеть не довелось, и совпадений астрономо-биографических не происходило, никаких особособытийных указаний не было. Но вот явилась (на счет три)... комета Хиакутаке... туманное пятнышко... брать на линии вдоль «ручки» Большой Медведицы... и хвост едва обозначен торчком вправо... если смотреть не на само пятно, но чуть влево от него...

Так что, спасибо братцу-японцу, уважил. И, видать, Бог все-таки *Троцю любит*. А этого «полковника от ППРО, капитана от философии» господина Троицкого?

26 Г. Миллер. Тропик Рака (Иностранная литература, №№ 7, 8, 1990).

886 О, тогда – да! Ежели ставишь целью «записать всё то, что было опущено в других книгах», и твоя книга определенно нужна как «пинок под зад Богу, Человеку, Судьбе, Времени, Любви, Красоте... всему чему хотите», то сподручнее всего вдохновляться, сознательно заглядывая «в эту раздолбанную щель б... ди» и через то оказаться – прямее пути нет, – «лицом к лицу с Абсолютом». Кто б спорил?!

Великолепны некоторые самоопределения (особенно там, где – «я знаю свою родословную»), убийственно точны литературные портреты (Гёте, Уитмен, Матисс) и описания пейзажей Парижа. Таковая твердость руки, подозреваю, воспитывается только регулярными похмельями и падениями рылом об асфальт. Надо бы, все-таки, прочесть другие части трилогии.

30 С. Лем. Насморк.

887 Безжалостно обрушенный поток реалий и подробностей сначала угнетает и отпугивает, потом-таки засасывает за собой, а под занавес ты уже и вовсе готов вполне сопереживать всем сюрреалистическим ударам (аллегорического) бреда героя. Да, симптомы архи-сложности нашей цивилизации, сложности критической величины – налицо. И фантастике здесь осталось не так уж много места, разве что, проявить себя в прихотливом сочетании нефантастических ситуаций. Не было? Так будет!

Год – 34 (2, 8)

Апрель 1996

6 Рукописи с выставки «Москва–Берлин» (ГМИИ).

888 Спустя месяц после первого (в день открытия) посещения специально пошел снова, чтобы без спешки глазеть не на стены (там преимущественно картины), а в витрины, – ради документов и рукописей. Видел *личины* и *хари* (множество «расстрельных» бумажек с доведенными до автоматизма, массовыми формулировками, со скорописью конвейера смерти; разглядывал – по поводу процесса над меньшевиками сотворено, – титул «Песни беспощадности для голоса с фортепиано» А. Давиденко), видел *лица* и *лики* (от Мандельштамовой руки список стихка «Мы живем, под собою не чуя...»), партитуры и «Поэмы огня» и «Ленинградской симфонии», вступление к «Зоо» Шкловского (грешен – люблю этот кунштюк времен заката Серебряного века!), одним решительным движением убитая первая редакция «Мастера и Маргариты»... и письма, много писем хороших людей), видел *личико*, тонкое и печальное, – случайной девчушки на скамье при входе на выставку, по правую от меня руку.

Имя этого ребенка заставило вздрогнуть, личико требует остановиться. Взрослые дяди и тети, – хоть и те, что расселись нынче на *этих* скамьях в полукружии Итальянского дворика, хоть и те, что оставили свои результаты для *этой* выставки, – они не имеют права играть только в собственные игры, забывая о существовании личика, *такого* чистого и ждущего.

10 С. Лем. Непобедимый.

889 Как и в «Эдеме», здесь мысленно проигрывается возможность встречи с неживой, принципиально неживой (рой, туча кристаллических частиц-монад) цивилизацией, и очередное поражение от нее. Проигрыш цивилизационного проигрыша. Чтобы не уступить хотя бы в малом эпизоде, человеку здесь приходится максимально не быть человеком (посредством прострации, предельного угашения мозговой активности). Получи яркое доказательство необходимости изучения, развития, держания про запас *альтернативных логик* социального бытия.

18 Н. Поровков. Подмосковная пирамида (МК, 16.04.1996).

890 Вот первая развернутая публикация о нашей Системе; еще была, того же автора, краткая заметка в «Красной звезде» за неделю до того.

Ревниво отыскивал ошибки и несообразности (они, разумеется, есть), радовался всенародному бенефису наших «картинок» (а что, вспомогательные программы явно фотогеничнее программ боевых!), с интересом узнал некоторые древние мифы и апокрифы (подозреваю вклад товарищей из НИИРПА). Думаю, тема стратегической ПРО еще будет «раскручена» на нынешних больших предвыборных скачках. Правду с кривдой – в общий политический хоровод!

26 *С. Лем.* Рукопись, найденная в ванне.

891 «Предисловие автора» было вызвано когда-то вполне частными издательскими обстоятельствами времен глобального противостояния двух «лагерей», но оно-таки оказывается полезным и для выявления более-менее общих, «вечных» смыслов. Тамашнее Здание – это, конечно, не американский Пентагон, оно – самостоятельная и самоценная реальность *Возможного*. Фантастика (мне иногда так кажется) суть игра с типологиями: позволяет хоть как-то удерживать перед глазами поле интегрального универсума, извлекая – на краткое время обособляя от целого, – более значимые и видимые на сей день подробности-таксоны.

28 *М. Булгаков.* Великий канцлер (сб.: Из лучших произведений. М., 1993).

892 Первое свидание с растерзанной (четвертованной, вернее, удвтретенной) первоначальной рукописью «Мастера и Маргариты» на выставке «Москва–Берлин» подвигло меня, в свой черед, на чтение данного текста, а последнее чтение – по цепочке культурных микро-событий, – оказалось значимым уже для выдвижения вопроса: «А чья шапочка надета писателем на мастера, и когда?» (в «Великом канцлере» шапочки еще нет). Мгновенно оформилась и гипотеза, где главную роль играет, с одной стороны, известный натурализм (объективизм) Михаила Афанасьевича, смело загружавшего реалии своего времени в вечность своих текстов, а с другой стороны, знаковое появление в его жизни П.С. Попова – «верного друга Пати»... Этот Пятя, точно, был в русле многих имяславских затей (я сам видел его подпись под «Манифестом» из следственного дела!) и вполне мог проговориться о *черной шапочке*, и даже о тайном монашестве А.Ф. и В.М. Не пора ли копнуть глубже¹⁸⁴ сию детективную историю?!

¹⁸⁴ Как же, копнул, не преминул. Статья «О безымянном мастере и его шапочке» вышла в журнале «Москва» (№ 11, 1996), ровнехонько к юбилею первой публикации романа М.А. Булгакова, и ее даже снова примостили в ноябрьском номере, как и тогда, по первости, 30 лет назад. Многие имяславские и некоторые предпологаемо-лосевские следы в «Мастере и Маргарите» проследил, как смог. И фигура несчастного Пати, замечу, здесь оказалась весьма кстати.

Май 1996

9 П. Флоренский. Анализ пространственности и времени... (М., 1993).

893 Прочел воистину *сплошь* (ранее знал те или иные фрагменты «Анализа», а когда приобрел книгу, ее тоже брал в руки от случая к случаю), наивно думая, что поднаберусь *опорных идей* для работы «Пространство и его очевидцы», – об исканиях Флоренского и Лосева. Разумеется, статья благополучно ушла в разряд прекраснородушных мечтаний. Теперь буду лелеять надежду, что сии построения о Павла помогут продвинуться в ином давнем проекте – при размышлениях над «Бесконечной “Троицей”».

30 И. Бродский. Осенний крик ястреба.

894 Кажется, поэтов можно типологизировать, или обозначать родовидовыми «именами», посредством неких ключевых картинок (зримых образов) из их же, возможно, лучших произведений. При этом почему-то удобны зооморфные элементы изображения. Так, Валерий Брюсов предстает для меня в образе *единорога*, крадущегося в сумраке столетнего бора (см. сонет «Ликорн»). Вот и Иосиф Бродский: он *ястреб* в парении над плоским, как блин, миром, но одновременно – и легкое *перо* с крыла этого ястреба... в медленно-губительном кружении... все ближе и ближе к земле... и вот, наконец, касание, не удар...

Июнь 1996

2 М. Боровой. Мой Чернобыль (в «Новом мире», без вых. данных).

895 Грозная действительность в самом драгоценном ее обличии – какой *сама показалась* неравнодушному очевидцу. Мелочи, которые не выдумашь, и которые даже «лучше» самой жизни: детский робот-игрушка; приключение во тьме, с нарушением заповедей «ликвидатора»; смутный психоз с заглядыванием в разверстую взрывом зону реактора. – Спасибо!

10 Д. Сэлинджер. Над пропастью во ржи (“The Catcher in the Rye”, «Ловец во ржи», создано в 1951 году, когда я только появился на свет).

896 Понимаю так: в человеке перемешано низменное и неземное, а рецепт смеси (чего – сколько) сознательно выброшен Творцом – вот и поди разберись! Тяжко людям, ощущающим себя нецелыми. Особое бедствие, когда они и действуют под диктатом одной своей «половинки». (Вот текст, который должен стать настольной книгой педагогов, вместо, к примеру, поверхностной «Поэмы» Макаренко, который тоже хотел воспарить «над». Даже многое у досточтимого Е. Богата я бы отодвинул за ненадобностью).

28 М. Цветаева. Герой труда (Наше наследие, № 5, 1988).

897 Беспощадно гвоздящие слова о брюсовском «навверняка» (в противопоставлении пушкинскому и, конечно, очень русскому «авось») и два воображаемых памятника поэту – в Риме («Скифскому римлянину») и в Москве («Герою труда»), – уже ради этих приобретений стоило листать почтенный журнал. И еще – М.Ц. мерси – сам стал, кажется, чуть вернее

ощущать разницу двух культур, а также двух (надеюсь, неравных!) долей в себе самом: выстроенной и выстраданной, рациональной и музыкальной.

29 Вяч. Иванов. Наш язык (1918).

898 Нашему народу русскому, до сих пор «немوتствующему *pro suo*» и лопочущему только что разобранное *по складам чужое*», нашей русской интеллигенции, для которой родной язык «уже не живая дубрава... а *свинцовый набор* печатника», это стародавнее напоминание будет как раз кстати. Или – давно и безнадежно опоздало?

Июль 1996

1 А. Солженицын. На изломах (Новый мир, № 6, 1996).

899 Автор – фотохудожник. Мгновенной вспышкой выхватил реалии российские, и вот замерли навечно фигуры – в застылом движении, в подвижном покое. Такова уж эта техника. А для выбора «кадра» и общей обработки деталей (проявить, закрепить, отбелить, глянцевать...) у А.И. множество собственных приемов и секретов, – на то он и мастер.

Надо же, откуда ни возьмись, выплыла в большую литературу тематика *противоракетной обороны*, пусть и в качестве (только) художественной декорации. А его авторская *филология* довольно забавно столкнулась с нашей *технологией*: извольте, господа и товарищи, видеть «*стрелебные комплексы*» и узнать, как эти умелые военные «по *возвратным* локаторным сигналам научились различать головки боевые от *показных беззарядных*» [тут, подчеркивая в цитатах, ревился уже я].

2 П. Флоренский. Моленные иконы Преподобного Сергия.

900 Почти безотчетно, почти через силу взялся читать именно эту работу отца Павла. Почему – ее, совсем не обязательную, и почему именно сегодня, накануне, между прочим, сугубо внешних и больших политических Выборов? Не указание ли то свыше, весть не от мира сего: мол, от темы триад и Троицы, от *Бесконечной Троицы* тебе уж никак не отвертеться? Тут – судьба, и нет никакой возможности выбирать...

3 Вяч. Иванов. Древний ужас.

901 М.И. Цветаева определила, что Вяч. Иванов «на тысячелетия перерос» (и – точка, фраза завершена), а Г.К. Локс, не сговариваясь, увидел в нем «мистического ритора, без сомнения опоздавшего родиться на полтора тысячелетия». Только такой человек в довольно пустой картине Бакста «*Horror antiquus*» мог прочесть «повесть о старинной тайне», услышать «далекую, глубинную песнь о родимом хаосе» и, в конце концов, увидеть «не пейзаж человеческих мер и человеческих восприятий, но икону родовых мук Матери–Геи». Для такой (видимо, подлинной?) памяти было достаточно самого ничтожного повода.

19 П. Палиевский. Шолохов и Булгаков (1993); *А. Вулис.* Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1991); *Б. Соколов* – точно то же название и год; *М. Чудакова.* Архив М.А. Булгакова (1976).

902 Стремительно спешу стать булгаковедом или, вернее сказать, ярим *мастермаргаритистом*. Без меня (за тридцать-то лет!) много напахали, целые школы и течения исследовательские основаны. Тут и текстологическая кропотливость Чудаковой, и феноменолого-натуралистические ассоциации Соколова, и размашистые воспарения Вулиса, и сердечная (или головная – тоже?) горячность Петра Васильевича – со страниц перечисленных книг пахло, – все учат, зовут, толкают, влекут за собой, каждый к своей правде. Одна из неведомых пока московских реалий 1920-х годов (имяславие!) дает мне, кажется, шанс влиться в сие большое и сложное течение собственной свежей стружкой. Лишь бы не усохнуть до срока.

24 В. Катаев. Алмазный мой венец (второе, более внимательное посещение).

903 Попрактиковавшись в чтении текстов и чуть более освоивши контексты, должен теперь понизить, конечно, градус похвал в адрес автора. Все-таки он вторичен – и в своем принципиальном «мовизме», вообще, и в довольно специфическом приеме именовании своих героев, в частности: тут и М. Булгаков, и О. Форш были не менее изобретательны, да и первенствовали, по правде говоря, Катаеву.

По-прежнему ценными остаются для меня только словесные детали и интонации, хотя бы в неслучайных и выстраданных эпитетах, «от свидетеля и очевидца» происходящие («рука сильной и доброй власти» – отгалкивался от сталинизма, «глухонемой демон» – о Пастернаке, и мн. др.).

28 А. Вулис. Близ «Мастера» (из кн.: *Вулис А.З.* Вакансии в моем альбоме. Ташкент, 1989).

904 Тоже свидетельские показания, и тоже ценны – хотя бы из-за сокращенной дистанции меж сердец. Проставлю для себя несколько *NB*: подробности первой публикации в журнале «Москва»; важные акценты из общений исследователя с Еленой Сергеевной (особенно: боязнь призрака «блудливого компилятора»); мощная исследовательская методология, против романтических настроенных «самолетопоклонников»; нажим на коллизию Булгаков – Сталин (инерция «монархического восприятия») и проблема «нравственных симметрий».

Свобода и выбор, судьба и случай – явно *близ «Мастера»* располагаются эти базовые дилеммы. Или даже в самой сути.

Август 1996

1 «Вечерняя Москва» (1928, 1929, январь – июнь 1930).

905 В несколько заходов (и надолго) посетивши Химкинское газетохранилище, вполне бесславно закончил поиски хоть каких-то откликов на

первые книги А.Ф. Лосева (смутных указаний на «Веч. Москву» пока оказалось, увы, недостаточно). Для порядку, еще остался массив 1927 года: держайте, юноша!.. Но *разных впечатлений* по ходу листания подшивок получил достаточно много. Вполне *погрузился в прошлое*. Прямо на глазах, по мере продвижения к 1930-му году, видишь, как растет агрессивность (большевистская боевитость) самых пустячных, казалось бы, публикаций.

Списал все заголовки «Вечёрки» за 14 апреля 1930 г., пусть будут как фон для подачи интересующих меня событий: звонок вождя Булгакову – арест Лосева – выстрел Маяковского. Вроде даже ощутил колебания неких вселенских весов, возле точки хрупкого равновесия.

2 А. Толстой. Егор Абозов.

906 Мой нерегулярный, хотя и довольно длительный поиск *около-вяч-ивановских-маргиналий* привел сюда, на кухню этих неоконченных произведений А.Н. Толстого (листал желтое собрание сочинений). Драматичная утеря бороды господина «Шишкова» – в крутом кутеже то случилось? или, по Лидии Ивановой, просто по неосторожности, прикуривая на ветру и на лекцию едучи, – послужила здесь поводом к серьезной реплике со стороны, так скажем, противоположного лагеря. В мелочишке околомитературной оставила след серьезнейшая идейная пр...

Сентябрь 1996

ёк

Октябрь 1996

23 «Так истязуется и распинается истина...» А.Ф. Лосев в рецензиях ОГПУ (Источник, № 4, 1996).

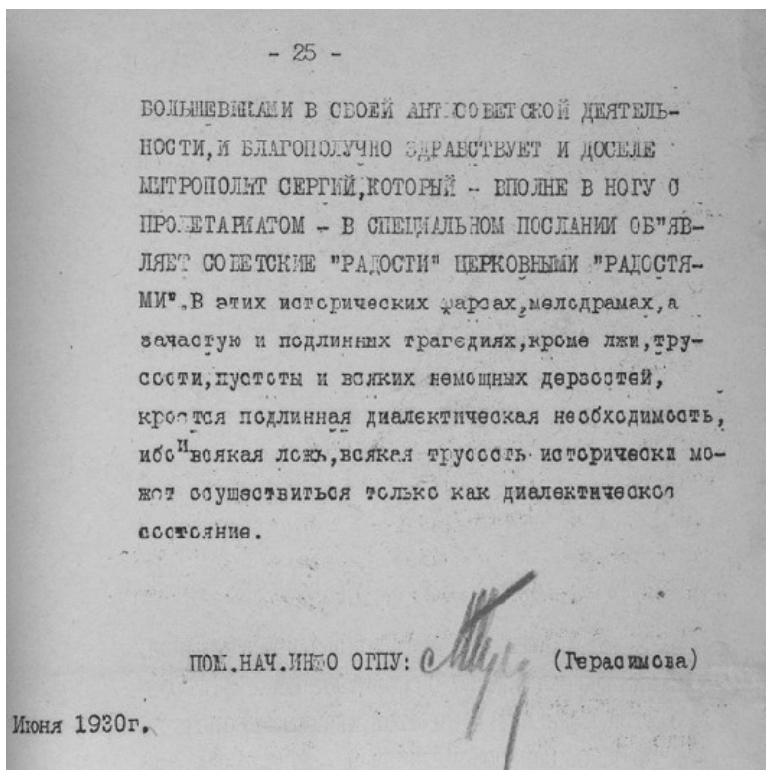
907 Уже дважды (и всякий раз бегло) прочитывал текст, каждый раз удивляясь, почему же к нему душа не лежит, почему не хочется подпускать его, так сказать, ближе к нутру своему. Еще нужен был толчок буквально с улицы, извне, с рынка-ярмарки: после жуткой публикации о «русском фашисте Лосеве» (только известие получил, что она появилась, еще не прочел) пришлось взяться за текст в третий раз, и натошак.

– И что же? Главный вопрос – насколько *именно лосевский* голос передан и не искажен в этом давнем ГПУ-шном документе, выглядит вполне внятно. И вполне ясно, как отвечать на него. Коробят или озадачивают лишь немногие хлесткие формулировки и выражения: «социализм как синтез папства и капитализма», или «у еврея нет души» – но это если фразы вырваны из контекста, а они-таки с мясом и с кровью вырваны! Но и с такой оговоркой претензии можно предъявлять скорее к форме, не к содержанию и сути высказываний. Какой же здесь «фашизм», тут, господа и товарищи, только вопль загнанного в угол честного мыслителя!

Еще общее ощущение: «эта змея» Герасимова, похоже, *не сочиняла* сие а-ля-Лосев. Нет, не чувствую фальши ни в одной ее цитате из лосевского «Дополнения к Диалектике мифа». Эта «пом. нач. ИНФО ОГПУ» честно

потрудились на ниве карательной деятельности, а от себя смогла прибавлять разве только актуальные (по службе необходимые) интерпретации. И еще – уже полезное для нашего дела, – обнаруживается любопытнейший реверс к известному пасквилю М. Горького «О борьбе с природой» (1931). Та оскорбительная фраза, каковую классик пролетарской литературы приписал Лосеву вместо характеристики *русского народа* («обыденно-сучны, подлы, глупы... зависть на все духовное»), в справке-обзоре «от Герасимовой» соотнесена вовсе по другому адресу – к *рабам античности*, к пониманию рабства и государственности по Платону.

– Ну и лгун же Вы, весь в слезах батенька Алексей Максимович! Перед Вами лежал, небось, тот же самый «реферат», что нынче отыскался (и всем *надымил-начадил*) в архивном фонде Емелюшки Ярославского. Что ж Вы так приблизительно, так преднамеренно-зло «цитируете», а?

26 Дополнения к мифу (Сегодня, 18.10.1996).

908 Прочел. Противно. Назрела драка. Нам, как говорят, «адептам», «сегодняшним участникам лосевской индустрии» брошен вызов, который вроде бы следует (без всякой благодарности) принять. Но, повторю, противно. Упрек в юдофобстве нужно просто пропустить мимо ушей (все

вопросы – к Герасимовой!), а вот обвинение в двойной игре и даже тайном пособничестве Лосева режиму сталинизма – да еще в форме, буквально, открытого журналистского доноса нынешним (тоже, вроде, открытым для гласа народа) властям, – требует возмездия. Надо ответить?!

26 «Под знаменем марксизма» (1927, 1928, 1929).

909 В том же зале газето-хранилища в Химках, сразу после горького, принял большую дозу рвотного. Правда, искомое так и не попало [где ж тогда, в самом деле, столько били и распинали «последнего русского идеалиста»? о каких же, именно, публикациях «во многих марксистских изданиях» говорилось в следственном деле?], зато было чему поучиться у знаменитой «философской дискуссии» 70-летней давности. Да, тогда народ вперегонки соревновался, кто кого лягнет по-диалектичнее, этак ленино-марксо-энгельснее. Теперь же – что прикажете делать? А, ну да, ну да: кто кого гуманистичнее, демократичнее, либеральнее... Вообще-то мерзко.

Ноябрь 1996

6 А. Лосев. Метеор (читал по рукописи).

910 Могли бы быть подзаголовки: *О плате за понимание* (под реплику-восклицание героя: «Кому, чему эта безумная жертва двух жизней?»), или *Музыка как предмет логики* (если для характеристики метафизической сути повести прямо одалживать дефиниции в одном из трактатов Лосева), или *Критика чистой любви* (тут уж аллюзия на затеи господина Канта). В целом: *Поиск последних ответов на последние вопросы...* Или: *Последнее дело*.

12 М. Золотоносов. «Мастер и Маргарита» как путеводитель по субкультуре русского антисемитизма (СПб., 1995).

911 Вызывает (почти) ярость, ибо убедительно. Так «убеждает» обследование долговых расписок или чистоты нижнего белья Пушкина, к примеру, – тоже «проливает свет», тоже дает пищу для выявления «тайных подоплек» и «скрытых пружин». Литературоведение исподнего. Вспоминаю где-то встреченное мудрование того же автора, что, видите ли, страх – анален, а совесть – генитальна (или наоборот?). Тьфу!

19 А. Деборин. Современные проблемы философии марксизма (Вестник Коммунистической Академии, № 32 (2), 1929).

912 Сколько ж я перерыл и перенюхал помоек, чтобы таки выковырять эту ржавую консервную банку... (Ну, теперь нашему «лосеведению» будет что вспоминать). Выясняется, что сей доклад потом *трижды издавался* отдельной книжкой, вместе с обрамляющими его жаркими «прениями», и это происходило еще за год до речений Кагановича на громогласном XVI съезде ВКП (б). Вообще-то поражает, насколько большие интеллектуальные и прямо физические силы были истрачены

столькими вроде бы не глупыми людьми на столь ничтожный результат. Что, действительно, хорошего оставила для нас дискуссия этих *остроконечников* («диалектиков») и *тупоконечников* («механистов»)!

30 М. Григорьев. Реакционная «диалектика». Эстетическая система Лосева (На литературном посту, № 19, октябрь 1930).

913 Ну так вот, к славным именам известных хулителей Алексея Федоровича (Деборин, Баммель, Сараджев, Киршон, Каганович, Горький) могу теперь добавить еще одного имя, из «напостовцев». Тот вроде как эстетикой пробавлялся. За себя немного опасуюсь: не слишком ли вошел в азарт собирания этой печальной коллекции? Пошлю-ка я их всех к чёрту...

Декабрь 1996

3 Св. Дионисия Ареопагита, епископа Афинского, о божественных наименованиях (рукопись XIX века, ОР РГБ, ф. 178, е.х. 8881).

914 Уж коли для получения тривиального ксерокса с рукописи, и для выяснения ее происхождения пришлось столько помучиться, то, воистину, нетрудно «обосновать», что у «Ареопагитик» в России вообще может быть *только трудная* судьба. – Кто именно перевел этот ключевой «нимяславский» текст? И когда? И знал ли о его существовании наш А.Ф. Лосев?

Это только внешние, сугубо служебные вопросы. Возникают (вернее, в наше сегодня транслируются) еще и вопросы внутренние, содержательные, жизненно важные. И тогда самый главный, Ареопагитом поставленный: действительно, как *именовать* – дабы *познать*, – Бога?

5 А. Экзюпери. Маленький принц.

915 Пой, колокольчик... Светлый смех незримых слез труды уважит... Идешь на подвиг иль на грех, пути домой тот смех покажет... Есть память сердца... Есть любовь... Есть слабый звук сильнее взрыва... Из прежних лет приходит свет... Свет душ... Там каждая – счастлива...

11 А. Белый. Серебряный голубь.

916 Читал «Голубя» едва ли не полгода, принимая по-чуть-чуть на сон грядущий, вроде как стопку водочки, дабы осоветь. Потому – следовало из условий восприятия, – ощутил сей текст скорее созерцательно, наблюдательно, эстетски. Потому и сама драма Петра Дарьяльского, строителя жизни, не слишком-то и тронула.

Впечатляет поэтика Белого: вряд ли изящна, но в выразительности и самостоятельности ей никак не откажешь; личность художника отпечатлена в каждой запятой и аллитерации, любой абзац из любого места романа вполне свидетельствует о глобальном андрей-беловском целом. Может быть, как раз эта (пере)насыщенная атмосфера пьянит и, одновременно, утомляет читателя. Выходит, если поразмыслить, так, что бывают организмы (системы) *естественные* – и с ними легко общаться, а бывают все-таки

искусственные, для соединения с которыми нужно положить много труда, соразмерного затратам искусника. Творимо то и другое, только естественное рождено – в игре (Создателя), искусственное – в муках (человеческих).

14 М. Волошин. Неопалимая Купина.

917 Раскрыл томик «Избранного» по какому-то ничтожному поводу, в почти случайной череде домашних реплик и сочетаний мнений – и вот *прочлось это*. Да и в 1919-м году, когда стихи эти творились, повод был не слишком апокалиптический, – подумаешь, бегство французов из Одессы, мы их особо туда и не звали... Но *слова-то* какие, они ж на все времена, для случаяев всех событий *сложилась*:

«Мы – зараженные совестью... Мы погибаем, не умирая... Дух обнажаем до дна... Дивное диво! – горит, не сгорая... Неопалимая Купина.

Слова и учительны, и лечительны, и спасительны сразу.

22 Е. Тахо-Годи. Ранняя зима (М., 1996).

918 – Отчего рябины куст так влечет поэта, если в стужу снежную алых гроздьев свет об ушедшем лете шлет тепло привета, но к весне живительной ничего уж нет? Не милей обмены ли ветхие заплаты, не хмельней надежды ли нам вино утрат? Если ж песня сложится, ты ли виновата, о, душа, бредущая... ступнями назад?

26 А. Терц. Крошка Цорес.

919 Конечно же, это очень литературо-центричная вещь, что заявлено уже заглавием, броско толерантным к перво-образу (у Гофмана «Крошка Цахес»). Но еще, можно подозревать, тексту Синявского-Терца причастны и очень личные, биографические мотивы; только столь много вины (вин) – на одного-то человека, – вряд ли возложила бы судьба, пусть и самая злонамеренная. Здесь сквозит случай самоговора, само-обливания метафизическими помоями, выступающий как прием из арсенала авторской поэтики. Так известная формула интеллигента («во всё-то я виноват») приобретает, одновременно, и психологически-конкретное и философски-всеобщее выражение, или реализацию.

Январь 1997

3 В. Баранов. Горький без грима. Тайна смерти (М., 1996).

920 Довольно рыхлая, по фактуре, книга, изрядно наперченная капитан-лебядкинскими красотоми стиля. Как раскрыл, так и окончил чтение – по обязанности: дабы «вооружаться фактами» и утверждаться в прежних интуициях. Не обманулся ни в том, ни в другом. А писатель Максим Горький... пожалуй, он стал для меня еще выше ростом (пусть и метафизически) и, одновременно, еще грязнее (почти физически).

4 М. Приивин. Дневники. 1920–1922 (М., 1995).

921 О, Господи, как же Твоим попечением столь повторимы ситуации, как схожи времена, как вновь и вновь воспроизводимы всё те же символы и ожидания!.. («молот – серп» чем кончится? «престолом»).

Поразительны многочисленные «гуманитарные» дефиниции от М.М., запечатлевшие и постоянный внутренний труд души творческой, и мелькание подробностей внешней жизни, нетворческой, так скажем, по определению. Вот примеры такого органического соединения из близких хронологически записей дневника:

«Как пошло быть первым (в ряду) и как постыдно быть последним, хорошо быть единственным в своем роде...» – да за одну эту фразу можно простить советский строй, если ее, фразу эту, смогли породить (подсказать) только советские очереди;

«Я встал на рассвете, мелочи бросились на меня и стали грызть, но, посмотрев на последние звезды, я овладел собою и унес в комнату свет звезд» – заменить бы еще кратковременное «встал» и «унес» на длежащее «встаю» и «уношу», и получится почти молитва.

Михаил Михайлович и Алексей Федорович (и, конечно, Василий Васильевич) воистину родственны (единокровны, единокровны) в этой тяге и умении припечатать реальную жизнь живым словом, *словом* ≡ *мыслью*.

7 Б. Пильняк. Красное дерево.

922 Заметим, что не «Краснодеревщики» – не по профессии главных (условно) героев названо. Пореволюционное древо России, Древо с побуревшими – до цвета красного! – листьями и кряжистыми корнями, уходящими в грязь и быт XVII века, – вот что набросал художник на своем малоформатном холсте. Вновь казнимые колокола Углича дополняют визуальный ряд рядом звуковым (так и немое кино, по необходимости, потребовало порхающих и веских движений тапёра).

10 *Johannis Wallisii*. Arithmetika Infinitorum (Oxonii, 1656).

923 Такие в моих руках еще не бывали. А так ведь всё произошло, до обидного, банально и обыденно: пришел в Музей книги «Ленинки», заполнил пустяковый бланк, и через 15 минут свершилось... Непосредственное прикосновение к особому времени, или даже к *особому моменту* (кайросу), когда человечество еще не умело рисовать знак бесконечности (∞) и не вело логики бесконечно-малых, – прикосновение оказалось доступно простому смертному. Нет, до сих пор не могу отойти от интеллектуального, как, впрочем, и прямо чувственного, тактильного шока. Чего ж еще (фантастически-важного) я не умею, не знаю, не испытал?! Что еще (такое фантастически-новое) точно так же лежит в двух шагах от тебя (ибо это фантастически-новое еще и фантастически-просто), и надо только очнуться, раскрыть глаза и руку протянуть, – что?

13 В. Шенталинский. Рабы свободы (М., 1995).

924 Завидую. Хороша у В.Ш. получилась книга. Не испортил «забойного» материала! Да к тому же, вышла она – так и должно для гармоничных созданий, – как бы осененная Троицею, вышла триадичной: в ней явственны «слой» *текста* (собственно, архивные, от карательных органов материалы), «слой» *контекста* (мифы и даже хохмы той поры) и «слой» *надтекста* (авторские мнения и наблюдения). Такая структура также, почти по необходимости, изоморфна устройству классической эмблемы = *изображение + надпись (девиз) + подпись*. Это о форме. Содержание же – его здесь не обсуждаю, – укрепило во мне архивариусову убежденность в том, что сейчас самым важным является возвращение Отечеству нашему его подлинного (сколь возможно, очищенного от интерпретаций) прошлого. Иначе *злоба дня* заслонит-таки *добро*, и вчерашнее и завтрашнее тож.

19 А. Лосев. Диалектика мифа (рукопись с Лубянки, из ЦА ФСБ).

925 Намеревался смотреть на эту пухлую пачку ксероксных листов глазами бесстрастного текстолога (прежде всего, надо было бы заняться актуальной проблемой после-цензурных «вставок»), а получилось – смотрел глазами едва ли не современника этой рукописи, смотрел как остро заинтересованный (хотя бы, как любящий философию) и, одновременно, пуганный (сполна читавший прессу конца 1920-х) читатель. Т.е., как *очевидец* храброго, почти безрассудного поступка, если не сказать – *подвига*.

Февраль 1997

1 С. Лем. Из воспоминаний Йюна Тихого [*Jjona Tichego*].

926 Прикупивши очередной том собрания сочинений Станислава Лема (кроме данного, 7-го тома *отхватил* еще том 13-й, где «Сумма технологии», – а когда читать?!), не смог удержаться и скоренько *проглотил* это дополнение к «Звездным дневникам», измала любимым. Содержание (научное) резюмирую так:

дан способ *литературного* моделирования возможных и даже желательных ходов и исходов моделирования *кибернетического*;

или – *дилетантское* подглядывание в конец свитка, когда усердные и обученные писцы лишь приступили к первым строкам оного.

NB особо, на будущее: богата и изящна выдумка (= плодотворная идея) о *критической массе информации*.

15 А. Платонов. [Стихи из газеты «Воронежская коммуна», 1921], рылся в газетах «Исторички», подшивки весьма неполны.

927 Рыхлые, желто-серые для глаз и почти ожигающие для пальцев (пыльно-едким прикосновением вместо спокойной «коммуникации») листы газет, с блёкло-неровным, местами попросту слепым шрифтом доносят – почти зримо! нет, почти слышимо! – эхо тех фантастических лет: вой голодной пурги, бандитскую стрельбу, прощальный звон колоколов в

православных храмах и непрерывный, неустрашимый грохот от ремонтных работ в утрабах прокопченных дочерна паровозов...

Искал одно (нужна была «пара» к известной статье А. Платонова «Слышные шаги»), нашел другое – стихи того же автора. Какое-то ошеломляющее, почти метафизическое и, одновременно, безверное в них косноязычие! Атеист без атеизма...

Наверное, такой же пророческий бред несли пифии со своих треножников. Или – блаженный Василий с паперти.

16 Л. Захер-Мазох. Венера в мехах.

928 Одна из немногих книг, или один из немногих избранных супер-, супра-, пра-текстов, фиксирующих важное культурное свершение: здесь имя собственное становится обезличенным термином, и свет души человека вместе с теплом его утробы навеки укрывается в абстрактное (бездушное и бестелесное) понятие, далее в обиходе – всеобщее. Конечно, само-то по себе явление, запечатленное оным сочинением, нисколько не вызывает симпатии. Однако жизнь-биография Мазоха никогда б не породила явочного бытия *мазохизма* как некоторой *изнанки любви*, не будь в самом принципиальном устройстве человека – в клубке соединений, казалось бы, несоединимого, – и этой обязательной (сексуально-половой) «перемычки».

Кстати, о соединениях. Жизнь (не чья-то конкретная, а жизнь *вообще*) умеет иногда громогласно возвещать о своих принципах и обыкновениях. Именно теперь, тотчас же после опуса Захер-Мазоха она подсовывает на мой читательский стол новый и принципиально иной документ-репортаж. Он *тоже о любви*: «Мы с тобой» Пришвиных.

25 Опись фонда Р-8409, ГА РФ.

929 Не знаю, не уверен в точности, вопиют ли камни (библейская традиция свидетельствует, что иногда не выдерживают и они), но что простой каталог, простой вспомогательный текст, предназначенный для сугубо ремесленных целей, может воистину взывать к людям, подобно ахматовскому «Реквиему» или солженицынскому «Архипелагу», – в этом я убедился самолично.

Здесь, в тесной каморке «спецхрана» ГАРФА.

Монотонно, из года в год, с открытия «Помощи политзаключенным» в 1922 году и до ликвидации организации в 1937-м, – слой за слоем, как осадки на дно бескрайнего океана, отложились здесь свидетельства нашей национальной трагедии, Большого Коммунистического Трора. Здесь только «дел» – 1729, и только опись сама занимает 255 листов, а в каждом «деле» еще сотни и сотни документов. И за каждой страничкой – чей-то вопль о помощи и надежда на справедливость. Океан горя, море слез... и жуткое справочное руководство для лощманов.

4 В. Мадер. Тайны ряда *N* (М., 1995).

930 Банально, но факт: сначала великие примеры толкают (вдохновляют) на великие помыслы, потом (уже потом) вполне рядовые события отбивают всякую охоту на подобные подвиги. Вот и теперь, вот и здесь. Получилось же так, что после усиленных размышлений над «Диалектическими основами математики» почти невольно потянуло меня написать собственную книжку о феномене числа, но тотчас же явилась данная блистательная книжица – изящно-популярное изложение основных результатов «про число», за два века, да еще и на школьничков, между прочим, рассчатное... И вот уже вовсе не тянет. Осталось удовлетвориться некоторой фактурой, для меня новой («опредемечивание» числовых свойств, по Фреге; феномен «неописуемых» чисел; да, и о «несводимости» в мире чисел, оказывается, заговорил не только я один) и, не без снобизма, отнести философскую позицию автора «Тайн» к весьма традиционной. О, мы-то, конечно, (пре)мудрее! Потому и не сочиняем общепонятных книжек, глубокомысленно помалкивая...

8 Платон. Пир (ΣΥΜΠΟΣΙΟΝ).

931 Вчитывался, чтобы в подробностях проследить логику «подводки» к знаменитой хохме о «двух половинках» (байка Аристофана), об андрогинах. А убедился, как же все-таки мудро и прекрасно *целое* этого произведения! И всего поучительнее, пожалуй, выглядит подача всей этой истории в устах (в понимании) Сократа, сама *главная идея* ее: сборищу перебивших накануне педерастов даруется возможность наконец-то «вернуть к открытому морю красоты» (210 d) и «благодаря правильной любви к юношам» (211 b) жить только добродетельно, «в созерцании прекрасного самого по себе» (211 d). И кто помог и просветил искушенного во всем Сократа? Женщина! Мудрая мантинеянка Диотима. Да, только женщина смогла бы так исчерпывающе определить любовь: «родить в прекрасном как телесно, так и духовно» (206 b).

Спустя две с половиной тысячи лет похоже мог бы сформулировать только Пришвин, да еще Лосев. Или, еще-еще, Вяч. Иванов, у которого тоже была своя Диотима-советчица.

13 В. Литовкин. Деньги на реформу у армии есть (Известия, от 11 марта 1997).

932 Говорите, реформа в армии? Поскольку положительных моментов в ней пока раз, два – и обчелся (а и в самом деле – два: избавились от засилья «политрабочих» плюс нарядились в более веселенькую форму одежды), подобные тревожащие публикации можно только приветствовать. Поспорил бы разве вокруг самой скандальной части статьи – о ПРО, но в этой тетрадке нет места, а у ее владельца – желания и времени. Только

резюмирую: вот глобальная (гуманитарная) правда произросла на частной (технической) лжи. Что, и всегда так должно быть?

22 М. Павич. Вечность и еще один день (Иностранная литература, № 7, 1995).

933 Объявляю себе строгий выговор: какие бы ни были твои трудности на службе (чего-то там испытывал? с кем-то боролся?) или подле Дома Лосева (пишешь? ищешь? принимаешь свою долю хлопот?) или в попытках самостоятельного «творчества» (а там перманентный кризис), нельзя же так – напрочь – отключаться от жизни Литературы. По счастливой случайности приобрел том «Хазарского словаря», – а если б прошел мимо захудалого книжного лотка?! Сколько бы еще лет не подозревал, что в мире художественной реальности свершилось (и достаточно давно) событие под стать появлению «Улисса» либо «Мастера и Маргариты»... А ведь «Иностранка» еще в 1991-м даровала своим читателям право первого чтения фрагментов «Словаря», и еще в 1995-м прибавила шансов понять масштаб упомянутого события, напечатав сие «меню для театрального ужина».

Какой, однако, поэтически-точный заголовок и структурно-емкий подзаголовок у этой вещи! Можно выразить их на такой манер: $\infty + 1$ (заголовок), $3 + 1 + 3$ (подзаголовок, в меню предложено три закуски, основное блюдо и три десерта) – о содержании и форме в предельно сжатом виде сказано только языком цифр.

30 Ф. Степун. Памяти Андрея Белого (из сб.: Воспоминания о серебряном веке. М., 1993).

934 Пестрая и многолика культура Серебряного века имеет, конечно, многослойную структуру, причем эти «слои», похоже, обладают вполне отчетливым изоморфизмом. Потому рядом с блестящими творцами (поэтами, художниками, философами) жили тогда столь же блестящие интерпретаторы (литературоведы, публицисты, ученые). За одну лишь «формулировку», что Степун нашел для характеристики творчества А. Белого – «он был существом, обменявшим корни на крылья», – я заплатил дорогую цену. Но чтобы *так* писать, надо и *там* быть и *тогда* мыслить, словом, с ними вместе жить и сострадать. Сие теперь невозможно.

Год – 47 (3, 92)

Апрель 1997

10 В. Похлебкин. Великий псевдоним (М., 1996).

935 Всё – о Сталине, вернее, о Сталине и «Сталине». Конечно, раритет и, конечно, нонсенс, но не только. Неприятно поразило, что может, оказываясь, поныне существовать и даже – в столь изощренно-развитой форме, – целый пласт *культуры мышления* (именно мышления), перенесенный из нашего прошлого примерно 60-летней давности. И

некоторые ходы мысли и технические приемы изысканий даже вызывают зависть... Ужасно, ужасно.

Чем же я, все-таки, так расстроился? Уж не подумалось ли, чего доброго, о самооценности подобной литературы? Или, проще, всегдашнее (интеллигентия, понимаешь) уважение к личности – здесь, к личности талантливого, с хорошей научной выучкой компилятора, – нелепым образом заставляет, пусть минимально, уважать и тему его компиляторства?

– Так тьфу (на себя)...

12 Вяч. Иванов. Наш язык (ОР РГБ, ф. 77, к. 21, е.х. 18).

936 Я, конечно, не волшебник, а только учусь. Потому имел право пребывать в наивной уверенности, что первым отыскал в известном государственном архиве неизвестный вариант знаменитой статьи Иванова, вошедшей когда-то в сборник «Из глубины». Увы, на деле более резвые «архивны юноши» (хоть и тот же М. Колеров) обошли-объехали.

Но рукопись стала почти родной. Прибрел-то я к ней самостоятельно и по собственным (внутренним) потребностям. В определенной кризисной ситуации В.И. увидел *наш язык* (вроде бы общий, вроде бы известный и понятный каждому) по-новому, по-своему, по-ивановски, и теперь это видение и *наше*, и *моё*. И еще: было увлекательно-интересно проследить по рукописи, как большой словесник искал нужные (большие) слова для наилучшего суждения о русском языке, о большом русском слове.

19 М. Павич. Хазарский словарь («женская версия») (Киев, 1996), [Београд, 1984].

937 До сведения образованной публики доводится, что процесс чтения может быть организован не только слева направо, или справа налево, или сверху вниз, читать еще – это когда сквозь дебри продираешься, ориентируясь только по звуку; или когда идешь вдоль стен и разглядываешь фрески; или когда мечешь кверху камень (когда «чтение подобно попытке попасть одним камнем в другой», ибо «согласные – это камни, а их скорость – это гласные»). Вообще изъясняться куда сподручнее расчесами на коленях... ударами сабли... змеиными следами по дорожной пыли... татуировкой на теле специального посланника... отсылкой писем по адресам из газетных объявлений прошлого века... ружейной стрельбой с типографскими литерами вместо дроби... многократным складыванием носового платка, и прочими вполне естественными способами, потому как «заниматься письменностью – занятие само по себе сверхъестественное». И так ли уж удивительно, что «имя можно сжечь» и что, в конце концов, некоторым удастся (слышите, господа пишущие?!) «из слов смастерить лопату».

Один итог чтения (сегодняшнего, посильного мне чтения Павичева текста) вполне ожидаем: да, культура – это действительно гигантское само-собирающееся тело единого мега-, гипер-, пара-, мета- ... какие там еще

остались греческие присказки... – организма, *тело Адама Кадмона*. Догадывались о том давно и многие, столь внятно и убедительно высказался только теперь и только один сербский мыслитель.

Другой итог, другой вывод странен и страшен: *вечность* и *целое* можно просить и однажды получить от Бога, а *скука времени* и *разъятость мира*, – те происходят от Сатаны. Вопрос только в чувствительности, т.е. донесётся ли до твоего уха мерная поступь его адского коня – по одному удару копыта в день...

«Словарь» наверняка постигнет участь кэрроловой «Алисы», джойсова «Улисса» или булгаковского «Мастера», когда за дело *понимания* с жаром примется сонм комментаторов и интерпретаторов. Таково уж родовое свойство подобных – воистину, открытых, – книг, которые не только на глазах читателя сами творимы, но и читателя этого тоже творят.

24 *Ем. Ярославский*. Мечты Чайновых и советская действительность (Правда, 18.10.1930).

938 Сыскав в недрах старых журналов указание на статью Емельки Богохульника, сделал было стойку на дичь: ведь и Алексей Федорович тоже любил колокольные звоны и его, может быть, тоже отнесли к роду *Чайновых*, подумалось. Увы, по отыскании газетной статьи стало ясно, что в длинный список около-лосевского грязевого потока тех лет сей источник включать не приходится.

Но я, что называется, не в накладе. Вот еще одна человеческая судьба прошлестела мимо, крылом задела мою душу. Теплом окатила... Сколько ж долгов у нас, говорливых и пишущих ныне, перед ними, давно и насильственно смолкнувшими...

26 *П. Флоренский*. Пифагоровы числа (из второго тома в «Мысли»).

939 Уже давно, уже читал эту работу, разумеется, в ином издании. Но тогда очень многого, как теперь понимаю, *просто не допёр*, многого и даже, кажется, главного. Знать число только как *абстракцию* – слишком поверхностно и безжизненно. У числа есть *форма*, много форм! Плохо же я познавал в свое время разлюбезную К340А с ее экзотической системой остаточных классов. Ведь еще лет двадцать назад вполне мог сам, без помощи гениального предшественника, уловить богатейшую идею *конкретности* числа и уже во-о-он когда продумывать то, что совсем недавно (уже сам по себе) окрестил *несводимостью* чисел. – Или не мог?! Или эти годы и нужны были на подготовку к такому шагу, чтобы наш доморощенный позитивист предстал посвежевшим гуманитарием?

29 Два письма *Велимира Хлебникова* Вячеславу Иванову (ОР РГБ, ф. 109, к. 36, е.х. 9).

940 Целиком и не спеша переписал их в свою тетрадочку, хоть бы и было известно, что письма давно опубликованы. Знал, что гений, знал, что настоящий *творец слов*, и что сумасшедший, тоже знал, и что его чтили едва

ли не все поэты Серебряного века, независимо от партийной, сословной и какой угодно еще принадлежности. Не знал, оказывается, одного чрезвычайно важного обстоятельства: каким образом незримая душа его запечатлевалась на материальном субстрате, т.е. как выглядел *его почерк*. Теперь знаю.

Касанием тончайшего волоска (усиком котенка!) малюсенькие букочки низались – тесно, полюбовно и филигранно – вплотную к линовке листа бумаги, чтобы над каждой строчкой оставлять простор для неба. Или – как на нотном стане, усыпанном дробной нотацией, и тогда в «над» помещается сама музыка. В этом роде письма, сужу вполне объективно-наблюдательно, много пространства и свежести... Птичий щебет на открытом воздухе под голубым небосводом – на свободе.

30 *М. Гершензон*. Права разума [1918] (ОР РГБ, ф. 746, к. 10, е.х. 20).

941 Еще один отклик на реформу русской орфографии 1918 года. В паре к статье Вяч. Иванова «Наш язык» хорошо бы издать эту рукопись. Пусть авторы «Переписки из двух углов» соседствуют вновь, спустя 80 лет (если состоится, конечно, наш «вячивановский» сборник). Невольно сравниваешь стилистику В.И. и М.О., их опору на несхожие средоточия в одном и том же предмете... и в который раз убеждаешься, что сила подлинной культуры заключается именно в разногласии, в разнствовании.

Май 1997

5 Письмо *П.А. Флоренского* В.И. Иванову, 01.03.1918 (ОР РГБ, ф. 109, к. 35, е.х. 76).

942 Вдвойне трудно было *читать* – о. Павел известный же мастер корябать, это раз, да еще он писал сие, это два, в неимоверной спешке, как сказано, «по случаю отъезда С.А. Сидорова». Зато и *прочеть*, и обрести этот документ вдвойне приятно: так сыскалось важное (да еще и вполне материализовавшееся) эхо давней лосевской задумки о серии книг «Духовная Русь» [записка эта хорошо ложится в публикацию под условным, пока, названием «Четыре письма 1918 года»], и нашлось ценное свидетельство о глубоких и, кажется, совместных раздумьях В.И. и П.А. *о языке и нации*.

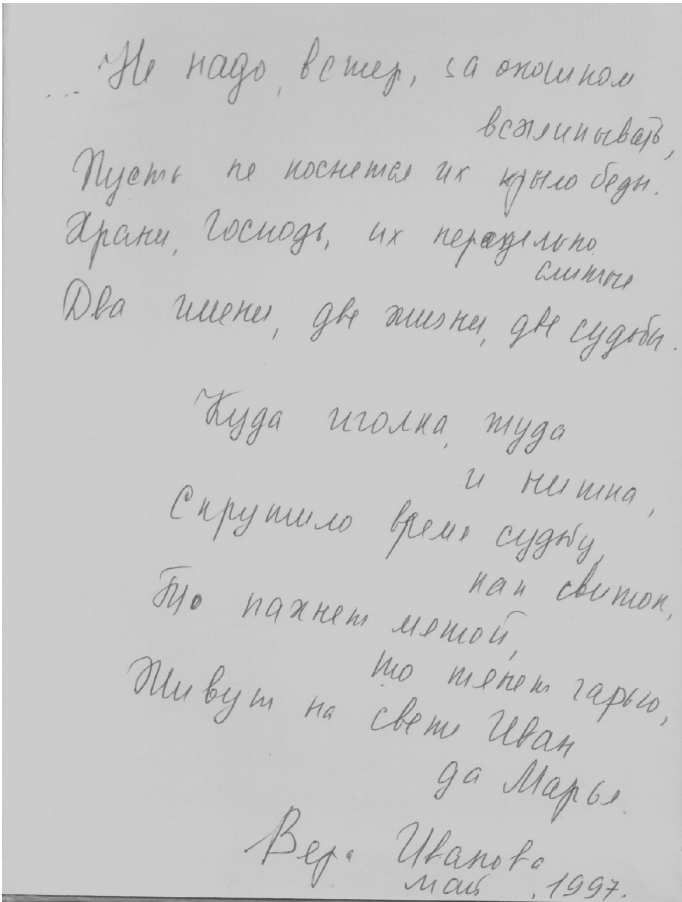
Если, допустим, у каждого народа есть свой Ангел (ветхозаветный «народоблудитель») и у каждого народа есть собственный язык, ergo, всякий язык храним отдельным Ангелом. Тут всё действительно строго: Бог «постави пределы языков по числу Ангел Божиих» (Второзаконие, XXXII), – сообщается в листочке, к письму приложенному. Не столько для В.И., сколько для нас сегодняшних послание, или даже наставление¹⁸⁵: *философия языка должна заканчиваться учением об ангелах*.

¹⁸⁵ Долго же я собирался. Первый раз «осветил тему» спустя двадцать лет, рискнув сделать доклад «О ключевых символах-концептах в философии языка Вячеслава Иванова: “древо словесное” и “ангел народа”» на Международной

13 Письмо В.П. Астафьева И.Т. Твардовскому, 25.12.1996 (читал с любезного согласия Ивана Трифоновича Твардовского).

943 Что-то чтение у меня получается сплошь эпистолярным, даже смена окружающей топографии (допустим, Подмосковья на Смоленщину) не помогает. Как рукопись точнее книги и как письмо вернее романа, так и очная мимолетная встреча (своими глазами увидь) важнее и лучше многолетнего заочного изучения.

Астафьев: «... давно не читал ничего столь искреннего и горького о судьбе нашего многострадального народа». Надо и мне не спеша прочесть «Родину и чужбину» Ивана Трифоновича, обязан.

... Не надо, воятер, за окошком
всталишьварь,
Пусть не коснется их крыло бедн.
Атаки, Господи, их передило
слишком
Два щеки, два жезла, две судьбы.
Куда иголка, куда
и иголка,
Скрушило время судьбу,
нан свиток,
Его нахлест мойкой,
но меням гарью,
Мы вум на свет Иван
да Марья.
Вер. Иванова
май, 1997.

научной конференции «Родное и вселенское: к 150-летию В.И. Иванова» (Москва), 07 апреля 2016 года. Но текст сдать в печать так и не удалось.

16 Письма С. Булгакова А. Глинке-Волжскому, май 1918 (РГАЛИ, ф. 198, оп. 1, е.х. 142).

944 Всё и вся срывалось со своих мест, на глазах менялось, а то и рушилось, гибло, и люди искали опоры хоть в чем-то родном и надежном – в прежних привязанностях и дружбах (переписка эти двух, в одну только сторону, заняла без малого 300 страниц), –

или в творчестве, включая и прежнее, привычное «творчество жизни». Сергей Булгаков сотворил себя священником в самое неподходящее время, когда негде было достать даже материи на рясу (л. 284).

Но вскорости нашлось сколько угодно иной «материи» – тюремной баланды и даже свинца каждому, особенно кто в рясе или скуфье.

19 Открытое письмо инока Досифея к игумену и старцам обители, 1912 (ОР РГБ, ф. 109, к. 48, е.х. 59).

945 «По вине» Алексея Федоровича, конечно, это *Афонское дело* всё больше и больше входит в мою жизнь. Всё явственнее получают осязаемые черты и почти что плоть его, «дела», участники, когда в руки приходят такие документы. – Или это судьба? Слыхом же не слыхивал я лет двадцать назад об «имябожниках» и «имяборцах», а написал вполне *имяславский* опус о «семиотическом существовании»...

Интересно было бы узнать, как эти материалы (в фонде Вяч. Иванова еще, как минимум, два текста участников «Афонского дела») пришли в руки знаменитого поэта-символиста и, главное, зачем¹⁸⁶.

28 В. Пришвина, М. Пришвин. Мы с тобой (М., 1996).

946 Сошлись звезды или светила... нет, не так, в словце «сошлись» много трафаретного, да еще и очевидно указание на случай... да, *явилось чудо*, а оно, как известно, в глубинном порядке вещей. Только порядок этот от нас, смертных и грешных, закрыт.

Дневник встречи, летопись чуда, первое приближение к истинному миропорядку... Чутьочку смущает разве что обстоятельность и некоторая, что ли, прямота высказываний, однако для Михаила Михайловича, пытливого (и

¹⁸⁶ Документы из Ивановского фонда потом опубликовал в «Началах», 1998, №№ 1–4 (Открытое письмо; Из Афонских сказаний; Кавказская пустыня), а попытку оценить влияние имяславия на жизнь и творчество поэта – в статье: «Как наречешь, так и обречешь». (Ономатодоксия в творческой биографии Вячеслава Иванова) // Вячеслав Иванов – творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения. М.: Наука. 2002. С. 81–87. Вопрос о том, насколько Вяч. Иванов был, все-таки, «природным имяславцем», – каковым являлся, по словам того же Иванова, наш Пушкин, – мы несколько раз обсуждали с Милой Гоготишвили. Консенсуса не достигли: я был склонен причислять-таки Вячеслава к имяславцам, Мила больше соотносила его, лингвистически, «между именем и предикатом».

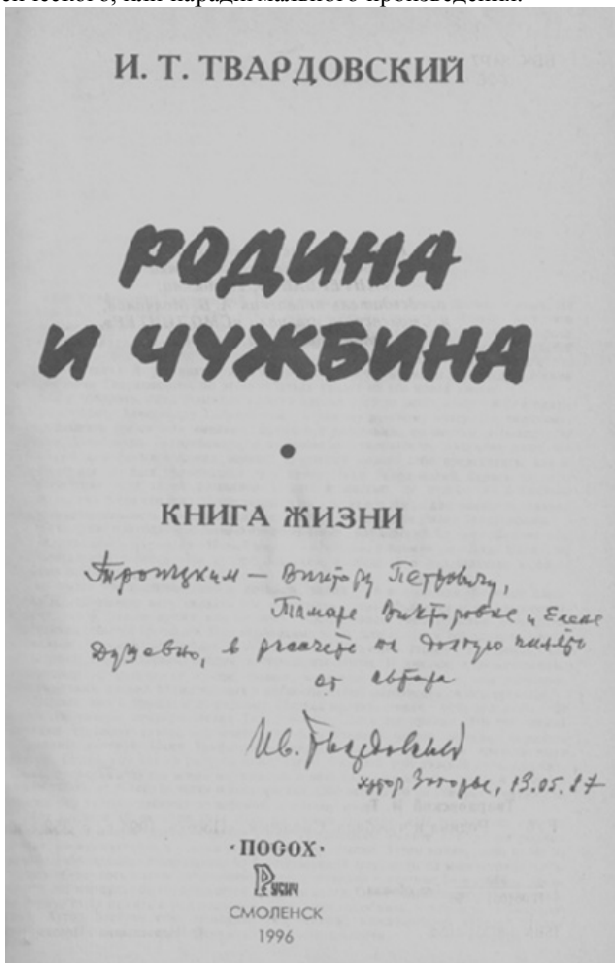
со стажем) исследователя природных чудес, подобные «недостатки» надо относить уже по другому ведомству, как черты сугубого профессионализма.

Еще замечу: любовь *действительно* не знает простых экстенсивных отношений (больше, меньше, равно, не равно, включает и др.), здесь каждая часть эквивалентна целому, как и положено для трансфинитных явлений.

Июнь 1997

12 И. Твардовский. Родина и чужбина (Смоленск, 1996).

947 Если класс (или таксон) текстов с условным названием «книга жизни» тянет на самостоятельный литературный жанр (возможно, что так), то «Родина и чужбина» Твардовского-младшего займет в этой совокупности место классического, или парадигмального произведения.

Здесь почти нет оценок, здесь очень мало эмоций, – одно описание жизни как она есть, как задалась или не задалась. Если угодно – эпическое, почти гомеровское «равнодушие», побеждающее всякое «почему» во имя «как»: как, что и за чем произошло. А вы уж, читатели, судите сами. И, если умеете, поплачьте.

17 В. Ходасевич. Некрополь.

948 Почему-то вспомнил (недавно бегло просмотренные – но и того оказалось более чем достаточно) мемуары Л. Кагановича, вспомнил по странной потребности в контрастах и антитезах. Тут – масштаб заметок в газетных «подвалах» и вообще «мелочи жизни», там – снова и снова «передовицы» и вообще «общие места». Из писаний Лазаря ничегошеньки не извлечь, ни генерального, ни частного (даже о самом Л.К.), а из «Некрополя» – да, словно из праха известная птичка, встает великое и трудное дело Культуры. Видать, действительно есть дела и есть делишки, да?

17 С. Кржижановский. Поэтика заглавий (М., 1994, датир. 1925).

949 Когда-то, помнится, самостоятельно «доходя» до некоторых глубинных проблем семиозиса, я довольно долго жаждал сыскать некую загадочную книжицу о «логике заглавий», но делу мешало (кроме явного отсутствия времени на фронтальное рытьё в каталогах библиотек) отсутствие хоть какой-то информации о ней, ибо располагал только глухим и случайным упоминанием... Теперь книгу – сборник работ С.Д.К. «Страны, которых нет», выпущенный в «Записках Мандельштамовского общества» (попробуй догадайся, где и что нужно было искать?!), – купил уже с год назад. И жажда успела пройти настолько, что сей текст прочел лишь сейчас, когда вялотекущая жизнь поставила вполне конкретный и весьма узкий вопрос: почему и зачем братья Твардовские заняли (в пространстве имен и названий) одну-единственную область или даже смысловую точку. Названия их произведений, появившиеся в разное время и по разным, извините, поводам, оказались одинаковы. Ничего «полезного и прикладного» не извлек. Зато получил громадное удовольствие!

Как изящно тонкая логика анализа (и ведь действительно логика) сочетается здесь с изобретательной, вполне художественно-литературной игрой словами! Как счастливо аналитик здесь не забил стилиста, а литературный критик – литератора! Какой, к примеру, потрясающий оценочный ряд выстроен (всё о книгах, разумеется): *почитание – чтение – почитывание...*

А сколь густа реплика и как изящно брошена: «Старые темы не темы, потому что не те мы»; как изумительно точна и глубока «дефиниция» для основного предмета исследования: «извилистая текстовая строка кружит по прямой строке заглавия, как плющ по шесту»...

19 *А. Твардовский*. Родина и чужбина (Собр. соч., т. 4, М., 1978: фронтовые и военные записки).

950 Открыл давно не ворошенную прозу советского классика, чтобы набрести, в конце концов, на одну-единственную строчку, с которой, похоже, как-то не согласился брат классика, Иван Трифионович, и дал миру еще одну «Родину и чужбину» *от Твардовских*.

Так в паре и будут теперь «трихванята» жить и спорить.

Июль 1997

6 *А. Лосев*. Два мироощущения. Из впечатлений после «Травиаты».

951 Меня больше всего интригует, конечно, авторское посвящение Антонине Неждановой («чаровнице и вдохновительнице», – недурно для студенчества), и следопытский инстинкт подсказывает, что сей монумент воздвигался когда-то отнюдь не на песочке. Но и содержательно текст примечателен: диалектические «вилы» уже бороздят тут «воды» музыкальной стихии. Отсюда следует начинать отсчет-исчисление пути великого систематизатора, будущего автора «Музыки как предмета логики».

12 *А. Терц*. Любимов.

952 Естественные процессы эволюции на Руси, как известно, *нейдут*, а когда какой радатель-благодетель реформы *дават*, то ничего путного с того *не быват*. Думаю, на сей «пасквиль» должны были окрыситься не только чиновники Советской власти, ибо авторский замах был явно шире, историчнее, даже историософичнее. Должны бы взвиться и какие-никакие славянофильствующие интеллигенты.

12 Бюллетени ГАХН (№№ 1–11, 1925–1928).

953 Несколько лет назад, только починая ковырять гахновскую целину, проявил максимум безграмотности в работе и поленился даже заказать (для «просмотра») сии печатные издания. Сразу полез в архивные бумаги. А когда приспичило, когда надо было точно изыскать и печатно зафиксировать, что выступление А. Лосева о Кассирере является действительно первым в России, что его не опередил с каким-нибудь «рефератом» тот же Б. Фохт, – нашел и прочел вмиг...

Обстановка: завершилось первое десятилетие со дня Октябрьского переворота, люди пытаются сохранить (соблюдать) нормы научной и культурной жизни, а на их пороге – Великий Перелом. Большое фото сотрудников ГАХНа (тоже на просмотр заказал, роясь в фонде Гершензона в ОР РГБ) слабо доносит *лики* из бездны зыбкого и беспощадного *времени*: никто, кажется, не улыбается, все торжественно-серьезны, все самозабвенно углублены в исполнение отведенной им *роли в хронотопе*, каковой им отрядила Судьба.

13 Флоренский сегодня: три точки зрения (Вопросы философии, № 5, 1997).

954 А недурен метод, с которым неопит аус Хермания одолел нашенские сложности: дал проверенным знатокам Флоренского высказаться (сообразить) «на троих», т.е. поступить вполне по-русски, но поскольку мнения выстроились очень даже триадически (явлены крайние точки зрения вкупе со срединной позицией), то результат определенно получил германогегелевский окрас. Наш пострел везде поспел.

14 *А. Тахо-Годи.* От диалектики мифа к абсолютной мифологии (Вопросы философии, № 5, 1997).

955 Вместо моего, излишне эмоционального и вполне пацанского тычка в фэйс деятелям из «Сегодня» *вышло это*. [Не жалко, что понапрасну строчил свой злющий текст? – нет!] Они нам желто-журнальную публицистику, мы им – текстологию и чистую науку...

Конечно, Лосев в 20-е годы имел полное право и на «монархизм» и на «антисемитизм», но... но только сперва уточним-ка, господа и товарищи, термины и их употребление. Разберемся с терминами, раз, и хотя бы в первом приближении восстановим и представим себе контекст, в котором рождались хвалимые / хаемые тексты, два. Только тогда, на счет три, дозволительно раскрывать ваши – наши рты, ротки и роточки.

16 *Л. Гоготишвили.* Лосев; Абсолютная мифология; Двойной символ.

956 Уже не бегло и предвзято (потому что ревниво), а внимательно и бережно перечёл эти «авторские статьи» о Лосеве, растиражированные малым изводом энциклопедического словаря «Русская философия». Мила, конечно, больше чувствует языковую и специально-лингвистическую сторону творчества Алексея Федоровича, ко мне же повернута, если выражаться близко к первоисточнику, его структурно-аритмологическая ипостась. Увы, для интеграции и синтезов надобна фигура, близкая Лосеву, так скажем, с точностью до изоморфизма. Откуда ж такому взяться?! Мы тут все, пардон, *гомоморфики*, т.е. слабаки – в одиночку-то.

18 Новгородские берестяные грамоты.

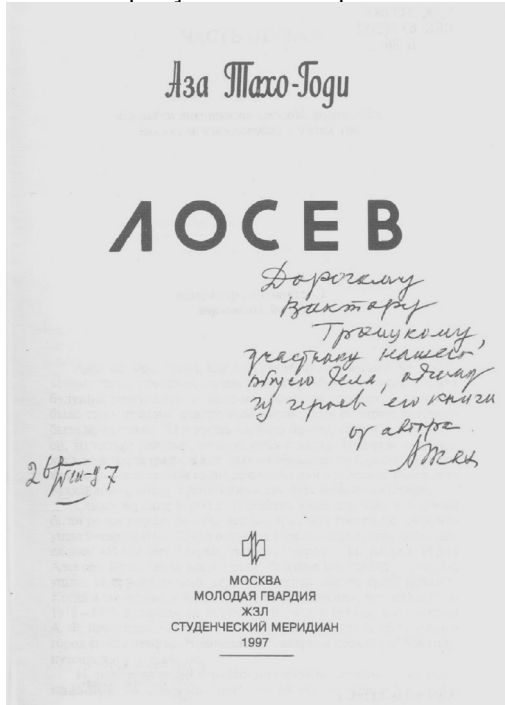
957 Редкостное, что и говорить, чтение, – прямо с витрин Новгородского художественного музея. Да, деловой, образованный и обстоятельный народ жил тут когда-то, на берегах Волхова... А эти имена звучат как музыка (какой-то странно безошибочно, на протяжении тысячелетия воспроизведенной) симфонии: Онфим, Братята, Нежил, Чурила, Федорка, Нежата да Гостиата, Гюргий да Харетон. Сразу страшно захотелось купить громадный фолиант, исследование А.А. Зализняка о древне-новгородском диалекте: даже не для того, чтобы штудировать на досуге, а просто поставить на полку ценное руководство по нотной грамоте.

Август 1997

4 А. Тахо-Годи. Лосев (М., 1997, ЖЗЛ).

958 Легкий приступ польщенного самолюбия (в нескольких местах отмечена моя персона) быстро прошел, уступив место вполне очевидным и будничным движениям: надо собрать по книжке длинный перечень – увы, неизбежных, – ошибок и неточностей (сгодится для второго издания), составить немалый список задач для дальнейшего разыскания (себя мысля нагрузить поручениями в первую очередь) и еще, кажется, пора всерьез задуматься о своем ближайшем будущем (пора покидать армию, подошло время напрямую заняться главным), задуматься, тем самым, о вечном. По большому счету, с чем собираешься предстать пред Всевышним?

Воспроизведу инскрипт Азы Алибековны на титуле подаренной книги (а прочел-то я ее чуть раньше, купив экземпляр в «Библио-глобусе»): «Дорогому Виктору Троицкому, участнику нашего общего дела, одному из героев его [любопытная оговорка!] книги от автора. Подпись. 26.08.1997»

6 В. Свенцицкий. Граждане неба. Мое путешествие к пустынным кавказских гор (Пг., 1915) [с автографом Тайнову от 12.09.1915].

959 Подчеркнуто бесхитростное описание паломничества в горы Кавказа, к отшельникам, бесхитростно живущим в Боге. Такая дважды явленная простота (феномена и его описания) действительно способна менять людские судьбы, как то случилось, к примеру, с *Олегом Полем*. Давно

сгинул и он, и его возлюбленная Валерия, и все герои путевых очерков, составленных основателем «Христианского братства борьбы» и в скором будущем протоиерея, и Братство то кануло в лету... умерли все – никого нет, но присутствие, дыхание, томление эпохи осталось, осталось и все еще может дать силы новым деятелям и созерцателям.

18 История парикмахерской куклы, или Последняя любовь московского архитектора М.

960 Чаяновская повесть 1918 года, тошнотворно-изысканная и подробно-извращенная одновременно, – о чем она? О природе страсти? О превратностях судьбы? О канунах, когда все сложности и переливы чахлой обыденной жизни буду враз заменены здоровыми такими схемами и чеканными формулами счастья скопом и на всех? – Что-то жутковато искать ответы и вообще – задумываться.

Сентябрь 1997

28 М. Мурьянов. Из символов и аллегорий Пушкина (М., 1996).

961 Первый поэт России вполне выдержал экзамен на ученость у знаменитого филолога-слависта: поверг он его в изумление знанием того, чего не мог (не мог в принципе) знать. Наверное, потому, что таковы были пушкинские рукописи – сплошь исчерканные в поисках нужных слов и образов. Чёркание как единственно возможный способ поставить сеть, сквозь которую не ускользают древние и одновременно вечные «угасающие смыслы»... Впрочем, о Пушкине надо ли говорить громко, а после этой блестящей книги М.Ф. Мурьянова и вообще становится как-то страшновато – вернее будет смолчать. Отдельное спасибо автору за бережливую (к самым «пустяковым» деталям приложенную) эрудицию, за широту размаха мысли, за явную любовь к смыслу как таковому. Особое наслаждение получил от его разъяснений о *шиболете* и *чело-веке*. Лишь одно огорчило – что Михаил Федорович, оказывается, недавно скончался [21.11.1928–06.06.1995].

Октябрь 1997

12 М. Горький. Сомов и другие.

962 Да, как ни усердствовал великий (великий – не отнимешь) писатель, сочиняя пьесу «о вредителях», вышел только великий – и по художественным меркам, и по общественным, – конфуз. Недаром сей текст долго не издавался, т.е. оказался не нужен ни автору, ни Сталину, ни благодарному Отечеству. Не сгодится он и мне... разве только, вот так приспособим: очевидный ряд или монотонная цепочка названий горьковских пьес, как написанных («Егор Булычев и другие», «Достигаев и другие», «Сомов и другие»), так и не- («Звонцов и другие», «Рябинин и другие»), повелительно соединяет для меня тему Горького и тему Лосева в названии «Лосев и другие». Да, и прибавить подзаголовок: «хроника времен великого

перелома». Правда, самого текста к этому всеми выстраданному названию пока не существует. И не хочется его делать.

20 А. Лосев. [Работы по логике, начало 1940-х годов].

963 Надеюсь, эти две небольшие работы – «К вопросу о применении теории отражения в логике» и «Основной принцип мышления и вытекающие из него логические законы мышления», – скоро выйдут в «Вопросах философии». Хорошо бы поспеть в номер 5, к 10-летию со дня кончины Алексея Федоровича¹⁸⁷. С них приступаю к той части наследия философа, в которой он очевидно двойственен или пытается быть таковым: старательно перекодировал (точнее, камуфлировал) свои мысли на языке советской догматики, оставаясь неоплатоником. Изранные, но живые-таки тексты...

Ноябрь 1997

7 «Жму вашу руку, дорогой товарищ» (Новый мир, № 9, 1997).

964 Нет никаких сомнений – переписываются именно соратники, сомысленники, поделники. При всей разнице (в биографии, политических взглядах, темпераменте) Сталина и Горького объединяло, кажется, одно: жажда борьбы с природой и инженерия человеческих душ. А если враг не сдастся (не переделывается, не перековывается и т.п.), его уничтожают – всего и дел-то!

21 М. Горький. Несвоевременные мысли (М., 1990).

965 Да, гуманист (без кавычек), да, хлопотун за справедливость – но до определенных границ. Видел революцию чуть ли не как идеал собственного замысла, а замысел-то каков? – А человека переписать заново, найдя черновик Господа негодным. И весь вопрос (исторический) только в том, почему один богоборец не нашел тогда общего языка с другими богоборцами. А если б нашел?!

21 Ксенофонт. Сократические сочинения (СПб., 1993).

966 Читал по-чуть-чуть на протяжении полугода. Кто бы мне разъяснил, однако, был ли сам Сократ великим (пусть даже и героическим!) занудой, или таким его захотели представить Платон с Ксенофонтом. Или же, проще, все объясняется глубочайшей пропастью между устной и письменной

¹⁸⁷ Поспели ко дню рождения Алексея Федоровича, в сентябре, см.: Вопросы философии. 1998. № 8. С. 138–152. Там же было опубликовано мое краткое введение «О логических исследованиях А.Ф. Лосева», с. 134–137. До сих пор немалая часть логического наследия философа (в основном относящаяся к тому краткому и странному периоду примерно в середине войны, когда Лосева поманили работать в МГУ, чтобы «поднимать» логику в СССР) остается не опубликована, даже толком не прочтена еще кем-либо (помета *января 2020*).

речью, когда слишком много, непоправимо много живого и светлого гибнет тотчас, стоит лишь ткнуть пером в поверхность листа или свитка.

Декабрь 1997

10 Протоколы заседаний бюро ячейки ВКП (б) (Архив РАН, моск. отд., ф. 1636, оп. 1, е.х. 245).

967 Заказал сии бумаги со вполне определенным намерением – найти материалы *исторической* встречи Джугашвили с молодой «красной профессурой», чтобы уже в них сыскать хоть намек на легенду «пусть у нас будет *одын* идеалист». И хотя дело оказалось оборванным как раз перед нужным периодом времени (кстати, у кого спросить, почему эти протоколы залежались в личном фонде П.Ф. Юдина, а не стереглись-береглись в Центральном партийном архиве?), польза от просмотра и чтения все-таки была. Была – познавательная, а то и нравственная. Кажется, следует, по меньшей мере, *пожалеть* этих людей, а то и *простить*: они не принадлежали себе, а целиком пошли на гумус для Великого Перепахивания.

20 *Б. Раушенбах*. Пространственные построения в древнерусской живописи (М., 1975).

968 Спешно, в преддверии очной встречи с автором, «пробежал» нечитанную доселе книгу (сидючи в РГБ). Грех, конечно, такие тексты не знать. Грех после таких текстов (а, тем более, встреч) оставаться с обломовским прекраснодушным мечтанием, что, мол, выйду вот на пенсию, уж напишу свою «Бесконечную Троицу». Специалист по управлению космическими аппаратами смог пронести в «не свою» область культуры множество сокровищ. А что сможет дать этот специалист (смею надеяться) в сфере системотехники, еще бабка надвое сказала.

Январь 1998

8 *А. и Б. Стругацкие*. Улитка на склоне.

969 ... все-таки должна доползти до конца, лишь бы ей дано было знать, в каком направлении действительно находится вершина. Или – важен лишь сам процесс и напор? и все мы обречены рваться куда-то *в Город*, как Кандид (или, как Перчик, *в Лес*, или, как известные чеховские герои, *в Москву*), рваться, с трудом выхватывая забытые слова из гудящего сумрака мало подходящей для таких занятий головы?

11 *А. Лосев*. Мне было 19 лет...

970 Читал и больше думал о писательских, ремесленных уловках. Почему для Лосева-прозаика столь обязательно сочетание и чередование как примет собственной духовной биографии (здесь, к примеру, явно слышится эхо встреч – или не встреч – беру наугад – с Антониной Неждановой), так и совершенно невозможных, фантастических поступков героев, вроде убийств,

почему? Опираясь на реальные жизненные выборы (причем, задним числом), он экспериментально строил художественное доказательство?

Помечу, вдруг пригодится: строчкой «Мне было тогда 19 лет» начинается рассказ Владимира Соловьева «На заре туманной юности...» (1892). Тут многое слышится из того, что «припоминалось» и Лосеву-писателю (и всегда – мемуаристу): отношения с кузинами, философские разговоры в вагонах поездов, драма с французской актрисой.

17 Principia mathematica (1927, 1935 – второе издание).

971 Заранее знал, что прочитать (и даже просто *читать*) классический труд Уайтхеда–Рассела немислимо. Поэтому заказал эти тома-томищи скорее из соображений чувственно-физиологических: потрогать обложку, взвесить фолиант на ладони, посозерцать диковинные извивы символов метаматематической нотации, а какую формулу поизящнее – чуть лизнуть... Или, скорее, в целях некоторой демифологизации: дабы это творение человеческого гения (по крайней мере, для меня) перекочевало с вершины вечных идей в долину вещного мира.

А еще нужно было своими глазами увидеть момент *исторической несправедливости*, когда великое наименование приклеивается к объекту, который понесет его в будущее не вполне заслуженно: когда эта напичканная эзотерическими значками гора бумаги (1907 страниц, около полутысячи дефиниций) воспроизводилась вторым изданием, как раз в ту пору в Москве создавались «Диалектические основы математики», подлинные Principia mathematica...

19 Д. Лихачев. Статьи разных лет (Тверь, 1993).

972 Нужно было бы писать дневниковый «отчет» о книге, прочитанной месяц назад, но вот снова открыл страницы с воспоминаниями Д.С. о Соловках, – и не смог оторваться, пока не перечитал еще раз всё «лагерное». Бывает такое чтение, которое не может делаться впрок, про запас. Есть книги, к которым надо обращаться, как к врачу, т.е. когда припечёт, – чтобы жить дальше, чуть поздоровев. Еще одно наблюдение, которое давно уже с очевидностью следует из моего «лагерного» чтения: чем экстремальнее и бесчеловечнее внешние условия (фон), тем явственнее всё обычное и человеческое (лики и лица).

26 Ю. Кашкарров. Афон (Наше наследие, № 5, 1996).

973 Да, здесь не живут настоящим моментом и не заняты самоутверждением, здесь царствует память и легенда (миф). Конечно, так жить можно и даже должно – но только в заповедных зонах. Может ли *вся земля* стать монастырем и, следовательно, прекратить *земную* жизнь?

Кажется, автор вполне сумел донести свои трепетные чувства, но, опять-таки, вспомним, методом вполне суетным, т.е. писательским. Уж так всё у людей устроено – двояко.

27 Фонд 1033, А.А. Любищев (Архив РАН, СПб отд.).

974 Не могу утверждать уверенно и в точности, достаточно ли успешно я развиваюсь как мыслитель (надеюсь, что развиваюсь-таки), но что *медленно* – это истинная правда. Уже без малого 20 лет назад состоялось памятное потрясение от первой встречи с феноменом Любищева (а с записи в апреле 1979 г. о повести Данила Гранина, этот феномен обрисовавшей для широкой публики, начат этот «Дневник чтения»), но только теперь смог поддержать в руках его рукописи. – По меньшей мере, волновался. Жаль, конечно, что в этом феноменально большом фонде не нашлось места, к примеру, «лосевским следам». Но зато я окончательно утвердился: уже простыми касаниями пальцев до некоторых «чужих» бумаг можно получить мощный творческий заряд.

Февраль 1998

6 А. Найман. Б.Б. и др. (Новый мир, № 10, 1997).

975 Подобно тому, как герой романа некий Б.Б. пребывает в отношении дополнительности к своему ближнему кругу («без Б.Б. мы – идыр, ипыр...»), так и вся-то наша интеллигенция, кажется – к народу. Почти наверняка за инициалами скрыта реальная физиономия, а за романом – попытка авторского само-обеления (ибо когда Б.Б. «посадили», никто из «и др.» его не пожалел). Вот, силось разбирать тут «глубины сатанинские», а вообще-то чтение мало меня тронуло: роман, скорее, интересен и полезен для узко-кружкового потребления.

11 А. Мелихов. Роман с простатитом (Новый мир, №№ 4, 5, 1997).

976 Итак, начало века ознаменовано «Романом с кокаином», конец – этим. Испытание *пустотой*, испытание *простотой*, испытание *простатитом* (третье понятие как синтез двух предшествующих), изложенное в уже каноническом стиле Генри Миллера. Философические абстракции тут мирно соседствуют с гинеко- (и андропо-) логическими реалиями, вместе, но не вровень. Ибо, действительно, только «мир скотов – это мир равноправных фактов, в нем что слеза, что сопля, а человеческий мир – иерархийный мир условностей». – Вот, хорошее было чтение.

12 П. Флоренский. В санитарном поезде Черниговского дворянства [1915] (Новый мир, № 5, 1997).

977 Возмутила реплика из недр журнального отдела публицистики, – у них, видите ли, вызывают *непростые чувства* и патриотический энтузиазм (напомню, господа, что тогда шла очень большая – на всех легшая – война!), и некие «националистические aberrации» о Павла. Тогда уж прошу принять по адресу и тот давний выпад автора записок насчет «интеллигентщины» (= «семинарщины»:= доктринальность, пренебрежение конкретным, вечное недовольство, неблагодарность к жизни, рационализм...).

Кажется мне, что историческое прошлое вообще нельзя критиковать, его надобно лишь попытаться *понять*, т.е. тщательно изучить и, по мере сил, типологизировать, и лишь потом устанавливать какие-либо сходства и аналогии, – всякий раз помня об условности и приблизительности (везде и всегда, в принципе!) сих умственных операций, – соединять с явлениями своего «сегодня».

17 *М. Амелин*. Эротический центон, составленный из стихов и полустихий эпической поэмы Михайла Хераскова «Россияда» в подражание Дециму Магну Авсонию (Новый мир, № 11, 1997).

978 Зело просветил и повеселил *рифмолет* – мне с классическими образцами «лоскутного одеяла» до сей поры не приходилось встречаться, а вот веселиться при подобных «столкновениях смыслов» доводилось: когда мы с приятелем в холостяцкой общаге забавлялись, тыкая пальцем в газету и лепя из «цитат» дурацки-связный текст. Как там: «Разверзлись пламенны во влажности врата / Глава подьмется из мягкого железа...»

Милое интеллигентское хулиганство – вполне достойное приложение сил студенчества того же Литинститута, можно вынести для них на семинарское занятие... Пустячок, напоминающий почти всерьез, что одна из больших тайн культуры и ее мощь кроются в *степени ее свободы*.

24 *М. Лермонтов*. Герой нашего времени.

979 Может быть, виной тому простая *литературно-географическая* идентификация, ибо выпал шанс увидеть именно те места, где разворачивалось действие «Княжны Мери». Но по прочтении (вернее, *n+1*-м перечитывании) не мог избавиться от ощущения еще одной идентификации, или идентичности – уже *нравственно-психологической*.

Неужто Печорин во мне действительно (давно подозревал) дремлет? Или, попросту, таков эффект применения цепи, цепи уподоблений, когда с каждым звеном (шагом уподобления) только растет пропасть между началом цепи и ее концом, а само чтение с его набором понимания и непонимания есть лишь шаткий мост над этой пропастью?

Или, все-таки, Печорин действительно дремлет где-то там внутри, и приходится отрешаться от него, причем každодневно? Не позволять, к примеру, дурным мыслям стать дурными поступками?

Ох, не знаю! Порадуемся все ж таки, что в этой паршивенькой санаторной библиотеке отыскался томик поэзы Лермонтова.

24 *У. Эко*. Маятник Фуко (Иностранная литература, №№ 7–9, 1995).

980 Когда *гносеология* на глазах неотвратимо превращается в *онтологию*, когда из Текста Культуры вычитывается *всё, что угодно*, когда притча оборачивается товарной квитанцией, а мертвое тело поэта на самом деле замещает *ось мира*... начинаешь что-то понимать о роли и месте знаков и символов, и снова будешь опасаться даже касаний пера к бумаге.

25 А. Кушнер. «Среди людей, которые не слышат...» (Новый мир, № 12, 1997).

981 Господин *Ник. Т-о*; поэт в поэтическом безвременье; учитель без учеников; ходатай за Еврипида; не побоявшийся «буржуазного привкуса красоты»; предпочитавший «мудрое недоумение» модным «исканиям Бога по пятницам»; настоящий творец, который всего-то «завалился в щель меж двух временных пластов» – это всё *Иннокентий Анненский*.

Спасибо за разъяснения, дорогой Александр Семёнович!

Только зря Вы подписали «либерастское» письмо к Ельцину. Или Вы не слышите (или не увидели) свой собственный заголовок?

27 В. Пелевин. Чапаев и Пустота.

982 Авторское определение жанра: «первый роман в мировой литературе, действие которого происходит в абсолютной пустоте». Или другое, из «предисловия» Уран Джамбала Тулку VII: «особый взлет свободной мысли». Или, через очевидную отсылку к Борхесу, уже без определения, но с демонстрацией творческого метода: «Сад расходящихся Петек». Могу и добавить.

Неоплатоник бы подытожил: *гимн меону*. Типичный позитивист, наверное, рёк бы: демонстративное *уничтожение логического*. – И все-таки, и по самому малому счёту: сей новый миф о Петьке, Анке и Василии Ивановиче многожды симпатичнее, чем многолетнее о них народное похабство. И еще здесь – попытка *заглянуть именно в себя*, и не испугаться перед разверзшейся пустотой, или, если угодно, бездной.

(отпуск – пп. 973–982)

Март 1998

10 В. Щелкачёв. Основы теории и приложения теории неустановившейся фильтрации (М., 1995).

983 ... Конечно, в прямом смысле – не читал и не прочел. Но я честно просмотрел оба тома монографии, надолго застряв на авторских СКИП-функциях. То было – из области не *чтения* только, но сразу *понимания*: целая жизнь, *цельная жизнь* пролегла между первой публикацией о движении вязкой жидкости в трубе (1929) и этой, классическим итогом труда 90-летнего человека, которая писалась у меня на глазах, и теперь вот мне подаренная. Верность однажды избранному пути, восторг и, одновременно, строгость отношения к предмету любви, – о, как же поразительно точно жизнь в науке соединена с морально-нравственной половиной жизни Владимира Николаевича! Невольно вспоминаешь его росчерк со значком интеграла, как бы *в основании всего* лежащим.

31 Н. Мухомелишвили, Ю. Шрейдер. Информация и фасцинация в прямой и непрямой коммуникации (НТИ, сер. 2, № 3, 1997).

986 Прочел. Всколыхнуло. Зажгло? А я-то, я-то бросил заниматься информационной проблематикой почти уж 20 лет назад! А тут мои старшие коллеги всё еще продолжают ставить первоосновные вопросы, всё еще соблазнительно близко для них лежит пограничная полоса, за которой обретается то самое чудо, или просто тайна.

Неужто я плохо прожил эти десятилетия? Неужто не смогу больше ничего прибавить к тому, что написалось когда-то (в том же «НТИ») об *экстраполяционном подходе*, или об *эпистемации*, или о *времени текста*, или о *предельных объектах*, неужто?

– Кажется, мне это уже не шибко интересно.

31 Н. Зайцева–Соллогуб. Я вспоминаю... (М., 1998).

987 Из драгоценных блесток фактов и образов, ради которых и стоит, честно говоря, процеживать необъятные мемуарные истоки и потоки (а иногда – и стоки), здесь помечу немного: вереница людей в полутьме с зажженными свечами – это «безумные» русские эмигранты едут в парижском метро после службы; фраза Бунина на нищенском писательском обеде, приукрашенной деликатесной горчицей: «Ну, вы богато живете!»; 90-летний Б. Зайцев, бредущий в полицию – уж не дважды ли в день? – для совершения подписки, что покушений на Брежнева не замышляет; безжалостная реплика об Але – «как служанка» (для Марины Цветаевой).

Год – 53 (4, 42)

Апрель 1998

10 А. Лосев. Заключительная часть «Диалектических основ математики» (рукопись).

988 Трансцендентные и комплексные числа, теория групп, матрицы и геометрические орнаменты, – эти вкуснейшие темы из лосевской философии математики почти буквально «просвистели мимо» моих ушей, как пули, почти не задев головы. Не потому, что не попало по назначению, – других голов рядом элементарно не было, – нет, просто страшно спешил, задачи издательские и публикаторские вставали превыше всего, и нужно было срочно «затыкать дыру» в очередном томе собрания сочинений мыслителя. Мне же, вот досада, – некогда было *помыслить*...

Одно лишь наблюдение: эти вновь открытые главы уже как бы и не новы, теперь не остро ощущается их нехватка. Лосев дал настолько мощный метод, указал столь ясный путь для философии математики, что теперь любое приложение метода, любая ходьба (с любой скоростью) по торной дороге уже не требует духовного подвига, как то необходимо было в начале трудного пути, и предстают рутинными и элементарными: почти, можно сказать, прикладная (к математике) философия – вот она. Уже есть.

11 Й. Хейзинга. Задачи истории культуры [1926].

989 История культуры как процесс и как проблема, – не менее сложная и увлекательная, чем самая культура; ремесло историка как подлинное творчество; реальность истории («морфологическое понимание») и континуальность (в смысле бесконечно-значности) любого исторического события. Грациозная методология «порыва к прошлому».

11 Д. Харитонович. Феномен Фоменко (Новый мир, № 3, 1998).

990 Феномен А.Т. Фоменко – после прочтения рецензии я только укрепился подобной мыслью, – блестяще иллюстрирует принципиальную ущербность *абстракции* как таковой. Эти мудреные игры в дедушку могут, конечно, доставлять даже наслаждение (игрокам, – да и сам, признаюсь, игрывал), но все-таки, по приложению к теплому и шевелящемуся миру («клеящие листочки») они суть лишь орудие убийства. *Гомоморфизм в тупой гордыне мнит себя изоморфизмом*, – вот формулировка математической безжалостности к жизни, коли изъясняться на лад, для Фоменок внятный.

16 А. Бельй. Ветер с Кавказа (М.-Л., 1928).

991 Втайне надеялся обнаружить что-нибудь о кавказских пустынных вообще или имяславцах в частности (напрасно), напрямую же изыскивал место в тексте с *атомно-энергетическими прозрениями* поэта (изыскал). Еще нашел почти что и не нужное, в силу своей очевидности, подтверждение всеобщему убеждению, что А.Б. *гениален* – гениален и по писательски и клинически, во всех без исключениях реализациях от бытового поведения до творческого делания, будь это даже и пустяковые «путевые заметки». Особенно поражает, конечно, само разнообразие (буйство, излишество, избыток) тех приемов, какими автор жаждет передать и передает всю цветовую гамму увиденного. Реальность была для него исконно музыкальна (с точностью, думаю, до ритма) и, одновременно, живописна (цвет – свет). Он, действительно, *закатолог*.

17 В. Пелевин. Омон Ра.

992 Карикатура. Фантасмагория. Новая реальность. Так и Сальвадор Дали сочленял мозаику зримых подробностей мира в гиперпространстве абсурда. Еще, читая, вдруг сообразил, что и моя-то судьба, судьба сына недоучившегося в ВУЗе отставного майора и лесничего, странно похожа на судьбу этого самого Омона, сына милицейского. Я тоже четверть века, получается, вертел педали примитивного велосипеда, толкая вроде бы вперед (куда? зачем?) гигантскую махину мало-осмысленного механизма... Есть тексты, которые читать, мягко говоря, *не полезно*.

18 А. Мейер. Религия и культура [1909].

993 «Добивая» редкостное парижское издание «Философских сочинений» А.А. Мейера, не ставил перед собой особых целей, кроме, так

сказать, прямой *заготовки впрок*. Но уже хорошо вижу: Мейер – это особая проблема, ибо он – это высокая вершина нашей культуры, которую почему-то мало кто видит или, к примеру, даже просто представляет, в какой стороне она находится. *Мирская теология*, или *аксиология мысли* – пока так, на сподручном наукообразном воляпюке обозначу имя той *звездочки знания*, что оставил на небосклоне русской философии этот мыслитель.

25 Н. Лебина. Ищите женщину, или размышления в пустой спальне (Звезда, № 10, 1997).

994 Еще совсем недавно, бродя по Пятигорску, с раздражением думал об излишнем мелькании имени «мальчика из Уржума» в реалиях города: откуда, мол, такие почести? неужто за то, что убили вовремя, что не успел сам в чужой крови испачкаться? – Зло, конечно, думал. Теперь вот и фактура добавлена, всё для интеллигентского «перемывания косточек» годится: сей Сергей Мироныч был типичный партийный бонза, ничем ни чище и не выше прочих вождей, да еще и баб излишне любил, за что, как выясняется, и поплатился. Стрелку товарищу Николаеву тривиально «пришили» политическое дело, а всего-то была – мужская разборка.

А Киров? *Всё так же с нами*. Весь тот Большой Террор, что уже *над всеми и каждым* в СССР навис после его неожиданной гибели, никуда ж не делся из нашей истории.

Май 1998

2 А. Мейер. Ревеляция (об откровении) [1934].

995 Просуммирую (усвоенное) так. Мир – он целен и ценен, а поскольку в нем нашлось место человеку (лицу – *челу века*), постольку мир этот на-личен пред ним, т.е. говорит, беседует, общается с ним, откровенен в диалоге (как иначе, когда – лицом к лицу), со-общён ему в откровении...

Уже как исследователь чешу свою репу: попробуй-ка различить! Где чьё в этом тексте, где Лосев «повлиял» на Мейера, где – наоборот. Скорее всего, были среди философов-друзей подлинны со-вет, со-трудничество и со-гласие. А счастью их недолгого и свободного общения помогло несчастье жизни под запором, в неволе. Так что «Медвежке» – хвала и слава!

3 А. Мейер. Размышления при чтении «Фауста».

996 – И тогда – в пол-славы – хвала армейскому бюрократическому механизму с его системой всяческих «ответственных по-», когда весь день *сидишь на телефонах* и чем-то там «руководишь», и *между дел* вполне можешь зараз прочесть то, что в других условиях занимало бы недели.

Однажды кто-то из современных философинь назвал «Фаустом XX века»... Павла Флоренского. Я, признаться, возмутился. Ежели хочется хлесткого, и громких имен подавай – должно стоять, к примеру: Максим Горький. Но о нем скучно держать здесь речи. Не будем отвлекаться.

Не вступаю и в полемику с А.А. – для нее надо хотя бы тесно приблизиться к тексту «Фауста» сугубо читательски, не говоря уж о подходе философском, чтобы он задался на мейеровом высоком уровне. Остается (после пояснения в «Размышлениях») *просто поражаться*, сколь многое запечатлено в гётевской трагедии как, именно, в *чистом мифе*. И речь не только о перегруженной всяческими мифологическими «экскурсами» и «цитатами» второй части «Фауста». Одно отвращение главного героя к колокольному звону чего стоит, или та же его неудача покорения трех мировых стихий (воздух, земля, вода). С такой, оказывается, гениальной неточностью (= глубиной) можно задавать бытию самые точные вопросы...

5 В. Пелевин. Жизнь насекомых.

997 Некоторые ходячие метафоры и фразеологизмы («ну, что ты зудишь, как...», «кровопийца» и проч.) стали вдруг воплощенными, жизнь насекомых оборотилась странной копией жизни человеческой. Претензия к автору, вернее, к его чувству меры: кажется, половина глав «Жизни» излишня, уж слишком скоро игра в аналогии и идентификации надоедает, а сюжет не сообщает даже малейшего движения (хотя бы как в «Омон Ра», где перед несчастными героями постоянно брезжит цель – достижение Луны). Особенно понравилась миниатюрка со скарабеями.

22 М. Гаспаров. Из разговоров С.С. Аверинцева (НЛЮ, № 27, 1997).

998 Не худо было бы почитать любую – хотя бы и эту! – коллекцию Михал-Леонича господину «бриллиантовое перо» А. Яхонтову; не ясно ли, кто настоящий *коллекционер жизни*? – Впрочем, речь не о собирателях высшей ли, не слишком высокой ли квалификации, речь о творцах, о творце. Фигура С.С. давно влечет и впечатляет меня. Влечет не только потому, что он природный (Божьей милостью) гуманитарий, – сие мне, кажется, генетически не дано; не только потому, что долгое время он общался с Лосевым – а мне дано как раз не общаться, а, скорее, при-общаться Лосеву; но и потому, что он умело бережет слово и *сознательно немолствует* – и этого, как оказывается, всегда хотелось и мне тоже.

31 П. Флоренский. Письма с Дальнего Востока и Соловков (Соч., т. IV, М., 1998).

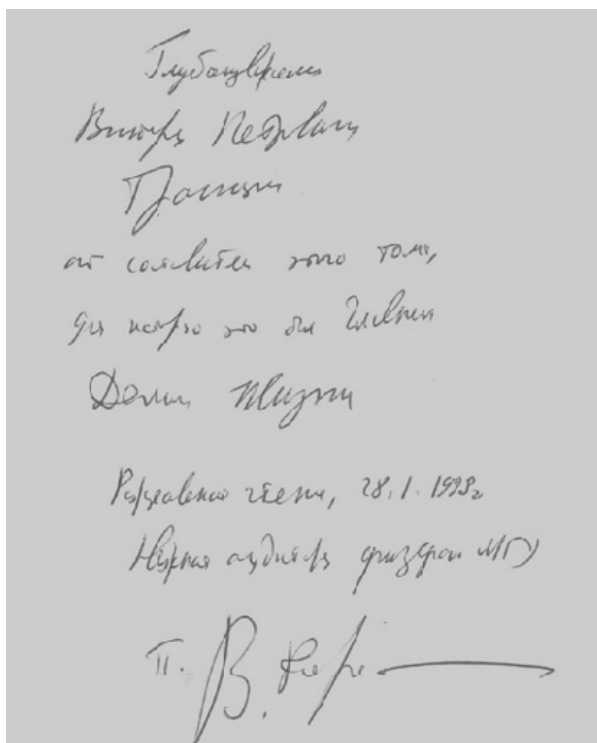
999 Напряженно и почти неотрывно (если в сплошность укладывать несколько вечеров, две недели вечернего майского чтения) жил с этими письмами, однако запись сюда, в «Чтиво» сделать не смог – не оставалось сил «выражаться». Пишу спустя месяц (сегодня 4/VII), когда душа поостыла и в мозгу не так больно бьются вопли внутренней речи...

Сколько ж тут *сложилось* (вернее, *сладилось* в единое целое! различай: сложено – слажено – сложно) блестящих научных идей, блестящих же образов и стилистических перлов, сколько чувства и духовности несут эти мертвые, казалось бы, типографские значки. Благодарю Бога, что мне была

дарована возможность видеть и трогать некоторые из этих драгоценных писем – когда в редакции издательства «Мысль» Лариса Владимировна Литвинова извлекла их из сейфа, бережно и торжественно. [Впрочем, она сопровождала сей акт весьма нелестными репликами в адрес «наследника», мало прилагавшего, по ее мнению, интереса и сил к изданию. Так ли?].

Цветные рисунки водорослей (виды, тщательно зарисованные под микроскопом), сделанные рукой о. Павла, заставили меня *трепетать*.

Пишет: «Хочется хоть этим занять вас. А м.б. когда-нибудь и написать книгу о водорослях – со стороны химич<еской> и технической, полупопулярную; такой еще нет, кажется» (с. 656–657). И прибавляет тщательные обмеры, указания состава, и каким методом что получено, сколько там азота, пентазонов и прочего (хоть сразу в ту книгу!)... а от рисунков до сих пор идет такая энергия, такое искреннее любовование, такая интенция... да, этот гениально одаренный человек, воистину, умел видеть и действительно видел *корни вещей*, видел *эйдосы*...

Да-да, и гимн, и реквием – образу мысли, образу жизне-чувствия, подлинному реализму, единству души человека с душою мира, – вот что такое эти «лагерные» письма. И еще – гимн любви, христианской любви: и земной и, одновременно, вечной, от неба – земле дарованной любви.

Июнь 1998

12 Н. Мухелишвили, Ю. Шрейдер. Образ и смысл.

1000 Научная статья, которую авторы предлагают на Лосевскую конференцию – ее Юлий Анатольевич передал в руки Азы Алибековны прямо на Ваганьковском, после панихиды, а я «перехватил» – почитать.

Нет, это еще не про-лосевская работа, это к-лосевская, скорее даже до-лосевская. Кружным путем, сквозь муть психоанализа и жуть позитивизма, идут уважаемые авторы к лосевской теории смысла.

Подумалось, читаючи, еще вот что: только Мила Гоготишвили что-то понимает логосное, «словесное» в этой теории, но ей явно мешает собственное (и ею вполне заслуженное) много-понимание, которое оборачивается все-таки много- или излишне-словием, – ей бы структурности и афористичности одолжить у того же Алексея Федоровича...

26 Н. Устрялов. Проблема прогресса (М., 1998, переизд. О. Воробьева).

1001 Наш новый знакомец, новый поклонник творчества Лосева, хлопочет здесь о судьбах идейного наследия одного забытого идеолога-сменовеховца. Однако «неможно впрячь в одну телегу коня и ... и т.д.», – сказал наш универсалист Сашка, наш авторитет в культуре высший. Что ж вы его не слушаете, господа и товарищи? Устряловскому «наращиванию бытийственности» скажу – да, необходимости «общения любви» – да, но скрещивать *национализм с большевизмом* – увольте, избави нас от лукавого!

Июль 1998

3 Н. Михайлова. «Собрание пёстрых глав» (М., 1994).

1002 По чувствам заметно *резанули* две подробности-маргиналии из истории бытования «Евгения Онегина», одна *меркантильная* (дорогонько тогда обходилось современнику прочесть поэму А.С., ведь каждая, считай, из глав ее шла отдельным выпуском, ценой по *пять рублёв*, итого за 40 всё удовольствие, каковое причинялось только для господ из самой высокой элиты), а другая *философичная* (первоначальная структура «романа» мыслилась сугубо троичной – в трех частях, и в каждой по три главы, итого девять, эннеада; и сама жизнь заставила А.С. отказаться от столь явной симметрии, столь очевидной структурности). Принялся листать сей текст с сугубо прикладным интересом – скovyрнуть, мол, каких *изюминок*. Теперь мне такая *охота за маргиналиями* начинает определенно нравиться.

11 Письма Вяч. Иванова детям (1927). Д. Иванов. Из воспоминаний (Сб.: М., 1996).

1003 И свидетельства самого Дмитрия Вячеславовича, и письма к нему отца говорят об одном: сколь важна была для этих людей сама *форма* жизни, и сколь она была необходимо *содержательна*.

Теургика как прагматика, а прагматика как... романтика?

24 Н. Богомолов. Anna–Rudolph (НЛО, № 29, 1998).

1004 Как всегда для Николая Алексеевича, сделано добротнo. Добротнo, с частно-архивистским рвением и обще-публикаторской иронией сделано это повествование об *Анне Минцловой* (1865– около 1910). Гермес-посредник меж поэтами русского Серебряного века и царством теней средневеково-рыцарской мистики. Изящен заголовок, в котором «крастворенность» и «промежуточность» героини (в пространстве-времени) манифестируется парным символизмом имен.

24 А. Платонов. Истина, сделанная из лжи (Воронежская коммуна, газета за 19.01.1921).

1005 Порядкам в ЦГА РФ – *vivat!* К примеру, в «Ленинке» тамoшнее газето-хранилище (причем, после многократных заказов и перезаказов, – а поезди-ка в Химки!) явило жалкие останки воронежской печати времен «военного коммунизма». А тут, пожалуйста: уже через пять минут после подачи заявки принесли полнейшие и аккуратнейшим образом оформленные подшивки, так что искомую «пару» к статье Платонова «Слышные шаги» сыскал вмиг. И стоило трудиться, право слово! Будущий классик русской литературы умудрился вместить очень многое на лоскутке газетного пространства: тут вам и общая теория истины, и сердитая критика канторовской теории множеств (изящнее некуда было бы «покритиковать»: *вся многообразная бесконечная Вселенная равна одной точке*, – резюмирует автор, чем абсолютно точно и верно ухватывает суть парадокса точечного представления множества), и вдохновенный гимн человеческой мысли, не знающей границ и преград.

Август 1998

18 А. Мейер. Слово–символ (Минувшее, № 6, 1988).

1006 Универсум міра, словно ковер, соткан из *зовов* и *откликов*, мір по природе своей *звучен* и *звучащ*, мір – тот океан, в котором всякое слово окатывает берега теплой волной своей, и нет конца и меры этому вечно-подвижному *прибою* и *отбою* бытия. Вот какое любопытное «замыкание» произошло в уникальном «случае» А.А. Мейера: *говорение* стало для него образом жизни, а звучащее и понимаемое *слово* – образом міра.

19 Письмо А.Ф. Лосева А.А. Мейеру (в НИЦ «Мемориал», СПб.).

1007 Единственная моя пожива в «мейеровском фонде», всего-то четыре странички рукописного текста. Но сколь высока ценность сих листочков! Они сохранили и несут самое, наверное, дорогое – подлинные отношения подлинных личностей. Можно лишь догадываться, каким жестоким ударом была для Алексея Федоровича скоро последовавшая тогда кончина Мейера. Единственный раз в жизни Бог даровал ему настоящего (соразмерного, соприродного) друга и собеседника, и тут же отнял его...

Глубокоуважаемый, дорогой и незабвенный
Александр Александрович!
Ваша неопытная болельщица первая наша с Ва-
ми работа по проекту философии и не дает забыть
каждый день встречаться. Но во всем мире нет такой
♦Боготворчества, нет такой сил и силе расстановки ко-
торые бы могли превратить наше общество и во всеобщую
каждый раз, как будто величайшего и бес. Потому-то
это бы тем самым - мы последнем с Вами; и я решила
вспомнить Вас своим письмом, несмотря на Вашу занятость.
За всю жизнь не было у меня такого глубокого, не-
кого против и обиды друга в философском отношении,
как Вы. Всегда была с Вами пробираемая в душе угор-
любная, нежная, неслепая; и я всегда была все, была
любовь и благодарность, если Вы что не забыли. Вы знали
красоту этой мысли и зарешили жить свободой, благо-
родной свободой и мирной жизнью. Стало освобож-
дать себя правды или с Вами вместе в атмосфере сов-
ести, высоты философии, и как сладко было обмануть друг
управляет одна дружба среди злобного класса познания и
сейчас, величайшая Вам, величайшая дружба, не-
просто удовлетворять, как близкая и искренняя потребность, как
в миру, так и миру и как мало сделано за всю
прожитую жизнь.

20 Письма Н.Н. Русова Э.Ф. Голлербаху (ГПБ, ф. 207, 1918–1937).

1008 В два приема, в зимнюю и летнюю (архивные) кампании взял сей бастион, сиречь – насквозь прочел эту обширную переписку, около 240 листков, покрытых бисерным почерком. Письма охватывают без малого двадцать лет, и каких! Ценны, конечно, прямые упоминания Лосева в них, но

таковых немного. Драгоценны многие подробности эпохи, здесь «отложившиеся», важны и биографические материалы самого Николая Николаевичам – фигуры, почти исчезнувшей с культурной карты России.

Из немоты и небытия вдруг выткался голос, очертился профиль обаятельной, неуспокоенной, ищущей личности.

Хорошо бы, кстати будь помянуто, разыскать личные бумаги Н.Н. Русова и, в особенности, рукопись его «Гносеологического романа». Одно название чего стоит!

19 П.В. Флоренский. <Две публицистические статьи в журнале> (Наш современник, № 5, 1997).

1009 На фоне вполне благопристойных и спокойных, и даже стройных (в логическом смысле) рассуждений тут зияют всяческие *экстравагантности*: о советской ядерной бомбе, благословенной самим св. Серафимом Саровским, или об Алексее Лосеве, которого не было, нет и не будет. Довольно изысканно и витиевато отобразился дед во внуке, а модерн начала века – в модерне его конца.

19 Карело-Мурманский край (№№ журнала за 1932–1933 гг.).

1010 Прихотливым (извивным) путем, текущая поисковая работа вывела меня на сие издание. С неопределенно-странным и особым чувством читал номер (№ 5–6, 1933), посвященный открытию Беломорканала: *тогда* построили и *буквально все* дюже радовались (в том числе и з'к, ибо многим была амнистия), а *теперь* будто бы *все и всё* забыли и, кажется, простили...

Хорошо помню, когда недавно пришлось непосредственно побывать внутри 19-го шлюза Канала, мирно одолевая туристический маршрут Повенец–Беломорск–Соловки, никак не мог отделаться от чувства, будто кто-то упорно и неотрывно уставился тебе в затылок. Серые массы бетона будто стали крыльями серафима, усеянными тысячьо глаз, безмолвно взывающих и невидимо святящих.

21 И. Резникова. Православие на Соловках (СПб.: Мемориал, 1994).

1011 Издано, увы, с большими типографскими дефектами (видать, по бедности). Но, во-первых, дареному коню в зубы не смотрят, а, во-вторых, можно еще неплохо поучиться у автора [Ирины Анатольевны] научной добросовестности и умению выдержать тон и тонус высказывания, причем по случаю весьма деликатных тем. Не это ли, прежде всего, имел в виду Д.С. Лихачев, говоря о *стыдливости формы* настоящей русской литературы?

Служба памяти, каковой и является «Мемориал», и должна быть менее всего субъективной (и политизированной?), зависимой от простых эмоций. Требовалось создать возможность максимально высказаться документам и фактам, – так и было, в результате, сделано.

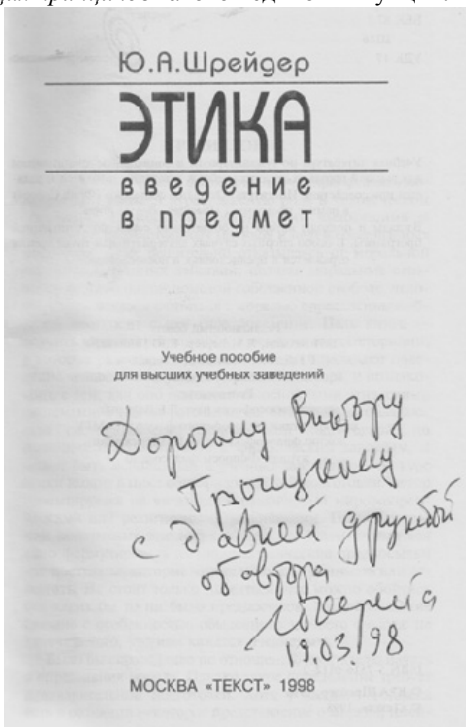
Сентябрь 1998

10 Ю. Шрейдер. Этика. Введение в предмет (М., 1998).

1012 Последнее, что успел написать и отправить в печать Юлий Анатольевич – это, конечно, одна из тех многочисленных статей (по философии, логике, математике, психологии, богословию ли), каковые исправно текли – а, вернее, летели, просто даже неслись! – из-под его пера, по многу единиц, а то и десятков в месяц.

Эта же, последняя при жизни, книга особо выделена в длинном ряду его интеллектуальной продукции, ибо она итоговая, и она особо «окрашена». Она задумана, как *совесть* сама – должна послужить читателю подлинным компасом в ценностно-ориентированном мире...

«Поразительно не многообразие представленных в этой книге этических систем и концепций. Поразительна общность моральной интуиции, на которую все они опираются», констатирует Ю.А. и формулирует 11 *общих принципов* таковой единой интуиции.

Вот умер Ю.А., и, знаю, мне его будет очень не хватать. Но печаль моя светла, как светел был этот незаурядный человек, этот добрый и умный еврей, творивший, изводивший идеи из самого средоточия России. Он когда-то учил меня элементарным навыкам научной работы, а еще преподавал,

попутно и исподволь, бесценные уроки нравственного поведения. Вот и «Этика» – последний его и, надеюсь, не запоздалый урок.

11 Медвежьегорский большевик (газета за январь–апрель 1933).

1013 Взятся читать, конечно, «для колорита», нисколько не надеясь, что в этом (отнюдь не «лагерном») издании отыщутся следы *заклоченного каналаормейца Лосева* – и с «колоритом» не ошибся. Вот уж, поистине, было время, когда о человеке (единичном человеке, личности) негде и некому было хлопотать. Все четыре месяца – сплошь – в газете и было всех-то тем: а) директивы, указания и призывы «к массам», б) доносы типа имярек пьет, имярек плохо работает, в) отчеты о проделанной работе, в пудах и кубометрах, и г) жалобы и сообщения... лошадей, и не единичные, не однократно. Да-да, так и кончается, к примеру, одна статья в полстраницы: «следуют подписи 60 лошадей». Гениальный выдумщик Джонатан Свифт с его «страной Гуинггмов», небось, позавидовал бы нашим недавним реалиям.

14 В. Соловьев. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории <...>.

1014 Соло *генерала* («религиозно-бытовая» точка зрения, по типологии автора) с иллюстрирующими картинками из русско-турецкой войны, соло *политика* («культурно-прогрессивная» точка зрения) с притчей Варсонофия о двух пустынниках, соло *господина Z* (а это – «безусловно-религиозная» точка зрения) с вынесенной за пределы «разговора» историей Пансофия об антихристе (взамен вставлен «фарс» о кротком и учтиво камергере Деларю): дискуссия, похоже, построена довольно схематично и искусственно, да так и должно быть при скороспелом переложении ученого трактата на язык «для трамвайного (то бишь, на конке) чтения».

Но дело, конечно, не в форме и ее исторических условностях. Содержательно же – перед нами *только очередная*, пусть блестящая и убедительная, но очередная – отнюдь не первая и не последняя, – *постановка вопроса* о природе зла. *Разрешение* же вопроса, да еще и в XXI веке, ну никак, извините, дорогой Владимир Сергеевич, не просматривается что-то нынче, как и в ближней перспективе тоже.

17 М. Гершензон. О новом правописании (Возрождение, № 7, 9 июня (27 мая) 1918).

1015 Так на «частном» вопросе орфографической реформы, при параллельном усилии вместе с автором статьи «Наш язык» приготовлен скорый союз «Переписки из двух углов» (1922), где оба автора касались проблем культуры уже глобально, в масштабе зона, включавшего мудрецов Саиса. – Да, культуре вредит всё, что уменьшает степень разнообразия, а из живой цельности вырывает частности, тут же цепенеющие и умирающие. Не навреди! Всегда помни о целом! Оттого (в данной заметке) и нападает «эйдолог» на «фонологов», – он прекрасно *видит*, что проблема писать или

не писать ер, по меньшей мере, столь же актуальна, как и борьба с холерой или неотвратимые аресты ЧеКи (о последних – см. на тех же ветхих страницах газеты). Вообще очень интересной и, что называется, репрезентативной представляется эта временная «вырезка» размером приблизительно в месяц, пока существовало «Возрождение», а на его страницах запечатлевалась эпоха *краха России*, – как видится, предшествующего (1918), относительно нынешнего (1998), краха.

24 К. Ротиков. Другой Петербург (СПб., 1998).

1016 При всем, признаться, мне не подконтрольном отвращении к *гомосекам* должен констатировать, что книга сия цельна, талантлива и, извините, ценна. «Моноидейные» влечения как фактор культуры старого Петербурга – интегральная тема, – и биография певца однополой любви М. Кузмина как ее частная, композиционная реализация вместе работают на такую цельность. Книга талантлива хотя бы потому, что она густо усыпана блестящими словесными кунштюками, и в ней есть легкость и изящество общей подачи «фактуры». А последняя ценна именно как по редкости своей (будучи под запретом долгое время), так и по прихотливости событийных сочетаний. Что ни говори, а книга подтверждает: *культуро-логия* не имеет прав на автономию от *антропо-логии*.

Есть, пожалуй, только одно обидно-разочаровывающее впечатление от прочитанного: все-таки не хочется принимать (или признавать), что *наши Лермонтов* – что вряд ли сплетня – был классический *инкуб*.

28 Перековка, орган Управления ББК и Центрального штаба С и У (№№ газет за 1935).

1017 Ну, вот же – существует в природе эта «Перековка», орган жутко расшифровывать чего; своими руками ощупывал иогревал ее страницы в хладном читальном зале ГАРФа. Если б еще годки были другие, не 1935 и 1936, а 1932 и 1933, как в моих поисках надобно...

В коллекцию курioзных реалий, безжалостно отображающих специфику тогдашнего лагерно-советского духа времени, сложу эти почти наугад взятые заголовки газетных статей: «Как во 2 отделении калечат лошадей. Зайцев загнал “Зорьку”» (о преимуществе лошади перед человеком в ГУЛАГе нам уже хорошо ведомо); «Религиозник Мишин, покончив с предрассудками, стал хорошим ударником» (апулеевской мощи метаморфоза); «На фронте борьбы с отказами неблагополучно» (фронтов – не счесть! имеется в виду, конечно, не отказ техники, а отказ выходить на работу, как правило, со стороны «социально близких» уголовников); «Рационализировать разводку пил» (з\к – ИТРы об НТР). И «культурка» у нас есть, а как же: «Первый шахматный турнир ББК» (1 июня), «О последних постановках Центрального театра ББК» (27 сентября). Есть даже потрясающая ода, даже сага «Приказ № 143», тут истарался И. Бондаренко:

«... Приказ о том, чтоб, кончив срок, \ Ударник быта и работы \ Свой путь дальнейший вверить мог \ Могучей партии заботам» (15 августа).

Как жгуче жалко этих людей!

29 Вера Иванова. Времена жизни (Смоленск, 1993).

1018 Попил *иной* водицы: «И будет адрес у всего \ И неразменный смысл...»... «А если позовёшь, то всё прощай»... «Сердце сердцу тогда отзовется, \ Если Бог нас всё же простил»... «Там моет камешки упругие согласных \ Обильных гласных чистая струя». Спасибо!

Октябрь 1998

10 П. Флоренский. Изречения Дарьи (Новый мир, № 8, 1998).

1019 Вот тебе иллюстрация двух (равноправных? не знаю, не уверен, – но равно реализованных в действительности) подходов к приятию *самой жизни*. Посев, быть может, обобщил бы встречу с подобным «явлением» каким-либо определением, включивши его в контекст размышления о высоких материях (что-нибудь о вздорной курносой дуре с кухни, и, мол, весь мир вертится вокруг нее и ее суждений), о. Павел отнесся к «явлению» чисто эмпирически, как зоркий натуралист (обобщения тоже могут быть – но много позже!), и принялся тщательно фиксировать словечки-сентенции как таковые, как значимые подробности внешнего мира. Вот только, встает еще большой вопрос, что больше обездушивает, оболванивает, одереветяет предстоящее свидетелю «явление» – нейтрально-объективистская фиксация или заинтересованно-направленное обобщение?

14 М. Уваров. Архитектоника исповедального слова (СПб., 1998).

1020 Похоже, самые любимые авторские мысли выражаются здесь (но из любви к философии и науке – готов потерпеть!) едва ли не самыми кудрявыми формулировками. Как то: «В истории России осуществляется уникальный проект синтеза бинарного и тернарного архетипов, основанием чему выступает глубина православной идеи, в частности, существование в ней неуничтожимого вектора исповедального слова». Или, почти о том же: «... идея антитетики русского самосознания неизбежно гармонируется с помощью исповедального дискурса».

Ну да Бог с ним, с этим термино-любием немного «западнического» толка! Много (взамен) интересного нахожу¹⁸⁸: *дуэль* как «метафизическая

¹⁸⁸ Вскоре мы познакомились с *Михаилом Семеновичем Уваровым* (14.01.1955–14.12.2013) и, смею утверждать, подружиться. У нас нашлось много общих тем и идей. Философ и гуманист по природе, по нутру своему, М.С. явно тяготел также к проблематике «точных» наук, чем был для меня особенно интересен. Я довольно регулярно участвовал в его семинарах «Метафизика искусства» в Питере, а он, в свою очередь, несколько раз выступал в «Доме Лосева». Случались у нас и явные расхождения, например, в оценках культурной

сборка»; метафизика *ландшафтов* Петербурга; вкусная *физио-гномика*; логика *истуканов* (пустое седло «Медного всадника» и покаянный Петр Великий в памятнике М. Шемякина); связка *любовь и смерть* как архи-тема в отечественной культуре.

Особая благодарность за бережное и грамотное использование идей лосевской «Музыки как предмета логики». Спасибо за выпукло очерченные фигуры Куклярского и Яковенко (для меня доселе весьма смутные), спасибо особое – за четкую формулировку «парадокса Эль Греко» (именно парадокс я давно чувствовал, но *так убедительно* выразиться – не смел).

30 Стенограмма прений по докладу М.Б. Митина «Положение на философском фронте» (9, 10, 13 октября 1930).

1021 Рылся в ГАРФе по иным делам (ищу предполагаемый след А.Ф. Лосева в судьбе книжки «Психология в воспитании», 1924), но за каким-то чёртом (прости, Господи!) полез в фонд Р-5205...

Как же это всё, увы, смердит: «... почему я заинтересовался генетикой? я ведь не специалист по биологии? ... а интересует меня это потому, что я знаю, что это нас ведет в лагерь буржуазии и больше ничего... Нужно везде нюхать, – нет ли здесь буржуазного влияния» (некто Мартынов). Или вот еще перл: «Когда партия сказала, что философское руководство делает ошибки и что ему надо поправиться, Сталин в январе 29 г. точно и ясно сказал, что у нас теория отстала от практики на 2 с лишним года...» (некто Голубева).

Знаю, что эта болтовня потом излагалась в журнале «Под знаменем марксизма», но еще и там читать – вовсе расхотелось. А эти жухлые листки чем-то даже интересны. Может быть, потому, что тут еще вовсе ничего не правили, не редактировали (стенограмма ж), и тогдашняя *прямая речь* – вся на виду. Тут по-медицински (или химически) чистое состояние уцелело.

Ноябрь 1998

21 Переписка А.Ф. Лосева и А.А. Мейера (архивное собрание).

1022 В том виде, как они лежат передо мной, эти письма еще не публиковались и текст их, можно сказать, еще не функционирует в культуре нашей как текст и потому вряд ли существует (как сказал бы классик) даже *семиотически*. Но в моей жизни эта переписка давно уже более чем реальна.

Реальность как заноза – вполне авангардистский можно приладить сюда заголовок. Как заноза – в области философских вопрошаний, как заноза же – в сфере научных обязательств и житейских долженствований, уже моих.

ценности постмодерна, или – был разговор, советовал ему по-дружески, – зря он так увлечен изучением «фигур танатоса». Незадолго до его безвременной кончины мы встречались в последний раз, когда у нас на Арбате проводился его творческий вечер, и представлялась масштабная деятельность его журнала «Парадигма». Даже намеком этот мужественный человек не обмолвился, что смертельно болен и хорошо себе представляет, что вскоре, видимо, отправится в ту самую область, которую он доселе пытался постичь чисто философскими методами.

23 «Переписка из двух углов» (по кн.: *Вяч. Иванов. Родное и вселенское*, М., 1994).

1023 – Потому и эту «Переписку» Иванова и Гершензона пришлось, в который раз, перечитывать. Культура, именно, как *хлопотная проблема*. Отнюдь и нисколько не какая-нибудь *награда* или, проще, *достижение*. Еще раз: культура как *танталова (онтологическая) мука*... Ладно, примерно так помечу: итог данного (про)чтения.

21 *М. Хайдеггер*. Что это такое – философия? (Вопросы философии, № 8, 1993).

1024 Философ только тем и занят, говорите, что «приводит зов бытия к речи»? Так это в точности то, что прекрасно сформулировал А.А. Мейер (*русский немец*), да еще и лет за 20 до знаменитого *немецкого* русского. Здесь оригинал статьи Хайдеггера помечен 1956-м годом.

Декабрь 1998

10 Предложение об издании книги *Н.П. Киселев «Русское масонство...»* (1922).

1025 Из многих и разных текстов, перелопаченных мною в ГАРФе (в фонде ГИЗа ищу, как всегда, «следы» Лосева), почему-то особенно запал в душу этот. Несколько листков ветхой бумаги, жалкая попытка из разряда «заявления писателей и литераторов об оказании содействия в издании произведений». Люди строили далекие планы, усердно марали бумагу, фантазировали (это ж надо было предложить *такую* тему?!), на что-то надеялись, верили – не ведая, какое грозное будущее уже надвигается.

А ведь у каждого, попросту, так и есть, так и было:
– *Что делал? – жил.*

13 *В. Матонин*. Декабрь напомнил... (Архангельск, 1998).

1026 Книга нашего дорогого соловецкого Вергилия. По счету уже, как выясняется, третья. Конечно, поэт изобличался в нем сразу, хотя бы в тот момент, когда Василий начинал вести экскурсию по Большому Заяцкому острову со стихов Иосифа Бродского (об Одиссее). С точным попаданием в ситуацию, в топос и хронос, чуть ли не приводя к нам вечность за руку.

В стихах Василия Матонина впечатляет высокая густота смыслов. Оттого, видимо, многие первые строфы его стихов всегда «нагружены» (обычно, как известно, больший поэтический припас господя рифмующие приберегают под конец, вздымая к небесам выстрадавшую коду), как эта, к примеру: «На трубный глас настроены ветра...»

19 *Н. Кузьмичев*. «День ожидаемого огня...» (послесловие в кн.: *А. Ухтомский. Заслуженный собеседник*. Рыбинск, 1997).

1027 Книгу купил [при большом числе означенных на титуле спонсоров, книга до странного дорога], чтобы без спешки и помех изучить

старую диссертацию Ухтомского о космологическом доказательстве бытия Божия – что делать, кренит меня нынче в эту сторону, – но зачитался перепиской Алексея Алексеевича с Верой Платоновой. Какая удивительно напряженная и, главное, непрерывная работа духа! И вот еще, важнейшее признание не забыть бы: «ведь я монах в миру» (с. 515).

Опыт XX века: князь Алексей Ухтомский, монах в миру, думал не о себе, но всегда и только – о другом, о друге, о «заслуженном собеседнике».

26 Л. Зиновьева–Аннибал. Тридцать три урода (М., 1999).

1028 Читал *ее*, а думал больше *о нем*, о Вячеславе. Или *о них*. Бедные-бедные, полуслепые половинки, еще Зевесом разъятые, обреченные тыкаться куда попало, изнывать в несовпадении и обманываться во встречах. Таковы были и «башенные» эксперименты по «преодолению пола»? – И все-таки, дал Бог поэту настоящую Диотиму. А писатель Lidия – аховый.

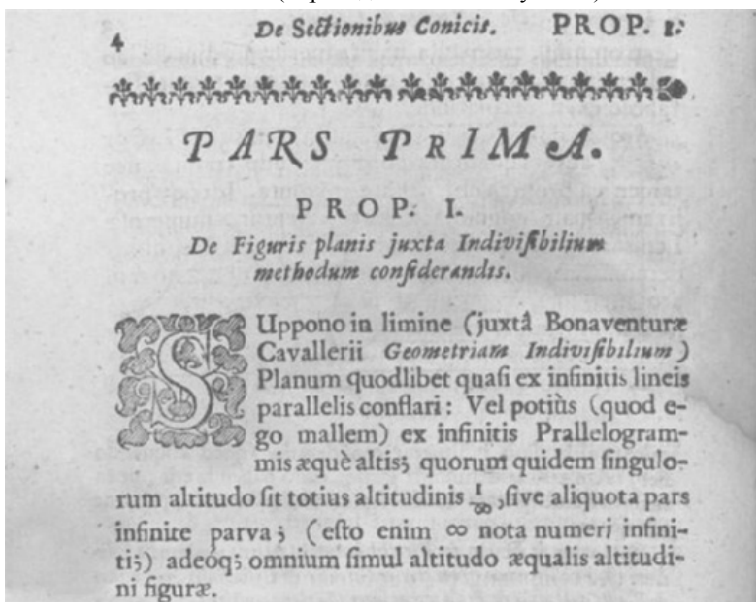
*Заканчиваю воспроизведение «Чтива»
в данном выпуске «Тропы»
декабрем 1998 года –
маркером завершения долгой военной службы.*

МЕСТОРОЖДЕНИЕ БЕСКОНЕЧНОСТИ

В данной коллекции, по возможности, опишу точное место и время (культурный хронотоп) первого появления известных в истории науки *символов бесконечности*. Описания попробую совместить с некоторыми реконструкциями *собственной жизни* этих замечательных символов.

Месторождение – I. Первым выступает *Джон Валлис*, вернее, *Уоллис* (John Wallis, 23.11.1616 – 28.10.1703), английский математик-самоучка, который применил знак ∞ в 1655 г. сразу в двух трактатах – «О конических сечениях» [1, 4] и «Арифметика бесконечного» [2, 152–153, passim], [3, 196]. В современном справочнике по истории математической нотации поясняется, что данный знак вводился Уоллисом «для указания неограниченного возрастания» [4, 18], т.е. для обозначения *потенциальной* бесконечности. Так ли это? С самого начала трактата «О конических сечениях» Уоллис развивает «метод неделимых» Кавальери, переходя от геометрических построений к алгебраическим, для чего ему понадобилась нотация «бесконечно малых» (т.е. бесконечно *убывающих*) величин, которые он обозначает как $1/\infty$, и поясняет при этом: esto enim ∞ nota numeri infiniti;¹⁸⁹ – «пусть же ∞ будет знаком бесконечного числа» (перевод Н.К. Малинаускене).

¹⁸⁹ Цитирую это важное место с воспроизведением знака паузы punctus elevatus (;). Саму паузу охотно интерпретирую как многозначительную.

Иными словами, Валлис хлопотал о введении именно «бесконечно малых», и при этом пользовался понятием «просто» бесконечной величины как готовым, присваивая ему удобное обозначение, и явно не нуждаясь в уточнении, завершенная ли это бесконечность или потенциальная.

Важно, что у Лейбница, скорее всего, знавшего о работах Валлиса и чрезвычайно внимательного к любой, не только математической символике, знак ∞ применяется совсем иначе, – как *знак тождества*, например, в рукописи «Первоначальные основания логического исчисления» (1690):

«(3) $A \infty A$.

(4) $A \text{ не } \infty B \text{ (не-}A\text{)}\text{» [5, 617].$ Вопрос, был ли у Лейбница особый знак для бесконечности, отложим до разведки следующего месторождения.

Валлис не оставил обоснований либо пояснений к своему выбору. Известная гипотеза, что он «использовал латинский символ, означавший 1000» [4, 18] и [3, § 421]¹⁹⁰, представляется мне искусственной, а также излишне, даже вопиюще... латиноцентричной. К сожалению, такую же «избыточную» точку зрения пропагандирует и известное исследование Карла Меннингера, в котором знак ∞ назван «странным значком» [6, 304]. Но подчеркнем, во-первых, что первоначальное (архаичное) латинское обозначение для «очень большого» числа (здесь, 1000) выглядит простовато и совсем не близко к нашему *красивому* знаку ∞ : это круг, поделенный пополам вертикальной чертой. Отметим попутно: из такого «поделенного круга», согласно современной реконструкции [6, 303], «отделились» знак цифры 500 (правая половина круга – D) и знак цифры 100 (оставшаяся после деления левая дужка круга – C). И уж совсем не похожа на знак ∞ окончательная форма этой цифры в латинской передаче – M (mille, тысяча). Интереснее, во-вторых, другое: Валлис как блестящий знаток латыни, иврита и греческого языка (греческий особо засвидетельствован рядом исследователей), для обозначения *особого числа* мог уверенно брать знак именно из греческого алфавита, причем, последнюю букву оного – о-мега, «о большое»¹⁹¹. Грекоцентризм Валлиса проявился здесь с особым изяществом. Поскольку в своих трактатах он уже и без того обильно применял греческие буквы для алгебраической нотации, ему важно было особо выделить для *nota numeri* специальный знак, и потому вместо очевидного ω он вводил

¹⁹⁰ Справедливости ради отмечу, что R. Sajóri при этом целиком полагался на «смежников», ссылаясь на курс латинской палеографии W. Wattenbach'a (1872).

¹⁹¹ Можно предположить здесь библейскую аллюзию к букве Ω , входящей в развернуто-символическое *Имя Бога*: «Азь есмь Альфа и Омега» (*Откр.* 1:8, 22:13); *греч.* $\text{Εγώ εἰμι τὸ ἄλφα καὶ τὸ ὤμειγα}$, *лат.* ego sum A et Ω .

старинное написание «о-мега», известное в скорописном, так называемом *минускульном* письме как раз в форме ∞ (см. примеры минускулов для ω в сводной таблице [7, 157]).

Прошу снисхождения, но не могу удержаться от такой ассоциации из возможного здесь «пучка смыслов»: латинское название упомянутого типа скорописи есть *minusculus*, то бишь *маленький*, что как нельзя лучше могло бы инициировать выбор ∞ для введения *бесконечного* в целях работы с *бесконечно малыми*. Не эта ли ассоциация мелькнула в голове Валлиса, имевшего, надо полагать, богатую языковую интуицию?

Конечно, разбираться с ассоциациями и интуициями, которые *почти никогда* не оставляют видимых следов в ученых трактатах, – дело само по себе неблагодарное. Но об одной ассоциации, которая прямо напрашивалась именно для научной публикации, но так и не была произведена на свет, приходится здесь заметить особо. Речь пойдет, конечно, о *лемнискате* Я. Бернулли. Публикуя в 1694 г. одно из исследований о деформациях «плоского стержня-эластика» (открывая важную страницу «сопромата») ¹⁹², он ввел в научный оборот очередную *замечательную кривую*, которую, в современных терминах, определяют как геометрическое место точек, произведение расстояний от которых до двух заданных точек-фокусов постоянно и равно квадрату половины расстояния между фокусами. Бернулли отметил, что новая кривая схожа с цифрой 8, а также с симпатичной повязкой-бантиком, которая еще в Древней Греции (величась там *λημνίσκος*) помогала крепить лавровый венок на избранные головы. Потому и назвал кривую подобающе – *lemniscus* [8, 262]. А то очевидное, что лемниската в точности описывает контур Валлисова знака, так и не пришло в голову Якобу из славного семейства Бернулли ¹⁹³...

Не покидая область лемнискаты (и символа ∞), отметим одно важное свойство этой, действительно, замечательной кривой. Свойство хорошо наблюдается, если представить лемнискату параметрически (через степени параметра p – но само уравнение с параметром здесь, для экономии места, опускаю) в прямоугольной системе координат $(x; y)$, где $p^2 = tg(\pi/4 - \varphi)$, а φ есть угол в полярном представлении этой кривой. Уравнение полностью

¹⁹² Отмечу любопытный казус истории математики: в известном справочнике М.Я. Выготского в разделе «Некоторые замечательные кривые» говорится о работе Я. Бернулли, «посвященной теории приливов и отливов» [9, 775]. Это так нужно было прочитать латынь, или перепутали с сочинением *Даниила* Бернулли?

¹⁹³ Зато *Иоганн* Бернулли, сын Якоба, широко использовал этот знак R. Sajori, § 421

описывает данную кривую, когда наш параметр пробегает всю вещественную прямую от до , причем, когда параметр стремится к , точки кривой стремятся к двойной точке из второй координатной четверти, справа и снизу, а когда параметр стремится к , то точки – из четвертой координатной четверти, слева и сверху. Встречно и с наглядным «замедлением» возле двойной точки...

Нам эта картинка, построенная при изменениях параметра p на фиксированном шаге, еще пригодится, когда будем разглядывать знак бесконечности у Эйлера.

Сделаем еще одно замечание, возможно, лежащее немного за рамками истории знака бесконечности у Валлиса. Представляется интересным (и требующим, конечно, своего специального исследования) сам факт, что изображение «лежачей восьмерки» каким-то странным образом и внезапно появилось в европейской культуре, причем в особом контексте, равно далеком и от теоретических проблем вычислений, и от практики письма греческим минускулом. Этот особый контекст – водяные знаки на бумаге. Удивительно, но факт: одним из самых первых водяных знаков, которые были запечатлены на продукции итальянской бумажной фабрики в Фабриано, почему-то оказался именно «лежачей восьмеркой» (датирован 1293 годом) – это обнаружил итальянский исследователь филиграний Аурелио Дзонги¹⁹⁴. Причем называть знак «восьмеркой», сразу поправимся, было бы не очень правильно, ибо арабская нотация для цифр в XIII веке еще только начинала входить в обиход, она была известна очень немногим. Удивительно и другое: больше этот знак нигде и никогда не повторялся, его мы не найдем среди десятков тысяч иных филиграний, запечатленных на бумаге Средневековья и Возрождения. Поэтому в знаменитом каталоге «Les Filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier» Брике (С.М. Briquet) этот знак помещен в разделе «Филигрании неопределенные (неизвестного или загадочного значения)» под очередным номером 16016¹⁹⁵; всего, на всякий

¹⁹⁴ Zonghi A. Le marche principali delle carte Fabrianesi dal 1293 al 1599 (Fabriano, 1881). На данное открытие прямо указывал в свое время Н.П. Лихачев [10, 13]. В работе 1884 г. тот же А. Zonghi следующим образом описывал три древнейшие филигрании: а) «Linee in croce terminate da circoli» (крест, составленный из кругов), б) «Figura della forma del n.

¹⁹⁵ http://www.ksbm.oeaw.ac.at/_scripts/php/loadWmlcons.php?rep=briquet&Dsubtypes=689&lang=de. Отметим, что Шарль Брике, в отличие от А. Дзонги, поворачивает изображение на 90° и, тем самым, преподносит его как «восьмерку», однако нисколько не отказывает знаку в загадочности.

случай отметим, в этом разделе сто восемь «загадочных» водяных знаков, №№ 16005–16112. Такой перед нами возникает действительно загадочная прото-вспышка символа, ставшего лемнискатой.

Вспоминая теперь о Валлисе и его нотации, осталось прибавить, что в дальнейшем европейская культура не оставила в забвении «обиженную» Валлисом букву ω , вернее, более известный вариант ее начертания – сначала усилиями Г. Кантора, перед которым откроется перспектива именовать и обозначать целые *системы бесконечностей* (подробнее об этом см. в Месторождении-3), а затем в грандиозных построениях отца Тейяра де Шардена с его *точкой* Ω . «Точка» эта явилась тихо: сначала на довольно схематичном рисунке, символизирующем развитие «человеческого пласта» и конвергенцию «в точке Омга», причем длительность ее (конвергенции живых форм), отсчитывая от современности, должна быть, по Тейяру, «порядка нескольких миллионов лет» [12, 156], а затем при изложении проекта «сверх-жизни» всего человечества и необходимости «признать реальность существования и свечения уже в данный момент этого загадочного центра наших центров, названного мною Омгой» [12, 211].

Месторождение – 2. Великий математик *Леонард Эйлер (Leonhard Euler, 15.04.1707 – 7.09.1783)*, родом происходивший из Швейцарии, а затем полжизни проработавший в России при идеальных условиях для творчества, созданных ему российским правительством и Академией, оставил громадное, фактически необозримое идейное наследие. При этом он стал создателем *очень продуманной и удобной системы терминологии и символики* для большинства классических областей математики. Эта система практически используется донныне и повсеместно. Тем удивительнее, что одно его оригинальное нововведение, а именно, обозначение для бесконечности (вернее, для некоторого «сорта» бесконечности), чрезвычайно интересное и, кажется, даже попросту «говорящее», так и не вошло в научный оборот¹⁹⁶. Вот это месторождение – 1744 год, и значок для бесконечности, несколько похожий на *титло*, мы находим у Эйлера в «Различных наблюдениях о бесконечных рядах» [13, 174].

¹⁹⁶ Единственное употребление Эйлера символа в смысле ‘бесконечный’ (для бесконечных рядов) F. Sajori указывает в работе F.A. Prym “Theoria nova functionum ultraellipticarum” (Berlin, 1863), в ее введении [3, § 436]. Один из создателей кристаллографии И. Гессель (1868), добавляя семантики, использовал этот символ для различения «совместимо-равных» (ebenbildlichgleich) и «зеркально-равных» (gegenbildlichgleich) фигур.

cuius expressionis numeratores constituunt progressionem numerorum primorum, denominatores vero unitate ab iis deficient. Q. E. D.

Corollarium I.

Expressiones ergo $\frac{2 \cdot 3 \cdot 5 \cdot 7 \cdot 11 \cdot 13 \cdot \text{etc.}}{1 \cdot 2 \cdot 4 \cdot 6 \cdot 12 \cdot 24 \cdot \text{etc.}}$ valor est infinitus, etposito absolute infinito $=\infty$, crit istius expressionis valor $=1/\infty$, quod infinitum inter omnes infiniti potestates est minimum.

«В своих необозримых экспедициях в область рядов» (по образному выражению А. Шпайзера) наш великий математик часто посещал обширные области бесконечных множеств, возникающих при сложении и перемножении дробей, в числителях и знаменателях которых своеобразно чередуются простые и целые числа. В результате элементарных операций можно было получать многочисленные замечательные результаты – и 1, и 0, и число π , и некоторую его долю, и *бесконечное* (infinitum), и даже, в случае бесконечного произведения дробей

$$2/1 \quad 3/2 \quad 5/4 \quad 7/6 \quad 11/10 \quad 13/12 \quad \text{и т.д.}$$

(о нем как раз идет речь в Corol. I упомянутого трактата), в точности *абсолютную бесконечность* (absolutum infinitum), каковой и присвоен этот особый значок. Отважный математик брался судить также о логарифме *такой* бесконечности (логарифм обозначен буквой l), он будет фигурировать как ключевое звено в конце «Наблюдений» при доказательстве теоремы 19 [13, 188]. Но это – уже детали и отвлекающие подробности.

Что хотел выразить Эйлер? Что «говорит» его знак бесконечности?

Обозначение это похоже, вроде бы, на латинскую S – а это первая буква важнейшего слова summa, чаще всего мелькавшего перед глазами творцов математического анализа и XVII-го, и XVIII-го веков, и отсюда уходит прямая дорога к выбору Лейбницем знака интеграла (туда мы еще найдем, чуть позже). Только лигатура S у Эйлера претерпела два преобразования, она а) зеркально отражена и б) повернута на 90°, в любую сторону, дабы сменить вертикальное положение на горизонтальное. *Такой* знак суммы, которая предполагает в результате бесконечную величину, вполне мог корреспондировать с прихотливым движением вычислений, проделываемых умом Эйлера. Каких именно вычислений – не берусь здесь судить, да нам и не по чину особенно погружаться в «кухню» гениального вычислителя. Вместо этого заметим еще, что у преобразованной лигатуры S с

каким-то явным акцентом – жирными точками – завершены обе ее оконечности. Будто бы Эйлер принялся повторять форму знака ∞ , по Валлису¹⁹⁷, но не провел до конца тех линий, что с двух сторон должны смыкаться к общему центру (к узловой, или двойной точке), а оставил каждую в своем индивидуальном бесконечном кружении. Не правда ли, эта конфигурация (для некоторого *образа вычислений*) очень схожа с той замечательной кривой, что мы описывали выше, вспоминая Якоба Бернулли и его лемнискату в параметрическом исполнении? Только в лемнискате две бесконечности все-таки «сходятся» (завершаются) в одну общую и потому «двойную» точку, а вот с подачей Эйлера они соблюли, при всей своей «близости», некоторую символическую автономию (незавершенность).

Наши размышления над формой этого «говорящего» обозначения невольно приводят к предположению о том, что взгляды Эйлера на проблему бесконечности были оригинальными, особыми и сложными (и, возможно, до конца не проявленными, а потому доньше плохо изученными). Что не удивительно – его черед мыслить самостоятельно настал аккурат посредине истории, в которой математические гении творили классический анализ: Ньютон и Лейбниц уже сделали свое дело, а Коши еще не явился. Анализ только-только зрел и становился. Потому не случайно, к примеру, его замечание о знаке \int вместе с критикой лейбницевой концепции интеграла: «Этот знак \int обычно выражают словом сумма, что проистекает из ошибочного понятия, будто интеграл есть сумма всех дифференциалов (*omnium differentialium*), а это можно принять не с большим основанием, чем то обычное представление, будто линии состоят из точек» [14, 4]. Мол, из чистых нулей и получишь нуль, даже если этих нулей бесчисленное множество. Но ведь именно об этом как раз и хлопотал Лейбниц (*Gottfried Wilhelm von Leibniz*, 21.06.1646–14.11.1716), когда в заметке от 29 сентября 1675 г. «ввел знак бесконечно малой разности d и знак суммы бесконечно малых величин в формах $l = \frac{ya}{x}$ и $\int l = ya$ »,

где знаки « l – от слова *linea*; $\int l$ обозначал сумму всех линий-ординат, составляющих площадь плоской кривой; множитель a представлял собой постоянную и вводился для соблюдения размерности площади» [15, 159].

Да, у Лейбница получалась в точности сумма, только состоящая не из точек, а из вертикальных линий-ординат, «всюду плотно» закрывающих оцениваемую площадь под кривой. Признаюсь, что когда задумывал эту

¹⁹⁷ Разумеется, Эйлеру был хорошо известен знак Валлиса; например, в письме к Я. Бернулли (14 мая 1743) он преспокойно описывает такой, как бы *дважды бесконечный* ряд вида $1 + x + x^2 + x^3 + \dots + x^\infty$ [3, § 436].

заметку, то немного колебался, следует ли считать знак \int еще одним символом бесконечности. Ведь для Лейбница он явно носил именно такой смысл, причем смысл бесконечности *актуальной, завершенной*, в необходимости которой философ нисколько не сомневался – яснее ясного об этом сказано в его письме к Симону Фуше (1693)¹⁹⁸. Поступим, пожалуй, так: месторождение знака интеграла (и дифференциала) мы зафиксируем в данном ряду символов, но только с прибавлением и учетом изложенных выше сомнений Эйлера, со своими резонами почему-то критиковавшего \int и аккуратно отличавшего ∞ от ∞ .

Закончим еще одним, может быть, пустяковым наблюдением о символе бесконечности, по Эйлеру, или, лучше сказать изысканно, спекуляцией (от ныне полузабытого лат. *speculatio* – *умозрение*) о нем.

Выше уже мимоходом замечалось, что очертания символа напоминают *титло*, т.е. довольно известный вспомогательный знак, который до сих употребляется в церковнославянских текстах, или – несколько еще расширяя список пустяковых наблюдений – отметим сходство со значком *тильды*, которую принято проставлять над знаками операторов, почему тильда особенно популярна в современной квантовой механике. Спрашивается, не входила ли форма *тильды* / *титла* в круг интуиций (ассоциаций) Эйлера, когда он творил свое обозначение? И, если входила, то какую именно семантику он мог извлекать из этой формы?

Вопрос даже в такой прямой постановке – не простой. Известно, что надстрочный знак, призванный обозначать *сокращение* (если проставлен над словом) или *цифровое значение* (если – над буквой), издавна использовался в греческой, латинской и, позднее, кириллической графике и впервые, видимо, был введен еще Тироном, рабом-писцом при Цицероне (*notae Tironianae*). У Тирона это был штрих, горизонтальная черточка. Однако в дальнейшем такая форма, «начиная с IX в., постепенно утрачивает свой первоначальный характер, вследствие чего штрих является иногда то в виде прямой линии с крючками на концах, то в виде волнистой черточки» [17, III].

ѳ̄ѳ̄, г̂л̂, д̂ѳ̄, ѳ̂ѳ̄, ѳ̂ѳ̄ѳ̄, ѳ̂ѳ̄ѳ̄ѳ̄, ѳ̂ѳ̄ѳ̄ѳ̄ѳ̄

С тех пор много времени уткло. Ушло средневековье, по ходу которого знаки сокращения постепенно исчезали из культурного оборота Европы. К XVIII веку, в пору Эйлера тексты с титлами встречались уже

¹⁹⁸ «Я настолько убежден в существовании *актуальной бесконечности*, что не только не допускаю мысли о том, что природа не терпит бесконечного (как обычно выражаются), а, напротив, считаю, что она повсюду выказывает любовь к нему, дабы тем нагляднее продемонстрировать совершенство Творца» [16, 294].

только у русских, и только в книгах на церковнославянском языке. Конечно, если бы Эйлеру случилось бы стать не математиком, а, скажем, классическим филологом, да еще специализировался бы он на палеографии древних языков, вот тогда бы он встретился... Причем важно еще заметить: титло примерно с XV в. уже вовсе не использовалось ради экономии места (дорогой пергамент надо было беречь, бумагу – нет), и стало общепринято размещать под ним почти исключительно выражения для священных понятий (Богородица, Ангел, Господь и др.), тогда как слова, обозначающие понятия «низкие», писались всегда полностью. К примеру, языческий бог обозначался посредством полного написания «богъ», без титла, а христианский Бог всегда предстал в слове под титлом, как «Б҃гъ».

Итак, титло как *известное сокращение*, – но это еще не всё! – и сам способ сокращения как отсылка и ясное указание *на особую область*, как обозначение священного, сакрального, высшего, абсолютного: вот какой смысл, думаю, извлекал и оценил Эйлер. И такое сердцем принимаемое «титло» ввел в математический текст, обозначая «абсолютное бесконечное».

Разумеется, у меня нет никаких «документальных» подтверждений к подобному рассуждению; их, скорее всего, и быть не может. Но уже одно то, что великий математик слыл очень набожным человеком и, будучи лютеранином, не чурался православных служб, этого житейского факта забыть или обойти мне бы не хотелось.

Месторождение – 3. Георг Кантор (Georg Ferdinand Ludwig Philipp Cantor, 19.02.1845 – 06.01.1918), немецкий математик российского происхождения¹⁹⁹, не «просто» вернул в математику представление об актуальной бесконечности, не «просто» ввел в научный оборот несколько обозначений для бесконечных совокупностей, но и сотворил при этом *целую систему* символов. И, как известно, одновременно он создавал основы математики, новый базовый язык теории множеств, для изъяснения на котором эти символы, в первую очередь, и были предназначены. Для него, вероятно, о бесконечности попросту неудобно было размышлять без привлечения именно *символов бесконечности*.

¹⁹⁹ Петербургский период жизни Г. Кантора и его семьи, долгое время оставшийся туманным и забытым, теперь подробно описан и документирован [18, 6–134]. Изысканиями и хлопотами автора книги *Галины Ивановны Синкевич* и ее коллег, питерских историков математики, на доме, где родился открыватель трансфинитных чисел, 10 октября 2011 г. установлена мемориальная доска. Спустя полтора года, по совету С.С. Демидова, я сделал фотоснимки этого места. В духе предлагаемых записок, фотографию именую «Месторождение бесконечности».

Рискну высказаться резче, с намеренным акцентом на перманентную для поисков Кантора задачу символизации, или *правильного названия*:

– с самых первых работ 1870-х годов, где ставился «частный» вопрос об однозначности представления функций тригонометрическими рядами (когда числовые совокупности назывались еще вполне нейтрально, например, «область А», «область В», но в них автор уже видит «зародыш необходимого и абсолютно бесконечного обобщения» [19, 12], или когда вводятся *многообразия*, *Mannigfaltigkeiten*, конечные или бесконечные, и Кантор осторожно, только лишь «для краткости изложения» предлагает «воспользоваться простой символикой» и вводит фундаментальные представления об *эквивалентности* произвольных множеств и их *мощностях* [20, 22–29]),

– или в кульминационной точке создания всей теории трансфинитных множеств, в пятой по порядку работе из серии публикаций «О бесконечных линейных точечных многообразиях» в *Mathematischen Annalen* (когда принятая в математике потенциальная бесконечность критично называется «*несобственно бесконечным*» [21, 65], когда на «абсолютно бесконечной последовательности» указываются «естественные отрезки» новых «числовых классов» – *трансфинитных чисел* [21, 66, 74], а сами эти «новосозданные числа», *die neugeschaffende Zahl* Кантор именуется знаком ω , демонстрируя отказ от всеми используемого знака ∞ [21, 92], а также [26, 283]),

– и даже в конце творческого пути, когда теория трансфинитных множеств была создана и наступил знаменитый «кризис» ее (в письме к Дедекинду от 28 июля 1899 г. Кантор говорит об особых, «неконсистентных» бесконечных множествах как «*абсолютно бесконечных*» [22, 363–364] и храбро обозначает совокупность «всех порядковых чисел» как Ω [22, 364–365], а совокупность «всех алефов» как \aleph [22, 367]²⁰⁰, с тем, чтобы выказать готовность к работе даже с такими «немножественными» множествами), –

кажется, всегда и всюду Кантор неотрывно и пристально сосредоточен на именовании, обозначении, символизации всех вновь открывающихся перед ним (про)явлений бесконечности. Как и ветхозаветный Адам ($\alpha\delta\alpha\mu$) в раю, который даровал имена «всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (*Бытие* 2: 20). Так что отнюдь не случайной и вовсе не перекультуренной представляется известная фраза Давида Гильберта о «канторовском рае» для математиков.

Все двадцать или двадцать пять лет активного математического творчества Георга Кантора были еще и временем непрерывного, активного и сознательного символотворчества, – это непреложный факт истории науки.

Систему символов бесконечности, по Кантору и после Кантора, можно представить по нескольким разделам, или направлениям.

Во-первых, это ныне хорошо известные обозначения на базе греческого алфавитного знака ω для *ординальных* чисел, которые введены Кантором уже в небольшой работе 1874 г., где характерно²⁰¹ названы именно «символами бесконечности», *Unendlichkeitssymbole* [23], а далее куда более детально

²⁰⁰ Эта буква «тау» замыкает современный еврейский алфавит, как «о-мега» завершает алфавит греческий. Заметим, сколь *однотипно* Кантор обозначил оба типа «абсолютно бесконечных».

²⁰¹ И, как сам Кантор потом самокритично расценивал, *слишком скромно*, – признание в письме к Дедекинду спустя 8 лет [22, 361].

рассмотрены в [21] именно как *система ординалов*. Нетрудно увидеть и преемственность, и некоторое отталкивание от символа Валлиса.

Во-вторых, это столь же известная нотация, введенная Кантором существенно позднее, в 1895 г. на базе еврейского алфавитного знака \aleph для *кардинальных чисел* [24, 179, 183], ставшая *системой кардиналов-алефов*.

В-третьих, и далее, «новосозданные числа» были представлены Кантором как частный случай более общей системы *порядковых типов*, в том числе *n-мерных* (впервые в [21, 92–94], но подробнее всего в работе 1884 г. [25]²⁰²). Для номинации и нотации порядковых типов Кантор не стал вводить новые (диковинные) значки, но использовал известные обозначения операций сложения и умножения, заново осмысленные как «символы операций» (мы бы сказали – как *операторы*), а также определил их аналоги для работы специально с актуальными бесконечностями, – как «символы операций» кохеренции, адхеренции и инхеренции.

В-четвертых, Кантор озаботился особыми именами-символами для определенных, математикам уже хорошо известных бесконечных множеств, или «фундаментальных последовательностей» (например, η – знак для всех рациональных чисел, больших 0 и меньших 1, в их «естественном» упорядочении [24, 194], или θ – для всех действительных чисел [24, 200]), и во многих случаях успешно работал с подобными «символами бесконечности» в особой алгебре порядковых типов. С такой *чисто символической* формой, даже не поясняя толком, что именно понимается под «алефом», ему сразу же удалось выразить теоретико-множественное « $E=mc^2$ », т.е. мощность линейного континуума: $\aleph = 2^{\aleph_0}$ [24, 179].

В-пятых, по ходу полемики вокруг теории множеств Кантору пришлось вполне символически описывать «все главные отношения», в которые может вступать мысль при встрече с реально бесконечным: это *in Deo* («во внемировом вечном и всемогущем Боге или в творящем начале»), *in concreto* («в конкретном или в сотворенной природе»), *in abstracto*, т.е. «поскольку оно может быть постигнуто человеческим познанием в форме *актуально бесконечного*» [26, 264]. Возникающую здесь комбинаторику точек зрения на бесконечность, которые, как отмечает Кантор, «удивительным образом,

²⁰² Как известно, эта работа изрядно напугала М.Г. Миттаг-Леффлера, издателя «Acta mathematica», и она была впервые опубликована только в 1970 г. Особо подчеркнем: Кантор недвусмысленно заявлял, настаивал даже, что «порядковые типы» – это ровно те самые «идеальные числа», ἀριθμοὶ νοητοί, о которых первым заговорил еще Платон и смысл которых для многих поколений философов и математиков был не вполне ясен [25, 247], см. также [26, 305].

кажется, все представлены в истории мысли» [27, 265], позднее, уже на языке алгебраического символизма описал П.А. Флоренский [28, 183].

Наконец, в-шестых, Кантор как-то привычно и буднично предлагал «воспользоваться простой символикой», вводя в научный оборот вроде бы малозаметную, но на самом деле важнейшую, ключевую для теории бесконечных множеств процедуру установления *однозначного соответствия* между элементами двух множеств (отсюда, заметим, вскоре вырастет знаменитый диагональный метод), и награждал специальным знаком ~ возникающее здесь *отношение эквивалентности* [20, 27–28], [21, 86]. Канторово особое равенство, или тильда, или «оборотное S» Эйлера, – как ни назови, – такое обозначение выглядит органично в этой системе символов бесконечности, не правда ли?

Как наиболее зрелая из всех известных попыток «именовать бесконечность», Канторова система символов несет на себе самые яркие и, возможно, самые родовые черты таковой ономотологии. Это, прежде всего, *доверие слову*, восходящее к раннеэллинской традиции понимать начала, важнейшие элементы мира как «буквы» (*στοιχεῖα*, только после Лукреция ставшие *elementa*), – буквы, которые с благодарностью берутся из доступного мудрецам сонма-алфавита «мировых» букв. Это, далее, *универсализм языка*, т.е. заключенная в системе реальная свобода выбора (в свободе «заключается сущность математики» [22, 80]) и обязанность в необходимых случаях переходить от одного алфавита к другому²⁰³. Это, наконец, прагматический *операционализм* (даже «операторность») такой нотации, всегдашняя готовность «условных» знаков к эффективному включению в безусловную работу математической мысли²⁰⁴.

²⁰³ Традиция намечена в проекте «универсальной характеристики» Лейбница, где знаки из латинского, греческого и еврейского алфавитов попеременно используются на различных стадиях вычисления как те или иные, разнотипные «числа термина» [29, 524].

²⁰⁴ Любопытный пример за пределами творчества Кантора, но с участием нотации «алефами», интересующими нас: польский математик и мистик Хёне-Вронский (Hoene-Wroński J.M.) в работе «Philosophie des mathématiques» (1811) вводил особое обозначение вида $\aleph [x_i]^{(i)}$ для серии фундаментальных степенных функций и считал его «более важным», чем обычное изображение функций, а современный исследователь P. Pragacz (2008) констатировал в этой связи, что «Вронский обладал необычайно глубокой интуицией в отношении математики» и сделал важный шаг к современной теории операторов [30].

Традицию оноματοлогии бесконечного, вслед за Кантором, продолжили русские математики. Приведу только два примера к тому, один вполне шутейный (но шутка задает очень серьезный повод иерархии алефов), другой же действительно всерьез (и здесь тоже возникнет иерархия, но – порядковых типов).

Серьезная шутка с бесконечностями известна в пересказе академика Л.А. Люстерника, сохранившего для нас некоторые подробности обычая товарищеских поощрений в знаменитой группе молодых математиков, объединившихся вокруг Н.Н. Лузина. Это происходило в Москве, в 1920-е годы. «Каждый вступающий в Лузитанию получал звание алеф-ноль. За каждое достижение, как, например, оставление при университете, первый доклад в Обществе, первая публикация, первый сданный магистерский (аспирантский) экзамен и т.п., к индексу добавлялась единица. П.С. Александров и П.С. Урысон получили высокие звания “алеф-пять”. <...> Самому Н.Н. Лузину было присуждено звание алеф-семнадцать. Н.Н. Лузин рассказывал, что И.И. Жегалкин выразил удивление: “Математики почему-то считают, что континуум имеет мощность алеф-1. А почему, например, не алеф-17?”. Так появилась “гипотеза Жегалкина” о том, что континуум имеет мощность алеф-17. Вот потому-то Лузину и было дано это звание, а сам знак \aleph^{17} стал “гербом” Лузитании²⁰⁵. Некоторые объявления о заседаниях математического кружка украшал этот “герб”. Д.Ф. Егоров получил звание алеф-омега. С одной стороны, это мощность более высокая, чем алеф-17, но, с другой, доказано, что алеф- ω не может быть мощностью континуума. Мы видели, какие дипломатические тонкости проявлялись при присуждении “званий”» [31, 151]. Осталось прибавить, что «гипотеза» *Ивана Ивановича Жегалкина* (22.07.1869–28.03.1947) – отнюдь не «просто» изысканное *bon mot* или пустячный повод для интеллектуальных анекдотов уже хотя бы потому, что она исходила от автора первой на русском языке (1907) монографии по теории множеств [32]. Скорее реплика Жегалкина удачно вписывалась в некоторую *мифологию*, с энтузиазмом воспринятую «лузитанцами», и отображала общий скептический настрой по отношению к актуальной бесконечности, в Лузитании, надо полагать, культивированный.

Как и И.И. Жегалкин, строго в русле Канторовых идей (и в традиции Канторовой нотации) двигался *Владимир Леонидович Некрасов* (17.02.1864–16.05.1922), который после годичной стажировки в университетах Германии, Австрии и Швейцарии написал блестящую магистерскую диссертацию [33], а

²⁰⁵ Знак «герба» – таков в оригинале публикации. Видимо, правильнее было бы выражать «семнадцатое достоинство» не степенью, а нижним индексом.

далее успешно профессорствовал в Томском университете. Им ставилась весьма амбициозная задача «ввести некоторый порядок» [33, 102] в изучение различных «точечных областей» (множеств), начатое, как известно, революционными работами Г. Кантора. Самая очевидная из подобных «областей» – это отрезок или *ось аргумента*, относительно которой, до Кантора, «как будто все молчаливо соглашались, что там изучать нечего» [33, 1]. Некрасов установил три основных порядковых типа, или, как он выражался, три «основных типа размещения», сразу и «основных» и «элементарных», из которых ему хотелось (и в дальнейшем – удалось) построить «все разнообразие мыслимых областей» [33, 102]. Эти типы размещения получили следующие символические обозначения, причем для первого типа была прямо заимствована нотация у Кантора:

ω – тип размещения отрезков *без промежутков* между ними, при движении к пределу *вправо* (как в привычном натуральном ряде чисел), или $*\omega$ – при таком же размещении и движении к пределу *влево* (для целых положительных чисел – при движении к 1 или, для дробных, к нулю),

$*\omega + \omega$ – комбинированный тип размещения отрезков с движением *и вправо и влево* (как в привычном представлении оси аргумента в виде $\pm \infty$),

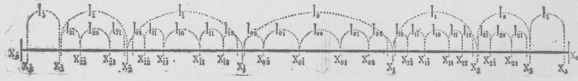
$\check{\omega}$ – *совершенный*, или *разреженный* тип размещения²⁰⁶, или тот же комбинированный тип $*\omega + \omega$, но все отрезки вводятся *с промежутками* между ними, на свободной части основного интервала [33, 121–123].

²⁰⁶ В.Л. Некрасов, давая новые имена математическим сущностям, лишь немного совершенствовал Канторову методику использования «омеги», для чего вводил знаки диакритики, прямо заимствованные из древнегреческого алфавита: волнистая черта как «тонкое придыхание» и запятая как «облегченное ударение» ($\check{\omega}$). Впрочем, сразу после введения такого обозначения [33, 123] автор явно намекнул, что ему важна только «волнистая черта» и совершенно безразлична форма «смыслового ударения». Он примерно с одинаковой частотой употребляет далее как $\check{\omega}$, с «тонким придыханием», так и $\check{\omega}$, с «густым».

А ведь можно было бы подать типологию и оноματοлогию бесконечностей (как «типов размещения») и несколько тоньше, с прямым учетом эллинской диакритики. Именно, если у Некрасова номинация $\check{\omega}$ (или $\check{\omega}$, безразлично) использована для обобщения первичного типа $*\omega + \omega$, то можно было бы разделить (расщепить) номинации следующим образом: принять $\check{\omega}$ – для обобщения первичного типа ω , тогда как $\check{\omega}$ – для обобщения первичного типа $*\omega$. Направление (ориентация) «запятой» в диакритике будет при этом точно соответствовать различению движений к пределу *вправо* (для ω) или *влево* (для $*\omega$). Типология становится еще более элементарной и сущностно-атомарной.

Все дальнейшее изложение позволяет, буквально, «видеть, как комбинация только трех основных типов ω , $^*\omega$ и $\tilde{\omega}$ может дать размещение произвольной сложности» [33, 198], курсив Некрасова.

83. Положим далее, что мы взяли сначала тип $^*\omega + \omega$ и в каждом его интервале поместили снова область типа $^*\omega + \omega$; границы участка и области точек первого и второго деления будут тогда

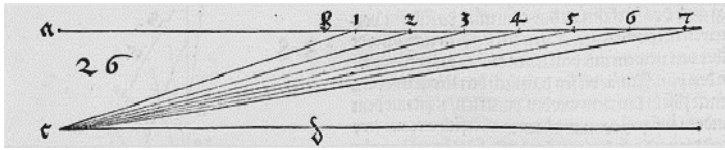
$$Q^{(0)} \equiv \{x_0, x_0\}, Q^{(1)} \equiv \{x_j\}, Q_i^{(2)} \equiv \{x_{ij}\}, \sum Q_i^{(2)} \equiv Q^{(2)},$$

при чем i и j принимают все целые положительные и отрицательные значения; кроме того i может равняться 0. Полученный при этом тип размещения интервалов должен быть обозначен $(^*\omega + \omega)^2$.

А мы подчеркнем другое слово, «видеть». Оно здесь проскочило не случайно: кроме удобной буквенной символизации бесконечностей (все размещения, напомним, бесконечны), В.Л. Некрасов предложил и чисто геометрический способ представления «типов размещения» с помощью своеобразных диаграмм, точно отражающих поведение этих бесконечностей. Для образчика мы приводим одну из самых первых, еще относительно простых диаграмм Некрасова, а всего их, всё более и более изощренных, можно узреть здесь около 25. И всякий раз они по-своему изображают структуру линейного континуума как «единой» бесконечности.

Месторождение – 4. Как сообщает отечественный справочник по математической нотации, «слово *бесконечный* в математическом смысле стало употребляться по почину художника Дюрера (с 1525 г.)» [4, 17]. Признаться, воспринимаю это утверждение весьма скептически. Однако из уважения (слабо сказано) к творчеству Альбрехта Дюрера (*Albrecht Dürer*, 21.05.1471–06.04.1528) совершим-таки экскурс к знаменитому трактату «Руководство к измерению с помощью циркуля и линейки», что в 1525 году напечатан в его родном Нюрнберге.

Здесь, в первой книге трактата, сугубо для широкой публики и специально для братии художников (потому не на «ученой» латыни, но по-немецки: на этом народном языке в старинном его варианте приводятся далее цитаты) Дюрер разъясняет *понятие* параллельных линий. Используя рис. 26, великий художник демонстрирует, как таковые параллельные «могут подойти друг к другу сколь угодно близко», *allweg enger zu^ozamen getzogen mi^egen werden* [34, 28], однако никогда друг с другом не пересекутся.

Для этого проводятся параллельные линии ab и cd , затем предлагается продолжить обе за концы b и d , причем с очень симпатичной ремаркой – продолжить либо действительно, «либо в воображении», oder im synn gedacht [34, 28]. На верхней линии, в продолженной части, ставятся точки, обозначенные числами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 etc. Эти точки соединяются отрезками с точкой c в начале нижней прямой, и, поскольку на продолжении линии ab может быть «бесконечно много чисел», vntentliche zal²⁰⁷ [34, 29], эти отрезки будут всё ближе к cd , но никогда – что и требовалось доказать, то бишь показать – с ней не пересекутся. Рисунок 26 из трактата Дюрера неплохо воспроизводит определение (23-е) параллельных прямых в ΣΤΟΙΧΕΙΑ Евклида. Только великий грек предлагал большее: продолжать прямые в бесконечность в обе стороны, и при этом ни с той ни с другой стороны, гарантировал геометр, они не пересекутся.

Как видим, на изящной иллюстрации Дюрера понятие бесконечности (как сугубо вспомогательное, нужное для демонстрации основного, родового свойства параллельных линий) явлено в форме бесконечно продолжаемого числа (в форме натурального ряда чисел), и вместе с рядом чисел разворачивается, пусть даже только «в воображении», бесконечно продолжаемая прямая линия. Невольно вспоминается Георг Кантор, которому через 350 лет после Дюрера доведется строить «точечную» теорию множеств, одинаково подходящую и для арифметических объектов, и для геометрических.

Разумеется, о каком-то «почине» Дюрера перед лицом профессионалов («в математическом смысле») говорить не приходится²⁰⁸. Без особого труда отыскиваются многочисленные предшественники его, начиная с Николая Кузанского и его трактата об «ученом незнании» De docta ignorantia (1440)²⁰⁹.

²⁰⁷ Сейчас по-немецки следовало бы сказать: unendliche Zahlen.

²⁰⁸ Как ничего не говорит об этой научной заслуге, приписываемой Дюреру, историк математики Г.П. Матвиевская, которая пристально изучала указанное «Руководство», в том числе, и в разделе о свойстве параллельных прямых [35, 107].

²⁰⁹ Своему знаменитому богословскому рассуждению о бесконечных линиях, которые ведут к демонстрации «актуального бытия Бога», Кузанец не случайно предпосылает особые хвалы в адрес математики (гл. 11) и «математических знаков» (гл. 12) [36, 64–67]. Не могу не прибавить: через пятьсот лет это же

Следом вспоминаются Томас Брэдвардин и его *Tractatus de continuo* (около 1335) или Жан Буридан, – только не в связи с его знаменитым ослом на распутье, но – с трактатом о природе точки *Quaestio de puncto* (ок. 1350). А далее, обнаружив в мысли Средневековья важную нюансировку нашей темы при употреблении собственно «бесконечного» (*infinitum*) и «беспредельного» (*interminatum*), мы плавно и неуклонно уходим в античность. В Греции, как известно, всё есть. И понятие (сразу и математическое, и философское) там тоже было заготовлено, и очень даже давно – *ἄπειρον*, беспредельный, безграничный, но также в смысле бесконечный, бесчисленный (между прочим, и *незнающий*, т.е. *не ведающий* пределов). Словом, апейрон²¹⁰. Хорошо видна структура и, в данном случае, этимология этого понятия:

πέρας, или *πεῖραρ* (предел, граница) + привативная частица *ἀ*.

Между прочим, в упомянутом выше определении параллельных прямых у Евклида так прямо и сказано: *ἐκβαλλόμενα εἰς ἄπειρον*.

Но мы хотим здесь говорить не о понятии, но о *символе* бесконечности. И он в Греции тоже был, и есть. Мне думается, его местоположение – знаменитый храм Аполлона в Дельфах. Время его появления – весьма неопределенное, довольно «апейронное», оно приходится на пору жизни «первых философов», отсчет которым традиционно начинают с Фалеса Милетского, жившего на рубеже VII – VI вв. до н.э. Их изречения-афоризмы украшали упомянутый храм. Наконец, вид этого символа – заглавная (прописная) греческая буква *Ε*. Да, здесь также, как и для прочих случаев, для всех более поздних обозначений бесконечности, снова предстает одиночная буква из определенного алфавита, здесь – *π ρ ο σ τ ο Ε*.

Эллины забыли (или хитроумно, одиссеиво, лаэртидно утаили от нас), что именно означала эта «просто буква». Во всяком случае, образованнейшему Плутарху Херонейскому (ок. 46 – ок. 127) пришлось очень удивиться, когда однажды он оказался в Дельфах. Местные жрецы весьма разнообразно и как-то уклончиво разъясняли ему смысл издревле почитаемого символа. Поневоле Плутарху пришлось сочинять специальный трактат, где он с особой тщательностью собрал и систематизировал все мыслимые, или ему понятные, толкования. Трактат деловито назван «Об *Ε* в Дельфах» (вернее, *Περὶ τοῦ εἴ τοῦ ἐν Δελφοῖς*, «О том *εἶ*, которое в

рассуждение вдохновит А.Ф. Лосева на блестящее эссе «О форме бесконечности» [37, 510–519], тоже *богословское*. Летом 1932 г. оно составлено на Беломорканале.

²¹⁰ Подробное исследование судьбы этого понятия, как лингвистической, так и философской судьбы, можно найти в [38].

Дельфах»²¹¹), и традиция всегда включает его текст в обширный сборник трудов писателя Ἠθικά, «Этика», или на латыни, *Moralia*, «Моралии».

Плутарх, стало быть, насчитал целых *девять* различных смыслов для символа «Е», от самых очевидных (цифровое значение 5, как намек на пятерых «первых мудрецов», или порядковое положение буквы для гласного звука в алфавите, второе, указывающее на вторую планету в космологии греков, Солнце, т.е. Аполлона) до весьма изощренных, вроде восклицания «о, если бы» (принимая Е как союз *ei*, если).

И решает: «Думаю, буква эта означает и не число, и не порядковый номер, и не связку, и не что-либо другое наподобие требующих дополнения частиц; а это – законченное в себе словесное обращение к Богу, которое своим смыслом наводит говорящего на понимание Бога в его силе и сути. <...> мы говорим Богу, *εἴ*, ты еси, воздавая ему должное именованьем истинным и неложным и единственно подобающим Ему Единому, – именованьем бытия» [39, 19]²¹².

Итак, *просто* Е суть или равно *Ты еси*, обращенное или к богу, в случае Плутарха, или к Богу, когда это воспринимает христианская душа.

Е – это Имя Бога.

То, что не смог или не умел сказать о «должном именовании» Плутарх, выразил вскоре Дионисий Ареопагит: «Он сам есть и Вечность (*αἰών*), и Начало (*ἀρχή*), и Мера Бытия (*μέτρον πρὸ οὐσίας ὄν*)» (5, 8), «Он – и Предел всех (*καὶ πέρας πάντων*), и Беспредельность (*καὶ ἀπειρία*)» (5, 10), – в трактате *Περὶ θεῶν ὀνομάτων*, О божественных именах [40, 210–211, 218–219]. Здесь

²¹¹ Владимир Библихин, много размышлявший на темы надписей в Дельфах, в свое время дал специальное разъяснение для буквенно-символической части Плутархова заголовка: «В прописной букве Е, кроме того что при беглом чтении она произносилась в алфавите как еі, подразумевалась еще, чтобы получилось значимое слово, йота подписная, которая появилась бы при написании строчными буквами, и в название своего трактата Плутарх ее спокойно вписывает» [39, 17]. Мне доводилось обсуждать с Владимиром Вениаминовичем смысловые коллизии данной «надписи», в том числе в связи с мелопеей «Человек» Вяч. Иванова, но только тема *бесконечности* у нас тогда еще не возникала. Жаль.

²¹² В.В. Библихин дает свой перевод трактата по *английской* версии *Moralia*, данной F. Bebbitt'ом (1969), от себя добавляя, как минимум, именование Бога и всех обращений к Нему с прописной буквы.

даже нашлось место ясным математическим аллюзиям, и арифметическим и геометрическим (5, 6) [40, 205].

К только что намеченной *поздней* истории (прочтения и понимания) символа «Е» осталось прибавить гипотезы о его *происхождении*. Насколько мне известно, самое лучшее собрание таковых гипотез составил французский археолог и филолог-классик *Робер Фласельер* (Robert Flacelière, 29.05.1904–23.05.1982), который в 1941 г. опубликовал свой перевод и комментарий трактата Плутарха в трудах Лионского университета [41]. Фласельер различал две группы ученых с их объясняющими теориями. Одни ученые продолжали глагольно-повествовательную традицию, намеченную еще у Плутарха, и прочитывали букву Е как некий призыв или приглашение – «пошёл, входи [в мой храм]», от *εἰ*, или как утверждение-провозглашение «он [бог] сказал», от *ἦ*. Другие же интерпретаторы-толмачи занимались исключительно происхождением контура изолированного знака «Е». Они, для примера, сводили это очертание к виду трех столбов, установленных на базе, и символизирующих *трех харит* (тогда получается буква Е, повернутая на 90° влево, т.е. фигура кириллической буквы Ш). Однако наиболее интересной Р. Фласельеру представлялась трактовка «Е» как знака *минойского происхождения* [42], который нередко встречается, например, на критских геммах (здесь тоже, заметим, трехэлементная Ш-образная композиция, причем с центральной симметрией!), а также на изображениях «земного пупа» уже в Дельфах. Итак, трехчастная фигура, «Троица», которая *могла быть* символом некоей божественной силы. В дальнейшем минойский знак был вполне усвоен греками как атрибут уже своего божества, например, Аполлона, и таковым почитался всю античность, включая поздний римский период, который как раз и застал Плутарх.

Р.С.: из жизни символов эпохи бронзы. Уже покидая было тему «месторождения бесконечности», почему-то надумал – не столько в порядке следования прежней логике поиска, сколько из прямого и заинтересованного любопытства, – использовать давнюю подсказку Р. Фласельера о «критских геммах». Потому и заглянул в один из запасников Эгейской культуры, на портал *Agachne* Кёльнского университета. Здесь хранятся около 10 000 оттисков древних печатей (гемм) из музейных собраний и частных коллекций всего мира [43]. Похоже, не меньше половины этих изображений содержат чисто символические сюжеты, разбирать и реконструировать которые можно сколь угодно долго и, пожалуй, без особых надежд на успех. Но сразу – по горячим следам законченного выше повествования, – бросились в глаза некоторые из них: сюжеты из жизни знакомой нам волнообразно изогнутой линии.

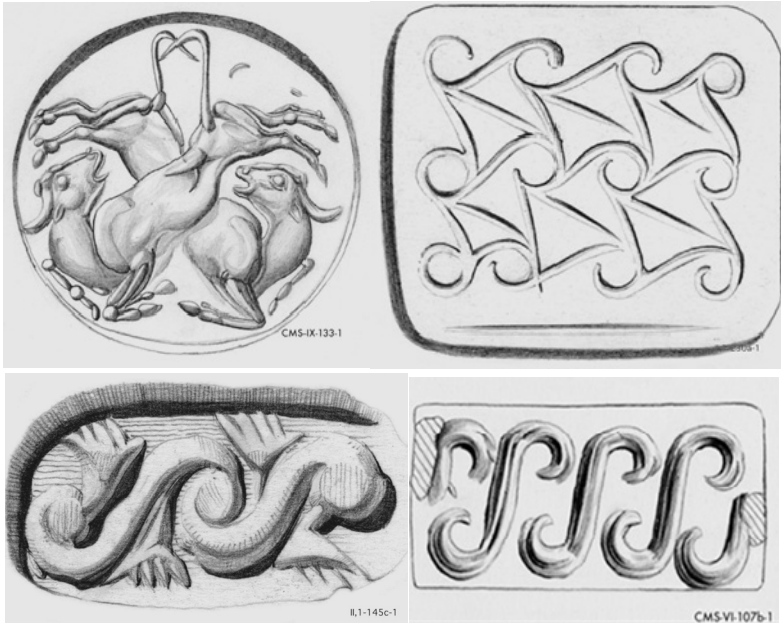
Укладываю рядом несколько оттисков и предлагаю присмотреться. Не правда ли, здесь явно «что-то видится родное»?

Описание простое: базовый завиток (явно напоминает знак Эйлера, или эквивалентность по Кантору) начинает жить своей символической жизнью, он сначала удваивается, затем утраивается, предполагая далее два варианта развития – либо становясь свастикой-трикветром, либо образуя алефоподобную фигуру, – затем учетверяется... Причем завиток и сам предстает о двух лицах, либо S-образным, либо зеркально тому.

Не составляет особого труда увидеть в этом собрании гемм и прото-лемнискату (уж очень красноречивы бычьи хвостики, игриво соединенные

будто бы нам в указание), и обнаружить место зарождения бегущей волны знаменитого греческого меандра. Явно возникают здесь и более сложные композиции, будто специально уготованные для дальнейшего освоения плоскостей и объемов... Сложная жизнь графических символов типа волнообразной линии, как говорится, налицо.

Возможно, налицо и случайные совпадения и сходства. Но что, если... если и те и эти, и художники Бронзового века и мыслители Нового времени черпали (свои образы) совершенно разными чашами, но из одного общего источника? Что, если тот источник и есть – местоорождение бесконечности?

Местоорождение – 0.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Wallisii J.* De sectionibus conicis, nova methodo expositis, tractatus. – Oxonii: Typis Leon: Lichfield Academiae Typographi, Impensis Tho. Robinson 1655. – 132 p.
2. *Wallisii J.* Arithmetica infinitorum, sive nova methodus inquirendi in curvilinearum quadraturam, aliaque difficiliora problemata matheseos. Oxonii: Typis Leon: Lichfield Academiae Typographi, Impensis Tho. Robinson, 1656. – 152 p.
3. *Cajori F.* A history of mathematical notations. Vol. I. Notations in elementary mathematics. – Boston, 1928. – XVI+456 p. (§§ 1–387); Vol. II. Notations mainly in higher mathematics. – Boston, 1929. – XVII+367 p. (§§ 388–750).

4. *Александрова Н.В.* История математических терминов, понятий, обозначений. Словарь-справочник. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 248 с.
5. *Лейбниц Г.В.* Первоначальные основания логического исчисления // Лейбниц. Сочинения в четырех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 617–619.
6. *Меннингер К.* История цифр. Числа, символы, слова. – М.: Центрполиграф, 2011. – 543 с.
7. *Павленко Н.А.* История письма: Учеб. пособие для филол. фак. вузов. – Мн.: Вышэйшая школа, 1987. – 239 с.
8. *Bernoulli J.* Curvatura laminae elasticae // Acta eruditorum. Lipsiae, Jun. 1694. – P. 262–276.
9. *Выгодский М.Я.* Лемниската Бернулли // Выгодский М.Я. Справочник по высшей математике. – М.: Наука, 1977. – С. 775–777.
10. *Лихачев Н.П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк. СПб., 1891. – 106 с. + [116 табл.].
11. *Лихачев Н.П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков Часть 1. Исследование и описание филигранных. СПб., 1899. – ССХII + 512 с. + [17 фототип. таблиц].
12. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. – М.: Гл. редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука», 1987. – 240 с.
13. *Euler L.* Variarum observationum circa series infinitas // Commentarii Academiae scientiarum Imperialis Petropolitanae. Т. 9: Ad annum MDCCXXXVII. – 1744. – P. 160–188.
14. *Euler L.* Institutiones calculi integralis. Volume 1. Editio tertia. – Petropoli: Impensis Academiae Imprialis Scientiarum, 1824. – 463 p.
15. *Юшкевич А.П.* О возникновении понятия об определенном интеграле Коши // Юшкевич А.П. Математика в ее истории. М.: Янус, 1996. – С. 115–165.
16. *Лейбниц Г.В.* Переписка с С. Фуше // Лейбниц. Сочинения в четырех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 267–296.
17. *Церетели Г.* Введение // Церетели Г. Сокращения в греческих рукописях. Преимущественно по датированным рукописям С.-Петербурга и Москвы. – СПб.: Типография Импер. Академии наук, 1896. – С. I–XLIII.
18. *Синкевич Г.И.* Георг Кантор & Польская школа теории множеств. – СПб.: Изд-во СПбГАСУ, 2012. – 349 с.
19. *Кантор Г.* Обобщение одной теоремы из теории тригонометрических рядов [1872] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 9–18. Правильнее было бы «Об одном обобщении...».
20. *Кантор Г.* К учению о многообразиях [1878] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 22–35.
21. *Кантор Г.* Основы общего учения о многообразиях. Математически-философский опыт учения о бесконечном [1883] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 63–105.

22. Переписка Кантора с Дедекиндом // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 327–371.
23. *Кантор Г.* Об одном свойстве совокупности всех действительных алгебраических чисел [1874] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 18–21.
24. *Кантор Г.* К обоснованию учения о трансфинитных множествах [1895, 1897] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 173–240.
25. *Кантор Г.* Принципы теории порядковых типов. Сообщение первое [1884] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 246–261.
26. *Кантор Г.* К учению о трансфинитном [1887, 1888] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 268–324.
27. *Кантор Г.* О различных точках зрения на актуально бесконечное [1886] // Кантор Г. Труды по теории множеств. – М.: Наука, 1985. – С. 262–267.
28. *Флоренский П.А.* О символах бесконечности. (Очерк идей Г. Кантора) // Новый путь, 1904, № 9. – С. 173–235.
29. *Лейбниц Г.В.* Элементы универсального исчисления // Лейбниц. Сочинения в четырех томах. Т. 3. – М.: Мысль, 1984. – С. 523–532.
30. *Pragacz P.* Notes on the life and work of Józef Maria Hoene-Wroński // Algebraic Cycles, Sheaves, Shtukas, and Moduli Trends in Mathematics. – Basel, 2008. – P. 1–20. – <https://www.impan.pl/swiat-matematyki/notatki-z-wykladow/~hwa.pdf>.
31. *Люстерник Л.А.* Молодость Московской математической школы // Успехи математических наук, 1967, т. 22, вып. 4 (136). С. 147–185. Молодость вспоминалась Люстернику всего в четырех выпусках УМН.
32. *Жегалкин И.И.* Трансфинитные числа. – М.: Унив. тип., 1907. – IV+347 с.
33. *Некрасов В.Л.* Строение и мера линейных точечных областей. – Томск: Типо-лит. Сибирского товарищества печатного дела, 1907. – VI + 254 с.
34. *Vnderweysung der messung / mit dem zirckel vnd richt scheyt / in Linien ebenen vnnnd gantzen corporen / durch Albrecht Dürer zu^osamen getzogen / vnd zu^o nutz allen kunstlieb habenden mit zu^o geho^origen figuren / in truck gebracht / im jar. M.D.XX v. – Дюрер А.* Руководство к измерению с помощью циркуля и линейки в линиях, плоскостях и целых телах... – Нюрнберг, 1525. – 182 с.
35. *Матвиевская Г.П.* Альбрехт Дюрер – ученый. – М.: Наука, 1987. – 240 с.
36. *Николай Кузанский.* Об ученом незнании // Николай Кузанский. Сочинения в двух томах. Том 1. – М.: Мысль, 1979. – С. 47–184.
37. *Лосев А.Ф.* Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. – 800 с.
38. *Лебедев А.В.* ΤΟ ΑΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель // Вестник древней истории, № 1, 1978, 39–54; № 2, 43–58.
39. *Бибихин В.В.* Узнай себя // Бибихин В.В. ΓΝΩΘΙ ΣΕΑΥΤΟΝ. Узнай себя. – СПб.: Наука, 1998. – С. 5–225.

40. Дионисий Ареопагит. О божественных именах // Дионисий Ареопагит. О божественных именах. О мистическом богословии. Тексты, перевод с древнегреческого [Г.М. Прохорова]. – СПб.: Глаголь, 1995. – С. 1–339.

41. Flacelière R. Plutarque sur l'E de Delphes: texte et traduction avec une introduction et des notes // Annales de l'Université de Lyon, 3e série, fasc. II. – Paris: Les Belles Lettres, 1941. – 97 p.

42. Bates W.N. The E of the Temple at Delphi // American Journal of Archaeology, Vol. 29, №. 3 (Jul. – Sep., 1925). – Pp. 239–246.

43. Bände des Corpus der minoischen und mykenischen Siegel. – <https://arachne.uni-koeln.de/browser/index.php?view%5blayout%5d=siegel>.

Май 2020

АРХИТЕКТУРА Д В М

0. *Определения и термины.* Для нашего объекта размышлений в большом ходу безликое английское именование *компьютер* (computer), «вычислитель», или, как еще «современно» разъясняют для публики, «ЭВМ, персональное средство для работы с информацией и общения в сети пользователей»²¹³. В советском лексиконе главенствовали аббревиатуры, ныне выходящие из оборота – ЭВМ, «электронная вычислительная машина» и ЦВМ, «цифровая вычислительная машина», зафиксированы словарем на 1977 г.²¹⁴ Примерно в это время в.п.с. ввел рабочее (для своих штудий) наименование ДВМ, «думающая вычислительная машина» (Ideenwelt, запись от 21.11.1978). Объем понятия ДВМ, надо полагать, существенно совпадает с объемом не менее размытого понятия «искусственный интеллект». Термин «машина» при этом не уточняется, поскольку еще Marvin L. Minsky (“Computation: finite and infinite Machines”, 1967) указал принципиальную трудность – придется «установить различие между живой и неживой материей», на его взгляд, вряд ли посильное для ученых²¹⁵.

Термин «архитектура» запущен в научно-технический оборот со времен разработки суперкомпьютера Stretch (Л. Джонсон, Ф. Брукс-мл., вторая половина 1950-х гг.) и здесь с благодарностью принимается, сразу по

²¹³ Гладкова И.В. и др. Ненаши слова в нашем языке: Словарь-справочник. – Екатеринбург: [Б.и.], 2011. – С. 49.

²¹⁴ Словарь сокращений русского языка: Около 17700 сокращений. – 4-е изд., стереотипное. – М.: Рус. яз., 1984. – С. 385, 405. Второе именование (ЦВМ) более верно, поскольку оно позволяет различать дискретные и аналоговые машины.

²¹⁵ Минский М. Вычисления и автоматы. – М.: Мир, 1971. – С. 25.

двум причинам: а) в термине изначально соединяются программный и аппаратный аспекты проектирования «машин», и б) сохраняется благословенное эллинское присутствие, точно передающее существо всей нашей затеи: $\acute{\alpha}\rho\chi\eta + \tau\epsilon\kappa\tau\omicron\nu\iota\kappa\eta =$ (главный, старший) + (строительство), где в $\acute{\alpha}\rho\chi\eta$ неистребимо присутствует $\acute{\alpha}\rho\chi\eta =$ начало.

Строительство предполагается – из основных начал.

1. *Архитектура фон Неймана.* Учебники упорно твердят, что все современные компьютеры построены «по фон Нейману». В подобном именовании, увы, гнездится двойная историческая несправедливость: «архитектура фон Неймана» ничем не отличается от «архитектуры» вычислительной машины Ч. Бэббиджа²¹⁶, рожденной веком раньше, и появилась она одновременно с описанием схожей «архитектуры» у А. Тьюринга. Кроме того, она явилась плодом коллективных усилий целой группы разработчиков из университета штата Пенсильвания, а Джон фон Нейман, без особых затей, просто бесцеремонно и единолично изложил ее в знаменитом теперь «Первом проекте доклада о EDVAC» (30.06.1945)²¹⁷. Правда, изложил великолепно, этого не отнимешь.

Машина при такой архитектуре должна иметь, напомним, следующие составляющие: *арифметико-логическое устройство (АЛУ)*, выполняющее арифметические и логические операции; *устройство управления (УУ)*, которое организует процесс выполнения программ; *запоминающее устройство (ЗУ)* для хранения программ и данных; *внешние устройства (ВУ)* для ввода-вывода информации. В основе работы компьютера лежат *базовые принципы*, не без нажима сформулированные фон Нейманом: 1) двоичного кодирования²¹⁸, 2) программного управления, 3) однородности (общности) памяти для программ и данных, 4) адресности ячеек памяти.

2. *Иные архитектуры.* Довольно жесткая «архитектура фон Неймана» допускает модификации – только, думается, это не принципиально новые

²¹⁶ О данной машине и первой программистке, ее возлюбившей (*нашей Аде*), см.: «Тропа и путь», выпуск первый, с. 47–49.

²¹⁷ Подробнее: *Scott McCartney*. ENIAC: The Triumphs and Tragedies of the World's First Computer. — Berkley Books, 2001. — 262 p.

²¹⁸ Единственный принцип, который пересматривается и постепенно вытесняется, причем по разным направлениям: 1) в отечественной ЭВМ «Сетунь» реализовано троичное кодирование; 2) уже довольно много машин работает в различных непозиционных системах (вроде нашей К340А, построенной, впрочем, на бинарных элементах); 3) в проекте квантового компьютера «1» представлена сложной функцией в бесконечномерном гильбертовом пространстве.

архитектуры, – в сторону наращивания оборудования и ускорения работы посредством приема *распараллеливания*, – а) по независимым шинам данных и шинам команд (т.н. «гарвардская»²¹⁹ архитектура) и б) по буферной памяти для команд (т.н. «расширенная гарвардская архитектура»). Сразу отметим, что как эти модификации, так и «чистая» архитектура фон Неймана нисколько не затрагивают (и не помнят) именно *архитектурное* разделение вычислительных машин на машины дискретного (в цифре) и машины непрерывного (аналогового) действия. Аналоговые машины (АВМ)²²⁰, напомним, появились существенно раньше машин цифровых. Вся «архитектурность» проявилась в науке и технике только посредством выделения самостоятельного вида вычислительных машин, именно, *машин гибридных*. А новый архитектурный элемент в них единственный – это необходимые устройства сопряжения, преобразователи и синтезаторы, которые заняты переводом «цифра – сигнал» и обратно.

3. *Путь параллелизации*. По гарвардскому (можно сказать, *силовому*) направлению и стала развиваться компьютерная техника. Во всяком случае, все современные суперкомпьютеры эволюционируют посредством наращивания числа параллельно работающих процессоров (по фон Нейману – АЛУ). Мне удалось засвидетельствовать вживую (но давно, и поэтому встреча та – уже не секрет) отечественный суперкомпьютер «Эльбрус-2» с десятью процессорами, не скажу только, с каким быстродействием каждый. Сейчас любой желающий можем купить себе «железного бычка» хоть с шестью «ядрами». На дворе вообще эпоха гигантомании: в проекте создания суперкомпьютера *эксафлопсного*²²¹ класса (с быстродействием миллиард

²¹⁹ Названо по программе разработки компьютера «Марк I» под рук. Говарда Эйкена в Гарвардском университете (вторая половина 30-х гг.). Отдельное хранение команд (инструкций) и данных, разумеется, без всяких гарвардов и говардов, реализовано на машине М-100 под руководством А.И. Китова (подробнее см. «Тропа», выпуск второй, с. 24). А в нашей К340А так и «двойной гарвард»: мало того, что командная память (НК) отделена от памяти данных (НЧ), так еще заведена отдельная память для констант (НКС). Акушский & Юдицкий – о!

²²⁰ Именно аналоговыми вычислительными машинами, в свое время, был занят универсальный гений П.А. Флоренского, см.: «Физика на службе математики[е]», 1932. Поэтому ему совершенно напрасно приписывали (и до сих пор приписывают) разработку «прототипа современного компьютера».

²²¹ Не упущу случая воспеть славу др.-греческим приставкам в стандарте СИ: кило (χίλιοι, тысяча) – 10^3 ; мега (μέγας, большой) – 10^6 ; гига (γίγας, гигантский) – 10^9 ;

миллиардов, 10^{18} флопсов) потребуется уложить в систему до 10^8 ядерных процессоров и примерно столько же потоков ввода-вывода информации²²². Работа для огромного числа инженеров и ученых многих специальностей, и, надо полагать, проблемы их ожидают действительно гигантские.

4. *Другие параллели.* Предложу, однако, не как альтернативу, а скорее «в порядке бреда»²²³ еще одно направление развития в компьютерной технике. Причем, направление буквальное и лобовое: «параллельность» следует устроить *не только вовне* процессора (см. пункт выше), но и *внутри* него. Для этого придется всю логико-математическую сферу, за которую ответственно, по фон Нейману, АЛУ (а также связанная часть УУ), разделить (расчертить, разрезать, разять) на более-менее независимые, т.е. «параллельные» части, и каждую из этих N частей поручить своему исполнительному устройству. Тогда в архитектуре ДВМ вместо одного устройства – АЛУ – появится ряд из N таких устройств. Прикидочно,

$$N \geq 4.$$

5. *Архитектура ДВМ, шаг первый.* Для указанного разделения (расчерчивания) воспользуемся завоеваниями, по меньшей мере, *двух* математических теорий. Иными словами, «думать» гипотетической машине придется ближе к тому, как думают о своем предмете «чистые» математики. Первая из этих теорий, общая *теория алгебраических систем*, работает с «тройкой» или совокупностью

- а) чисел-множеств,
- б) множества функций и
- в) множества предикатов (отношений),

и, соответственно, в архитектуре ДВМ необходимо

- α) устройство чисел (УЧ)²²⁴,
- β) устройство функций (УФ)²²⁵,

тера (τέρας, чудовище) – 10^{12} ; пета (πέντε, пять, – в смысле, возвести «кило» в пятую степень) – 10^{15} ; экса (ἕξ, шесть – в том же смысле) – 10^{18} .

²²² См.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Exascale_computing. Согласно этим планам, американцы из корпораций Intel и Cray величают свой проект AURORA и обещают «дать залп» в 2021 году... А мы им запустим СПУТНИК-V.

²²³ Как любил говаривать В.Т.Радченко, наш баллистик на Чернецком Объекте, когда настаивал момент предлагать и обсуждать что-либо неочевидное, но иногда полезное или даже спасительное. Слышал такую «дефиницию» и позднее.

²²⁴ Чему в архитектуре «по фон Нейману» полный аналог – АЛУ.

²²⁵ Функции в большинстве современных ЦВМ реализованы в библиотеках программ. Исключение – специализированные цифровые автоматы.

γ) устройство предикатов (УП)²²⁶.

Вторая из теорий, *теория категорий* добавляет еще одну важную составляющую, имея дело с трансформациями объектов из названной выше «тройки», поскольку она работает с различными

г) морфизмами (или «стрелками»),

и, соответственно, в архитектуру ДВМ необходимо вводить

δ) устройство морфизмов (УМ), или «стрелок».

Число N , как вообразимый порог перехода от ЭВМ к ДВМ может, конечно, возрастать при должной subtilности наших формализаций. К примеру, при выделении области *аксиоматики* появляется, соответственно,

ε) устройство аксиом (УА),

а при особом интересе к *теории доказательств* и *правилам вывода*, –

ζ) устройство доказательств (УД).

6. *Оправдание «от языка»*. Никакой искусственности и произвольности в таком очевидном расширении архитектуры, думается, нет. Каждая из N составляющих – даже если не вспоминать о «чистой» математике и касаться только практики «вычислений» – давно уже трудится в многочисленных алгоритмических языках. Другое дело, что почти все они скромно уходят на задний план, когда состоялась трансляция с языка высокого уровня на программный (машинный) код, а уже для программной реализации вполне достаточно старинного фон-нейманова АЛУ. Мое предложение простое: пусть эти N потрудятся в непосредственном вычислительном процессе, быть им реализованными «в железе». Правда, некоторое сомнение долго оставалось относительно теории категорий. Но и здесь всё со временем встало на свои места: в конце 80-х годов появился язык программирования Hascell²²⁷, во многом построенный на этой теории. Можно сказать, что теория категорий *стала теперь, как все*²²⁸.

7. *Функциональная среда, шаг второй*. Полагаю, далее, что архитектура ДВМ должна прямо предоставлять пользователю то, что в архитектуре «по фон Нейману» совершенно наивно завуалировано: вычленили блок-схемы, в

²²⁶ Предикаты (отношения) также реализуются программно, особенно в поисковых системах и реляционных базах данных.

²²⁷ Назван в честь *Хаскела Карри* (Hascell Brooks Curry, 12.09.1900–01.09.1982), логика, оставившего большой след в метаматематике и совершившего революцию в нашем деле – он придумал *функциональное* программирование.

²²⁸ Примерно в то же время в ИК АН СССР (в Киеве) разработаны т.н. *концепторные языки*, активно использующие логику категорий и функторов; см.: *Коваль В.Н.* Концепторные языки. Доказательное проектирование. – К.: Н.д., 2001.

которых какие-то «квадратики» (те самые *черные ящички* Н. Винера) соединены какими-то отрезками прямых или ломаных линий, и только о «квадратиках» вроде бы и забота. Связи внутри этих «квадратиков», как и связи между основными устройствами, на деле, составляют особую *функциональную среду*, и эту среду необходимо специально организовывать, и ею должно управлять. Словом, в архитектуре ДВМ нужно иметь, особо выделяя и особо выделявая,

η) устройство связей (УС).

В наше время, когда на практике уже хорошо известны сетевые технологии, распределенные вычисления, интернет и neuromorphic-распознавание, это нововведение в архитектуре кажется почти трюизмом²²⁹.

Выделение связей «по отдельному ведомству» придаст ДВМ должную гибкость и, в конце концов, предоставит многие удобства управления.

8. *Подлинно гибкая среда, шаг третий.* До сих пор мы, фактически, только несколько рационализировали и уточняли прежнюю архитектуру «по фон Нейману». Теперь предстоит шаг более принципиальный, чтобы сделать упомянутую среду по-настоящему гибкой и, действительно, приблизить «машину» к умению «думать». Для этого нужно как-то изловчиться и «спроецировать» на архитектуру ДВМ принципиальную особенность или способность вида *homo sapiens*. И такую особенность нетрудно указать: это хорошо известная право- и лево-полушарность, или функциональная асимметрия головного мозга человека. Она присутствует у каждого (мыслящего и не-), а перекося или избыток в ту или иную сторону принципиально – ни много ни мало! – меняет общую картину восприятия

²²⁹ Мало задумывались об особом месте коммутаций в компьютерных структурах не только в 40-е годы. Хорошо помню себя, и свое недоумение, когда однажды (это был 1972 или 1973 год) подполковник *Липаев*, наш преподаватель по дисциплине ОПУ, основы построения устройств ЦВМ, прочел нам, завершая курс, «необязательную» – так она и была представлена, – лекцию под названием «Опыт прогноза и перспектив вычислительной техники». И почти вся лекция была посвящена... огромным числам. Лишь бегло упомянув известные оценки экспоненциального роста объемов памяти и быстродействия современных компьютеров, преподаватель стал буквально заваливать нас подсчетами, вроде количества «контактов» в интегральных схемах, да сколько транзисторов и вентилях умещается на квадратном сантиметре и т.д., и в итоге объявил искомое: *надвигается эра связей*. И даже так, художественно выразился: или мы подчиним их своим задачам, или они нас задуют, как те змеи, что оплели античных героев. Я тогда, еще раз скажу, недоумевал. И Липаеву – не очень поверил. Напрасно.

міра. Следовательно, в архитектуре ДВМ обязательно должно быть устройство, реализующее великий философский принцип *дополнительности*, а с переходом в план технологии, – трансформирующее (переключающее) режимы работы или всех устройств ДВМ, или какой-то избранной их части – *θ*) устройство картины міра (УК).

На этом эскиз предполагаемой архитектуры ДВМ можно считать относительно завершенным.

9. *Дискретное и непрерывное*. Последнее нововведение в архитектуру – вовсе не моя прихоть. В свое время, учиться работать с картиной міра, при понимании глубочайших различий правополушарного и левополушарного механизмов мышления, призывал выдающийся питерский логик С.Ю. Маслов, увы, рано умерший²³⁰. Мы просто следуем за ним.

Между прочим, он одним из первых заметил, что «в качестве реальных систем, отражающих некоторые особенности правого полушария, выступают, например, аналоговые машины»²³¹. Он же, по условиям того времени, лишь предварительно успел сформулировать основные отличия познавательных предпочтений мышления как «левого» (условно – *дискретное*) и «правого» типов (условно – *непрерывное*):

- принцип работы с информацией: локальность / глобальность,
- методология: анализ / синтез,
- комбинаторика: точный перебор / приблизительное «узнавание»,
- вид действий: последовательный / параллельный,
- получение результата: вычисление ответов / реорганизация смыслов,
- внешнее проявление: конструктивная активность / «сосредоточенное бездействие»,
- степень осознанности: практически полная / заведомо неполная,
- роль времени: разворачивание во времени, дедукция / ахронность, интуитивная вспышка²³².

Поэтому можно без особой опаски вообразить, как могло бы действовать наше устройство картины міра (УК), что называется, на местах, опираясь на «правое», или «непрерывное» предпочтение:

²³⁰ *Маслов С.Ю.* Теория дедуктивных систем и ее применения. – М.: Радио и связь, 1986. – С. 113–128; здесь специально о *попеременности* действия этих механизмов см. с. 115–117. *Сергей Юрьевич Маслов* (10.06.1939–27.07.1982) явился, напомним, пионером в изучении двойственных познавательных эвристик (прошу вернуться за справкой к Опот. 17).

²³¹ Там же. С. 119.

²³² Там же. С. 126–127. Оппозиции даю в сокращенном изложении.

множества (в УЧ) делать «размытыми», в смысле Заде, от функций (в УФ) переходить к операторам (функциям от функций), предикаты (в УП) «склеивать» в метапеременные, морфизмы (в УМ) переводить на верхние «этажи» гомоморфизмов, связям (в УС) придавать подобие сети нейронов и, наконец, саму элементную базу в устройствах перестраивать (переключать) из «цифры» в «аналог» и обратно.

Вероятно, переходы между компетенциями «правого» и «левого» следует проектировать в УК с учетом важного результата А.И. Уёмова, который обнаружил и четко сформулировал, сначала на философском, а затем и на строгом системологическом уровне, возможности переходов («обмена сущностью») в цепочке:

вещь (множество) – *свойство* – *отношение*²³³.

Осталось напомнить, что функциональная асимметрия мозга человека, имеющая значение не только для кибернетики, но играющая также ключевую роль в широком круге явлений общечеловеческой культуры, явилась основным предметом известной книги Вяч. Вс. Иванова «Чёт и нечёт. Асимметрия мозга и знаковых систем» (1978)²³⁴.

Заметим также, что глобальная оппозиция *непрерывного и дискретного* явно выходит на первый план при (заинтересованной) встрече математики и логики. Об этом весьма ярко свидетельствуют материалы выступления

²³³ Уёмов А.И. Вещи, свойства и отношения. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 184 с. (философское описание); Уёмов А.И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития // Системный анализ и научное знание. – М.: Наука, 1978. – С. 95–141 (системология).

В творческом наследии *Авенира Ивановича Уёмова* (04.04.1928–29.05.2012), ученика В.Ф. Асмуса, отыскивается немало системно-архитектурных идей. Он разработал параметрическую общую теорию систем и оставил, например, в Одесском национальном университете большую научную школу.

²³⁴ Новое издание «Нечёт и чёт. Асимметрия мозга и динамика знаковых систем» – в кн.: *Иванов Вяч. Вс.* Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 379–602. В «Предварении» к этой во многом новой работе автор особо комментирует изменения в заглавии, а также фактически констатирует *расставание* со своей давней иллюзией – сблизать мозг и компьютер (с. 381).

А.Н. Паршина (1984) при обсуждении судебных формализма и содержания знаменитой теоремы Гёделя о неполноте²³⁵.

10. *Оправдание «от жизни»*. Имея в виду архитектуру будущей ДВМ, вернее, основные свойства таковой, остается прибавить к четырем базовым принципам «по фон Нейману» еще три необходимых (но не уверен, достаточных ли) принципа:

5) *параллелизма* в функционировании и вычислениях,

6) *гибридности* ради сочетания непрерывного и дискретного,

7) *бионичности* для обязательной ориентации на природу, т.е. на естественный интеллект как на образец, вряд ли достигаемый.

Разумеется, наш эскиз – очень предварительный, ибо подан в самую крупную клетку. К тому же в аббревиатуре проекта возле буковки Д не следует забывать обязательные кавычки – только «думающая». И здесь, конечно, даже не «первый проект доклада», но лишь осторожная попытка заглянуть в будущее науки и технологии. Заглянуть и не отшатнуться. И мне теперь как-то спокойнее: dixi et animam levavi.

Сентябрь 2020

²³⁵ «Размышления над теоремой Гёделя», изложение в кн.: *Паршин А.Н.* Путь. Математика и другие миры. М.: Добросвет, 2002. – С. 85–86. Благодарю *Алексея Николаевича Паршина* за интересный обмен мнениями по затронутым в этой заметке проблемам.

К обложке. Да, это наша Тропа. Снимала Валентина Ревякова-Косимовская, по моей просьбе, днем 14 октября 2018 года, на Покров.

К с. 5. На любимой аллее. Госпожа научный сотрудник-экскурсовод в перерыве между явлениями посетителей. Сюда, к духовным сокровищам «Муранова» вела и привела её Тропа. Фотография 2015 г.

К с. 10. Педагог. Фотография 1973 г., в Московском Кремле. Детские мордашки, распахнутые глазенки, дружные повороты головок, как стрелки компасов в едином магнитном поле – всегдашняя ее стихия.

К с. 12. «Снова хочу пройти с тобой мимо Дома Пашкова»: для Тамары это была излюбленная точка в культурном пространстве Москвы. Фотография 2015 г. Прибавлю и последнюю – где мы вместе:

У Преподобного. Семейная традиция, которую заложила и держала Тамара: встречать дни рождения всегда «со смыслом». Как и здесь – 18-летие Игоря, среднего нашего внука (через месяц уйдет служить в армию как военный музыкант), отметили поездкой-паломничеством в Сергиев Посад (19.10.2019). Только что отстояли причитающуюся очередь к Преподобному Сергию, потом приложились к раке «первого российского интеллигента» Максима Грека. И вот нас вдвоем запечатлели на гульбище при Трапезной.

²³⁶ Комментирую только те изображения, о которых нет (или маловато) пояснений в основном тексте.

Через полчаса («всем табором») окажемся сначала у памятника, а затем у дома Флоренского, где неожиданно встретим игумена Андроника, только что приехавшего на автомашине. Тамара подойдет за благословением, скажет пронзительно-простые слова: «Очень пожить еще хочется, батюшка». А отец Андроник нас огорошит: только что в Академии отпевали Алика Казаряна... Тамаре оставалось чуть больше месяца жизни.

К с. 13. Первая страница моего конспекта системы команд СЦВМ КЗ40А, составлялся в декабре 1973 г.

К с. 25. Удостоверение действительного члена КПО «Лосевские беседы» № 13, рассказ о получении которого (от 10.12.1997) можно найти в заметке «Общее собрание», Приложение 2. На фото юноша в форме, кажется, капитана, а получал-то удостоверение господин (товарищ) полковник. Хорошо смешались Чернецкий, Софринский и Арбатский хронотопы.

К с. 44. «Шапка» сценария очередного «Дня программиста». Символ «наш-кот-который-гуляет-сам-по-себе» исполнен пером *Игоря Одинцова*, он служил в отделе БА и П корпуса ПРО (погиб в конце «тёмных» 90-х). В программке: «Ода Любимой» (в.п.с.) и тексты трех песен *Саши Сокольниковой* «Гимн чернецких программистов», «Незабвенный “Дунай-ЗУ”», «Дунайский вальс», – подспорье для воплощения в составе орор (хорологически).

К с. 47. *Не громоздкая, но сложная система.* На фоне антенного полотна приемной позиции СРЛС «Дунай-ЗУ», – в.п.с. Это единственное фото «рядом с Любимой» (09.12.2017, День программиста).

К с. 54. *Позади вершины творчества, впереди открытие парадоксов.* Георг Кантор, 1894 (Universitätsarchiv Halle-Wittenberg).

К с. 60. Ю.А. Гастев, время около защиты диссертации «Изоморфизм и гомоморфизм как логико-гносеологические категории» (январь 1971). Фото из моего архива.

К с. 77. Конец записи на докладе А.Ф. Лосева (21.11.1983), из моего блокнота. На странице слева: *«Да, рабовладение...» – страшная, трагическая диалектика. Да и так ли уж это необычно? А наши розы? На навозе... Вы не удивляетесь? Тов., я кончил, я кончил.* Запись на странице справа: *К трибуне не пошел, не встал, рядом с А.А. Энергично, с периодами повтор, повторы – приборматывает, интонации с уходом иногда в фальцет, живость («Вы принижаете-а-ете...»), только фраза – на латыни, и ту перевёл; а как просты примеры – даром ли у Л. так много о моделях (в маленький «Белый зал» набилось человек 300).*

К с. 81. Четырёхгранная усеченная пирамида (размер грани по высоте 33 метра, ширина грани у земли 130 метров): = многофункциональная радиолокационная станция «Дон–2Н», под благой сенью которой составлен данный «Диалог». Фотографию заимствую с сайта ветеранов Полигона <http://veteran.priozersk.com/sites/default/files...jpg>. Первое название рукописи было: «Заметки о сложном (видеть – предвидеть – действовать)».

К с. 96. В публикации статьи этой иллюстрации не было, прибавляю ее для «Тропы». Подробнее см. «Поводы и случаи» (2016), с. 327–328:

ФОНД 606, ОПИСЬ 1, ДЕЛО 297

Почти, действительно, случайно, но также, замечу, и вовремя и впазд извлёк эти тридцать листков писчей бумаги из московского собрания Архива РАН. Рукопись Н.Н. Лузина «Размышления для чтения лекций». Обнаружил этот поразительный документ на вечере памяти академика Лузина, 12 марта, в «Доме А.Ф. Лосева». Поразило же меня, сколь храбро и тщательно готовился большой учёный, – нет, не обрушивать на учебную аудиторию готовые знания и добытые им результаты, не достижения и победы предьявлять, но как обдумывал и торопил он свою, да, капитуляцию перед громадой *terra incognita* избранного предмета, здесь – проблемы теории функций комплексного переменного. Твердил о «размерах нашего невежества» и на каждом шагу плана лекций методично-веско расставлял зарубки-вехи-раны: «не знаю!», «точно – не знаю», «не знаю, непонятно», «не игрушка, величайшая тайна». Рукопись относится, похоже, к концу 1930-х годов. Возможно, и «дело Лузина» уже разразилось-прогремело тогда, и прежние ученики покинули, предали своего непревзойдённого учителя. Но как она отчётливо передаёт уникальную атмосферу творчества и поиска, питавшую и взрастившую, как мы знаем, целую «Лузитанию» двумя десятками лет ранее. И ещё – рисует облик самого Н.Н. Лузина, математика, подлинного философа, подлинного мыслителя из рода-племени Сократова

Вот тебе, брат, задача.

Вот – ты покрепче – проблема.

Ждёт ли попутно удача, нет ли –

не здесь дилемма.

Тайна – онтологична.

Тайне открой-ка дверцу,

ей прими лично ...

И – не смутится

сердце!

Читаем характерное на л. 27 рукописи Лузина:

«... отсюда ничего не получилось. Значит, теорема *Lagrange* очень глубока и не берётся поверхностной аналогией. Но не должно быть стыдно: “*Μὴ ταρασσέσθω ὑμῶν ἡ καρδία*” (*Κατὰ Ἰωάννην*, 14. <1>»).

К с. 99. Памятник А.Ф. Лосеву на арбатском двореке. Фоторабота Елены Виноградовой, снято с третьего этажа, из Лосевского зала.

К с. 108. Автограф Ю.М. Лотмана на отдельном оттиске из «Трудов по знаковым системам – X» (Тарту, 1978), здесь содержится статья «Феномен культуры» (очень интересная). Вложение в письмо от 6.12.1979.

К с. 189. Могилы А.Ф. Лосева и В.М. Лосевой на Ваганьковском кладбище. Фотография выполнена Еленой Виноградовой, 24.05.2006.

К с. 199. Моя заметка об «Улиссе» Джойса в «Опытах» (март 1993). Воспроизвожу рукопись, чтобы передать *саму собой возникшую* странную (острым углом вправо) конфигурацию «особых точек», заключающих «эпизоды» этой заметки. У Джойса подобная точка применена только однажды, в конце 17-го эпизода («Итака»), она зачем-то отсылала у него, возможно, к древне-египетскому символизму.

К с. 205. *Философ на Беломорканале, или Воспоминание о Николае Кузанском.* Начало рукописи «О форме бесконечности» (плотно исписанные и вчетверо сложенные листки бумаги), которую А.Ф. Лосев составил в лагере, на Медвежке, об этом недвусмысленно говорят датировки: 31 июля – 2 августа 1932. В дальнейшем текст вошел в «Диалектические основы математики», § 98 книги. См. также примечание в заметке «Месторождение бесконечности» в Приложении 2.

К с. 211. Автограф А.М. Горького на машинописи статьи «О борьбе с природой» (1931). Ксерокопия с архивной единицы (ИМЛИ, Архив А.М. Горького, ПСГ 2-18-1, л. 4, получил 20.04.1995) стоила кучу денег. Но все равно умудрились, по небрежности, обрезать часть вставки, сделанной рукой классика (ее-то я как раз и предполагал, и нашёл): «Только идиот будет оценивать зависть к “духовному” как порок». Идиот – это в адрес Алексея Федоровича сказано, который на момент правки этой славной корректуры уже осваивал просторы ГУЛАГа.

К с. 227. «МАТЕРИАЛ о рукописи ЛОСЕВА А.Ф. “ДОПОЛНЕНИЯ К ДИАЛЕКТИКЕ МИФА”» (1930), последняя страница машинописи с подписью (жирный красный карандаш) М.А. Герасимовой. Взято с сайта

аукционного дома «Литфонд», продажа документа состоялась в августе 2016 г. (аукцион № 23, лот 190) за 100 000 руб.

К с. 239. Автограф смоленской поэтессы *В.А. Ивановой* (1935–2014), отрывок из большого стихотворения, посвященного Марье Васильевне и Ивану Трифоновичу. Надпись сотворена Верой Анатольевной (по моей просьбе) на последней странице книги «Родина и чужбина».

К с. 241. Автограф *И.Т. Твардовского*, получен по ходу нашего первого приезда к нему в Загорье (май 1997). Мы дружили, переписывались и еще несколько раз встречались «на хуторе».

К с. 245. Автограф *А.А. Тахо-Годи* (от 26.08.1997) на первом издании книги «Лосев» (М., 1997). Сохранилась большая дневниковая запись «Награда герою» того же дня, но воспроизводить ее – не нахожу места.

К с. 253. Начало и конец рукописи *В.Н. Щелкачева*, статья о Лосеве (15.12.1998), которую он передал мне для перепечатки, а потом и подарил. Текст опубликован в сборнике Лосевских чтений «Образ мира – структура и целое» (М., 1999). Как пояснял Владимир Николаевич, знак интеграла в его подписи появился не потому, что он окончил мехмат МГУ, а после того, как для него стало очевидным, что наука и вера – совместны.

К с. 258. Автограф *Павла Васильевича Флоренского* (р. 7.06.1936), внука П.А. Флоренского, на томе лагерных писем, издаваемых тогда в «Мысли» (28.01.1999). Внук потратил массу времени и недюжинной своей энергии на издание, прежде всего, эпистолярия своего великого деда.

К с. 261. Первая страница «прощального» письма А.Ф. Лосева к А.А. Мейеру (ксерокопия, сделана мною в «Мемориале», СПб.). Помню, бережно держал в руках листочки, и плакать тянуло...

К с. 263. Автограф *Ю.А. Шрейдера* (19.03.1998) на книге «Этика» (М., 1998), последней большой работе моего Старшего Друга.

К с. 269. За «прочтением» лабиринта. Фотография на Б. Заяцком острове Соловецкого архипелага (15.08.1998), спереди первая каменная выкладка из большого конгломерата лабиринтов и сейтов острова. У горизонта – панорама архипелага и деревянный храм (по Петрову приказу срубленный, почти Обыденный, завершение 30.08.1702) во имя св. Андрея Первозванного. Загадка лабиринта надолго стала моей темой-занозой.

К с. 270. Первая страница трактата *Д. Валлиса* «О конических сечениях» (1655). Скан с сайта Баварской Библиотеки, г. Мюнхен.

К с. 275. Фрагмент страницы из статьи *Л. Эйлера* «Различные наблюдения о бесконечных рядах» (1744). Копия с сайта швейцарского Архива Леонарда Эйлера.

К с. 279. *Месторождение бесконечности.* Фотография мемориальной доски на стене доме по адресу: СПб., 11-я линия ВО, д. 24. Съемка от марта 2013 г., со стороны внутреннего двора, уровень второго этажа. Надпись:

В этом доме родился и жил с 1843 по 1857 год великий математик создатель теории множеств Георг Кантор.

Прошу прощения за капли воды на объективе: вечно мокрый Питер не может не присутствовать.

К с. 285. Здесь, на рисунке со стр. 128 трактата *В.Л. Некрасова* «Строение и мера линейных точечных областей» (1907), – выразимся в наших терминах – структура «двусторонняя бесконечность» модулирована «двусторонней бесконечностью» же, или, по Некрасову, $(*\omega + \omega)^2$.

К с. 286. Рис. 26 на стр. 28 трактата *Альбрехта Дюрера* «Руководство к измерению с помощью циркуля и линейки» (1525). Копия взята на сайте <https://de.wikisource.org>.

К с. 288. Дельфийская монета из каталога «Numismatic commentary on Pausanias» (X XII). Между колонн висит «Е», по кругу надпись ΔΕΛΦΩΝ, первые две буквы сильно стерты.

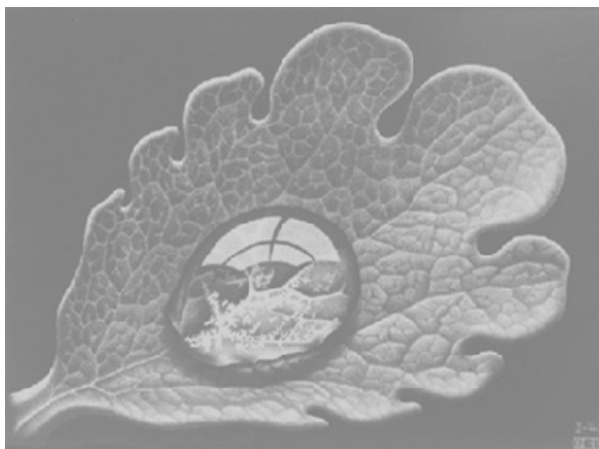
К с. 290, 291. Прорисовки минойских и микенских печатей (гемм) с портала Arachne Кёльнского университета: <https://arachne.uni-koeln.de/browser/index.php?view%5blayout%5d=siegel>. Блаженно бродил среди этих сокровищ несколько дней кряду, онлайн. Это блуждание, во многом, спасло меня от тоски и печали.

К стр. 310. Моя подпись, или «аватарка». Продолжаю для личных и локальных нужд пользоваться шедевром *Маурица Эшера* «Росинка», 1948 (а та исправно продолжает отражать весь мир). Взята с сайта картин художника.

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Наш хронотоп.....	Вып. 1
II. Думать и делать.....	Вып. 1
III. Информация и время.....	Вып. 2
IV. Форма числа.....	Вып. 2
V. Символизм.....	13
VI. Сложные системы.....	44
VII. Русская философия.....	Вып. 4
Приложение 1. Статьи и публикации.....	71
Приложение 2. Послания, дневники, письма	100
Комментарии к изображениям.....	303

Виктор Троицкий

**ТРОПА И ПУТЬ.
ИЗ ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ И ИДЕЙ**

Книга выходит в авторской редакции
Отпечатано с готового оригинал-макета автора

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29–33, стр. 27, ком. 105
Тел.: (495) 973–72–28, 665–34–36
Подписано в печать 11.09.2020. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 19,375. Тираж 120 экз. Заказ 628.
Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»